

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИКИ В ПОИСКАХ НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
З.А. ЧЕКАНЦЕВОЙ

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

Е.А. ВИШЛЕНКОВА, О.В. ВОРОБЬЕВА, З.С. ГАТИНА
А.Н. ДМИТРИЕВ, И.Н. ИОНОВ, О.Б. ЛЕОНТЬЕВА
И.В. НАРСКИЙ, Л.П. РЕПИНА, И.М. САВЕЛЬЕВА
Л.Р. ХУТ, З.А. ЧЕКАНЦЕВА

СЕРИЯ
ИСТОРИЯ ИСТОРИИ • ШАГ В XXI ВЕК

I

УДК 93 / 94
ББК 63.3
И 90

*Исследование выполнено и опубликовано при финансовой поддержке
РГНФ / РФФИ (Проект №14–01–00418а)*

Рецензенты

*Доктор исторических наук Ю.Е. Арнаутова
Доктор исторических наук, профессор В.П. Корзун*

ИСТОРИКИ В ПОИСКАХ НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ. Коллективная монография / Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. — 416 с. (История истории. Шаг в XXI век [Т. I] / Отв. ред. серии — З.А. Чеканцева, М.С. Петрова).

На пороге третьего тысячелетия история и как процесс и как наука переживает трудные времена. Что делают в этих условиях историки? Как они понимают свое ремесло и профессию? Как пишется история в России? Какие способы постижения «прошлого» используют историки? Каким образом связаны теория и практика в ремесле историка? Что может современный историк предложить обществу? На эти и другие вопросы читатель найдет ответы в этой коллективной монографии.

HISTORIANS IN SEARCH OF NEW PERSPECTIVES. Collective monograph / Ed. by Zinaida Chekantseva. M.: Aquilon, 2019. — 416 p. (The History of History. Step into 21st Century [Vol. I] / Eds. Z.A. Chekantseva, M.S Petrova).

On the threshold of the third millennium, history both as a process and as a science is going through difficult times. What do historians do under these circumstances? How do they understand their craft and profession? How is History written in Russia? What are the ways in which historians comprehend the 'past'? How do theory and practice relate in the craft of the historian? What can a modern historian offer to society? The reader will find answers to these and other questions in this collective monograph.

ISBN 978–5–906578–47–1

Научное издание

А К В И Л О Н

© З.А.Чеканцева, общая редакция, составление 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Институт всеобщей истории РАН, 2019
© Издательство «Аквилон», 2019

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается*

ИСТОРИЯ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

МЕЖДУ ЭПИСТЕМОЛОГИЕЙ
И СОЦИАЛЬНЫМ ЗАКАЗОМ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ОСНОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В XX веке историческое познание развивалось необычайно динамично. Природу такой динамичности специалисты объясняют активным взаимодействием истории и историков с антропологией, социологией и другими научными дисциплинами, а также с философией, историей науки и т.п. В результате этих контактов историописание стало к концу века важнейшей составной частью гуманитарного дискурса. Не удивительно, что сегодня история осмысливается в тесной связи с гуманитарными и социальными науками.

Современная интеллектуальная жизнь отличается от интеллектуальной жизни начала XX века тем, что в социальных науках в конце прошлого века стали называть *поворотами*. Перечень таких когнитивных поворотов (антропологический, лингвистический, социологический, прагматический, пространственный, культурный, исторический, визуальный, материальный, рефлексивный и другие) стремительно пополняется и уже вызывает беспокойство в научной среде, поскольку быстро увеличивающийся поток информации не позволяет адекватно воспринимать новации¹. Тем не ме-

¹ AHR Forum, dossier «Historiographic ‘Turns’ in Critical Perspective» // The American Historical Review 117 / 3 (2012). P. 698-813.

нее, их наличие и концептуальное осмысление в гуманитарии в целом, и в историографии в особенности стало важным средством обновления, как исторического мышления, так и исследовательской практики историков².

Информатизация и глобализация прочно вошли в нашу жизнь, изменив повседневность, экономику, политику, культуру. В последние два десятилетия глубокие трансформации произошли в социальных науках. Задача переопределения их роли становится все более актуальной, ибо именно эти науки призваны разобраться в многоплановых изменениях стремительно преобразующегося мира. В 2010 г. международный коллоквиум, обсудив состояние социологии, истории, географии, антропологии и политологии, констатировал необходимость реорганизации социальных наук в условиях явного «сопротивления локального и хрупкости глобального сознания»³.

Такая задача ставится не впервые. В 1996 г. комиссия ученых во главе с И. Валлерстайном проанализировала новые тенденции в социальных науках и в специальном манифесте призвала переосмыслить отношения между наукой и социумом⁴. Содержательные составляющие этого обновления: проблематизация границ между человеком и природой; восстановление в правах времени и пространства как переменных составляющих аналитического инструментария социальных наук; учет историчности явлений и перенос акцента на их сложность, темпоральность и нестабильность; пересмотр базовых дихотомий социальных наук: единичное / общее, универсальное / особенное, индивидуальное / коллективное, микро / макро; интернационализация науки; преодоление государствоцентричного характера социальных наук и проблематизация естественности государства, длительное время считавшегося главным распорядителем границ, в рамках которых разворачивается действие и его анализ; смягчение демаркаций, установленных в XIX ве-

² См. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Круг. 2011; Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012.

³ *Caillé A., Dufoix S. (dir.) Le tournant global des sciences sociales.* Paris: La Découverte, 2013.

⁴ Ouvrir les sciences sociales. Rapport de la Commission Gulbenkian pour la restructuration des sciences sociales, présidée par Immanuel Wallerstein. 1996. — <http://www.uqac.ca/jmt-sociologue> (ноябрь, 2017).

ке между экономическим, политическим и социальным, в пользу полидисциплинарных подходов.

Речь идет, по сути, о пересмотре эпистемологических основ социогуманитарного знания, выводящем на первый план двойное требование: плюрализма и открытости. За прошедшее время многое в этом диагнозе подтвердилось, и сегодня можно говорить о развитии социальных наук в духе «плюралистической универсальности», позволяющей учитывать концептуализации, родившиеся в разных национальных традициях и в соответствии с различными методологическими установками. При этом имеется в виду универсальность нового типа, при которой не только «части входят в целое, но и целое в части» (Э. Морен). Стержнем всех без исключения дисциплин является более внимательное отношение к темпоральным и пространственным измерениям исследуемых явлений и процессов. Мир, находящийся «в пункте системной бифуркации» (И. Валлерстайн) и новом «режиме историчности» (Ф. Артог), заново формулирует проблематику социального изменения, отдавая предпочтение не столько генезису, сколько становлению. Более тесными стали отношения между историей и другими социальными и гуманитарными науками. Междисциплинарные исследования — уже не только научная мода, но весьма результативный подход к решению исследовательской задачи. Явно уходит в прошлое недооценка связей с философией. В условиях рефлексивного поворота в социальных науках и кризиса нормативной классической эпистемологии интенсивно развивается в последние годы прагматически ориентированная, тесно связанная с историографией историческая эпистемология.

При этом становится ясно, что сегодня недостаточно размышлять лишь о влиянии постмодернизма и постструктурализма. Трансформации в сфере познания глубже и основательнее. Не случайно в XXI в. много говорят о пост-постмодернизме. Однако, последний тоже вызывает вопросы, ибо предполагает линейное понимание времени и недооценку понятия «современность». Впрочем, уже в начале третьего тысячелетия С. Бойм, размышляя о ностальгии, предложила для выражения «невостребованного потенциала современности» отказаться от модных, но не слишком продуктивных приставок «пост-», «анти-», «нео-» и т.д., и использовать емкий потенциал английского предлога off (of), предпола-

гающего одновременно «принадлежность и критическое отстранение проекта современности»⁵.

Синтагма «историческая эпистемология» в последние два десятилетия чрезвычайно популярна в междисциплинарном пространстве международной философии и науки. Уже ее многозначность — свидетельство непростых взаимоотношений эпистемологии и истории. Достаточно сказать, что в разных языках есть различия в наполнении базового термина *эпистемология*. Так, если в англоязычном мире он используется для обозначения специального раздела философии — теории познания, то франкофоны скорее имеют в виду исследование научных теорий. Оба значения этимологически оправданы, потому что греческое слово *épistēmē* — антоним слова «докса» (мнение) — можно перевести и как «наука», и как «знание» (*savoir*). Согласовывая оба значения, говорят об эпистемологии как о теории научного познания. У Пьера Бурдьё есть также «простое определение эпистемологии». Он считал, что это то, что делают ученые, когда думают, что занимаются наукой⁶.

Еще Эрнст Кассирер рассматривал науку как символическую форму, понимание которой предполагает ее включение в историю культуры. Историчность науки приглашает философа интересоваться историей и практикой науки. Эти два требования — важная составляющая современной исторической эпистемологии как философской дисциплины. Однако эпистемология истории, практикуемая философами, и эпистемология историка — это, по словам Поля Рикера, «два мира очень разных дискурсов». Впрочем, в философии нового тысячелетия на смену классической эпистемологии идет неклассическая, формируются разные варианты культурно-исторической эпистемологии, в которой познавательная норма предстает не как стандарт, а как инструмент познания, обретающий смысл только в ходе конкретного исследования, где ученый использует ее лишь как ориентир. Многие философы полагают, что ученые не нуждаются в «абстрактной методологии, которая выполняла бы полицейские функции по отношению к науке».

Самоопределение и легитимация второго мира происходят на наших глазах. Современные ученые, в том числе представители

⁵ Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас 89 / 3 (2013).

⁶ Бурдьё П. За социологию социологов // Пространство и время в современной социологической теории / Отв. ред. Ю.Л. Качанов. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. С. 5-10.

социальных и гуманитарных наук, не отрицая философский характер эпистемологии как дисциплины, стремятся осмыслить содержание эпистемологического усилия в науке не как носителя внешних, привнесенных из философии предписывающих правил исследования, но как аналитическую деятельность исследователя-специалиста. Поиск эпистемологических решений становится делом не философа, но ученого. При этом на первый план выходит вопрос не о том, что такое «историческая эпистемология», но то «как она возможна», кто и с какой целью ее использует.

В социальных и гуманитарных науках активно идет поиск гибких и динамичных исследовательских подходов, способных объединить эмпирические и рефлексивные аспекты в исследовательской деятельности. В русле таких подходов теоретические поиски невозможно вести отдельно от практического исследования. Объект изучения и рефлексия ученого неразрывно взаимосвязаны и переопределяются в терминах «сложного мышления»⁷. При таком понимании «теория», исследовательский инструментарий ученого, предстает как «ящик с инструментами» (метафора Л. Витгенштейна), который создается самим исследователем в каждой конкретной ситуации, по сути, «заново». Как свидетельствуют многочисленные конкретно-исторические исследования последнего десятилетия в разных странах мира, такая стратегия позволяет открывать новые исследовательские поля и получать принципиально новое знание. Это не значит, что отрицаются знания, накопленные в разных национальных традициях или роль государства и социума. Напротив, интерес к контекстам когнитивной деятельности постоянно возрастает и само понимание таких контекстов тоже изменилось. Но акцент переносится на креативность ученого или группы ученых, на их практическую деятельность по производству нового знания о реалиях прошлого и настоящего. Приоритетное значение в историописании приобретают способы производства исторического знания, осмысление роли историка в этом процессе, анализ того, как он работает, посредством каких процедур, исследовательских стратегий и практик достигается научный результат. Эти перемены в международной науке связывают, прежде всего, с изменением режима историчности и пробуждением памяти, породившей конкуренцию между историей и памятью, академической

⁷ *Morin E. La complexité humaine. Paris: Flammarion, 1998.*

историей и мемориальной историей социальных групп, а также с переопределением базовых познавательных концептов: время, пространство, опыт, социум, социальное, причинность и прочее.

История наделена великой преобразующей силой, поскольку способна удивлять и проблематизировать то, что представляется хорошо известным и понятным. Природу такой способности определяет не только онтология исторического процесса, но и критическая составляющая исторического мышления, оправдывающая понимание истории как «царицы наук». «История, становящаяся историей лишь в ходе и по мере ее познания, разумеется, сильнее зависит от человека, чем история, которая, совершаясь, настигает человека как уготованная ему судьба. И лишь новое теоретическое понятие открывает перед человеком поле деятельности, где он встает перед необходимостью предвидеть историю, планировать ее, «производить» (*hervorbringen*, по Шеллингу) и, наконец, «делать» (*machen*)», — писал Р. Козеллек⁸. *Историческое* как интегральная часть мышления было изобретено сравнительно недавно, в эпоху Ренессанса. Это изобретение стало результатом длительного интеллектуального развития в контексте меняющихся условий человеческого существования. Но лишь после интенсивных перемен рубежа XVIII–XIX вв. *историческое* стало восприниматься как неотъемлемая составляющая всякой мысли.

Р. Козеллек, вводя в науку макроаналитические категории «пространство опыта» и «горизонт ожидания», стремился показать условия возможности *исторического* как явления. Его идеи способствовали антропологизации истории, поскольку «нет такой истории, которая бы не конституировалась посредством опыта и ожиданий действующих и переживающих людей»⁹. Важным вкладом в понимание исторического стала синтагма *режим историчности*¹⁰, а также реабилитация табуированного в историописании

⁸ Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени» // Отечественные записки 5 (2004); Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти 2 [Том 28] (2016). С. 149–173.

⁹ Козеллек Р. Там же.

¹⁰ Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003; Fritzsche P. Stranded in the Present: Modern Time and the Melancholy of History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

*анахронизма*¹¹. В начале XXI века историография, опираясь на исследовательский опыт антропологически ориентированной истории и когнитивные повороты рубежа веков, возвращается к этим категориям для историзации концепта *время*.

Вопрос об историческом времени и его содержании приобрел новое дыхание лишь в конце 1980-х годов, когда историки одновременно с физиками «переоткрыли» время. В современных дискуссиях о характере и формах исторической динамики время предстает не как нейтральный медиум в работе историка с исторической информацией, но как деятельный актер, связанный с этикой и политикой. Кто знает, куда идет время? Откуда приходит прошлое? Кто и с какой целью устанавливает границы между прошлым, настоящим и будущим? Как соотносятся «порядок времени» и трансформация исторической реальности? Какова роль режима историчности в национальной истории? Как историческое время присутствует в моделях универсальной мировой истории и в новых разновидностях истории глобальной? Эти и другие вопросы в очередной раз актуализировали проблему неизбежной политической ангажированности исторического познания. Высказываются суждения о том, что мы находимся в преддверии «принципиально нового понимания связей исторического и политического»¹². Исследуя взаимоотношения истории и памяти, роль различных форм коллективной памяти, историки проявляют озабоченность по поводу современного статуса прошлого и отношений между прошлым и будущим. Активно обсуждается понятие исторической дистанции как обязательного в «объективном» историческом исследовании разрыва между прошлым и настоящим. А также перформативный характер установления границ между базовыми темпоральными модусами. «Как стирается граница между реальным миром и искусством в современном художественном творчестве, — пишет Ф. Анкерсмит, — так же стирается граница между прошлым и настоящим благодаря последним революциям, произошедшим в историописании. В отличие от не-

¹¹ *Rancière J.* Le concept d'anachronisme et la vérité de l'historien // *L'Inactuel*. N 6 (Automne, 1996). P. 53-68; *Loraux N.* Éloge de l'anachronisme en histoire // *Le genre humain*. N°27 (1993). P. 23-39; *Олейников А.* Откуда берётся прошлое? (Апология анахронизма) // *Новое литературное обозрение* 2 [126] (2014).

¹² *Osborn P.* The Politics of time: Modernity and Avant-Garde. London: Verso. 1995.

давнего времени, сегодняшний исторический объект характеризуется неуловимостью и прозрачностью, делающими проблематичным разграничение прошлого и настоящего»¹³. Осмысление проблематики исторического времени сегодня представляется как поиск необходимого для историографической практики третьего пути между объективизмом и релятивизмом. К. Лоренц называет это «внутренним реализмом». Получается, что осмысление историчности времени привело к потребности переопределить историчность истории¹⁴.

Понятие *режим историчности* в науку ввел Ф. Артог, учитывая идеи Р. Козеллека, К. Леви-Стросса и М. Салинза¹⁵. Эта синтагма, по мысли историка, означает «манеру использования социумом своих социальных рамок для производства установок, с помощью которых прошлое оказывает на него влияние», то, каким образом общество свое прошлое «поддерживает, хоронит, реконструирует, конституирует, мобилизует»¹⁶. Через десять лет, Ф. Артог представил режим историчности как способ сочленения основных модусов времени — прошлого, настоящего и будущего, подчеркивая, что это не данность, но эвристический инструмент¹⁷.

Классический режим историчности воплощен в традиционной модели истории, названной Цицероном *magistra vitae*. В этой модели главную роль в концепте *время* играет прошлое. Именно оно освещает настоящее, являясь для него поставщиком примеров в практической деятельности. Второй режим историчности появился

¹³ Анкерсмит Ф.Р. История и топология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцевой и др. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. С. 264.

¹⁴ *Bevernage B., Lorenz Ch., Breaking up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future // History of Historiography. International Review 1 / 63 (2013). P. 31-50.*

¹⁵ *Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003; Points, 2012; Escudier A. «Temporalisation» et modernité politique: penser avec Koselleck // Annales. Histoire, Sciences Sociales 6 / 64e année (2009). P. 1269-1301.*

¹⁶ Цит. по: *Hartog F. et Lenclud G. Régimes d'historicité // Dutu A. et Norbert Dodille N. (dir.). L'État des lieux en sciences sociales. Paris: L'Harmattan, 1993. P. 18-38. P. 29.*

¹⁷ *Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003; Hartog F. Evidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. Paris: Editions de l'ENESS, 2005.*

в эпоху Просвещения и постепенно утвердился в XIX в. в качестве доминирующего. Это финалистская или футуристическая модель истории, которая предстает как телеологический процесс. Прошлое в таком режиме историчности — это основа настоящего на пути к лучшему будущему (прогресс), свет которого позволяет понять прошлое и настоящее.

Сегодня мы живем в эпоху презентизма: людей интересует главным образом настоящее. Заметное увеличение доли исследований недавней истории — явное тому свидетельство. Уже в 1980-е годы стало ясно, что «настоящее, находясь между угнетающей непредсказуемостью бесконечной открытостью будущего, лишенного перспективы, и громоздкой множественностью возвращаемого в своей непрозрачности прошлого, стало категорией нашего понимания самих себя. Но растягивающееся настоящее, где изменение стало постоянным, схватывается только через помеченное шармом прошлое и его новые тайны. Это прошлое, более чем когда-либо склонное к сокрытию секретов, — не только наша «история», но и наша «идентичность» (П. Нора). В условиях презентизма будущее оказывается не просто туманным, но опасным. Это влияет на восприятие прошлого, которое необычайно интересует публику, но как бы замыкается на самом себе. Его поглощает расширенное «дезориентированное» настоящее. История не пишется больше с точки зрения прошлого или будущего, но с точки зрения настоящего, лишенного какого-либо «горизонта ожидания». Прошлое поэтому предстает как «ускользающее настоящее» (Ф. Артор).

В XXI веке престиж истории как науки явно снижается¹⁸. Термин «прошлое» стал более важным, чем термин «история». «Повсюду только прошлое, — пишет П. Нора, — истории больше нет нигде. История, т.е. организация прошлого в единый ансамбль, включение его в рассказ, динамичное выявление (*rassemblement*) его смысла, спорного в своей направленности, но бесспорного в наличии, такая история явно уходит на второй план; и это удаление особенно ясно ощущается в образовании»¹⁹. Образно и точно

¹⁸ См., напр.: *Prochasson C. L'Empire des émotions. Les historiens dans la mêlée*. Paris: Demopolis, 2008.

¹⁹ *Nora P. Présentation. Le Débat 5 / 177 (2013). P. 3. — <http://le-debat.gallimard.fr/numero/2013-5-novembre-decembre-2013> (ноябрь, 2017);*

характеризует ситуацию Ф. Артог: современная история / историография стремительно меняется в сопровождении «квартета в составе памяти, коммеморации, наследия и идентичности, а также тех, кто им аккомпанирует. В роли руководителя оркестра выступает наше настоящее»²⁰.

Историческая наука «становится бедной родственницей когнитивных наук», считает П. Нора. Ее вытесняет «прошлое», которое сегодня ассоциируется не с дисциплинарным историческим знанием, а с памятью. Иными словами, если в эпоху классического познания история понималась как наука о «прошлом», то сегодня людей интересует только само это «прошлое», которое историки не могут объяснить. Они могут лишь показать, как репрезентации о прошлом формируются в настоящем. В этой связи уже несколько десятилетий обсуждается идентичность современного историка, эпистемологическое содержание исторического знания и состояние исторического образования. Один из главных диагнозов историков, размышляющих о состоянии современного исторического познания, заключается в том, что на исходе прошлого века утратила свою убедительность и силу самая известная модель истории — футуристическая и телеологическая. Формируется новая модель истории, стремящаяся вобрать в себя всю сложность мира. Решающая роль в разработке такой модели, как и во все времена, принадлежит историкам.

ИСТОРИЯ ИСТОРИКОВ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Историческое знание, занимающее особое место в истории науки, имеет во всем мире длительные и своеобразные национальные традиции. Однако уже несколько десятилетий активно идет процесс интернационализации научных практик, нивелирующий различия. Сегодня едва ли найдется историк, который не согласится с тем, что «историография — это то, что делают историки». Более того, историки с их индивидуальным опытом сами являются

См. также: *Roussio H.* La hantise du passé: entretien avec Ph. Petit. Paris: Textuel, 1998; *Nora P.* Présent, nation, mémoire. Paris: Gallimard, 2011.

²⁰ *Hartog F.* Le présent de l'historien // *Le Débat* 1 / 158 (2010). P. 18-31. — <http://www.cairn.info/revue-le-debat-2010-1-page-18.htm> (ноябрь, 2017).

носителями уникальной исторической информации. Поэтому введенное французами словосочетание «история историков» хорошо выражает антропологическую составляющую профессии историка.

Работая в русле сциентистской исторической науки, историки изучали прошлое, подавляя свою субъективность. «Троянский конь субъективизма» (Л. Февр) был внесен в историческое познание вместе с идеей о том, что исторический объект конструируется. Однако аргументированная реабилитация историка как познающего субъекта состоялась лишь в последней трети прошлого века. В конце 1970-х Пьер Нора предложил историкам поучаствовать в проекте самоописания, который был реализован в виде нового для Франции жанра эго-истории²¹. Нора убедил историков в необходимости порвать с законом среды, в которой молчание о себе было нормой, и опробовать на себе методы и подходы, применяемые при изучении других. В процессе реализации этого проекта, связанного, как ясно теперь, с апробацией идеи «мест памяти», «родился» другой историк, который в отличие от своих предшественников признает наличие «тесной, персональной связи с объектом изучения», сделав из этого не препятствие, а еще одно средство для понимания. Этот новый персонаж, полагает П. Нора «уже больше не человек, наделенный памятью, но «место памяти»... главный инструмент метаболизма историографической операции, в ходе которой рождается историческое знание»²².

В контексте философских размышлений и эпистемологических поисков этот проект вписывался в процесс «возвращения субъекта» в познании. Но он был подготовлен устной историей²³, пришедшей во Францию из США с некоторым опозданием, и размышлениями французских интеллектуалов. О том, что история неотделима от историка, задолго до проекта Нора говорил, например, критикующий историческое познание Поль Валери, а также Анри-Ирене Марру, показавший, что сам он — продукт живой истории²⁴. Семантическая многозначность слова «история» предполагает ситуацию близости между научной операцией и реально-

²¹ *Nora P. dir. Essais d'ego-histoire. Paris: Gallimard, 1987.*

²² *Nora P. Entre histoire et mémoire // Les Lieux de mémoire. T. 1. Paris: Gallimard, 1984. P. XXXIII-IV.*

²³ *Joutard Ph. Ces voix qui nous viennent du passé. Paris, 1983.*

²⁴ *Marrou H.-I. De la connaissance historique. Paris: Seuil, 1954.*

стью, на которую она направлена. Историческое познание не может полностью отделить свою практику от того, что изучается в качестве «объекта»²⁵. В русле эгоистории историк сам стал историческим объектом: история создает историка, а тот, посвятив свою жизнь своему ремеслу, одновременно пишет историю, делая добытое знание о ней доступным для всех. Включение в исследовательский процесс субъектности историка было очередной «коперниканской революцией» в историописании (Раймон Арон), которая имела очень существенные последствия: рефлексия о собственной практике стимулирует развитие рефлексии как нормы профессии, а эпистемологически ориентированная историография становится важнейшей составляющей не только интеллектуальной истории, но исторической науки как основы культуры.

В последние десятилетия наряду с «историей историков» все большее значение приобретает «история истории». Это сравнительно новый тип исторического знания, учитывающий не только исторические явления, но и их репрезентации в социуме, а значит и мемориальную слоистость объекта изучения²⁶. К. Помьян еще в середине 1970-х годов писал о том, что время традиционной истории историографии, равнодушной к когнитивной составляющей исторического познания, прошло: «Сегодня мы нуждаемся в *истории истории*, которая сделала бы центром своих исследований взаимодействие между познанием, идеологиями, письмом, короче, различные и дисгармоничные аспекты работы историка. Это такая история, которая смогла бы перекинуть мост между историей наук, историей философии и литературы, а, возможно, и искусства. Точнее, между историей познания и историей различных способов его производства»²⁷. В этой историографии важное место занимает не только анализ и обобщение результатов изучения прошлого, но прежде всего осмысление исследовательской практики историка, того, как сделано историческое произведение. Субъектность историка всегда вписана в его работу, которая включена во множество контекстов его социализации

²⁵ Certeau M. de. L'Écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975.

²⁶ Le Goff J. Histoire et mémoire. 1988 (1986). P. 172-173.

²⁷ Pomian K. L'histoire de la science et l'histoire de l'histoire // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations 5 / 30-e année (1975). P. 952. — http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1975_num_30_5_293657 (ноябрь, 2017).

и профессионального становления. Сменяются не только поколения историков, но и «режимы рациональности» (С. Тулмин), в которых работает ученый. Иными словами, история как исследовательская практика тоже имеет свою историю, убеждающую в том, что сообщение историка о прошедшем не может быть зеркальным отражением «фактов», которые имели место в реальной жизни. С этим связана необходимость одновременной контекстуализации теоретических, политических и социальных смыслов, предшествующих интерпретации «фактов» и событий. Речь идет о реконструкции ситуаций производства этих интерпретаций, с которыми знакомится читатель.

В отечественной историографии нового тысячелетия можно уверенно констатировать расширение исследовательского поля и влияния истории историографии. Ее изучение воплощено во множестве перспектив: изучение процесса становления истории как дисциплины, анализ изменений языка истории, изучение научных школ, «историографического быта», историографической и диссертационной культуры, национальных нарративов и проч. Но пока она находится «на стадии освоения своего эмпирического материала и первых теоретических выводов»²⁸. В то же время специалисты, размышляющие о трансформирующемся исследовательском поле «старой / новой» историографии, подчеркивают, что речь идет о «кризисе роста», и призывают, используя достижения мировой интеллектуальной культуры, не потерять реальное достояние собственного опыта историописания²⁹.

У истории есть проверяемое измерение. Это источники и критический метод. Однако занятия историей не сводятся к работе с источниками. Заниматься историей значит отвечать на некий вопрос или ряд вопросов. Именно поэтому история всегда открыта: меняется мир, люди, проблемы и история переосмысливается и переписывается. Это связано не только с субъективными установками историков, но с природой исторического познания. Стержнем его является производство интерпретаций. Множественность интерпретаций — это не просто релятивизм. Это осознание того, что

²⁸ *Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 199.

²⁹ Там же. С. 215.

абсолютной истины не существует, что реальность не только прошлого, но и настоящего не так проста и доступна, как долго представляли. Кроме того, современный историк не просто изучает некий сюжет, событие, исторический эпизод, но и прослеживает историю его восприятия в социуме, в семье, в группе, а это уже история репрезентаций и памяти. В этой связи совершенно иначе формулируется проблема объективности исторического знания. История, которую пишут историки, не является прошедшей реальностью подобно тому, как карта территории не является этой территорией. Она представляет собой лишь более или менее удачный маршрутизатор, позволяющий ориентироваться на территории избранного для изучения аспекта такой реальности.

Ситуация осложняется тем, что история еще и пишется, предстает в нарративной форме, и историк всегда имеет дело со «смешанной эпистемологией» (М. де Серто) между «наукой и фиксьон». Не зря Поль Вен назвал историю «правдивым романом». Все это появилось в историческом познании сравнительно недавно и плохо уживается с широко распространенным представлением о том, что история — это «правдивый рассказ» о том, «как было на самом деле», рассказ в котором «факты» установлены раз и навсегда. Такое понимание истории часто воспроизводится в политическом дискурсе, в СМИ, в популярной литературе и в общественном мнении и имплицитно присутствует в практической деятельности многих преподавателей. Между тем такая наука уже давно в прошлом или существует как нечто второстепенное и отжившее.

Историки любят называть себя ремесленниками. Отчасти это так, но лишь отчасти. Недавно в интервью известный французский историк-медиевист П. Бушерон поделился с читателями размышлением знаменитого французского художника Пьера Сулажа по этому поводу. Смысл этих размышлений сводится к тому, что историки — не ремесленники, но скорее художники, артисты, потому что ремесленник в отличие от художника знает, что делает. Например, он хочет сделать стол и делает стол. «Художник не знает. Он делает нечто. И одновременно то, чем это нечто становится и то, чем оно станет. И отпускает сделанное. В этом проявляется его непритязательность, простота и отсутствие нескромности. Если хочешь писать, а не формулировать, надо быть готовым к созданию текста, который удивит. Это может

привести к написанию вещей, которые совсем не поймут, до тех пор, пока их не объяснят»³⁰.

Любопытно, что подобные идеи высказывались еще в XIX в., в том числе учеными, которых считают классиками позитивизма в историческом познании. Например, Л. фон Ранке писал, что в отличие от всех других наук история является еще и искусством. Научность истории проявляется в поиске / сборке, открытии, проникновении. Ее принадлежность к искусству определяется тем, что историк должен «воссоздать и изобразить то, что он нашел и узнал. Другие науки удовлетворяются просто записью, история требует способности к воссозданию». Не менее убедительно о творческом характере исторического познания писал В. Гумбольдт³¹.

Это обстоятельство еще раз позволяет обратить внимание на нелинейный характер накопления знаний и проблематичность широкого применения в исторической науке парадигмального понимания научной динамики. Стоит ли в условиях эпистемологического беспокойства нашего века продолжать доверять куновской концепции научной парадигмы, которая является продуктом структуралистской эпохи и никогда без оговорок не принималась социальными и гуманитарными науками³²? В то же время, понимание исторической науки / профессии как творчества, в котором

³⁰ Continuités historiques et entretiens: Entretien avec Patrick Boucheron (2 / 3) par Pierre-Henri Ortiz. — <https://www.nonfiction.fr/article-5874> (ноябрь, 2017).

³¹ Lorenz Ch. Drawing the Line: “Scientific” History between meth-making and myth-breaking. January 2008. — <https://www.researchgate.net/publication/298013516> (ноябрь, 2017).

³² Б. Латур, размышляя о сомнительной полезности этого понятия, считает, что его значение в науке явно преувеличено. Это «слово-чемодан», иронично пишет социолог, стало главным багажом ученого, находящемся во внешнем кармане с надписью «философия науки». Но оно означает всего лишь исследовательскую практику, «modus operandi, позволяющий внезапно проявляться новым фактам; это больше похоже на дорогу к экспериментальной площадке, чем на некий фильтр, который бы навсегда приукрасил данные». Куновская «парадигмальная революция», считает Латур, ничего общего не имеет с историей наук, ее ритмами, темпом и составляющими компонентами. См.: Latour B. Avons nous besoin de «paradigmes»? // *Cronique d'un amateur de sciences*. Paris: Press des Mines, 2006. — <http://books.openedition.org/pressesmines/164> (ноябрь, 2017).

важную роль играет не только рациональная мысль, но также воображение, память, в том числе память коллективная, способность чувствовать язык и культуру, не освобождает историка от необходимости разбираться в том, что составляет ядро исторической дисциплины.

Сегодня можно говорить об ослаблении сциентизма, который доминировал еще в 90-годы. Очень большую роль в этом ослаблении сыграл, безусловно, лингвистический поворот в философии и историографии, а также постмодернистское мироощущение, влияние которого, начиная с середины 1990-х годов, на гуманитарную и социальную мысль очевидно. Уже тогда в России были философы и историки, которые блестяще анализировали содержание и возможности новых идей³³. И хотя сдержанность и размышления об опасностях для исторической профессии этих новаций долгое время доминировали, да и сегодня присутствуют в работах историков, «постмодернистская чувствительность» изменила наши представления о мире и стиль наших высказываний о нем. Историки стали писать по-другому. Тем не менее, в отечественной историографии, несмотря на наличие большой литературы, это явление до сих пор остается недостаточно осмысленным. Значительная часть историков прошла мимо. Это ощущается как в диссертационных работах, так и в научных статьях и монографиях. Возможно, что это одна из причин присутствия весьма архаичных установок даже в интересных исследовательских текстах, авторы которых не чувствуют, что стиль мышления изменился. Точнее, они не могут отказаться от таких установок, ибо не знают достаточно хорошо, что собственно пришло им на смену.

Один из важных маркеров трансформации эпистемологических основ историописания — понимание общности истории и литературы. Причем в этой общности все более признается ценность литературных источников для историка. Можно даже сказать, что литература сегодня представляет собой квази-конкурента истории. Тем не менее, роль и значение языка историка, осознанная на теоретическом уровне нуждается в основательном конкретно историческом наполнении. Хотя и на этом направлении уже многое сделано. Например, есть интересные работы по истории

³³ См., например: Одиссей. Человек в истории. М., 1996.

понятий. Переводятся и создаются терминологические словари³⁴. Но, как выясняется, дело не только в понятиях, но именно в языке, в необходимости разработки нового языка в историческом познании для того, чтобы уйти от лексики, которая скорее микширует или даже скрывает явления и процессы, которые изучают историки. В этом направлении пока сделаны лишь первые шаги. Но они дают основания для сдержанного оптимизма.

Сегодняшняя историографическая ситуация свидетельствует о радикальном переосмыслении базовых исходных аксиом историописания, касающихся предмета исторического исследования, исторического факта, исторического источника, места историка, значения текста, языка в историческом исследовании, содержания историзма и причинности. В очередной раз проблематизированы вопросы об основаниях исторической дисциплины, о содержании исследовательского процесса, достоверности получаемого знания, способах его репрезентации и восприятия читателем. Однако многие категории и установки познания, определяющие исторический дискурс, до сих пор связаны с моделью истории, типичной для эпохи модерна, хотя она во многом себя исчерпала. Например, давно обоснована в историографии проблематичность споров о начале / конце сложного исторического события или процесса³⁵. То же самое можно сказать о телеологическом или финалистском восприятии истории³⁶. Тем не менее, эти установки продолжают доминировать не только в политических и социокультурных практиках идентификации и национального самоопределения, но и в исторических исследованиях. Не удивительно, что историки задаются вопросом: надо ли в этих условиях совсем отказываться от реконструкции «горизонта ожидания», опираясь на «незавершенные потенциалы» прошлого? (Б. Лепти). Ответ на этот вопрос предполагает поиск новой исследовательской оптики, которая связана не столько с причинностью, пребывающей уже несколько де-

³⁴ Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Новое литературное обозрение. Т. 1-2. М., 2014; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2016.

³⁵ См., напр.: Антропологическая история: подходы и проблемы. Материалы российско-французского научного семинара. Ч. II. М., 2000.

³⁶ См., напр.: *Черткова Г.С.* Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М.: ИВИ РАН, 1989. С. 90.

сятилетий в состоянии глубокого кризиса, сколько с контингентностью истории.

Понятие *контингентность*, давно известное в философии и науке, в историческом познании только начинает осознаваться как весьма важное и полезное. Длительное время его содержание сводилось к случайности³⁷. Но во второй половине прошлого века философы, антропологи и социологи убедительно показали, что контингентность по значимости в жизни людей сопоставима с историчностью. Еще Антуан Курно в работе «Размышления о продвижении идей и событий», опубликованной в 1872 г., писал, что история — это «особая форма связи между явлениями, смешивающими порядок и случай». Она не является серией событий, которые вытекали бы «обязательно и регулярно одно из другого в соответствии с постоянными законами». В противном случае, будущее было бы предсказуемым. В то же время историю нельзя представить как череду событий, не имеющих никакой связи между собой. При таком понимании исторический нарратив был бы невозможен. История, по Курно, находится между этими двумя формами, между необходимостью и непредвиденными обстоятельствами. Кроме того, случай формируется в результате неожиданной встречи «двух независимых причинно-следственных рядов», которые вращаются вокруг частично или полностью случайного процесса³⁸.

Получается, что история не подчиняется законам и в то же время не является совокупностью чистых случайностей. В истории важную роль играет не только свобода воли людей, их выбор, но и структурные эффекты. Контингентность хорошо проявляется в событиях, оказавшимся результатом встречи серии независимых причин. Ее также можно формализовать в терминах слияния / согласования возможностей: контингентность в таком случае предстает как то, что вытекает из коллективной конъюнктуры, открытой к множеству возможных сценариев. При таком понимании контингентность оказывается составной частью подхода, предпола-

³⁷ Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище историографии // THESIS. Вып. 5 (1994). С. 171-184 (1979 нем.).

³⁸ Jeanpierre L., Nicodème F. et Saint-Germier P. Possibilités réelles // Tracés. Revue de Sciences humaines [En ligne], 24 | 2013, mis en ligne le 21 mai 2015, consulté le 22 mai 2013. — <http://traces.revues.org/5614> (ноябрь, 2017).

гающего более тонкий анализ события без применения априорных объяснительных схем³⁹.

Контингентность — это не только возможность иного варианта развития событий, связанная со свободой выбора человека и структурными эффектами разной природы, но и носитель особой темпоральной «энергии». «Временное существование контингентно, поскольку становление может быть понято через постоянную смену состояний. Временная последовательность и «неуловимость» настоящего указывает на контингентность всего существующего во времени»⁴⁰. Кроме того, контингентность плотно вписана в интересубъективность, а значит и в процесс коммуникации⁴¹. Это понятие позволяет выразить ощущение метафизической глубины в трансформациях мира, побуждая к созданию совершенно новых исследовательских подходов.

Историческая дисциплина долгое время развивалась, «стоя спиной к философии». Еще полвека назад авторитетные историки, например, Пьер Шоню, весьма критически относились в эпистемологии и предлагали всеми способами ее избегать. Хотя, были и иные мнения. Например, уже в 1954 г. Филипп Ариес выражал сожаление о наличии в среде историков «невыносимого тщеславия специалиста, существующего внутри своей специальности и ни разу не попытавшегося взглянуть на нее со стороны». Он писал о

³⁹ *Ermakoff I.* Contingence historique et contiguïté des possibles // Tracés. Revue de Sciences humaines [En ligne], 24 | 2013, mis en ligne le 21 mai 2015, consulté le 22 mai 2013. — <http://traces.revues.org/5617> (ноябрь, 2017); DOI: [10.4000/traces.5617](https://doi.org/10.4000/traces.5617). Замечу, что контингентность истории не тождественна истории контрфактической. См. о последней: *Нехамкин В.А.* Контрфактические исторические исследования в системе научного познания // Общественные науки и современность 5 (2007). С. 131-140; *Он же.* Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории 1 (2011). С. 102-120.

⁴⁰ *Литвин Т.В.* Интериорность, чувственность, контингентность — почему эти понятия принципиально не переводимы? // Artetculte. Артикаль 7 / 3 (2012).

⁴¹ Рационализировать контингентность не менее сложно, чем понятия коллективной памяти и идентичности. Один из современных историков остроумно назвал последнюю «мерцающей». Но то же самое можно сказать о случайности, о коммуникации, о различии. См., напр.: *Назарчук А.В.* Теория коммуникации в современной философии М.: Прогресс-Традиция, 2009.

радикальной закрытости университетской истории, ее отрыве от настоящего, и видел в этом большой недостаток науки и причину ее разрыва с публикой. «Среди прочего ученого мира практически только одни историки отказываются размышлять над значением собственной дисциплины. Они сочиняют трактаты о том, как следует работать с архивными фондами и с библиографиями. Как датировать, аутентифицировать и критически изучать тексты, короче говоря, как пользоваться своим рабочим инструментарием. И ни слова о том, что выходит за пределы технических сложностей, никакого намека на вклад прошлого в понимание человеческого состояния и его изменений»⁴². В последние годы аналитики отмечают взрывное «обольщение истории эпистемологией», проявляющееся во многих разделах истории. Речь идет, по сути, о формировании в русле исторической дисциплины на стыке историографии и эпистемологии новой субдисциплины под названием «эпистемология историков».

Тем не менее, в современной рефлексии об отношениях эпистемологии и истории эпистемология историка остается пока «мертвым пространством». В философии то, что говорят и думают историки по поводу своей дисциплины, изучается пока явно недостаточно. Хотя в последние годы ситуация меняется⁴³. Внутри исторической дисциплины эпистемологию как дискурс нередко рассматривают как претенциозную болтовню, маскирующую отсутствие реальных результатов. Она воспринимается также как вольное отношение к исследовательской практике. В среде историков отсутствие интереса к эпистемологии рассматривается как добродетель, ибо само слово «эпистемология» связывается главным образом с гносеологией, теорией исторического познания. Многие историки оказались во власти импрессионистской интуиции, которая ясно прочитывается в их работах и свидетельствует о том, что их пока устраивает такое положение дел. Тем не менее, появление большого количества эпистемологически ориентированных историографических исследований показывают, что во все времена были историки, которые нуждались в философском взгляде на свои занятия. В их трудах присутствует множество аналитических процедур,

⁴² Ариес Ф. *Время истории*. М., 2011. С. 220.

⁴³ Микешина Л.А. *Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы*. М.: Политическая энциклопедия. 2016.

которые органично вплетены в материал и исследовательскую практику, и их анализ требует специального усилия. Эпистемология историка как раз и проявляется в таком дискурсивном, рефлексивном отношении историков к историческому познанию.

В одной из своих последних книг Ф. Артог отметил, что социокультурная ситуация конца XX – начала XXI в. определяется проблематизацией очевидностей в истории: того, что в ней долго считалось неоспоримым. В этой проблематизации проявляется один из аспектов «рефлексивного поворота, одновременно эпистемологического и историографического» (Ф. Артог). Рефлексия как раз и связана с тем, что Артог назвал «искусением эпистемологией».

Историки не только основательно занялись историей своей науки, но также обсуждают и изобретательно исследуют в материале такие темы как время, пространство, причинность, объективность, темпоральная дистанция, нарратив, язык историка и множество других, которые раньше просто не осмысливались. В ходе бесчисленных дебатов стало ясно, в частности, что метод, как писал еще Гастон Башляр, превращаясь в привычку, утрачивает свои достоинства. Более того, создатели акторно-векторной теории полагают, что мы живем в эпоху «после метода»⁴⁴. Эмоциональная и политико-идеологическая нагруженность исторического познания, его, динамизм / консерватизм и своеобразный эстетизм обоснованы в многочисленных междисциплинарных исследованиях, как в философии, так и в истории науки. Историческое знание не сводится к ремеслу, которое используют для того, чтобы изучать прошлое. Не сводимо оно и к «практическому смыслу», «габитусу» или «знанию как». Становится все более очевидным, что важно понять не только то, что историки делают, но и то, что они говорят о своем деле и как они думают или не думают. В этой связи вполне естественно использование слова «стратегия» для обозначения подходов, которые использует историк при осмыслении историографических процессов. Чаще всего называют стратегии «перевода», интерпретации, понимания и согласования.

Аналитики полагают, что эпистемология в историописании направлена на преодоление эмпиризма в истории и устоявшихся дисциплинарных предрассудков. Хотя некоторые критики полага-

⁴⁴ *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

ют, что изучение эпистемологии истории вряд ли является наилучшим путем для понимания структуры и состояния исторической дисциплины. Что не удивительно, потому что изучение этой эпистемологии не обязательно дает реальную информацию о том, что историки думают, уже потому, что историографический и теоретический дискурсы не прозрачны. В эпистемологии историка проявляется скорее идеал, некий горизонт, который историк формулирует в диалоге со своими предшественниками / коллегами, но этот дискурс не просто обогащает исследовательскую практику, но во многом ее конституирует. Кроме того, он является важным педагогическим ресурсом, особенно в наше прагматическое время дисциплинарной фрагментации. С помощью этого ресурса формируется идея истории, репрезентируется то, что на минимальном уровне объединяет всех историков. А сегодня ясно, что это не только источник и исследовательская техника. Эпистемология историка — это стратегический медиум, с помощью которого выражается позиция специалиста по поводу различных вопросов исторического знания и, в конечном счете, формируется представление о дисциплинарной идентичности⁴⁵. Она помогает лучше понять дискурсивные связи историков со своим знанием и в тоже время сложность отношений между эпистемологией и историей.

Примечательно, что в международной науке историки не склонны сегодня разделять историографию и эпистемологию. Речь идет, как правило, об эпистемологически ориентированной историографии или исторической эпистемологии⁴⁶. Все это важно для историков лишь постольку, поскольку позволяет эффективно искать пути для получения нового исторического знания. Центральной проблемой исторической эпистемологии является наряду с проблематикой памяти вопрос о «порядке времени» как философской и исторической категории, необходимой для понимания ис-

⁴⁵ Noël P.-M. Histoire des représentations et représentations de l'histoire: pour un renouvellement de l'histoire de l'histoire au Québec // Acte de colloque 15.02.2010. En ligne. — <http://www.rhus.association.usherbrooke.ca/wp-content/articles/23.pdf> (ноябрь, 2017).

⁴⁶ Шутова О.М. Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI веков. 2007; *Historiographies. Concepts et débats*. Sous la direction de Christian Delacroix, François Dosse, Patrick Garcia et Nicolas Offenstadt. Paris: Gallimard. Coll. Folio histoire, 2010. Т. 1–2.

торических трансформаций и того, как эти трансформации воспринимают люди. Погружаясь в темпоральную проблематику, историки перешли, по словам Ф. Артога, от «вопросов ко времени» к «времени как вопросу». Они озабочены поиском способов историрования, которые позволили бы преодолеть тиранию прошлого / настоящего и найти подходы к овладению будущим. В таких способах написания истории, учитывающих субъектность историка, на первом плане оказывается эпистемологически ориентированная историография как практика, позволяющая удовлетворить потребность в историческом познании и вместе с тем избежать ловушек наивного реализма по отношению к тому, что познается. Набирают обороты исследования дискурса историков. Такие исследования показывают, что дисциплинарность истории не сводится лишь к институционализации и профессионализации, что у этой дисциплины есть и идеальное начало, в том числе это идеальность эпистемологического свойства.

Современный эпистемологический демарш в истории не является теоретическим и эссенциалистским, как в классической философии. Он не сводится, например, к рассуждениям о том является ли история наукой или есть ли у нее смысл. Историки изучают природу исторического, ключевые исторические понятия и множество проблем, которые раньше были объектом преимущественно философского анализа. Речь идет о прагматической эпистемологии, суть которой в осмыслении процесса производства исторического знания и того, как изменяются в реальной практике правила, по которым такое знание создается. Такая эпистемология не имеет нормативного предписывающего характера, она описывает процесс работы когнитивной мысли и ее оформления. Это работа «истолкования и разъяснения» практической деятельности, в основе которой — рефлексия исследователя, создающего новое знание.

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВО

Возврат к исследованию коллективной памяти, совершенный современной критической мыслью в гуманитарных науках, сопровождается восстановлением определенной концептуальной основы, которая обсуждалась на протяжении двух десятилетий, но потом была почти забыта. Коллективная память — сложный концепт, который, тем не менее, позволяет описывать феноменологию че-

ловческого опыта. Изучение коллективной памяти бросает вызов дисциплинарным границам и привлекает к себе не только научные, но и художественные работы. Исследование взаимоотношений истории и памяти вновь возвращает нас к размышлениям о ментальном габитусе и ментальности. Кроме того, отсылает к культурному мифу, воспринимаемому как «возрождающийся нарратив, расцениваемый в данной культуре в качестве чего-то естественного и внешне независимого от исторического и политического контекста»⁴⁷. Культурные мифы — это не выдумки, а распространенные в обществе верования, позволяющие натурализовать и оживлять историю. В таких условиях история неизбежно становится полем битвы с бесчисленными дискуссиями и контрверсами или своеобразным спортом, где в состязании участвуют разные интерпретации. Не удивительно, что на рубеже XX–XXI веков усилился интерес не только к дисциплинарной практике истории и к тому, каким образом она пишется, но и к ее публичному использованию.

Неразрывная связь историка с жизнью общества воплощена в социальной функции истории, о которой историками и философами написано немало. Однако эта функция весьма изменчива. В периоды серьезных трансформаций в науке историки, восприимчивые не только к прошлому, но и к настоящему, активизируют работу по распространению исторического знания в социуме и исследованию различных способов его бытования в социальном пространстве. Один из таких периодов приходится на 1970-е гг., когда в США, а затем и других странах мира (Австралия, Канада, Франция, Великобритания, Германия, Италия) зародилось движение «публичной истории» (*public history, applied history, histoire appliquée*). Инициаторы этого движения задумали подготовить особый тип историков, способных оказывать экспертные услуги заинтересованным фирмам, музеям, картинным галереям, телестудиям, а также отдельным сообществам и организациям. Напомню, что это было время интеллектуальной революции в социальных науках на Западе, время кризиса доминирующих научных моделей, роста влияния памяти и очередной смены режима историчности.

В России идея «разделяемого или общего прошлого» как фундамента национальной идентичности широко распространена в

⁴⁷ Бойм С. Указ. соч. // Неприкосновенный запас 89 / 3 (2013).

обществе. Она культивируется властью на разных уровнях, общественными организациями, деятелями культуры и образования, активно пропагандируется в СМИ, поддерживается кинопродукцией, рекламой, праздничными церемониями и коммеморациями. Хотя вопрос о том, что такое российская нация в многонациональном государстве, остается открытым и активно обсуждается не только в научном сообществе, но и социуме. Все это объясняет интерес к «политике памяти» и к вопросам «публичного использования прошлого» в историческом сообществе. Впрочем, таких оживленных дебатов, как, например, во Франции по поводу смыслов коммеморации и проблематики национальной идентичности, в нашей стране пока нет. Тем не менее, проводятся научные мероприятия, пишутся книги и статьи⁴⁸. Историки активно высказывают свою позицию по этим проблемам в СМИ, публичных интервью, в Интернете. Практика публичного использования истории и связанная с ней терминология широко распространена во многих странах. Но понимают ее по-разному, а иногда смешивают с «публичной историей», содержание которой в наши дни тоже весьма размыто и нуждается в переопределении.

В эпоху цифровой революции концепт «публичная история», проблематизированный изначально, вызывает множество эпистемологических вопросов, ответы на которые до сих пор не найдены. История и историк, оказавшиеся в зоне «коммерции», воспринимались в историческом сообществе критически уже в конце 1970–1980-е годы⁴⁹. Это не помешало, однако, широкому распространению подготовки так называемых «публичных историков», прежде всего в США, Австралии и ряде других стран. Однако в Европе, в частности в Германии, Великобритании, Франции прикладная история (*histoire appliquée*, *applied history*) американского типа не прижилась. Тем не менее, в XXI веке в условиях радикальной трансформации мира и науки интерес к ней во всем мире, в том числе в Европе, явно растет. В России характер и возможности «публичной

⁴⁸ См. подробнее: *Репина Л.П.* Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки, 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 55–67.

⁴⁹ См., напр.: *Roussio H.* L'histoire appliquée ou les historiens thaumaturges // Vingtième siècle. Revue d'histoire 1 (1984). P. 105–122.

истории» пока только обсуждаются, хотя способы использования «прошлого» в прагматических целях в нашей стране не менее разнообразны, чем в других странах.

За прошедшие десятилетия стало ясно, что практика специальной подготовки «публичных историков» оказалась весьма двусмысленной⁵⁰. Нуждается в историзации и концепт «публичная история». Предлагаются иные наименования практик, направленных на преодоление разрыва между академическим историческим знанием и формами его присутствия в социуме. Авторитетные специалисты говорят о необходимости «наведения мостов» между академическим историческим знанием и различными его проявлениями в «публичном» пространстве⁵¹. Речь идет об изучении разнообразных форм бытования созданного историками знания в обществе: коммеморативные практики, историческое знание в СМИ, в интернете, в школьных учебниках, в телепередачах, в работах художников, режиссеров, в рекламе, на улицах городов, а также бесчисленных контактов между людьми, основанных на историческом материале⁵². Такая история выявляет и объясняет способы формирования и функционирования исторической культуры в конкретном социуме. Она принципиально междисциплинарна и требует от историков дополнительных компетенций. Исследовательская деятельность такого рода может существенно дополнить наши представления о нас самих, а также будет способствовать преодолению явного разрыва между «кабинетным» историческим знанием и тем, которое распространяется в обществе.

⁵⁰ См., напр.: *Robert R. Weyeneth. What I've Learned Along the Way: A Public Historian's Intellectual Odyssey* // *The Public Historian*. Vol. 36. No. 2 (May 2014). P. 9-25. Published by: University of California Press on behalf of the National Council on Public History Stable. — <http://www.jstor.org/stable/10.1525/tpb.2014.36.2.9> (ноябрь, 2017).

⁵¹ См., напр.: *Conrad M. Presidential Address of the CHA: Public History and its Discontents or History in the Age of Wikipedia* // *Journal of the Canadian Historical Association / Revue de la Société historique du Canada*. Vol. 18. No. 1 (2007). P. 1-26. — <http://id.erudit.org/iderudit/018252ar> (ноябрь, 2017).

⁵² См. «Мы всегда находимся в зоне интерпретации исторического факта»: Андрей Зорин о публичной истории / Интервью Андрея Завадского, 2 сентября 2013. — <http://theoryandpractice.ru/posts/7566-zorin> (ноябрь, 2017).

Иными словами, задачи требующей обновления «публичной истории» заключаются не в том, чтобы подготовить особую касту историков, способных работать с историческим материалом на рыночных условиях. Речь идет о переосмыслении научного и социального статуса исторического знания в соответствии с новым пониманием эпистемологических особенностей гуманитарных наук, в том числе истории, а также о переопределении социальной функции истории. В ряде стран этот процесс идет полным ходом⁵³. Если полвека назад важно было понять, что такое история, то сегодня важнее найти ответ на вопрос, что историей не является, что значит создавать историческое знание в современных условиях.

* * *

Карло Гинзбург в одной из своих работ заметил, что «история — это не крепость, а открытое пространство для дискуссий». Это лаконичное определение соответствует современному восприятию исторического знания в профессиональной среде. Открытость истории делает человеческую жизнь содержательной, сложной и непредсказуемой. Она же во многом объясняет неизбывную потребность в историческом знании. Вопросы, которые история задает конкретному человеку, сообществу или человечеству, в принципе неисчерпаемы, что также помогает понять ее присутствие во всех формах познания, а не только в знании историческом. Однако статус и содержание последнего зависит также от социума, в котором это знание производится. Это хорошо показал еще Мишель де Серто, предложив историкам «прежде чем изучать, что история говорит об обществе... проанализировать, как она функционирует в обществе»⁵⁴.

Анализ взаимоотношений истории и социума с учетом коллективной памяти и идентичностей разных уровней предполагает изучение не только исследовательских стратегий и практик историков, но и поиск способов понять самих «производителей»: исследуется то, как думают историки, как они помнят и что забывают, подводя итоги своей профессиональной жизни. Этой теме

⁵³ См., напр.: *Beck P. Presenting History: Past and Present*. Palgrave Macmillan, 2011; *Writing History in the Digital Age* / Eds. J. Dougherty, K. Nawrotzki. Ann Arbor. University of Michigan Press, 2013.

⁵⁴ *Certeau M. L'écriture de l'histoire*. Paris, 1975.

посвящено немало специальных исследований конкретных ученых, в которых они размышляют о том, как работает историк⁵⁵. Научные мероприятия разного уровня на тему «историк у верстака» становятся нормой. Появились исследовательские лаборатории, в центре внимания которых — изучение исследовательских практик и дискурса историков об этих практиках. Привычное разделение на теорию и практику пока сохраняется. Тем не менее, общая тенденция заключается в том, что на смену осмыслению методологии и методов приходит прагматическая эпистемология. Появился даже весьма экзотический на первый взгляд термин — «эпистемология историка». Его условность очевидна. Но, зародившись в зарубежной историографии, он уже обсуждается и в отечественной науке, помогая по-новому осмыслить современное содержание эпистемологии в истории.

В нашем обществе, как и в других странах, до сих пор доминирует представление об истории, сформировавшееся в XIX веке. История — это наука о прошлом, связанная с политической конъюнктурой. Это «оружие» (идеологическое, воспитательное, пропагандистское), которое необходимо «правильно» использовать. Историк — носитель «объективной исторической правды», «солдат» нации и проч. Отечественные историки проблематизировали устойчивую научную идентичность историка и статус истории, но общество об этом знает мало. Однако состояние исторической культуры социума во многом зависит именно от историков, как тех, кто создает новое историческое знание, так и тех, кто преподаёт исторические дисциплины в вузе и школе. Мир настолько изменился, что нам придется искать ответ на вопрос, каким образом переосмыслить и на практике осуществить реорганизацию исторического знания для целей исследования, обучения и «публичного использования». Эту задачу по-разному решают в отдельных государствах и везде со своими сложностями, поскольку сциентизм в

⁵⁵ См., напр.: *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001; *Он же.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005; *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007; *Зарецкий Ю.* Стратегии понимания прошлого. Теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011; *Бенн С.* Одежды Клио: научная монография. М., 2011; *Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

современных обществах перерастает в технократический прагматизм.

В экономике, как известно, стагфляция — это одновременная инфляция и стагнация. Примерно то же самое обнаруживается при осмыслении процессов, происходящих в историческом познании в последние десятилетия. С одной стороны, академические историки, интенсивно размышляя о своих практиках, в поисках новых способов постижения исторического констатируют и обосновывают другое понимание исторического времени, причинности, контекста, источника, текста, языка, роли историка, связи времен, соотношения политического и исторического. Эти поиски в совокупности приводят к пониманию качественного обновления господствующих представлений о «фабрике истории» и о том, как надо готовить сегодня новых историков. Какие нормы необходимы для того, чтобы минимизировать конъюнктурное использование исторического знания в политических и прикладных целях, а также исключить проникновение в сообщество ученых недобросовестных людей. Получается, что «старые» способы изучения истории и связанные с ними категории и понятия обесцениваются. С другой стороны, в образовании, в массовом сознании, в реальной политике, в средствах информации продолжается тиражирование традиционных упрощенных представлений обо всех этих понятиях и процессах, т.е. имеет место застой. Одновременно в пространстве исторического и гуманитарного знания каждый день выполняется кропотливая работа историков разных поколений и методологических ориентаций, которые продолжают добросовестно заниматься своим делом, используя навыки, приобретённые в процессе образования и многолетнего труда в соответствии с тем, как они понимают свою профессию. Видимо на пересечении этих трех составляющих и происходит развитие.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ДИСКУССИИ

ГЛАВА 1

МОЖЕТ ЛИ ИСТОРИЯ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ТЕОРИИ?

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ И ПОИСКИ НОВАЦИЙ В ИСТОРИОГРАФИИ

«Пришло время переосмысления самых основ исторического знания... Сегодня мы вправе думать, что единственная истина в истории — это вечный ее поиск»¹.

Так называемые “практикующие историки”, в своем большинстве, традиционно, со времен становления истории как академической дисциплины, не испытывают особой тяги к занятиям теорией; они, действительно относятся к теории с высокой степенью недоверия, видя в ней «что-то вроде кукушки в гнезде историка»². Аллан Мегилл очень точно сформулировал суть этой настороженности: «конфликт между теорией и историей... существует на глубинном уровне, поскольку теория немыслима без генерализаций, выходящих за пределы конкретных контекстов, в то время как историки стремятся описывать, объяснять и интерпретировать исторические контексты или их совокупность *без намерения конструировать на основе своего исследования теоретические суждения* (курсив мой. — Л. Р.)»³.

¹ Бессмертный Ю.Л. Продолжаем наш поиск // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М.: РГГУ, 1999. С. 11.

² Мегилл, Аллан. Роль теории в историческом исследовании и историческом описании // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы. Сб. статей / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 24.

³ Там же. С. 25.

Отсутствие элемента целеполагания здесь, несомненно, момент ключевой: действительно, историк в *историческом* исследовании не ставит себе задачу построить новую теорию. Можно также, вслед за А. Мегиллом, выделить четыре основные роли, которые теория должна играть в истории (эпистемологическую роль, роль критики и самокритики, спекулятивную роль, наконец, осмысление результатов исследования), но стоит, именно вследствие живучести в историографии так называемой «ремесленнической» традиции, привлечь внимание, прежде всего, к первой из них — к исторической эпистемологии, определяющей базовые принципы исторического познания⁴. Именно в этом важном направлении теоретической работы некоторые современные историки стали, наконец, принимать активное участие, к тому же сегодня наблюдается все возрастающий интерес к теоретическим обоснованиям историографической практики в обоих ее аспектах — в исследовании и в репрезентации⁵.

Вопрос о том, может ли история обойтись без теории, приобрел значительный «стаж» уже в масштабных методологических дискуссиях, развернувшихся в начале и в середине XX столетия, прежде всего в связи с полемикой вокруг различных версий социальной истории (как социологически, так и антропологически ориентированных)⁶. Однако с особой остротой вопрос о роли теории в историческом исследовании встал перед историками в интеллектуальном контексте 1990-х и 2000-х гг., когда в ответ на вызовы и кризисы рубежа веков научным сообществом была осознана необходимость разработать и предложить новые модели осмысления и концептуализации исторического опыта.

Несмотря на наличие внутренних предпосылок к новым «поворотам»⁷, решающий импульс этому движению был все же задан переживанием «постмодернистского вызова» исторической науке,

⁴ Разработке этих проблем (с ответами на острые вопросы, поставленные теоретиками постмодернизма) посвящен солидный труд: *Fulbrook, Mary. Historical Theory. L.; N. Y., 2002. См. также: Мегилл, Аллан. Историческая эпистемология. М., 2007.*

⁵ См.: *Meaning and Representation in History / Ed. by Jörn Rüsen. N.Y.; Oxford, 2006.*

⁶ Подробно об этом см.: *Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛКИ, 2009. С. 13-82.*

⁷ *Барт Р. Избранные работы. М., 1994. С. 375.*

направленного против ее представления об объекте исторического познания, который выступал в новом толковании не как нечто внешнее к познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой⁸. Язык стал рассматриваться как смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение: ведь именно «язык, благодаря своим “обязательным категориям” (а не только запретам) заставляет нас мыслить так, а не иначе»⁹. Подчеркивалась «литературность» исторических текстов, выбор жанров, построение сюжета, использование риторических и стилистических приемов, символов, образов, метафор. Таким образом, история была приравнена, с одной стороны, к литературе (с акцентом на роль эстетического критерия в оценке исторического текста), но с другой стороны, — к идеологии¹⁰. Поновому был поставлен вопрос о критериях объективности и способах контроля со стороны исследователя над собственной творческой деятельностью¹¹. От историка потребовалось пристальнее вчитываться в тексты, использовать новые средства, чтобы раскрыть то, что скрывается за прямыми высказываниями, и расшиф-

⁸ О взаимоотношениях постмодернизма и исторической науки см., в частности: *Clark J.C.D.* Our Shadowed Present: Modernism, Postmodernism and History. L., 2003; *Thompson W.* Postmodernism and History. Basingstoke, 2004; и мн. др.

⁹ *Барт Р.* Избранные работы. М., 1994. С. 375.

¹⁰ Распространение приемов литературной критики на анализ исторических текстов было связано с концептуальными разработками американских гуманитариев во главе с автором «тропологической теории истории», признанным лидером постмодернистского теоретического и методологического обновления историографической критики Хейденом Уайтом (см.: *Waiit H.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002). Признавая, что «историки, которые не желают “нарративизировать” события прошлого, а хотят только “сообщать” то, что нашли в архивах “о том, что случилось в прошлом”, делают нечто отличное от того, что историки делали столетиями, “рассказывая некую историю”» Х. Уайт, вместе с тем, выражал уверенность, что аргументы историков «должны больше основываться на здравом смысле, чем быть научными, и они должны излагаться в форме нарратива, а не в форме логической демонстрации». (Интервью с Хейденом Уайтом // Диалог со временем. 2005. Вып. 14. С. 343-344).

¹¹ Подробно об этом см.: *Gorman J.L.* The Truth of Historical Theory // *Storia della storiografia*. 2006. No. 48. P. 38-48.

ровать смысл на первый взгляд едва различимых изменений в языке источника, анализировать правила и способы прочтения исторического текста той аудиторией, которой он предназначался, и многое другое¹².

Кульминация противостояния двух полярных позиций — «лингвистической» и «объективистской», «постмодернистских критиков» и «ортодоксальных реалистов» — пришлась на рубеж 1980–1990-х гг., однако итоги этой «позиционной войны» оказались не столь сокрушительными, как это представлялось, а компромиссные предложения были услышаны¹³. К середине 1990-х гг. естественный протест историков против крайностей «лингвистического поворота» был конвертирован в конструктивные предложения и весомые аргументы в пользу так называемой «средней позиции», или «третьей платформы», выстроенной вокруг ставшей в настоящее время центральной концепции «исторического опыта». «Умеренные» нашли точку опоры в существовании реальности вне дискурса, независимой от представлений о ней и воздействующей на эти представления, в том, что невозможность *прямого* восприятия ушедшей в небытие реальности не означает полного произвола историка в ее «конструировании»¹⁴. Круг сторонников

¹² Развернутый анализ языка, логики и структуры исторического нарратива см.: Кизюков С. Типы и структура исторического повествования. М., 2000. О «генерирующей» роли логики и эстетики в конструировании исторического нарратива см.: Topolski, Jerzy. The Role of Logic and Aesthetics in Constructing Narrative Wholes in Historiography // History and Theory. 1999. Vol. 38. No. 2. P., 198-210. Ср. главы о теории нарратива и типах нарратации в монографии ведущего историка-«деконструкциониста»: Munslow A. Narrative and History. Basingstoke, 2007.

¹³ Сначала среди желающих найти компромисс ведущую роль играли философы, занимающиеся проблемами эпистемологии. Приоритет здесь принадлежит Ф.Р. Анкерсмиуту. См., в частности, переводы его важнейших работ на русский язык: Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М., 2003; Он же. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003; Он же. Возвышенный исторический опыт. М., 2007; и др.

¹⁴ Анализ различных версий конструктивизма дал возможность констатировать его нетождественность репрезентативизму и способность «быть плодотворной основой для целого ряда других концепций истории и прошлого, включая и реалистическую концепцию, в которой ментальные конструкции являются также реальными и объективно присутст-

компромиссной позиции постепенно расширялся. В отличие от «ортодоксальных реалистов»¹⁵, историки, разделяющие «среднюю платформу», радикально переосмыслили свою практику с учетом «лингвистического поворота». Выход был найден в парадигме «новой социокультурной истории», интерпретирующей социальные процессы разных уровней сквозь призму культурных представлений, символических практик и ценностных ориентаций. Наряду с освоением приемов литературной критики, внимание было привлечено к «социальной логике текста» — к внелингвистическим характеристикам дискурса, связанным с биографическим, социально-политическим, событийным, духовным контекстами, в которых был создан текст, а также с целями, интересами и мировоззренческими ориентациями его создателя¹⁶.

На сегодняшний день в мировом историческом сообществе, несмотря на сомнения в потенциальных возможностях исторического познания, констатацию его пределов и рассуждения об эпистемологических основаниях постоянного переписывания истории, конструктивная критика и интенсивные теоретические поиски привели к попыткам осмыслить историческую науку как открытую динамическую систему, к созданию новых (постнеклассических/неоклассических) интегральных моделей, основанных на признании идеи междисциплинарного синтеза, общенаучного принципа дополнительности в отношении микро- и макроанализа, а также к их использованию в конкретно-исторических исследованиях. Стремление к преодолению дисциплинарных границ и отход от бинарного мышления с его противопоставлением макро- и микро-истории, структур и событий, рационального и иррационального приводят не только к торжеству полипарадигмальности, но также и к стремительному расширению «территории историка».

вующими». См.: *Тоштендаль Р.* Конструктивизм и репрезентативизм в истории // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 73.

¹⁵ См., напр.: *Evans R.J.* In Defence of History. L., 1997.

¹⁶ *Спигел Г.М.* К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 214-219.

К НОВОМУ ПОНИМАНИЮ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ОБЪЕКТИВНОСТИ

Полемика вокруг проблем «объективности» и «истинности» исторического знания, с особой силой разгоревшаяся в наше время, имеет давнюю историю, которая заслуживает специального изучения. Она, кстати, отсылает нас и к истории науки в целом, и к современным проблемам естественного знания. Еще М. Полани в своем классическом труде «Личностное знание» затронул столь живо обсуждаемую сегодня проблему неискоренимой *перспективности* мышления, подчеркнув, что «будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформированного насущными потребностями человеческого общения. Всякая попытка полностью исключить человеческую перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице...»¹⁷.

Именно новые подходы к пониманию исторической истины вызвали самые острые методологические дискуссии 1990-х и начала 2000-х гг. — бурные дебаты о «фактах» и «фикциях»¹⁸.

В свое время Р.Дж. Коллингвуд, опровергая «теорию исторического знания в рамках здравого смысла», подчеркивал, что в соответствии с «обыденной теорией исторического знания» история представляет собой «веру в истинность чьих-то воспоминаний», и все, что передал историку его авторитетный источник, есть «единственно доступная истина и ничто, кроме истины». Коллингвуд

¹⁷ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. С. 20.

¹⁸ См., прежде всего: Эске О. Г. «Факты» и «фикции»: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 49-60. С обсуждением проблемы «вымышленности» непосредственно связан вопрос об историческом воображении. В этой связи хотелось бы напомнить уже давно высказанную и очень точную мысль: «Историк близок к писателю не тогда, когда недостаток материалов заставляет его пускаться в ход воображение. Как раз в этих случаях историк крайне осторожен в своих утверждениях и предположениях. Он “конкурирует” с писателем лишь тогда, когда обилие достоверного материала дает возможность нарисовать яркую картину действительности». Гулыга А.В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 43-44.

оценивал как потенциальную «коперниковскую революцию» в теории истории признание того, что мысль историка «автономна, независима и обладает неким критерием, которому должны соответствовать его так называемые авторитеты, критерием, на основании которого они и подлежат критической оценке». И этот критерий — «идея самой истории, идея воображаемой картины прошлого»¹⁹.

Ссылка на «коперниковскую революцию» в теории истории побуждает вспомнить яркие размышления М. Полани об «уроках коперниканской революции» в истории науки в главе «Объективность» его классического труда «Личностное знание», где он затронул столь живо обсуждаемую сегодня проблему неискоренимой *перспективности* мышления: «Коперник лишил человека позиции в центре Вселенной, позиции, которую предписывала ему как система Птолемея, так и Библия. С тех пор всевозможные моралисты многократно и решительно призывали нас оставить сентиментальный эгоизм и взглянуть на себя *объективно, в подлинной перспективе пространства и времени* (курсив мой. — Л. Р.). Что же это означает? Если посмотреть в ускоренном темпе фильм, точно запечатлевший с сохранением масштаба времени основные события истории Вселенной, то становление человека от первых его шагов до всех достижений XX века промелькнет на экране за долю секунды. Если же мы сделаем попытку изучать Вселенную объективно, уделяя одинаковое внимание равным по массе порциям материи, это закончится тем, что на протяжении всей нашей жизни мы будем изучать межзвездную пыль, делая небольшие перерывы для изучения скоплений раскаленного водорода; и не раньше, чем через тысячу миллионов исследовательских жизней, наступит момент, когда одну секунду времени можно будет посвятить изучению человека. Нет нужды говорить, что никто — включая ученых — не придерживается такого взгляда на вселенную, какие бы славословия ни возносились при этом “объективности”. Но нас это не удивляет. Потому что, будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформированного насущными потребностями человеческого общения. Всякая попытка полностью исключить человеческую

¹⁹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице...»²⁰.

Сегодня постнеклассическое состояние естественных наук позволяет недостаточно «строгой» гуманитарной дисциплине — историографии — преодолеть свой извечный комплекс научной неполноценности, противопоставив радикальному постмодернистскому релятивизму «здоровый» релятивизм в отношении пределов и критериев истинности, позаимствованный из современного естествознания²¹.

Как, однако, можно было бы согласовать «метаисторическую нарративность» как принцип исторического мышления, который логически противостоит научной объективности в представлении прошлого как истории, с академическими процедурами профессиональных историков с их приверженностью рациональному методу познания, претендующему на объективность. Йорн Рюзен попытался «примирить» эти две позиции в рамках концепции интересубъективной истины. Речь идет о такой концепции плюрализма, которая, учитывая современную ситуацию полипарадигмальности, базируется на принципе дополнительности, а также взаимной критике и взаимном признании²². В том же ключе, но на разных уровнях, рассуждают о данной проблеме большинство историков, так или иначе придерживающиеся «средней позиции», отражающей тенденцию «возвращения к реальному».

Развернутый анализ проблемы истинности и объективности в исторической науке представлен в трудах И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, особенно в фундаментальном двухтомном труде «Знание о прошлом: теория и история»²³. Речь, в частности, идет о

²⁰ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. С. 20.

²¹ Одно из предложений в этом духе — «корреляционная теория истины», согласно которой наше знание о прошлом обусловлено, но не детерминировано культурой, и реализм в отношении прошлого состояния мира совместим с культурным релятивизмом в отношении знания о нем. См.: McCullagh C. Behan. The Truth of History. L., 1998. P. 26-28.

²² Rüsen J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies // Symposium: History and the Limits of Interpretation. Rice University (USA). March 15-17. 1996. — <http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences>.

²³ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1–2. СПб., 2003–2006.

специфике исторического познания, относительности критериев истинности, объективности и достоверности в историческом исследовании; убедительно показана неизбежность и необратимость радикального обновления его теоретических оснований. При этом не размывается граница между «фактами» и «фикциями», а авторам не изменяет вера в возможности исторического познания и стремление к той самой столь специфичной и труднодостижимой «исторической истине». Процесс переформатирования и спецификации современной историографии не ведет к утрате ею образа «строгой науки» с собственными способами порождения нового знания. Ключевое слово здесь — именно *знание*, и вся проблематика *истинности, объективности, реальности, исторического факта* и т.п., включена в рассуждения по поводу современных представлений об этом комплексном понятии. Интегрируя выводы и наблюдения многочисленных исследований по проблеме знания в философии науки, социологии знания, психологии познания, авторы решительно отвергли тезис о том, что различие между субъективными представлениями, или мнениями, с одной стороны, и знанием, с другой стороны, связаны с самим объектом познания. Исходя из социологического значения, согласно которому слово «знание» является синонимом коллективных представлений о чем-либо, они определили знание — в соответствии с местом его формирования — как социально объективированное: «Иногда знание трактуется как представления или мнения, коллективно признаваемые *истинными*, однако этот подход выглядит ограниченным. Признание тех или иных мнений в качестве знания, скорее, должно интерпретироваться в терминах модальностей, выражающих более разнообразные способы оценки высказываний (правильное, хорошее, нужное и т.д.)... Поэтому точнее говорить о знании не как о мнениях, признаваемых истинными, а как о мнениях, просто *признаваемых* некоей группой»²⁴. И вполне последовательно отдельные типы знания — в данном случае это знание историческое — рассматриваются как равноправные формы конструирования социальной реальности, различающиеся специфическими характеристиками.

Введение в размышления о специфике исторической истины авторитетных теоретических концепций, логико-когнитивного

²⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом... Т. 1. С. 135.

анализа и анализа процедур формирования социального запаса знания существенно расширяет горизонты методологических дискуссий и способствует углублению и развитию теоретической рефлексии над конкретной исследовательской и экспертной практикой историков. Представляется также чрезвычайно важным, что тщательно разработанная авторами концепция была транслирована в практику профессионального исторического образования — в виде специального курса и учебного пособия «Теория исторического знания»²⁵, в котором были рассмотрены основные методологические проблемы историографии и способы их решения в современной исторической науке.

Проблема исторической истины в контексте разработки логики исторического познания и построения исторических гипотез и концепций рассмотрена в многочисленных трудах К.В. Хвостовой и В.К. Финна²⁶, в которых строгий логический анализ сочетается с глубоким пониманием исследовательской практики профессионального историка, а историческая истина определяется (с помощью четырехзначной логики, предполагающей наличие степеней истинности, т.е. большего или меньшего правдоподобия) как плюралистическая. Представления о консенсусном характере исторической истины, как основанные на двузначной логике²⁷ подверга-

²⁵ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания: Учеб пособие. СПб.: Алетейя; М.: ГУ ВШЭ, 2008.

²⁶ См., в частности: Хвостова К.В., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997; Финн В.К. Проблемы концептуализации и аргументации в социологическом и историческом знании // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2002. С. 11-18; Хвостова К.В. Некоторые гуманитарные аспекты проблемы уточнения исторического знания // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2002. С. 19-27; Хвостова К.В. Диалог со временем и современная количественная история // Диалог со временем. 2006. Вып. 16. С. 134-146; Хвостова К.В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 22-33; Финн В.К. Интеллектуальные системы и общество: идеи и понятия. М., 2007; Хвостова К.В. Актуальные проблемы исторического познания // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2008. С. 5-18; и мн. др.

²⁷ Речь идет об однозначном понимании некоторого суждения — либо как истинного, либо как ложного, когда исключаются промежуточные состояния, характеризующие степени истинности и ложности.

ются аргументированной критике. Специфику исторической истины К.В. Хвостова видит не только в плюралистичности, но и в ее условном характере, связанном «с авторским выбором и критериями постановки проблемы и с авторской эвристикой в целом. Кроме того, важнейшая отличительная черта исторической истины состоит в том, что она всегда мыслится как некоторый предел, вокруг которого по степени своего правдоподобия располагаются различные суждения, гипотезы и выводы отдельных ученых, акцентирующих в своих исследованиях различные стороны изучаемой ими реальности, избирающих разные методы и аргументы для обоснования своих рассуждений»²⁸. Подчеркивается, что только при следовании твердым правилам организации исторического дискурса, которые включают «определение используемых понятий, характеристику поставленных проблем и избранной эвристики, описание использованных источников и оценку их значения для решения поставленной проблемы, можно говорить об объективности и истинности выводов»²⁹.

В своих работах К.В. Хвостова также не раз обращалась к проблемам трансдисциплинарности, в том числе таких как проблема значимости и границ выводов современной синергетики для изучения истории, а также проблема применения в истории математического моделирования³⁰. На примере собственных конкретно-исторических исследований демонстрируется усложненная структура социогуманитарного знания, с признанием значимости размытых границ между отдельными дисциплинами в рамках расширенной эпистемологии. В результате выбора исследователем (на основе интуиции) коммуникативной стратегии, объединяющей возможности разных дисциплин, возникает внеисточниковое знание, способствующее расширению возможностей познания. «Соответственно, характеристика источников включает субъективные оценки авторов, связанные, в частности, с их трансдисциплинар-

²⁸ *Хвостова К.В.* Проблема истины и объективности в исторической науке // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 37.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ См., в частности: *Хвостова К.В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. М., 2009. С. 91-129.

ной позицией»³¹. Обращаясь к проблеме особенностей исторического познания, К.В. Хвостова отмечает особую роль индукции в исторических исследованиях. Она подчеркивает, что в современной философии познания и естественнонаучном знании индукция не рассматривается как метод, с помощью которого могут быть сформулированы общие законы; они «формулируются на теоретическом уровне научного исследования как результат научной интуиции, основанной на аргументированном предположении о стабильности, т.е. закономерной повторяемости в значительном пространственно-временном диапазоне выявленных с помощью индукции на конкретном и ограниченном материале особенностей воспроизводства явления во времени. Исследовательская ситуация в историописании выглядит иначе. Историк изучает явления всегда в фиксированном пространственно-временном диапазоне» (в рамках определенного хронотопа)³².

Совершенно иначе проблематика пространства-времени в историческом познании рассматривалась А.Я. Гуревичем³³. Речь идет о «территории историка» в понимании «особого интеллектуального пространства истории» («это, собственно, и есть “пространство-время” исторического исследования»), предложенном им в известной одноименной статье, посвященной размышлениям над самыми чувствительными эпистемологическими и методологическими вопросами³⁴. «Изобретает» ли историк свой источник? В какой мере его интерпретацию той или иной исторической проблемы определяют конъюнктурные обстоятельства, социально-политические взгляды и психологические свойства историка, а в какой мере — тенденции и логика развития исторической науки, «историческая дисциплина как *научное* занятие со своими собственными закономерностями, традициями, со своим профессионализмом, присущими ей критериями истинности?». Да, историк «создает» свой предмет — в том смысле,

³¹ Хвостова К.В. Трансдисциплинарность в историческом знании // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 9-12.

³² Хвостова К.В. Актуальные проблемы современной эпистемологии и методологии истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 13.

³³ См.: Гуревич А.Я. «Территория историка». С. 106-109.

³⁴ См.: Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. 1996. М.: Coda, 1996. С. 81-109.

что он формулирует проблему своего исследования. Постановка проблемы «диктуется логикой исторического знания, теми трудностями, с которыми оно столкнулось», но вместе с тем, он «вопрошает прошлое от имени современности», «от имени того общества, той культуры, к которым он принадлежит. Мы не можем задавать прошлому вопросы, которые нас оставляют холодными, которые нас не интересуют»³⁵.

В этом кратком описании базовой исследовательской процедуры в ее современном понимании А.Я. Гуревичу, по существу, удалось комплексно охарактеризовать когнитивные, социально-ценностные и эмоционально-психологические условия исторического познания в их взаимосвязи и неискоренимости, и на этом фундаменте построить то, что можно назвать оптимистической версией исторической эпистемологии нынешнего века, с новым пониманием *объективности и рациональности, объекта и предмета* исторического исследования, а также *исторической истины*: «Восстановить картину того фрагмента прошлого, который мы исследуем, во всей полноте и бесконечном многообразии, во всех его бесчисленных связях и переплетениях нам не дано. То, что мы историки изучаем, есть именно предмет, т.е. тот образ прошлого, который возникает перед нашим умственным взором, когда мы формулируем свои вопросы. Это тот образ прошлого, который в результате наших настойчивых усилий создается из дошедших до нас посланий исторических источников». Итак, памятник прошлого «извлекается с полок архивов и библиотек для того, чтобы начать новую жизнь. Источник не создан историком, он перестроен им и по-новому истолкован». При этом требуется поставить анализируемый источник «в какие-то связи с другими памятниками, другими источниками»³⁶. Иными словами, чтобы «правильно понять культурное наполнение и внутреннее содержание» того или иного текста необходимо изучить соответствующий комплекс памятников.

Ключевая установка состоит в том, что «работа с источником органически связана с изучением культуры. Источниковедение из вспомогательной исторической дисциплины перерастает в нечто совершенно иное — в изучение культуры, в недрах которой возник

³⁵ См.: Гуревич А.Я. «Территория историка». С. 82-83.

³⁶ Там же. С. 84-87.

исторический источник. Вместе с тем источниковедческий анализ перестает быть некоей предварительной стадией исторического исследования, ибо единоборство с источником не может не пронизывать это исследование от начала до конца». Исторический источник «непрозрачен», и его связанная с серьезными трудностями «дешифровка», требует овладения профессиональными навыками и адекватным набором исследовательского инструментария. Однако оптимистический вывод состоит в следующем: «памятники прошлого способны дать нам информацию о нем, сколь ни сложно то преломление, в каком оно предстает в источниках»³⁷.

Теория когнитивной истории О.М. Медушевской, утверждая тезис о познаваемости исторического процесса, еще прочнее связывает источниковедческий анализ с проблематикой культуры. О.М. Медушевская создает целостную картину истории как эмпирической «строгой науки», способной давать точное, доказательное, верифицируемое знание, приближающееся по своим исследовательским критериям к естественнонаучному знанию. На первый план решения этой сложной теоретической и одновременно актуальной практической задачи О.М. Медушевская выводит источниковедение, «жанр источниковедческих исследований крупных видовых комплексов источников, их информации»³⁸.

Объектом исторического познания в феноменологической концепции О.М. Медушевской выступает *эмпирическая реальность исторического мира* — совокупность произведений человека / продуктов культуры, как овеществленный результат преобразования человеческим мышлением воспринятой из окружающего мира информации в идеи и понятия. Соответственно, предмет истории определен как «исторически сложившаяся совокупность человеческой деятельности, которая воплощает себя в окружающем мире, создавая интеллектуальные продукты»³⁹. Таким образом, информационный ресурс, адекватно представляющий эту совокупность, выступает как искомый эмпирический репрезентативный макрообъект исторической науки. Исследователь «обращен к этому макрообъекту как к источнику информации (в соответст-

³⁷ Там же. С. 97.

³⁸ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С. 228.

³⁹ Там же. С. 23-24.

вии со своим предметом изучения) об историческом процессе в его глобальной и эволюционной целостности»⁴⁰.

Продолжая свои теоретические построения, О.М. Медушевская вновь обращается от «макрообъекта» к индивиду в его межличностных взаимодействиях и общественных связях. Именно через созданный одним человеком и прочитанный «другими» интеллектуальный продукт осуществляется связь между индивидом и социумом⁴¹. При этом каждый интеллектуальный продукт несет в себе, с одной стороны, отражение целеполагания его автора, а с другой — «отражает ту общую картину мира, то информационное пространство, в которое данный продукт органично вошел после его создания»⁴². Именно в «приобщении» к единому информационному ресурсу сообщества «выстраиваются иерархии, в том числе социальные, культурные, возрастные, гендерные, соответствующие ценностные ориентиры»⁴³.

Опираясь на общий принцип единства моделей целенаправленной человеческой деятельности, О.М. Медушевская ставит ключевой для оценки достоверности (как соответствия свидетельства исторической реальности) вопрос: «какую информацию следовало в данной исторической реальности включить в свой интеллектуальный продукт, чтобы достичь цели. Ради которой этот продукт создавался. При такой постановке вопроса намеренные свидетельства станут вполне достоверным источником об обстоятельствах, в которых действует данный индивид»⁴⁴.

⁴⁰ Там же. С. 67. Рассматривая источник и соответствие видовой упорядоченности исторических источников изучаемой эпохе в духе феноменологической парадигмы, О.М. Медушевская представляет в развернутом виде иное определение источниковедения, отличное от традиционного: «эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются *интеллектуальные продукты*, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом — конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом. Предметом источниковедения выступает изучение свойств эмпирического *макрообъекта* как источника информации», разработка его свойств и методов оценки *значимости информационного ресурса* этого объекта». — Там же. С. 352.

⁴¹ Там же. С. 41.

⁴² Там же. С. 55.

⁴³ Там же. С. 124.

⁴⁴ Там же. С. 119.

Иными словами, рассматривая (с позиций структурно-функционального подхода) цели и намерения индивидов через посредство созданных ими определенных видов источников, можно представить адекватный времени срез информационной среды, в широком смысле — культуры изучаемой эпохи. Однако информационный объем интеллектуального продукта (информационного потенциала исторического источника) всегда значительно шире, чем намеренно транслируемый запас информации. Для получения более полных данных об эпохе, помимо того информационного ресурса, который включен в источник намеренно в соответствии с его видовой структурой, используется и тот, который попал в источник независимо от сознания автора («ненамеренные свидетельства эпохи») и требует «раскодирования»).

В центре исследования оказывается построение научной интерпретационной гипотезы, которая требует выяснения следующих вопросов: 1) «*пространственно-временные координаты* (время и место) создания исследуемого произведения»; 2) «*базовые параметры* информационной системы, в рамках которой действовал создатель произведения (картина мира и объем знаний в его время)»; 3) «*социально-психологические условия* формирования его индивидуальной картины мира»; 4) «*иерархия функционирующих систем*, по нормам и правилам которых он существовал в своем сообществе»; 5) «*видовая структура* созданного им произведения; координация видовой структуры произведений данного вида и структуры текста как его части». В данной интерпретационной модели, «произведение предстает таким, каким было задумано и сформировано — всегда достоверным в главном. — как явление своего времени, как выражение мышления, *общих правил и индивидуальных способов и приемов его преобразования* (курсив мой. — Л. Р.) в реализованный продукт»⁴⁵.

Работа О.М. Медушевской, посвященная теории и методологии когнитивной истории, носит подлинно новаторский характер, в том числе на уровне трансдисциплинарном. Автор связывает «прогресс в распознавании качества информационного ресурса» именно с теоретическим знанием, а конструктивный наддисциплинарный диалог представителей научных сообществ считает возможным «при условии общих философских позиций феноме-

⁴⁵ Там же. С. 282-283.

нологии, методологии структуралистской компаративистики, источниковедческой компетентности в распознавании качества информационного ресурса, развития интерпретационных методов, анализа содержания интеллектуального продукта человеческой целенаправленной деятельности»⁴⁶.

В ПОИСКАХ ИНТЕГРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ

Последние десятилетия XX и начало XXI века ознаменовались глубокими изменениями в структуре, содержании и методологии социального и гуманитарного знания и радикальной перестройкой современной исторической науки как его неотъемлемой части. «Культурный», «прагматический», «мемориальный», «визуальный», «пространственный» и другие «повороты» открыли перед исторической наукой новые перспективы: произошло беспрецедентное расширение направлений взаимодействия истории с другими социальными и гуманитарными науками, возникли новые объекты и методы исторического исследования, был вовлечен в научный оборот колоссальный массив новых источников, выработан целый ряд принципиально новых подходов к анализу источников традиционных, появились новые эффективные способы обработки информации.

Масштаб произошедших сдвигов дал весомые основания охарактеризовать ситуацию в исторической науке рубежа веков как подлинную *историографическую революцию*, преобразившую не только облик исторической науки, но и ее место в общественном сознании и культуре современной эпохи⁴⁷.

⁴⁶ Там же. С. 330.

⁴⁷ Обсуждение этих вопросов занимало центральное место на страницах «новой волны» научных периодических изданий, основанных в самом конце прошлого и на заре нынешнего века (см.: «Одиссей. Человек в истории», «Казус», «Диалог со временем», «Мир историка» и др.), а также на научных форумах и в сборниках научных статей: Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004; Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005; Историческая наука сегодня: теории, мето-

Понятие *историографическая революция*, введенное в отечественную литературу М.А. Баргом еще в 1989 г.⁴⁸, было актуализировано в 2000-е годы в работах Б.Г. Могильницкого и вошло в научный оборот. Заметная неопределенность в его употреблении связана с тем, что содержание употребляемого понятия всякий раз зависит от того, к какому этапу развития самого этого сложного процесса делается отсылка тем или иным автором. Анализируя эти различия в статье с красноречивым названием «История на переломе»⁴⁹, Б.Г. Могильницкий отметил, что кажущиеся противоречивыми определения не исключают, а напротив, дополняют друг друга, так как отражают разные этапы историографической революции. Первые два этапа он условно обозначил как «объективистский (сциентистский) и субъективистский (постмодернистский)», ознаменованный «поворотом к субъективности», связав начало второго этапа с «открытием» микроистории как ведущего жанра исторического исследования⁵⁰ и сосредоточив свое внимание на развертывании третьего этапа, на котором «постмодернистская терминология прочно вошла в методологический арсенал науки», получив при этом «иное содержательное направление». Углубление рефлексии относительно неоднозначных последствий «постмодернистского вызова» и перспективных теоретических разработок второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. дало основание полагать, что на смену «поворота к субъективности» приходит «сбалансированный подход к изучению прошлого, основывающийся на стремлении к целостному осмыслению истории в единстве ее объективных и субъективных начал». На этом этапе страте-

ды, перспективы...; История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013; и др.

⁴⁸ Указывая на радикальные перемены в понимании предмета исторической науки и качественное обновление ее исследовательского инструментария в 1960–1980-е гг., М.А. Барг резюмировал: «Мы не допустим преувеличения, если назовем перемены, происходящие ныне в научном арсенале исторической науки, историографической революцией». — *Барг М.А. Человек — общество — история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 45.*

⁴⁹ *Могильницкий Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории... С. 5-22.*

⁵⁰ Там же. С. 5-6.

гический вопрос заключался «в выборе историками социальных теорий, способных помочь в их исследовательской практике и вместе с тем в их умении определенным образом дистанцироваться от них, сохраняя свою профессиональную самостоятельность»⁵¹.

Теоретические дискуссии и обсуждение социальных функций истории, многочисленных вопросов, поставленных перед исторической наукой современным обществом, оказались тесно связаны друг с другом, поскольку сохранение за ремеслом историка достойного общественного статуса невозможно без восстановления синтезирующего потенциала исторического знания, изначально предполагающего, наряду с обширным комплексом эмпирических исследований, глубокий анализ теоретических оснований, методологических аспектов и актуальной исследовательской практики мировой и отечественной историографии, а на этом фундаменте — создание *исторических теорий* как «теорий среднего уровня», которые имеют инструментальное значение и опираются на взаимодополняемость конкурирующих исследовательских стратегий.

Речь идет о реабилитации рационально-научного объяснения в историческом познании, а, следовательно, и о разработке *исторических теорий* — имеются в виду *теории среднего уровня*, которые, не являясь простыми производными от общественно-научных теорий, «интерпретируют взаимосвязь между индивидуальными действиями и социальными структурами»⁵². Нельзя не согласиться и с резюме А.В. Лубского (вслед за другими авторами)⁵³ о том, что историческая теория имеет инструментальное значение, вероятностный характер, акцентирует взаимосвязь объективного и субъективного (что и обуславливает ее познавательную эффективность), не обладает универсальностью (эвристически ограничена), всегда предполагает наличие альтернативных теоретических интерпретаций.

Выделяя в структуре методологии исторического исследования четыре уровня (*модель исторического исследования; парадиг-*

⁵¹ Там же. С. 18.

⁵² Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С. 282.

⁵³ Автор ссылается, в частности на работы: Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000; Могильницкий Б. Г. Историческая теория как форма научного познания // Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001. С. 3-7.

ма исторического исследования; исторические теории, методы исторического исследования), А.В. Лубский также вполне обоснованно констатировал формирование в рамках *критико-реалистического направления* интегральной неоклассической модели исторического исследования, отражающей познавательные интересы, методологические ориентиры и определяющей особое видение предмета исторического исследования, его когнитивной стратегии, способов познавательной деятельности и роли ученого в производстве исторического знания. Был обозначен переход «от одномерных интерпретаций истории к многомерным на основе синтеза “положительных” когнитивных установок классической и неклассической моделей»⁵⁴. С позиций неоклассической рациональности А.В. Лубский рассматривает также проблемы преодоления дихотомии между историей как наукой и историей как повествованием в рамках конструктивного реализма⁵⁵.

Высокая оценка когнитивного потенциала теорий среднего уровня определила задачу создания и применения в конкретно-историческом исследовании модели, основанной на синтезе конкурирующих стратегий. Оригинальная конструкция полидисциплинарной методологии анализа, разработанная «на базе *методологически сопоставимых и комплементарных подходов, фокусирующихся вокруг проблемы бессознательного*», и ориентированная на решение «проблемы изменчивости ментальных структур в их системной взаимосвязи с историческим контекстом», была разработана и успешно апробирована в практическом исследовании крупномасштабных социальных трансформаций раннего Средневековья и начала Нового времени в монографии

⁵⁴ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 86, 267, 271.

⁵⁵ Представители конструктивного реализма рассматривают историческое познание как такую когнитивную деятельность, которая предполагает взаимодействие историков, с одной стороны, с трансцендентальной исторической действительностью, а с другой — друг с другом. В рамках этих взаимодействий конструируются «жизненные миры» как картины исторического прошлого, которые не только соответствуют самой исторической действительности, но неизбежно несут на себе «почерк» познающего. См.: Лубский А.В. История как строгая наука vs нарративная логика историописания // Диалог с временем. 2013. Вып. 44. С. 53-61.

И. Ю. Николаевой⁵⁶. Речь идет о полидисциплинарной технологии, дающей возможность верифицировать полученные с ее помощью результаты и проверить ее эвристический потенциал на региональном конкретно-историческом материале. Особенно важна в этом плане последовательно проведенная проверка совместимости избранного автором социально-психологического инструментария (и, соответственно, предлагаемой синтетической технологии) с макроисторическими теориями среднего уровня — теорией типологии генезиса феодализма и теорией типологии раннеевропейской модернизации. Данная модель методологического синтеза «предполагает получение нового верифицируемого знания в истории путем привлечения дополняющих и контролирующих (!) друг друга исследовательских установок и методик, наработанных в других дисциплинах»⁵⁷.

При всем видовом различии неоклассические модели, опирающиеся на личностный, локальный или даже глобальный подход к истории, имеют важные общие предпосылки: это, прежде всего, понимание социального контекста деятельности как ситуации, задающей не только условия, но вызовы и проблемы, которые требуют своего разрешения, а также установка на то, что субъективность исторического актора (индивида или группы) во многом определяет результаты его деятельности, которая, в конечном счете, преобразует собственный контекст.

Однако сочетание в представлении о социальной (исторической) реальности, с одной стороны, идеи единства, целостности, глобальности, а с другой — разнообразия, различия, локальности порождает трудноразрешимую методологическую проблему: как создать условия для совмещения и сравнения результатов, полученных на разных уровнях наблюдения. В этой связи внимание ряда российских историков⁵⁸ привлекла сетевая модель, реализо-

⁵⁶ Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

⁵⁷ Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории... С. 3-4.

⁵⁸ См., в частности: Ретина Л.П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Диалог с временем. 2011. Вып. 36. С. 5-8; Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле исторической науки: от

ванная в исследовании глобальной истории интеллектуальных изменений американским социологом Р. Коллинзом. В этой модели локальная ситуация выступает как безусловно необходимая, отправная, но не конечная точка анализа, макроструктуры не реифицируются, «как если бы они были сами по себе существующими объектами», но рассматриваются как «объединение цепочек локальных столкновений...»⁵⁹.

В мировой историографии в настоящее время можно констатировать наличие солидного и постоянно пополняющегося корпуса работ, обсуждающих теоретические проблемы истории в новой интеллектуальной ситуации, как она сложилась к началу третьего тысячелетия. Знаменательно, что речь в них, как правило, идет не о теории исторического процесса или о применении в историографии теорий социально-гуманитарных наук, а именно об «*исторической теории*», о теории исторического знания. При этом терминологическое разнообразие в предложениях теоретического характера, которые можно в них обнаружить, не заслоняет их родовую концептуально-методологическую общность в контексте формирования «новой рациональности» и нового образа исторической науки. Стоит, однако, заметить, что значимое продвижение работы над терминологией состоялось именно в российской историографии. Создание терминологического словаря «Теория и методология исторической науки»⁶⁰ стало первой попыткой провести теоретико-методологическую инвентаризацию профессионального языка. Это издание, не имеющее аналогов как в России, так и за рубежом, не случайно было оценено как знаковое историографическое явление⁶¹. Основное содержание словаря составили статьи

размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 24-44; и др.

⁵⁹ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 67.

⁶⁰ Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Ред. колл. А.О. Чубарьян (отв. ред.), Л.П. Репина (зам. отв. ред.) и др. М.: Аквилон, 2014. Очень скоро вышло и второе издание: Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016.

⁶¹ Селунская Н.Б. Современный язык историка-профессионала (Рецензия на книгу: Теория и методология исторической науки. Термиоло-

четырёх разделов: 1) базовые понятия и категории, 2) теории и концепции исторической науки; 3) подходы и методы исторического исследования; 4) структура исторического знания.

Авторы исходили из того, что изменение терминологии исторической науки — следствие, прежде всего, ее развития, поскольку каждая новая точка зрения на тот или иной предмет научно-исторического исследования влечет за собой ввод новых исторических терминов или семантическую трансформацию старых, изменение их содержания и объема, или даже вывод их из обращения. Несмотря на стремление преодолеть «терминологический хаос», учитывалось, что в условиях методологического плюрализма исторические термины приобретают полисемантический характер, поскольку те или иные значения, которыми они наделяются, зависят от выбора методологической позиции. В этом плане словарь как бы подвел промежуточный итог развития исторической науки на рубеже XX–XXI вв., ее теоретическим достижениям, как предметного, так и методологического характера.

Происходившее в историографии конца XX – начала XXI в. движение в направлении новой концептуализации социально-исторической реальности опиралось главным образом на социологические теории 1980-х гг., которые были созданы в противовес концепциям постмодернизма и анализировали организацию социальной жизни в комплексе взаимодействий ее локальных и интегральных составляющих. В соответствии с этими теориями именно практики, а не структуры, становятся отправным пунктом социального анализа, обогащенного «субъективной перспективой» действующих индивидов — последовательным анализом их ментальных актов и интерпретационных схем, акцентирующим расхождения между культурно заданными значениями и индивидуальным, исторически обусловленным их употреблением.

Сторонники «новой культурной истории» в профессиональном историческом сообществе пристально следят (и часто следуют) за ведущими теоретиками-социологами в их поисках «третьего пути» в представлении теоретической модели социальной реальности как синтеза между объективизмом системно-структурного подхода и субъективизмом феноменологии. «Прагматический по-

ворот» привел к укоренению категории «практик» в самом широком спектре предметных полей современного социогуманитарного знания, и в рамках этой парадигмы появилось новое представление об исторической социальности — через процесс формирования социального в деятельности культурных субъектов. В предлагаемой *деятельностной* перспективе появляется шанс раздвинуть узкие шоры привычного историкам ретроспективного видения, преодолеть линейное историографическое мышление, которое редуцирует многообразие возможностей прошлых ситуаций (с их сложной динамикой и открытым, отнюдь не предопределенным будущим) к «реально состоявшемуся», а точнее — к выстроенному с презентистской позиции, историческому процессу. В описанной модели оказывается возможным эффективное включение истории в пространство социогуманитарного методологического синтеза.

Нельзя не заметить, что активные методологические поиски конца XX – начала нынешнего столетия велись зачастую по разным интеллектуальным каналам, но практически параллельным курсом и, по сути, в одном направлении. Заметную роль в «пространстве возможного», ограниченном нормами исторической критики, занимают модели, базирующиеся на признании определяющей роли социального контекста в отношении всех видов коллективной деятельности (включая и языковую), и следующие в своем стремлении уйти от дихотомий «литературы и жизни», «индивида и общества» за оригинальной диалогической концепцией М. М. Бахтина⁶². Индивидуальный опыт и смысловая деятельность понимаются в контексте межличностных и межгрупповых отношений внутри изучаемого социума, с учетом наличия множества так называемых «конкурентных общностей», каждая из которых может задавать индивиду свою «программу поведения» в тех или иных обстоятельствах. С одной стороны, прочтение каждого текста включает его «погружение» в контексты дискурсивных и социальных практик, которые определяют его горизонты, а с другой стороны, в каждом тексте раскрываются различные аспекты этих контекстов и обнаруживаются присущие им противоречия и конфликты. В изучении истории повседневности приоритет отдается анализу символических систем, и, прежде всего, лингвистических

⁶² См., в частности: *Nielsen G.M. The Norms of Answerability: Social Theory between Bakhtin and Habermas. Albany, 2002.*

структур, посредством которых люди прошлого воспринимали реальный мир, познавали и истолковывали окружающую их действительность, осмыслили пережитое и рисовали в своем воображении будущее. В исследованиях этого рода привлекает комбинация двух познавательных стратегий: с одной стороны, пристальное внимание к «принуждению культурой», к способу конструирования смыслов и организации культурных практик, к лингвистическим средствам, с помощью которых люди представляют и постигают свой мир, а с другой — выявление активной роли действующих лиц истории и способа, которым исторический индивид — в заданных и не полностью контролируемых им обстоятельствах — мобилизует и целенаправленно использует наличествующие инструменты культуры, даже если результаты деятельности не всегда и не во всем соответствуют его намерениям.

Ключевыми концептами в развернувшейся ревизии лингвистического подхода стали «опыт» (несводимый к дискурсу) и «практика». Причем именно понятию «практика», содержание которого может быть описано как *совокупность осознанных и неосознанных принципов, организующих поведение*, отдается предпочтение перед понятием «стратегии», которое акцентирует сознательный выбор. Поиски новой исследовательской парадигмы привели к разработке концепций исторического развития, группирующихся вокруг разных теорий «прагматического поворота»⁶³. Эти «теории практики» выводят на первый план действия исторических акторов в их локальных ситуациях, в контексте тех социальных структур, которые одновременно и создают возможности для действий, и ограничивают их, осуществляя «структурное принуждение». Вопрос о том, как действующие лица истории изменяют условия своего существования и деятельности, потребовал разработки интегральной теоретической модели, включающей механизмы индивидуального выбора⁶⁴.

⁶³ Подробно о работах теоретиков «прагматического поворота» и многообразных концепциях «практики» в социальных науках см. в книге: Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб., 2008.

⁶⁴ См.: Ретина Л. П. Комбинационные возможности микро- и макроанализа // Диалог со временем. Вып. 7. 2001. С. 61-88; а также: Ким С.Г. Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика. Томск, 2002. С. 26-37.

В современной мировой историографии все больше ученых демонстрируют приверженность к направлению *социокультурной истории*, педалируя при этом свои отнюдь не тематические, а именно методологические предпочтения — ориентацию на синтез социальной и культурной истории, макро- и микроанализа, объяснения и понимания. Исследовательские процедуры строятся на перемежающихся переходах между микро- и макроуровнями. Нет и не может быть единого, отвлеченного от конкретной исследовательской ситуации, рецепта интеграции микро- и макроподходов, и именно логическая разнонаправленность делает их комбинационные возможности исключительно перспективными. Имеются многочисленные образцы практического решения этой проблемы, опирающиеся на различные методики локального анализа и исследования исторических казусов, последовательно вписываемых в более широкие контексты.

В практике «новой социокультурной истории» культура выступает не как детерминирующая система символов и знаков, а как набор компетенций, инструментов или стратегий, посредством которых индивид использует эти символы и знаки в своей практической деятельности⁶⁵. Или — в метафорическом выражении: «Культура, как и язык, дает индивиду определенный набор возможностей — что-то вроде клетки из гибких и невидимых прутьев, ограничивающей его свободу»⁶⁶. Конечно, можно акцентировать либо слово *клетка*, либо понятие свободы, пусть и ограниченной «гибкими и невидимыми прутьями». И все же здесь обозначена именно двойная и — что для историка особенно важно — процессуально понимаемая система детерминации.

Не имея возможности в рамках данного раздела подробно рассмотреть все предложения инновационного характера, так или

⁶⁵ Иначе говоря, знаковые системы «задают условия, но не управляют» этим процессом. См., например: *Sewell W. The Concept(s) of Culture // Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture / Ed. by V. E. Bonnell, L. Hunt. Berkeley, 1999. P. 44; Biernacki R. Language and the Shift from Signs to Practice in Cultural Inquiry // History and Theory. 2000. Vol. 39. No. 3. P. 289; Lorenz C. Some Afterthoughts on Culture and Explanation in Historical Inquiry // History and Theory. 2000. Vol. 39. No. 3. P. 350.*

⁶⁶ *Гинзбург, Карло. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000. С. 42.*

иначе заявившие о себе в отечественной исторической науке на рубеже XX–XXI вв., остановимся на анализе развития двух концепций (разного теоретического уровня) в исследовательском пространстве социокультурной истории.

ДИАЛОГ С «ИНЫМ» В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

На рубеже веков уже в полной мере проявились последствия «культурного поворота», в котором получили яркое отражение как небывало возросший интерес к проявлениям человеческой субъективности в прошлом и настоящем, так и стремление к ее контекстуализации на новой теоретико-методологической основе, соответствующей глобальному характеру современной цивилизации, целям развития межкультурного диалога и принципу единства в многообразии. Изучение и сопоставление картин мира, особенностей ценностных систем и содержания культурных идеалов разных исторических социумов и цивилизаций — одна из центральных проблем современной исторической науки, и эта тенденция останется ведущей, по меньшей мере, на ближайшие десятилетия, хотя в связи с экспансией и претензией на универсальность «культурной истории» перед исследователями встают новые проблемы. Отказ от «соблазнов» абсолютизации однозначно социального или же культурного детерминизма неизбежно влечет за собой труднейший «вечный» вопрос: как репрезентировать разноразмерные социокультурные общности и траектории их исторической динамики, не элиминируя *уникальное* и *особенное* в качествах и действиях составляющих эти общности индивидуальностей. К тому же, эффективность той или иной из выстраиваемых историками версий методологического синтеза во многом определяется глубиной освоения профессиональными историками теорий «смежных» наук, которая, как правило, остается недостаточной⁶⁷.

Оптимизм в отношении тенденций развития исторического знания (по крайней мере, в ближайшей перспективе) внушает то обстоятельство, что сегодня заметное предпочтение в историогра-

⁶⁷ Подробнее см.: Ретина Л.П. Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 1 (13). С. 24–32.

фии отдается контекстуальным подходам, что, правда, проявляется в разных ее областях неравномерно и в модифицированных формах. Тем не менее, общий вектор, несомненно, указывает на переход от *каузального* объяснения к *контекстуальному*. Сегодня как никогда актуально звучит высказанный еще в середине XX века тезис К. Гирца: «культура не является причиной, обуславливающей события, поведение, институты или процессы; это *контекст* (курсив мой. — Л.Р.), в котором их можно вразумительно, то есть подробно, описать»⁶⁸. Получило распространение понимание исторического контекста как ситуации, задающей не только социальные условия любой деятельности, но также конкретные вызовы и проблемы, которые требуют разрешения в рамках этой деятельности⁶⁹. В широчайшем диапазоне социокультурной истории, наряду с обширным корпусом работ, нацеленных на анализ исторических типов, форм, различных аспектов и казусов межкультурного взаимодействия, достойное место занимают исследования проблем индивидуальной и коллективной идентичности, соотношения истории и памяти, которые сегодня привлекают внимание представителей всех социальных и гуманитарных дисциплин и создают удобную «площадку» для будущего, более методологически продуманного трансдисциплинарного сотрудничества.

Взаимодействие культур в пространстве («по горизонтали») и во времени («по вертикали») выступает ныне как приоритетный предмет исторического исследования. Это — не в последнюю очередь — проблема понимания и восприятия чужой культуры в контексте самого процесса познания прошлого: ведь понятие «диалог культур» подразумевает не только пространственную, языковую, этническую, социальную, но и темпоральную, историческую дистанцию между коммуникантами, диалог между ними в режиме Большого времени. Размышляя над получившими широкое признание диалогическими идеями М.М. Бахтина, выдающийся российский философ В.С. Библер писал, в частности, о «двух полюсах

⁶⁸ Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. N.Y., 1973. P. 14.

⁶⁹ Стоит, однако, отметить, что «всеобщая контекстуализация», накладывающая необходимые ограничения на воображение историка, благоприятна для анализа статичных состояний, но противопоказана для объяснения социально-исторической динамики. См.: Burke P. Varieties of Cultural History. Cambridge, 1997.

диалога»: один — «микро-диалог, пронизывающий каждый атом, каждую единицу нашего сознания, мышления, речи», который «живет и тогда, когда реального собеседника не существует». «Второй полюс — диалог в Большом времени, <...> это диалог культур, монолитных культурных блоков, постоянно способных актуализировать свой смысл и формировать свои новые смысловые пласты... этот диалог осуществляется в сознании человека»⁷⁰. Речь идет о «понимании каждой культуры (античной, средневековой, нового времени, восточной) как Собеседника, как одного из участников диалога»⁷¹. Здесь следует обратить особое внимание на то, что речь идет именно о *Собеседнике*, а не о простом информаторе. Понимание социокультурной инаковости прошлого, по сравнению с миром настоящего, отношение к прошлому как одной культуры к другой есть неперемнное условие взаимодействия историка (и, соответственно, современной ему культуры, составной частью которой является историческая наука) с доступными остатками иной культуры — памятниками-текстами изучаемой исторической эпохи, с субъективной реальностью, заключенной в источнике. Это отношение современной исторической науки к прошлому превращает познавательный процесс из авторитарного монолога исследователя в «равноправный диалог двух культур»⁷².

Неоценимый вклад в разработку важнейших для современно-го исторического знания эпистемологических и методологических проблем внес Ю.Л. Бессмертный. Попытаемся прежде всего выявить специфику и проследить логику развития предложенной им оригинальной исследовательской программы изучения частной жизни, внутреннего мира и поведения людей отдаленных эпох, а также его размышлений о возможных путях перехода от анализа «необычных казусов» к пониманию своеобразия исторической целостности («этого странного прошлого»)⁷³.

⁷⁰ Библер В. С. Диалог. Сознание. Культура. (Идея культуры в работах М. М. Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989. С. 21-59. (С. 55-56).

⁷¹ Библер В. С. Диалог. Сознание. Культура. С. 28.

⁷² Могильницкий Б. Г. Методология истории в системе университетского образования // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 12.

⁷³ Подробный анализ предложенной ученым исследовательской программы изучения частной жизни, внутреннего мира и поведения людей прошлого, а также его размышлений о возможных путях перехода от ана-

В фокусе работ Ю.Л. Бессмертного на рубеже веков⁷⁴ находился эпистемологический поворот, суть которого автор видел в резкой смене «используемых дискурсов, метафорики, самой логики анализа» Новые явления в историографии он расценивал как свидетельство «в пользу решительного отказа от эволюционистски-преемственной позиции, исходя из которой феномены прошлого интерпретируются в рамках семантического ряда, единого с их аналогами более позднего времени»⁷⁵.

Выступая на Второй ежегодной конференции Общества интеллектуальной истории (2000 г.), Ю.Л. Бессмертный специально остановился на проблеме глубоких качественных переломов в познавательных подходах историков. Рассматривая такой эпистемологический поворот на материале современной медиевистики, он связал его с попытками познать Средневековье с помощью «набора мыслительных приемов», характерных для людей того времени, а не для современности исследователя, т.е. дополнить «эго-логический анализ» прошлого «альтеро-логическим», который позволяет «глубже осмыслить своеобразие людей прошлого, их принципиальную непохожесть на нас, необходимость для их понимания избавиться от представления об их, так сказать, неизбежной “недоразвитости” по сравнению с нами»⁷⁶.

лиза «необычных казусов» к пониманию своеобразия исторической целостности, см.: Репина Л.П. Историк в поиске: к 90-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 232-248.

⁷⁴ Наиболее значимы из них следующие: Бессмертный Ю.Л. Это странное, странное прошлое... // Диалог со временем. Вып. 3. М., 2000. С. 34-46; Он же. Многоликая история. (Проблема интеграции микро- и макроподходов // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2000. М., 2000. С. 52-61; Он же. Иная история. (Вместо послесловия к статье П. Фридмана и Г. Спигел) // Там же. С. 165-177; Он же. Индивид и понятие частной жизни в Средние века (в поисках нового подхода) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2003. М., 2003. С. 484-491; Он же. О понятиях «Другой», «Чужой», «Иной» в современной социальной истории // Там же. С. 492-496.

⁷⁵ Бессмертный Ю.Л. Это странное, странное прошлое... С. 36.

⁷⁶ Бессмертный Ю.Л. К изучению разрывов в интеллектуальной истории западноевропейского Средневековья // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 34-35.

В русле обсуждаемого подхода разрыв между средневековой и новоевропейской культурами выступает как гораздо более глубокий, чем это представлялось при «эволюционистской постановке вопроса», и, в конечном счете, основы новоевропейской культуры «оказываются не столько преемственным продолжением средневековых, сколько их отрицанием». В этом сдвиге в мыслительных подходах Ю.Л. Бессмертный обоснованно видел «еще одно свидетельство в пользу решительного отказа от эволюционистски-преемственной позиции, исходя из которой феномены прошлого интерпретируются в рамках семантического ряда, единого с их аналогами более позднего времени. Прерывность выступает здесь как характерная черта не только онтологических, но и эпистемологических процессов»⁷⁷.

Эпистемологический поворот, как понимал его Ю.Л. Бессмертный, поставил перед историками задачу раскрывать неповторимое своеобразие изучаемых феноменов, исходя из того, что человек прошлого не просто кое в чем отличался от нас, но мог быть и *принципиально иным* по своему внутреннему миру. Вполне естественно, что при этом напряженность диалога с прошлым неизбежно возрастает, и «конечная цель этого диалога с историческими памятниками — не столько реконструкция реальных пертурбаций прошлого (т.е. воспроизведение того, “как это было на самом деле”), сколько наше *собственное* осмысление и этих пертурбаций, и отдельных их составных элементов, т.е. наше смыслополагание»⁷⁸.

Вместе с тем, в этой серии работ (часть из них была опубликована уже *post mortem*) нельзя не заметить некоторой внутренней напряженности, порождаемой присутствием в них противоречивых авторских высказываний, если и не опровергающих друг друга, то указывающих, по меньшей мере, на незавершенность методологических поисков исследователя, который, несомненно, сам достаточно отчетливо видел и даже фиксировал эти противоречия, пытаясь снять их с помощью необходимых оговорок. Прежде всего, это относится к проблеме понимания Другого, которая неизбежно обостряется в связи с подчеркиванием не просто качественных отличий, но принципиальной несопоставимости (несоизмеримости) логики и мотивов людей Средневековья и современных

⁷⁷ Там же. С. 36.

⁷⁸ Бессмертный Ю. Л. Это странное, странное прошлое... С. 38.

историков. С одной стороны, раскрытие «странности» и «чуждости» всего того, что было в прошлом, явлениям Нового времени предполагает отказ от идеи преемственности и требует применения к прошлому его собственных понятий и мыслительных приемов. С другой стороны, без определенной «дозы» преемственности само более или менее адекватное описание «неповторимого своеобразия средневекового феномена» становится недостижимым. В этих работах отнюдь не случайно, а вполне логично (в современных категориях) Ю.Л. Бессмертный переходит от целостной категории «несопоставимости-несоизмеримости» к идее градуированности (заметим, кстати, что «градус» — категория не качественная, а количественная) фиксирующих ее понятий, вводит различение категорий «Иной» (подразумевающей «некоторое более или менее заметное своеобразие, не требующее для своего осмысления иных, чем в сопоставляемых случаях, логических оснований») и «Другой» (подразумевающей «крайнюю форму инакости рассматриваемого феномена»).

«Формы инакости и странности» рельефно предстают в проделанном Ю.Л. Бессмертным конкретном анализе риторики, касающейся рыцарского счастья, в которой выделяются две группы представлений. Во-первых, те, что отличаются от известных нам по новоевропейскому опыту, но, тем не менее, ему подобны и могут рассматриваться в эволюционной ретроспективе (включая «нарастание интимности любовных взаимоотношений»). И, во-вторых, «подлинно странные», к которым он относит критерии счастья, связанные с «погружением в куртуазный культ» или в поиск личного успеха в неподдающейся никакому разграничению частно-публичной сфере», а также представления о возможности достичь успеха, соединяя соблюдение принятой нормы поведения с ее нарушением» (или «нетривиальным воплощением нормы») ⁷⁹.

⁷⁹ Последнее, однако, не кажется мне столь уж странным и чуждым последующим эпохам. Смущает также и то, что в отношении характеристики разных эпох ощущается «двойной стандарт»: новоевропейская культура, в отличие от средневековой, предстает как некий «монолит», внутри нее как будто нет места изменениям, «разъемам и зорам». Возможно, Средневековье не покажется столь чуждым и немыслимым, если мы дифференцируем (пространственно, хронологически и социально) как его самое, так и то, чему мы его противопоставляем, и если пристальнее

Очевидно, что настойчивое отрицание преемственности и абсолютизация прерывности в этих работах — это методологический прием, инструмент самоконтроля исследователя, ибо «там, где признается преемственная связь времен, историку естественно отправляться от знакомого по собственной практике набора понятий, лишь корректируя их наполнение для разных этапов»⁸⁰.

Таким образом, размышления Ю.Л. Бессмертного об «инаковости», «другости» людей Средневековья оказываются непосредственно связаны с радикальным обновлением подходов и переосмыслением самого предмета культурно-интеллектуальной истории. Именно здесь, подчеркивает автор, «открывается возможность самопознания современного человека как *главного предназначения истории вообще*»⁸¹. Ведь исследователь прошлого «призван, в первую очередь, помочь своему современнику понять, кто он есть, чем отличается от своих предков, зачем явился в этот мир и ради чего живет»⁸².

Говоря о новых тенденциях в мировой историографии, Ю.Л. Бессмертный подчеркивал: «Не преемственность и эволюция, не сопоставимость и трансформация, но прерывность и неповторимая инакость каждого из исследуемых феноменов все чаще заполняют интеллектуальное поле историка. Это предполагает принципиальную ломку всего понятийного инструментария»⁸³. И, разумеет-

рассмотрим его «долю» в европейском культурном наследии от эпохи Возрождения до эпохи Постмодерна.

⁸⁰ Бессмертный Ю.Л. Это странное, странное прошлое... С. 43.

⁸¹ Бессмертный Ю.Л. Другое Средневековье, другая история средневекового рыцарства (материалы к лекции) // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Кн. I. М.: Наука, 2003. С. 79. См. также: Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: РГГУ, 2000. С. 23.

⁸² Человек в мире чувств... С. 7.

⁸³ Бессмертный Ю.Л. Это странное, странное прошлое... // Диалог со временем. 2000. Вып. 3. С. 43. В этом плане примечательно краткое рассуждение Ю.Л. Бессмертного о заголовке его собственной главы «О мире чувств и внутреннем мире человека прошлого», представленной «вместо заключения» к коллективному труду: «ни одно из фигурирующих в приведенном заголовке понятий не рассматривается как всеобщее; именно сквозь *изменение* их наполнения хотелось бы осмыслить своеобразие человека того или иного времени». — Человек в мире чувств... С. 571.

ся, особенно радикальная корректировка понятийного аппарата предстоит исследователям отдаленного прошлого.

Ю.Л. Бессмертный исходил из того, что «частная жизнь каждой эпохи выступает как один из важнейших показателей своеобразия и общества, и человека. Именно поэтому *анализ частной жизни — один из важнейших путей осмысления прошлого и, соответственно, один из главных каналов нашего самопознания*»⁸⁴. Такое понимание сверхзадачи исторического познания, которое обращало его к человеку-современнику (отсюда и стремление «“дойти” до конкретных людей, способных поведать о времени, о себе и своей частной жизни»⁸⁵), неизбежно направляло исследовательский поиск к особой версии микроистории, акцентирующей *индивидуальное, нестандартное, неординарное, своеобразное, отклоняющееся от стереотипа, редкостное, странное, уникальное* — как особенно наглядно раскрывающее социальную практику и культурную самобытность своего времени⁸⁶. Соответствующая данному подходу познавательная процедура заключалась в сравнении представлений авторов анализируемых текстов с теми, что укоренены в «собственном сознании» исследователя, но с упором не на сходства, а на различия. При этом допускается, что теоретически возможны по крайней мере два результата сравнения: «Один — когда представления анализируемых авторов оказываются *соизмеримыми и сопоставимыми* с позднейшими (т.е. поддающимися включению в единый с этими позднейшими представлениями семантический ряд). Другой — когда такая соизмеримость оказывается невозможной...»⁸⁷. По убеждению Ю.Л. Бессмертного, внутренний мир человека прошлого было бы «опрометчивым представлять в виде конструкции, которую можно воссоздать методом эволюционной ретроспекции»⁸⁸.

⁸⁴ Человек в мире чувств... С. 8.

⁸⁵ Там же. С. 12.

⁸⁶ Там же. С. 18. В этом плане стоит выделить отношение к *случайному* как «*привилегированному предмету исследования*». — Бессмертный Ю.Л. Продолжаем наш поиск. С. 10.

⁸⁷ Бессмертный Ю. Рыцарское счастье — рыцарское несчастье (Западная Европа, XII–XIII вв.) // В своём кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала нового времени. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 55.

⁸⁸ Там же. С. 75.

Открывая первый выпуск альманаха «Казус», вышедший в свет в 1997 г., Ю.Л. Бессмертный изложил программные цели и принципы оригинальной модели казуального подхода⁸⁹. Во-первых, автор проекта отметил, что понятие *казус* подразумевает прежде всего «нечто конкретное, поддающееся более или менее подробному описанию». Однако в рассказе о «различных “случаях”, наполняющих человеческую жизнь» и дающих читателю возможность почувствовать «аромат времени», он видел «ближайшую», но не главную задачу предпринимаемого издания⁹⁰.

Во-вторых, был сделан акцент на анализ ситуации выбора, возможностей, существовавших у индивида в разных обществах и роли неординарных действий отдельно взятого человека в изменении принятых в обществе стереотипов: «Соглашусь, что индивидуальное поведение может изучаться и через анализ случаев, в которых человек выбирает между различными вариантами принятых норм. Но наиболее показательны все-таки казусы, в которых персонаж избирает вовсе не апробировавшийся до сих пор вариант поведения. Это может быть поведение, пренебрегающее нормами или, наоборот, абсолютизирующее их (и потому шокирующее окружающих попыткой воплотить недостижимые для большинства идеалы). В таких случаях виднее, что может человек данной группы в данное время и в данной конкретной ситуации; этот тип казусов показательнее для решения нашей сверхзадачи — осмысления возможностей отдельного человека на разных этапах исторического прошлого»⁹¹. И в связи с этим ставилась задача изучить общественный резонанс исключительных и случайных событий, и соответственно — дать ответ на вопрос «какие условия в разные периоды прошлого способствовали такому резонансу уникальных казусов (включая в их число и нестандартные поступки отдельных индивидов)»⁹². Наличие общественного резонанса, сохраняющего необычное событие в социальной памяти, рассматривалось как необходимое условие превращения просто странного эпизода в исторический казус. Вопрос о возможности для *отдельного чело-*

⁸⁹ См.: Бессмертный Ю.Л. Что за «Казус»?.. // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М.: РГГУ, 1997. С. 7-24.

⁹⁰ Там же. С. 7.

⁹¹ Споры о «Казусе»... 1997. С. 306.

⁹² Бессмертный. Что за «Казус»?... С. 9.

века влиять на ход событий фактически переформулировался как вопрос о том, когда и где возможность выбора индивидом своего решения в имеющемся у него «пространстве свободы» «становится значимой и, соответственно, приобретает значимость для всего окружающего мира»⁹³.

В-третьих, анализ казусов позволяет увидеть «то, что *особенно* как раз для данной эпохи», он «невиданно приближает к тому Другому, которого стремится рассмотреть в прошлом всякий историк»⁹⁴. Ю.Л. Бессмертный видел в микроистории незаменимый ракурс анализа, способный «выявить зреющие подспудно интенции индивидуального поведения, чреватые изменением сложившихся стереотипов», причем не только анализа девиантных (или уникальных) ситуаций, но «всякого конкретного казуса, всегда окрашенного индивидуальностью его участников»⁹⁵.

Вписывая казуальный подход в общую тенденцию микроистории с ее «пристрастием к выбору очень небольших исторических объектов», Ю.Л. Бессмертный подчеркивал: «Исследование не привлекавших раньше внимания подробностей позволяло увидеть этот объект в принципиально новом свете, рассмотреть *за ним* (курсив мой — *Л. Р.*) иной, чем виделся предшествующим поколениям исследователей, круг явлений». Именно этот «круг явлений», который исследователь стремится рассмотреть *за* объектом своего микроанализа, *за* казусом, оказывается главной проблемой. Полнота анализа в итальянской микроистории 1970–1980-х гг., избравшей межличностные отношения в качестве основного предмета исследования, давала возможность выяснить причины и мотивы действующих лиц, но при этом способ включения изученного микрообъекта в более широкий социальный контекст оставался под вопросом⁹⁶. Как все же можно в микроаналитической перспективе увидеть то, что выходит за пределы чувствительности ее «оптики»? По признанию Ю.Л. Бессмертного, параллельное применение

⁹³ Человек в мире чувств... С. 572.

⁹⁴ Бессмертный Ю.Л. Что за «Казус»?... С. 10.

⁹⁵ Человек в мире чувств... С. 21. Показательно, что Карло Гинзбург счел необходимым отметить: «видение микроистории русскими исследователями отлично от ее интерпретации итальянскими историками и поэтому для них интересно». — Гинзбург К. Моя микроистория // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М.: Наука, 2006. С. 343.

⁹⁶ Бессмертный Ю.Л. Что за «Казус»?... С. 11.

ние микро- и макроанализа «выступает как трудно достижимый идеал. Ведь взгляд на какой бы то ни было феномен прошлого “с близкого расстояния” не способен воспроизвести одновременно и “общий план”: для этого нужен совсем иной “объектив”, который, увы, будет скрадывать детали»⁹⁷.

Положительно оценивая антифункционалистский пафос «другой социальной истории», Ю.Л. Бессмертный, однако, считал, что ее сторонники в вопросе о связи между поведением индивида и социальным контекстом «существенно сужают его пространственные рамки»⁹⁸. Эффективность анализа казусов, проявляющих нетипичные поступки и действия конкретных людей, виделась ему именно в раскрытии взаимодействия индивидуального выбора и общепринятых моделей поведения и, соответственно, в ориентации на реализацию принципа «дополнительности» микро- и макроанализа, на поиск путей их сопряжения. С этим связана и идеальная, с его точки зрения, форма повествования: сначала — в виде *зачина* — рассказ о конкретном казусе, затем попытка «осмыслить *контекст* рассмотренного случая. Здесь анализ действий индивида как бы пересекается с анализом социальной ситуации и более протяженных общественных процессов. Изучение конкретного фрагмента сменяется исследованием его социального резонанса и последствий. В этой части... рассказ уступает место обзору накопленных по данному вопросу научных сведений, с тем чтобы на этой базе можно было бы осмыслить суть и последствия изученного казуса. Именно здесь эксплицитно или имплицитно освещается роль индивида в общественном развитии»⁹⁹.

Главный вопрос — как *включить* необычные, нестандартные казусы в *общий контекст*. Рассматривать ли их «как “частные модуляции” *общих процессов*» или «как исключение, лишь подтверждающее обратное правило»? Подход, предложенный Ю.Л. Бессмертным, состоит в том, что, сталкиваясь с индивидуальным, необычным, нестандартным, следует «осмыслить в нем то, что составляет его собственную специфику и что не вмещается в массовое и повторяющееся»¹⁰⁰. Нарушение правил поведения и отноше-

⁹⁷ Там же. С. 14.

⁹⁸ Там же. С. 18.

⁹⁹ Там же. С. 20.

¹⁰⁰ Человек в мире чувств... С. 18.

ние к ним в казусах, где «отклонение от принятых норм оказывалось наиболее явным или даже вызывающим» рассматривается как отправной пункт для «проникновения в мотивацию и последствия человеческих действий»¹⁰¹. Интересна сама возможность таких исключений, их «демонстрирующая сила», воздействие на окружающих, способность вызывать подражание. Именно такой подход придает нестандартному казусу самостоятельное познавательное значение.

Значимый момент исследовательской программы Ю.Л. Бессмертного оказался созвучен идеям, высказываемым всеми сторонниками «другой истории» — интерес к культурному измерению прошлого и изучению мнений и намерений действующих лиц, их собственных мотивировок, представлений и всей культурной оснастки, тех индивидуализирующих различий, которые превращали жизненный опыт каждого человека в уникальный. Определяя специфику предлагаемой им версии микроисторического анализа, Ю.Л. Бессмертный подчеркивал, что «в рамках казуального подхода каждый исторический персонаж видится заведомо отличным от действующих параллельно с ним персонажей (даже если речь идет о равноправных членах одной и той же общественной группы); эти отличия складываются за счет бесконечного многообразия конкретных жизненных ситуаций, особенностей их восприятия и реакций на них со стороны их участников, многоликости социальных ролей, достигающих отдельным людям, не говоря уже об их психофизических и когнитивных различиях»¹⁰². Реализация поставленной для казуальных исследований сверхзадачи связывалась с ответом на вопрос о том, в каких пределах индивид обладал свободой воли, «насколько мог противостоять групповым стереотипам и общему “ходу вещей”»¹⁰³. Важный момент состоит в том, что индивиды «хотя и ориентируются на писанные и неписанные нормы поведения, всегда привносят в их реализацию нечто собственное им и только им», и «“нормой” человеческой деятельности выступает скорее *нарушение* нормы, а не ее точное воспроизведение»¹⁰⁴. Казуальный подход в версии Ю.Л. Бессмертного, будучи

¹⁰¹ Человек в мире чувств... С. 573.

¹⁰² Споры о «Казусе»... С. 307.

¹⁰³ Там же. С. 307-308.

¹⁰⁴ Человек в мире чувств... С. 17-18.

ориентирован на понимание сложного взаимодействия структур и акторов, на максимальный учет обратной связи с контекстами разного уровня, предполагает как одну из ключевых задач определение степени соответствия между реальным поведением конкретных индивидов и общественными нормами, акцентируя при этом преобразующую и интерпретирующую функцию конкретного индивида, «по-своему выбирающего линию поведения»¹⁰⁵.

В осознании комплементарности процедур микро- и макроанализа Ю.Л. Бессмертный видел близость казуального подхода к «другой социальной истории»¹⁰⁶. Впрочем, автор не ограничился программными заявлениями, но также «предъявил» модель их реализации в своих собственных исследованиях конкретно-исторических казусов, интерпретируя «неповторимо индивидуальное в рамках некоторого контекста» и пролагая таким образом трудный путь к постижению «взаимосвязей отдельных индивидов с более обширным социальным целым»¹⁰⁷.

В заключительном слове после обсуждения его программной статьи Ю.Л. Бессмертный значительно глубже раскрыл социокультурную направленность своего подхода, согласно которому исследователь, изучая действия людей прошлого в любой сфере, в первую очередь должен интересоваться тем, как они сами понимали

¹⁰⁵ Споры о «Казусе»... С. 307. Базовые позиции вопросника: «как человек прошлого делает свой *выбор*, какими мотивами руководствуется, как претворяет в жизнь свои интенции и — что особенно интересно — насколько он способен при этом проявить свою индивидуальность и в какой мере оставить на происходящем свой индивидуальный “отпечаток”». См.: *Бессмертный Ю.Л.* Продолжаем наш поиск. С. 11.

¹⁰⁶ Именно тезис о «двуедином» видении прошлого, при котором требуется «с одной стороны, исследование общественных и групповых стереотипов и структур, а с другой — своеобразия каждого доступного... анализу изолированного казуса и фигурирующего в нем индивида», вызвал критику в отечественной историографии с позиции так называемого «экзистенциального» варианта персональной истории, в центр внимания которого была поставлена «динамика внутреннего мира индивида, а не его “внешние” деяния, его сознание, а не его общественная практика», а поиск «интегрирующей технологии микроанализа и макроанализа» описывался метафорой «методического “сэндвича”». См.: *Володихин Д.М.* Нарратив побеждает // *Диалог со временем*. 2001. Вып. 5. С. 386-387.

¹⁰⁷ *Бессмертный Ю.Л.* Это странное ограбление... // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории*. 1996. М.: РГГУ, 1997. С. 37.

свою деятельность, «как к ней относились, насколько стандартно вели себя в ней, в какой мере (и насколько успешно) пытались ее перестроить и т.д. <...> Там где удается с достаточной полнотой осмыслить заботы, чаяния и приоритеты отдельных действовавших в прошлом лиц, историк получает, на мой взгляд, редкостную возможность максимально приблизиться к главному предмету своих изысканий — человеку других эпох. В подобных случаях открывается самое заветное в прошлом, а *средостение, извечно отделяющее историка от изучаемых героев, становится наименее непрозрачным* (курсив мой. — Л.Р.). И даже если исследователю открываются при этом всего лишь один-два субъекта из отдаленного прошлого, осмысление их образов дает колоссально много для понимания всего их мира. Это — как телескоп, позволивший рассмотреть пусть лишь одно живое существо на далекой планете. Конечно же, на той планете могут быть и совсем другие “гуманоиды”. Но даже рассмотрев лишь одного из них, мы уже совершили бы гигантский прорыв в познании другой жизни... Объясняется это тем, что стержнем любого сообщества одухотворенных существ выступает его культурная уникальность. *Именно ее важно постичь как в мирах иных, так и в каждой из эпох прошлого.* Поэтому одна из важнейших задач исторического познания — в том, чтобы осмыслить конституирующие элементы культурного универсума прошлого, включая естественно в первую очередь своеобразие восприятия и поведения людей и их психофизические, ментальные, когнитивные и иные особенности. Если казуальный анализ позволяет сделать это по отношению хотя бы к отдельным людям той или иной эпохи, он уже оправдывает себя и может считаться одним из перспективных инструментов историка»¹⁰⁸.

Обращение к своеобразной «телескопической» оптике, призванной выявить культурную уникальность «сообщества одухотворенных существ», зафиксировал точку нового поворота в теоретико-методологической рефлексии Ю.Л. Бессмертного, которая, хотя и опиралась на казуальный проект, но по существу выходила за его рамки, и это возвращает нас к размышлениям историка (к несчастью, не завершенным) о «странном прошлом», вызывающем удивление исследователя как немыслимое в собственной логике, о принципиально иных логических основаниях миропонимания и

¹⁰⁸ Споры о «Казусе»... С. 316-317.

поведения людей отдаленных эпох, о необходимости отказа от интеллектуального насилия над прошлым, проистекающего из «достаточно самонадеянной позиции, в основе которой уверенность, что люди прошлого были подобны нам по своему внутреннему миру и восприятию»¹⁰⁹.

Ю.Л. Бессмертный последовательно искал *«методологию перехода от наблюдений над единичным к суждениям, значимым для той или иной исторической целостности»*¹¹⁰, справедливо считая вопрос «о возможности и способах сочленения анализа надындивидуального и единичного «одним из самых “проклятых” для историка»¹¹¹. В пространстве истории частной жизни сам ее предмет, понимаемый им как *двуединый*, оправдывал «двойственность познавательных приемов при ее изучении», что означало, с одной стороны, исследование социальных стереотипов и структур, а с другой — своеобразие каждого доступного анализу изолированного случая и фигурирующего в нем индивида. «Осмысливая поведение такого индивида, важно принять во внимание и то, что на него воздействуют большие структуры, охватывающие многих участников данного социума, и то, что ни одна из таких структур не “поглощает” действующих в них индивидов полностью, оставляя место для проявления ими субъективного, частного, личного. Это воздействие на индивидуума со стороны социальной группы и — отдельно — со стороны его собственной субъективности, по определению, имеет разную природу и реализуется как бы в разных “регистрах”. Для анализа каждого из этих регистров необходима своя методика»¹¹².

Предложенная Ю.Л. Бессмертным гипотеза о «возможных путях интеграции, с одной стороны, нестандартных, с другой — типичных случаев в частной сфере» исходит из «представлений о человеческом обществе как о *не вполне интегрированной системе*», поскольку «все составляющие общество индивиды обладают воз-

¹⁰⁹ Бессмертный Ю.Л. Странное счастье рыцаря... С. 54.

¹¹⁰ Человек в мире чувств... С. 19. См. подробнее: Бессмертный Ю.Л. Проблема интеграции микро- и макроподходов // Историк в поиске. М., 1999.

¹¹¹ Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. 1995. М.: Наука, 1995. С. 6.

¹¹² Человек в мире чувств... С. 20.

можностью действий, которые самой системой не предписываются», и «даже в идентичных социальных условиях не найти соответствующей идентичности в поведении индивидов; и, наоборот, идентичное поведение индивидов не обязательно предполагает тождественности его общих социальных предпосылок». Разъемы внутри такой системы оказываются способны «вмещать “чужеродные”, *выламывающиеся* из нее феномены, а самая система выступает при этом как, в известной мере, дискретное образование, содержащее в себе прерывности. Такое видение органично согласуется с представлением о возможности возникновения внутри общества “незапрограммированных” ситуаций и казусов, о возможности девиантного поведения отдельных индивидов, возможности появления нестандартных личностей, “странных людей” и т.д. и т.п.». Более того — «и нестандартные казусы, и девиантное поведение, и вообще определенная фрагментарность и несогласованность исторических феноменов выступают как неизбежность, как норма»¹¹³. Такое видение подразумевает множественность подходов к прошлому, и в результате, вместо принципа «или — или» в изменившемся познавательном процессе начинает работать совсем другой принцип: «и — и»¹¹⁴. Согласно предложенному Ю.Л. Бессмертным методу, историк частной жизни должен «*смотреть в оба*», чтобы осмыслить, с одной стороны, макрофеномены (в том числе стереотипы), с другой — микромир, включающий не только индивидуализированное воплощение тех же стереотипов, но и не подчиняющиеся стереотипам уникальные поведенческие феномены»¹¹⁵.

Итак, от историка требуется сочетать две исследовательские процедуры. Логика первой из них — микроаналитической — направлена на то, чтобы выявить интенции автора изучаемого текста («что за человек этот автор и ради чего он *так* писал»), «уяснить, как он сам относится к нестандартному поведению своих героев, насколько он сам не традиционен в своих оценках и высказываниях, в какой мере кажутся ему допустимыми (и заслуживающими подражания) поступки его героев, когда они расходятся с принятым поведенческим каноном, и как далеко можно, на его

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Бессмертный Ю.Л. Это странное, странное прошлое... С. 45-46.

¹¹⁵ Там же. С. 22.

взгляд, от этого канона отойти»¹¹⁶. Все это помогает осмыслить данный конкретный казус, но явно недостаточно, поэтому необходима вторая процедура — изучение того самого «существующего канона», стереотипной модели поведения в данной социальной среде в соответствующих обстоятельствах. И ее логика требует выйти за рамки описанного в тексте казуса, чтобы на основе «серийных данных» «уяснить, насколько укоренен этот поведенческий стереотип в сознании членов данной группы (или общества в целом), как связан он с другими, современными ему, канонами поведения и насколько отступление от принятых правил угрожает в данном случае сохранению некоторого комплекса социальных установлений вообще». В результате соединения результатов обеих исследовательских процедур предполагается понять, насколько уникальным был рассматриваемый вариант поведения в данных обстоятельствах, «каков мог быть его резонанс, его пространственное распространение, его социальные последствия для данной социальной группы и т.п.»¹¹⁷. Историк способен уяснить лишь то, как интерпретировали людские поступки того или иного времени авторы — их современники, которые, однако, «при всей своей субъективности, могли “выдумывать” лишь то, что как-то соотносилось с миром их возможных читателей»¹¹⁸.

Разрабатывая казуальный подход, Ю.Л. Бессмертный предложил несколько глубоких рассуждений по поводу двух важнейших эпистемологических и этических проблем исторического знания: единственной «исторической правды» и «ответственности историка». Он решительно подчеркивал, что «казусный анализ отдельных феноменов рассчитан как раз на их углубленную проработку и на осмысление *реальной многозначности* каждого из них. “Единственность” истолкования априорно оказывается в таком случае под вопросом, несмотря на то, что множественность смыслов ничуть не угрожает здесь “исторической правде”. Ей угрожает, наоборот, утверждение безусловности одного единственного истолкования. Я склонен поэтому думать, что самая высокая гражданская ответственность историка совместима сегодня с иным, чем раньше, взглядом на познание прошлого. Такая ответственность не

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Человек в мире чувств... С. 23.

¹¹⁸ Человек в мире чувств... С. 572-573.

мешает констатировать фактическое *сосуществование* разных вариантов исторического знания, того, которое исходит из функционального единства всех элементов общественного целого, и того, которое признает его “недостаточную системность”, дискретность, прерывность и возможность существования внутри этого целого “разъемов”, автономных фрагментов, “чужеродных элементов”, незапрограммированных казусов и пр. Рождение и утверждение этого варианта исторического знания — не случайность, не модное поветрие, но *следствие переосмысления как предмета исторического исследования, так и самого исследовательского процесса*¹¹⁹.

По существу, Речь здесь идет об *ином* взгляде на прошлое, при котором оно рассматривается «не столько как последовательная смена преемственно связанных исторических этапов, сколько как *совокупность самодостаточных пластов*, более или менее обособленных друг от друга, причем каждый такой пласт прошлого «*требует имманентного истолкования*, исходя из его собственных идеалов, его собственных критериев и ценностей»¹²⁰. Такой тип исторического знания соответствует современному общегуманитарному и общенаучному контексту.

В ПАУТИНЕ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЙ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Проблема межкультурных взаимодействий как одна из актуальнейших для современного гуманитарного знания рассматривается в отечественной исторической науке в самых разных аспектах. Диалог культур имеет множество граней, и соответственно — ракурсов изучения. Это прежде всего диалог действующих в едином пространстве разных поколений, субкультур, социальных организмов и индивидов, и в его пространстве постоянно осуществляются «столкновения» разных традиций, мнений, ценностей¹²¹.

На рубеже веков проблема взаимодействия культур при одновременном сохранении их идентичности приобрела особую акту-

¹¹⁹ Бессмертный Ю.Л. Это странное, странное прошлое... С. 46.

¹²⁰ Бессмертный Ю.Л. Другое Средневековье... С. 80-81.

¹²¹ Подробно об этом см.: Социокультурное пространство диалога / Отв. ред. Э. В. Сайко. М., 1999.

альность в связи с расширяющимся процессом глобализации. Однако уже в 1970-е гг. сложилось новое направление исследования, которое впоследствии стало научной дисциплиной — имагологическими исследованиями и — в их рамках — исторической имагологией (имаджинологией), опирающейся на конкретно-исторический анализ культурных стереотипов, коллективных представлений народов друг о друге, этнических и национальных стереотипов, путей их формирования, способов функционирования и процессов трансформации в контексте отношений «мы — они», «свой — чужой»¹²². За прошедшие десятилетия имагология, освоив историко-антропологический, социально-психологический и культурологический подходы, накопила значительный объем эмпирических исследований и существенно расширила свое исследовательское пространство, хотя, к сожалению и сейчас проблематика «Своего» и «Чужого», неразрывно связанная с проблемой идентичности, ограничивается, как правило, межнациональными отношениями, в то время как более широкий пласт взаимоотражений на уровне социальных групп и субкультур остается пока малоизученным.

Первым имагологическим исследованием в отечественной историографии была вышедшая в свет еще в далеком 1982 году книга Н. А. Ерофеева «Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг.», должным образом оцененная лишь спустя десятилетие¹²³. Поставив перед собой задачу проследить на конкретном историческом материале сложный процесс складывания этнических представлений, автор избрал объектом изучения «русский образ англичанина», представления русских об Англии и англичанах, сложившиеся во второй четверти XIX века у привилегированных слоев российского общества: аристократии, дворянства, буржуазии, высшего чиновничества и разночинной интеллигенции, т.е. тех, кто имел возможность письменно выразить свои мысли и представления об Англии, ее экономике, политической и общественной жизни, культуре, об облике, поведении, психологии

¹²² Формирование национальной идентичности того или иного народа, включая создание устойчивого образа «своего», неизбежно предполагает наличие противоположного образа «чужого», от которого и происходит своего рода «отталкивание».

¹²³ Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982.

англичан. В центре исследования были поставлены и более общие вопросы: как формируется образ «чужого», от чего зависят его изменения во времени, какую роль играет этот образ в реальной жизни? В книге — хотя и в разной степени реализации и отрефлексированности — нашли отражение несколько чрезвычайно важных для имагологической исследовательской программы теоретико-методологических принципов.

Во-первых, необходимость учета психологической составляющей процесса формирования этнических представлений как смеси правды и фантазии, трезвого наблюдения и грубых заблуждений — предубеждений в отношении «Других» и завышенных самооценок — в контексте различных процессов, происходящих в различных сферах деятельности и внешних взаимосвязях социума в конкретные моменты его истории.

Во-вторых, принцип отражения в образе другого народа существенных черт собственной коллективной психологии, проецирование базовых идей, ценностей и представлений о самих себе, объективизация собственных пороков и формирование идентичности через отрицание негативных черт, приписываемых «Другим» (иногда, напротив, через «наделение» последних утраченными «Своими» добродетелями). Именно поэтому изучение индивидуальных и коллективных представлений о других народах (оставляя в стороне вопрос об их соответствии реальности или ее искажении) открывает путь к проникновению в духовную жизнь того общества, в котором эти представления складываются и функционируют.

В-третьих, принцип сочетания синхронического и диахронического подходов в историческом анализе коллективных представлений с императивом выявления происходящих в них изменений¹²⁴.

В-четвертых, понимание необходимости дифференцированного подхода к взаимоотражениям народов в разных социальных группах и соответствующего (по возможности) расширения источниковой базы.

¹²⁴ Вторая четверть XIX века (период от восстания декабристов до Крымской войны) была выбрана Н. А. Ерофеевым именно потому, что за это время отношения между Россией и Англией из довольно дружественных превратились во враждебные (формирование образа «коварного Альбиона»). И автору удалось, проследив, как это сказалось на представлении об Англии и англичанах, поставить вопрос о том, как вообще отражаются в таких представлениях отношения между государствами.

Когда на пороге третьего тысячелетия глобальный характер современной цивилизации чрезвычайно актуализировал тему межкультурных взаимодействий, конкретные формы различения «своих» и «чужих», особенности взаимовосприятия культур оказались в центре внимания исследователей, «возделывающих» междисциплинарном поле на стыке истории, культурологии, социальной психологии, лингвистики. В отечественной историографии новый импульс имагологическим историческим исследованиям был задан в 1990-е годы развитием исторической антропологии и истории ментальностей с ее обобщенным коллективным образом «культурно иного». Важную роль в активизации работы в этом направлении сыграли публикации и дискуссии в альманахе «Одиссей», один из выпусков которого был специально посвящен проблеме «Образ “Другого” в культуре»¹²⁵, а также работы Л.З. Копелева¹²⁶, и особенно его статья «Чужие», опубликованная в упомянутом выпуске «Одиссея»¹²⁷. Важнейшие соображения по поводу изучения коллективных представлений, высказанные автором в этом очерке и неоднократно им акцентированные, касались именно *историчности* и *изменчивости* последних: «Мы знаем, что люди как духовные и социальные существа во многих отношениях изменяются от эпохи к эпохе и даже от поколения к поколению. Меняются их представления о большом мире и их ближайшем окружении, меняются их отношения друг с другом и общества, к которым они принадлежат (народы, классы, конфессии и т. п.); меняются их обычаи, потребности и поведение, существенные и несущественные особенности их жизни и их сознания; приходят и уходят идеи и идеалы... Для оценки событий и проблем каждой эпохи и каждого общества необходимы особые критерии, особые мерила. Но... это не должно мешать исследованию общих коллективных пред-

¹²⁵ Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М.: «Наука», 1994. См. также: Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998.

¹²⁶ В их числе, в первую очередь, вышедшая в Мюнхене под редакцией Л. З. Копелева многотомная серия «Западно-восточные отражения. Россия и русские глазами немцев и Германия и немцы глазами русских».

¹²⁷ Копелев Л. З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «Другого» в культуре. М., 1994. Статья представляет собой авторизованный и дополненный перевод его предисловия ко всему изданию «Западно-восточные отражения», опубликованного в т. 1 серии А.

ставлений людей различных поколений и различных наций, представлений *либо унаследованных, либо вновь воскресших, устойчивых или изменчивых* (курсив мой. — Л. Р.). Духовные, социальные и культурные особенности минувших эпох неповторимы, но они влияют на последующие эпохи»¹²⁸.

Аналогичная идея изменчивости границ между «своим» и «чужим» в процессе межкультурного общения нашла отражение в редакционной статье: «Мир “своего”, “своя” культура обретают специфику, своеобразие только в процессе осознания чужой культуры и в общении с ней. *Границы между “своим” и “чужим” текучи, они изменяются как в пределах каждой эпохи, так и — тем более — в историческом процессе* (курсив мой. — Л. Р.)»¹²⁹.

На рубеже XX–XXI вв. в России появился значительный корпус работ, посвященных отдельным аспектам межкультурного диалога, главным образом в рамках исследования роли этнических и национальных стереотипов во взаимовосприятии отдельных народов, с естественным преобладанием российской проблематики, как в образе «Своего», так и в образе «Чужого» (и, за редким исключением, на российско-европейском материале)¹³⁰, хотя в них

¹²⁸ Там же. С. 10–11.

¹²⁹ От редколлегии // Там же. С. 5.

¹³⁰ См., напр.: *Оболенская С. В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII — XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991; *Оболенская С. В.* Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М., 2000; *Чугров С. В.* Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. М., 1993; *Шепетов К. П.* Немцы глазами русских. М., 1995; Россия и Европа в XIX – XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов и культур. М., 1996; Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997; Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998; *Шукуров Р. М.* Введение, или предварительные замечания о чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 9–30; *Артемова Е. Ю.* Культура России глазами посетивших ее французов. Последняя четверть XVIII века. М., 2000; *Чернышева О. В.* Шведский характер в русском восприятии. М., 2000; Поляки и русские глазами друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000; Восток — Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001; «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. СПб., 2001; Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. ред. В. А. Хореев. М., 2002; Копелевские чтения 2002: Россия и Германия: диалог культур. Липецк, 2002; Многоликая Финляндия. Об-

нередко не хватало глубины темпоральной перспективы, отсутствовала социально-групповая дифференциация тех или иных образов, не подвергалась рефлексии противоречивость отдельных элементов этих образов и роль коллективных стереотипов (выступающих как своеобразные фильтры¹³¹) даже в ситуациях личного наблюдения и общения, недооценивалась возможность любой тенденциозной интерпретации в зависимости от позиции автора изучаемого текста и ожиданий аудитории и т.д.

В этих работах речь идет не только о сложившихся в общественном сознании традиционных представлениях, усваиваемых индивидами, принадлежащими к данной культурной среде, но и об иных источниках формирования представлений о другом народе: «Образ “чужого” складывается задолго до реальной встречи с этим “чужим” в процессе соединения архетипических представлений с впечатлениями повседневной жизни... Затем эти впечатления, чаще всего непреодолимые, дополняются и развиваются сведениями, полученными из книг и от других людей». Собственный опыт наблюдения и общения считается проверкой этих представлений, но при этом «чаще всего человек считает действительным и верным именно то, что он предполагал заранее и что нашло подтверждение при встрече с реальностью»¹³². Этнический стереотип (*предрассудок*) формирует психологическую установку на эмоционально-ценностное (чаще всего — негативное) восприятие «Чужого» и задает соответствующий алгоритм отбора и интерпретации фактов взаимодействия.

Эта линейная модель оставляет нерешенным целый ряд вопросов. Например, каким образом, с учетом «непреодолимой» ус-

раз Финляндии и финнов в России. Новгород, 2004; *Филлюшкина С.* Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // *Логос*. 2005. № 4 (49). С. 141-155; Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления XIX–XX века. М., 2006; и многие другие

¹³¹ Большие сомнения, в частности, вызывает тезис: «Источники личного происхождения фиксируют непосредственные впечатления от общения с иной культурой». См.: *Иванова Н. Н.* “Французский национальный характер” в представлениях российского столичного дворянства первой четверти XIX в. // *Ежегодник историко-антропологических исследований* — 2005. М., 2006. С. 105-119.

¹³² Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских... С. 9.

тойчивости архетипов сознания, с одной стороны, образ “чужого” «легко, иногда за одну только ночь, превращается в образ “врага”»¹³³, а с другой — как может происходить обратный процесс, и в целом — какова логика «общественных и личностных отношений, при которых система противостояния или сотрудничества приобретает подвижность». Ведь «сама эта система отношений и связанные с ней морально-этические нормы, правила поведения резко меняют свои знаки в ходе тяжелых, опасных политических игр, постоянной и ожесточенной борьбы за власть, территорию, выгоду»¹³⁴. Чтобы «установить, из каких реальных черт возник этот образ, насколько он соответствовал этим реальным чертам, до какой степени и как долго оставались релевантными возникшие представления и оценки, или же они остаются таковыми и поныне», необходимо реконструировать всесторонне и в мельчайших деталях историю этого образа, а точнее — коллективных представлений людей различных поколений, «представлений либо унаследованных, либо вновь воскресших, устойчивых или изменчивых»¹³⁵, на протяжении столетий, и вообще — в максимально длительной временной перспективе.

Здесь речь идет именно об *историческом* изучении образов как части культурного наследия, включая набор латентных базовых этнических стереотипов, которые никуда не исчезают, а продолжают свое долгосрочное существование подспудно в практически неизменном виде, готовые к тому, чтобы быть вновь актуализированными («воскреснуть») в моменты социокультурной конфронтации. Их живучесть усиливается тем, что люди склонны воспринимать сигналы, которые поддерживают уже наличествующий стереотип. Однако при этом более подвижные образы могут изменяться под воздействием кумулятивного эффекта повторяющихся однонаправленных эмоционально-насыщенных драматических событий. Изменяется главным образом относительный вес отдельных образов. В центре исследования должны

¹³³ Цит. по: Драбкин Я. О Копелеве в жизни и творчестве // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект» / Под ред. Я. С. Драбкина. М., 2002. С. 81.

¹³⁴ Сванидзе А. А. “Свой” и “чужой” в процессе общественных игр // От Средних веков к Возрождению. СПб., 2003. С. 185.

¹³⁵ Копелев Л. Образ «чужого» в истории и современности // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект». С. 100.

быть поставлены следующие вопросы: каков сам образ, как он сформировался, почему он таков, каким целям он служит, какие изменения он претерпел, и что все это говорит о его создателях¹³⁶.

Но для того, чтобы уловить социокультурные изменения, происходящие в режиме *longue durée*, нужно существенно расширить хронологические рамки типового конкретно-исторического исследования и выйти за пределы привычного круга источников. В этой связи представляется целесообразным для анализа межнациональных отношений, связей, взаимовлияний источниками личного происхождения, рассматривать источники личного происхождения и литературу по предложенной теме в «неразрывном единстве, как диалог культур, растянутый во времени», поскольку сама историография темы, как, например, бытование «мифа о русско-французском культурном диалоге» в научно-историческом и общественном сознании, предстает как «проявление систематизированного и структурированного восприятия»¹³⁷. Чаще всего, однако, предлагается констатация образа, а не анализ культурных процессов, следствием которых этот образ является, и в этом проявляется большая зависимость научного исторического сознания от обыденных представлений.

В своих дальнейших рассуждениях я буду опираться на результаты анализа путей формирования, способов функционирования и процессов трансформации образов-представлений «я» и «другой», «мы» и «они», «свои» и «чужие», которые были представлены в многочисленных докладах, опубликованных в сборниках материалов ежегодных конференций Российского Общества интеллектуальной истории, начиная с 2000 г., и особенно научных форумов, специально посвященных теме межкультурного взаимодействия и диалога культур в самых разных его исторических

¹³⁶ См. об этом: *Fält O. K. The Historical Study of Mental Images as a Form of Research into Cultural Confrontation // Comparative Civilizations Review. 1995. No. 32. P. 99; Fält O. K. Global History, Cultural Encounters and Images // Between National Histories and Global History / Ed. by S. Tønnesson et al. Helsingfors, 1997. P. 61-67.*

¹³⁷ Шанская Т. А. «Ох, уж эти французы!» Теоретические и обыденные представления о русско-французском культурном диалоге начала XIX века // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография. Вып. 3. Казань, 2002. С. 139, 154-155.*

формах и методологических аспектах (2003–2006 гг.)¹³⁸. В этих исследованиях были, в частности, показаны условия и механизмы формирования образов «Другого», которые, будучи усвоены, ориентируют мышление индивида и определяют его поведение в конкретно-исторической ситуации.

То, что древнейшая система социальной категоризации — оппозиция «мы — они» («свои — чужие») является культурной универсалией, присуща самосознанию любого типа общности, играет решающую роль в ее консолидации, обладает мощным мобилизующим потенциалом и имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики любой культуры, никем не оспаривается. Тем не менее, в конфигурацию и соотношение «Своего», «Иного», «Чужого» новые исследования вносят заметные нюансы и уточнения. Если «Чужой» находится как бы за внешней границей круга интересов сообщества, то «Другой» может быть фактически своим, но обладание определенными качествами или знаниями делает его культурно «Иным», социально «Чужим», или маргиналом. И, в то же время, «Другой» по национальной принадлежности может быть «Своим» по культурно-нравственным приоритетам.

Пожалуй, наиболее богатый материал по формированию представлений о другой культуре дают травелоги, или обширная «литература путешествий», получившая особую популярность в XVIII–XIX вв. Характерная черта всех этих текстов — то, что описание наблюдаемого единичного случая, подается как *типичное* для данной культуры. Тесное длительное взаимодействие может изменить характер диалога, но ключевую роль в каждом случае играют конкретные условия.

История любого народа — это не только история его отчуждения от других народов, но и история разнообразных контактов с ними («встречи культур»), не только предубеждения в отношении других, но и понимание их, не только столкновения, но и сотруд-

¹³⁸ См., прежде всего: Межкультурный диалог в историческом контексте. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2003; Межкультурное взаимодействие и его интерпретации. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2004; Историческое знание: Теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2006 (разделы «Образ Другого в культурных коммуникациях прошлого» и «Образ Другого в историческом познании»).

ничество между ними. Это направление исследований охватывает тему межкультурных контактов разной природы, уровня и интенсивности, включая проблему внешних заимствований и трансляции культурных ценностей. Таким образом, речь идет не только о характеристиках субъекта и объекта восприятия, но и об обстоятельствах взаимовосприятия и взаимодействия и об их видах и формах. Огромный, пока не раскрытый, потенциал заложен, как мне представляется, в изучении культурной истории переводов. Роль переводчиков в конструировании образов других культур, не менее важна, чем роль путешественников, хотя достоверность текстов и тех, и других равным образом требует проблематизации. Как универсалистская (нивелирующая культурные различия), так и партикуляристская (рассчитанная на потребителей «экзотики» и подкрепляющая давно и глубоко укорененные стереотипы инаковости) стратегии перевода проявляют свой селективно-манипулятивный характер и политико-идеологические импликации (как правило, конкурирующие) в предпочтении определенных жанров, авторов, типов текстов, отбираемых для перевода.

Особое положение в конфигурации межкультурного диалога занимает иммигрант — положение, определяемое с обеих сторон в терминах негативных. Оказавшись в чужой стране и вынужденный существовать в пространстве двух культур одновременно, точнее — «в состоянии постоянного “пересечения границы”, непрерывно переходя из одного (своего) культурного и языкового пространства в другое (чужое) и обратно». «Эмигрант существует в условиях неизбежного наложения двух бытийных и культурных пластов: объективно реального (текущего собственно эмигрантского) и субъективно-реального (прежнего, ушедшего в историческое прошлое, но сохраненного в индивидуальной памяти и в совокупной памяти сообщества)». При этом в каждом случае его собственный образ, воспринимаемый окружающими, оказывается обусловлен «традиционными представлениями наций друг о друге, идеологическими установками и политическими интересами момента, типологическими характеристиками двух взаимодействующих культур и историей культурных взаимосвязей двух стран»¹³⁹.

¹³⁹ Демидова О. Р. Эмиграция как взаимоналожение культур // Межкультурный диалог в историческом контексте. С. 136-138.

Оппозиция «свои — чужие» может складываться на нескольких уровнях. В обыденной жизни она возникает на основе коммуникативных критериев, подразумевающих возможность установления общения (языка, внешности, одежды, манер поведения) и восприятия внешних форм другой культуры. Но более глубокие контакты непосредственно затрагивают присущие каждой культуре картину мира, культурные ценности, мировоззренческие установки. Способность общества воспринимать и адаптировать к местным условиям нововведения, отвечающие современным потребностям, способствует его переходу к новому этапу развития.

* * *

Траектория развития исторической науки в последней трети XX — первом десятилетии XXI века показала всю контрпродуктивность отчуждения «практикующих» историков от теоретических построений и обобщений, от серьезного анализа своего категориального аппарата и обсуждения проблем эпистемологии и методологии, которая, согласно точному определению Войцеха Вжосека, «занимается не прошлым как таковым, а его историографическим пространством и теми профессиональными гносеологическими / исследовательскими методами, которые позволяют этот образ создать, а также совокупностью тех норм и принципов, которые стоят за практикой исторического исследования и его результатом, т.е. историографией»¹⁴⁰. Рост интереса к теоретическим проблемам исторического познания был закономерным явлением в развитии исторической науки в переломный период, когда в условиях далеко зашедшей фрагментации истории резко обострилась проблема методологической самоидентификации историков, проявивших способность к продуктивному междисциплинарному диалогу, но вместе с тем сохранивших приверженность профессиональным стандартам и нормам исторической науки¹⁴¹.

¹⁴⁰ Вжосек, Войцех. Методология истории как теория и история исторического мышления // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под. ред. Л. П. Репиной. М., 2011. С. 103. См. также: Лантева М.П. Специфика терминологического пространства исторической науки // Там же. С. 152-164.

¹⁴¹ Обстоятельный анализ «минимальных» (общеобязательных) и «оптимальных» (варьирующихся в разных областях истории) профессиональных требований был дан в статье известного шведского историка

Историографическая ситуация настоящего времени свидетельствует о ярко выраженной теоретической рефлексии историков над проблемами исторического исследования и способами построения исторических текстов. Трудности познавательной переориентации и соответствующей перестройки профессиональных конвенций, необходимость теоретического осмысления собственной историографической практики осознаются ведущими историками, придерживающимися разных методологических парадигм. Нельзя не согласиться с А. Мегиллом: «если история является дисциплиной, т.е. связанным способом исследования, она должна содержать в себе нечто универсальное, пронизывающее этот способ исследования и оправдывающее (относительную) автономию истории. Другими словами, история должна иметь теоретическое измерение. Сказанное в краткой и самой общей форме служит аргументом за теорию в истории»¹⁴².

Рольфа Торстендаля: *Торстендаль Р.* «Правильно» и «плодотворно» — критерии исторической науки // Исторические записки. М., 1995. Вып. 1 (119). С. 54-73. «Как и все нормативные системы, эти нормы являются продуктами социума, то есть базируются на признании их научным сообществом». При этом минимальные требования и внутринаучные оптимальные нормы «составляют не единственные связующие звенья между материалом источника и окончательной картиной исследования. К ним также принадлежат субъективный интерес историка и его понимание смысла жизни» (Там же, С. 71).

¹⁴² Мегилл А. Роль теории в историческом исследовании... С. 30.

ГЛАВА 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СРЕДНЕГО УРОВНЯ

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗЫ МАКРОИСТОРИИ

Познавательные идеалы М.А. Барга и А.Я. Гуревича

Для того, чтобы осознать значение тех или иных историографических тенденций XXI в. для развития истории в России, необходимо проанализировать обстановку, в которой появилась потребность в них, обратить внимание на состояние исторического знания на рубеже XXI в. Ведь, как писал М.А. Барг, «каждый культурно-исторический период в рамках данной цивилизации создает свой тип историографии, в основе которого лежит специфический для этого отрезка времени стиль исторического мышления»¹.

Помочь в более точном определении ключевого периода формирования современной проблематики исторического знания нам поможет концепция «процесса цивилизации», предложенная еще в 1930-е гг. немецким социологом Н. Элиасом, которая связала развитие рациональности с изменением форм и меры контролируемости человеческого поведения и была развита в XXI в. его учениками, в частности голландским социологом К. Вутерсом. Как показал К. Вутерс, линейная формализация поведения, с которой, по Элиасу, связано возникновение рационального мышления — как и всякое линейное самоусиливающееся явление, входит в противоречие с заявленными идеалами цивилизации, собственными целями, и для него поэтому характерны тупики развития и их преодоление при помощи смены вектора процесса². В частности, описанная Элиасом

¹ Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 25.

² Wouters C. Informalisation: Manners and Emotions since 1890. L., 2007. P. 55-100.

долгая эпоха нарастающих внешнего контроля общества за человеческим поведением и строгого самоконтроля индивида в XVI–XIX вв. сменяется на рубеже XX в. эпохами более или менее контролируемого снятия внешнего и отчасти — внутреннего контроля над поведением (1890-е, 1920-е, 1960–1970-е гг.), которые К. Вутерс называл эпохами *информализации* поведения. С ними можно связать переход от догматической к критической рациональности и в частности — формирование критического исторического сознания³. Эпохи информализации, в свою очередь, сменяются в 1900–1910-е, 1930–1950-е, 1980–2010-е гг. эпохами *реформализации*, когда контроль над поведением, влияние догматической рациональности и догматического исторического сознания снова нарастает⁴.

Для эпох формализации и реформализации характерны сплочение общества вокруг власти и переоценка ее роли, иерархические представления о мире, центрированные вокруг образа власти и распространяемые государственной идеологией, переоценка роли порядка и детерминизма, доминирование авторитарной личности, живущей навязанными убеждениями, воспринимаемыми ею как собственные. Такой тип личности охарактеризовали социолог и психолог Э. Фромм и американский социолог Д. Рисмен, связавшие ее с «бегством от свободы» и некритической, догматической рациональностью⁵. Для эпох информализации характерны уличная политика, недооценка роли власти, децентрирование картины мира, интерес к Иному, рост роли эмоциональной личности, критически относящейся к господствующим убеждениям, ориентирующей на мнение своей собственной референтной группы, для которой характерны дистанцирование от истеблишмента и крити-

³ Ibid. P. 167-170, 174-175.

⁴ Ibid. P. 21, 24-25, 36, 186. См. также *Ионов И.Н.* Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 3 // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 140-143; *Ионов И.Н.* Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 4 // *Общественные науки и современность*. 2014. № 6. С. 125-128; *Ионов И.Н.* 2015. Проблемы современной макроистории. Статья 1. Шаг вперед, два шага назад? // *Диалог со временем*. Альманах интеллектуальной истории. 2015. № 50. С. 49-51.

⁵ *Фромм Э.З.* Бегство от свободы. М., 2009; *Riesman D., Glazer N., Denny R.* The Lonely Crowd. The Study of the Changing American Character. Abridged Edition with a 1969 Preface. New Haven, L., 2001. P. XII-XIII, XXXI, 1-25.

ческая рациональность, переоценка роли свободы и индетерминизма. К. Вутерс связывал реформализацию и информализацию соответственно со «второй натурой» человека — автоматически действующим конформизмом и «третьей натурой» — осмысленным отношением человека к своим природным импульсам и поведенческим нормам верхушки общества⁶. Соответственно, создаются разные условия для развития разных форм исторической памяти и исторического сознания.

Поэтому ключевыми для понимания современного этапа развития исторического знания являются эпоха информализации 1960–1970-х гг., сопровождавшее ее развитие критического рационализма на Западе, в том числе в исторической науке, и ее последствия (для России — первая полноценная эпоха информализации с 1890-х гг.) в конце 1980 — первой половине 1990-х гг.⁷.

Основной проблемой передовых историков 1970-х гг. было то, что советский марксизм был замкнутой системой, из которой не было выхода к современным исследовательским подходам. По самой своей задаче каждая книга по истории должна была верифицировать теорию исторического материализма, социально-экономических формаций и классовой борьбы. Во всяком случае, невозможно было индуктивно «поправить» исторический материализм, исходя из материала, представленного историком. На это еще в начале 1970-х гг. указывал М.А. Барг, считая такое подчиненное положение исторической науки ненормальным, дискредитирующим историческое знание⁸.

В этих условиях единственной реальной возможностью отстаивания прав истории как науки оставалась попытка, не затрагивая поля исторического материализма как философской и социологической теории, выделить сферу собственно исторического знания как *особый казус*, лишь в конечном счете соотносящийся с формационной схемой. Надо было дополнить дедуктивную схему социальной философии марксизма индуктивными исследованиями марксистов-

⁶ Wouters C. Op. cit. P. 197–221.

⁷ 1968 in Europe: A History of Protest and Activism, 1956–1977 / Ed. M. Klimke, J. Scharloth. N. Y., 2008, P. 7.

⁸ Барг М.А. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса // Очерки методологии познания социальных явлений / Под ред. Д.М. Угриновича, О.В. Лармина, А.К. Уледова. М., 1970. С. 249.

историков, сохраняя философскую теорию высшего уровня в неприкосновенности, но выстроив рядом с ней историческую теорию *среднего уровня*, сочетающую интерес к детерминизму и случайности, общему и особенному. Только таким образом можно было превратить закрытую систему исторического знания, намертво привязанную к идеологической схеме — в открытую, незавершенную. По определению это была бы зависимая сфера знания, подчиненная общим телеологическим и детерминистским закономерностям исторического материализма, иерархически менее высокая, чем теория марксизма, но имеющая собственные основания в марксистской диалектике, связанные с представлениями об особенном, конкретном, локальном, преходящем, единичном, случайном.

Роль марксистской диалектики в репрезентации прошлого двояка. Австрийский и британский философ К.Р. Поппер показал, что такого рода дедуктивные игры с сознанием приспособлены для оправдания основанных на догматической установке, аподиктических, непроверяемых историцистских схем, опирающихся на утопическую перспективу в будущем (например, коммунизм)⁹. При их помощи когнитивные диссонансы разрешаются не в ходе уточнения образа прошлого, а при помощи утопий. Это способы манипуляции сознанием, распространение которых в обществе связано, по Попперу, с глубокой психологической травмой¹⁰. К.Р. Поппер объяснял устойчивость догматической установки как «бесконтрольного желания навязывать регулярности» с особенностями мышления «невротиков и других психически больных людей»¹¹. Выходом из ситуации историцизма он считал не определенную логику или методологию (в том числе индуктивную), а *критическую установку*, способную двигать познание вперед. Параллельно с ним американский психолог А. Маслоу писал о когнитивных патологиях как предпосылках «преждевременных обобщений»¹². Догматизм и невроз, таким образом, находятся в циркулярной свя-

⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 38-39.

¹⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 321.

¹¹ Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2004. С. 88-89; 226-227.

¹² Maslow A. The Psychology of Science. A Reconnaissance. N. Y., 1966. P. VII, 16-19, 23.

зи: так, диалектика позволяет затушевывать противоречия патогенных «двойных предписаний» марксизма (идеал гуманизма и оправдание геноцида в форме «войны классов», идеал демократии и тоталитарное государство и т.п.), которые англо-американский антрополог Г. Бейтсон считал причиной деформации сознания и шизофрении¹³.

Но в борьбе за статус исторического знания методы диалектики могли быть обращены и против догматизма. Ведь они могли помочь «предписать симптом» невроза, т.е. создать терапевтические «двойные предписания» (как их называл Г. Бейтсон) в форме диалектических противоречий, обостряющих и преодолевающих невроз¹⁴. Исторический материализм как завершенное универсальное знание об эволюции общественных процессов оставлял в стороне знание случайное, локальное, конкретное. Он не только выполнял методологическую роль в историческом знании (как основа материализма и объективизма), но и навязывал свой предмет реальности прошлого — последовательные стадии развития человеческого общества, которые выступали как фатальные, а не вероятностные; строго детерминированные, а не случайные, целостные, а не дискретные. Социология при этом вытесняла историю, превращала ее в свою «служанку»; образы овеществленных достижений общества и безликих народных масс затмевали образы отдельных людей и их творческой деятельности, что отвращало думающих историков-марксистов, таких как М.А. Барг¹⁵. Диалектика с ее законом единства противоположностей позволяла развести социологическое и историческое, создав терапевтическое «двойное предписание» и вернув в историю людей, их активность и свободу, и дав исторической науке возможность движения вперед.

Одновременно это делало возможным своего рода «пространственный поворот» в марксистском историческом знании. Пространственное, локальное воплощение истории можно было отчасти дистанцировать от ее временного универсального воплощения (последовательность формаций) и даже от ее временного конкрет-

¹³ Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000. С. 232-233, 266-267, 275.

¹⁴ Там же. С. 253, 330.

¹⁵ Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 26-27.

ного воплощения (особенности отдельных формаций). Речь не шла о покушении на марксистскую теорию формаций, которой творческие марксисты оставались верны. Стояла лишь задача «конкретизации... законов внутриформационных»¹⁶. Благодаря диалектике они не противопоставлялись теории формаций, но могли существовать отдельно от нее или рядом с ней, соотносясь иерархически. Это были как бы два разных среза истории, дополняющих друг друга. Этот подход в его современной форме соответствует *мультиперспективизму* и перекрестной истории М. Вернера и Б. Циммерманн как его наиболее последовательному воплощению¹⁷.

В изучении локальных проявлений формационных законов М.А. Барг видел возможность проявить лучшие качества исторического знания, обращенные к анализу конкретного. Соответственно, в его работах большее внимание уделяется не прогрессу, а развитию; размывается представление об исторической неизбежности и появляются идеи об альтернативности исторического развития; выстраиваются не детерминистские причинно-следственные последовательности, а вероятностные, часто уникальные модели межформационного и внутриформационного взаимодействия, которые невозможно описать в рамках теоретических схем марксистской социологии. Проблематизируется отношение между *историческим* и *логическим*. В результате историческое отчасти освобождается из-под власти логического, обретает собственную природу и сущность¹⁸.

Именно этот проект, имевший принципиальное значение для советской исторической науки, предложили в 1970–1972 гг. М.А. Барг и Е.Б. Черняк в форме теории стадияльно-регионального типа как исторической теории среднего («промежуточного») уровня¹⁹. Предмет социологического знания они определили как *формационный регион*. В этом понятии выражается сущность данной формации и эпоха существования данной формации целиком. Оно отделяется историками от понятия *стадияльного (исторического)*

¹⁶ Барг М.А. Учение об общественно-экономических формациях... С. 251.

¹⁷ Вернер М. Циммерманн Б. После компаратива: *Histoire croisée* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59-90.

¹⁸ Барг М. А. Категория «развитие» в историческом исследовании (Опыт системного анализа) // *История СССР*. 1986. № 1. С. 77-94.

¹⁹ Барг М.А. 1970: Учение об общественно-экономических формациях... С. 250.

региона, которое соответствует особенностям того или иного периода существования формации, обладает локальной спецификой по отношению к формационному региону, отражает влияние *неформационных* воздействий, возникает и исчезает на протяжении времени существования формации, испытывает разнообразные модификации во взаимодействии с соседями²⁰.

Понятие стадиального региона не противоречит марксизму как таковому. Стадиальный регион определяется доминированием тех или иных формационных отношений. Вместе с формационным регионом они оставляют «общее поле» теоретической истории²¹. Но эта теория среднего уровня позволяла снизить градус догматичности исторического знания в целом, степень его зависимости от философской и социологической теории. Это попытка дистанцировать *содержательную, предметную* функцию теории социально-экономических формаций от ее *методологической* функции, марксовых законов истории и конкретно-исторических закономерностей, различать сущность и явление, универсальное и локальное, необходимость и свободу, детерминированное и случайное, философский монизм и эпистемологический плюрализм. Ее важнейшая стратегическая цель — закрепить теоретическую функцию за историческим знанием, дополнить дедуктивную рациональность исторического материализма индуктивной рациональностью конкретной истории²².

В центр конкретно-исторического знания ставился не марксистский (или любой другой отдельный) метод, а исторический предмет и профессиональные методы его изучения. Взаимодействие стадиальных регионов задавало невозможную ранее в советской историографии, сложную картину воздействий внутренней и внешней естественной и исторической среды (с акцентом на демографию), связанных с ними внутрiformационных отклонений, меняло картину последовательно разворачивающихся формаций на картину параллельно существующих формационных и неформационных укладов. Образовывались сложные результаты переходов

²⁰ Там же. С. 253-257, 261, 265, 275; Барг М.А., Черняк Е.Б. Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций // Проблемы социально-экономических формаций: историко-типологические исследования / Под ред. Е.М. Жукова. М., 1975. С. 40-47.

²¹ Барг М.А. Учение об общественно-экономических формациях... С. 250.

²² Барг М.А. О категории «цивилизация». С. 5, 26.

и взаимодействий, такие как внутрiformационные (межстадиальные) кризисы, неформационные культурные явления, этнические взаимодействия, что значительно усложняло картину прошлого²³. И все это делалось легально, на основе изоцированной интерпретации марксистской теории.

Изменялся сам вопросник историка. Он переориентировался с абстрактного на конкретное и был защищен при этом от догматических претензий не историков. Возникли характерные для деконструктивизма варианты традиционных понятий во множественном числе (например, «капитализмы»)²⁴. Это был выход из тупика замкнутого на себя догматизма, предложенный творческими марксистами во имя развития марксизма, возвращающий марксизму его критический дух. Закрытая схема становилась хотя бы отчасти открытой для рефлексии и изменений. Внутри нее могло вызревать новое содержание. С точки зрения Г. Бейтсона и П. Вацлавика, это принципиально меняло положение: «двойные предписания», хотя бы в какой-то своей части, подвергались осмыслению, возникал метанарратив по поводу отношений социологии и исторического знания, а также различие содержания и предписания, что делало познавательную ситуацию менее патогенной²⁵. Это было преобразование исторической рациональности в критическом духе, созвучное эпохе информализации, которую переживал мир в 1960–1970-е гг., и от которой СССР был трагически оторван.

Вектор эволюции этой марксистской исторической теории в 1970–1991-м гг. очевиден: от детерминизма к деятельности человека в многообразии ее контекстов, от экономцентризма к культурцентризму, к анализу культуры как *ядра цивилизации*. Причем статус понятия «культуры» при характеристике стадиального региона был высок с самого начала²⁶. Постановка вопроса менялась от попыток конкретизации формационного знания в концепции стади-

²³ Барг М.А., Черняк Е.Б. Регион как категория... С. 59; Барг М.А. О категории «цивилизация». С. 27–28.

²⁴ Барг М.А. Учение об общественно-экономических формациях... С. 266.

²⁵ Бейтсон Г. Экология разума. С. 253, 300; Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, парадоксов и взаимодействий. М., 2000. С. 134, 163.

²⁶ Барг М.А. Учение об общественно-экономических формациях... С. 266–267.

ального региона до жесткого дистанцирования от «догматизированной философии» и до прямой критики «формально-формационного подхода», дополнения формационного подхода цивилизационным. Цивилизация к 1990 г., когда впервые за многие десятилетия информализация поведения и критическая рациональность стали проявляться и в России, понималась М.А. Баргом как особая сущность: «идеальная тотальность общественной жизни, творческая активность людей в рамках определенной пространственно-временной целостности»²⁷. Культура как форма исторической жизни оказывалась у него шире экономики. Именно она определяет социальную структуру общества на всех ее уровнях, начиная с уровня семьи и кончая уровнем классов, открывая путь к изучению истории повседневности²⁸.

Актуальность этой тематики для отечественного исторического знания очевидна²⁹. Но важно упомянуть, что примерно теми же путями развивалась мысль других отечественных историков, даже если речь не шла о марксизме.

* * *

С подобных позиций А.Я. Гуревич в кратковременный отечественный период информализации 1989–1993 гг. выступал в защиту «Новой исторической науки» против мир-системной теории, в становлении которой принял участие историк, возглавлявший «второе поколение» (1956–1970) школы «Анналов» — Ф. Бродель, признанный многими классик этой самой «Новой исторической науки». В 1980–1990-е гг. работы Броделя, особенно в их структуралистском измерении, стали удобной мишенью для историков «третьего поколения» школы «Анналов» и последователей постмодернизма. Мир-системная теория была признана слишком зависимой от классического взгляда на мир, детерминистской, экономцентричной, утилитаристской, материалистической и редукционистской³⁰.

²⁷ Барг М.А. О категории «цивилизация». С. 25-26, 28.

²⁸ Там же. С. 27.

²⁹ Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М., 2007; Морозов Н.М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово, 2014.

³⁰ Чешков М.А. Глобалистика: предмет, проблемы, перспективы // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 131.

А.Я. Гуревич называл главными просчетами Броделя движение от истории с ее вниманием к людям, конкретным событиям и их частным причинам — в сторону социологической теории «большого времени», превращающей прошлое «как бы в неподвижный массив», в котором поведение людей строго детерминировано «супериндивидуальными» природно-географическими и материально-экономическими структурами, теряется на их фоне. Конкретная история оказывалась «эфемерной блестящей поверхностью» над океаном структур. «Но в таком случае, что же остается от человеческой свободы?»³¹, — задает А.Я. Гуревич вместе с Ф. Броделем ключевой вопрос, составляющий сущность рациональности информализационной эпохи. И они отвечают на него по-разному. Для Броделя — свобода, как и для Г.В.Ф. Гегеля — это способность «извлечь пользу из неизбежного», а человек по своей природе — пленник обстоятельств³². Недаром свою концепцию он создавал в нацистских концлагерях (1940–1945). По его словам, это была «единственно возможная жизненная реакция на то трагическое время»³³. Бродель тут прямо подтверждает мысль К. Поппера о невротическом происхождении детерминистских схем. Его теория — порождение пика эпохи реформализации 1930–1950-х гг. — Второй мировой войны.

Взгляд А.Я. Гуревича из информализационного 1993 г. совершенно другой. Для него главное — поле свободы человека, «человеческая инициатива», проявляемая в событиях истории. «Негибкий, жесткий, всеохватывающий», «всецелый и всесторонний» экономико-географический детерминизм Броделя, минимизирующий эту инициативу и делающий из человека пленника вечного мирового концлагеря, рассматривается им как *разрушающий* историческое знание. Теоретические конструкты Ф. Броделя (Время, Пространство, Событие, Факт) реифицируются в его историческом нарративе, что придает ему устаревший позитивистский характер. Методология, как и в марксизме-ленинизме, начинает проникать в образы онтологии, определяя картину мира. Структурализм «приводит ко всеохватывающему, жесткому детерминизму и, как видим, отрицает человеческую свободу, не оставляя пространства для вы-

³¹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 116.

³² Там же.

³³ Там же. С. 117.

бора и творчества»³⁴. Вместо стремления к «полезной и даже необходимой для истории полидисциплинарности» мы приходим к «растворению исторического ремесла в других дисциплинах»³⁵.

В этом критика Ф. Броделя А.Я. Гуревичем полностью совпадает с критикой марксистско-ленинской социологии М.А. Баргом. Оба отстаивают специфику исторического знания. Нельзя превращать историю в теоретическую науку, не утратив того, что ее выделяет на фоне социальных наук, социологии или политэкономии — внимания к частному и особенному. Гуревич рассматривал традиционную макроисторию с ее презентизмом используемых понятий, вторжением моделей в ткань исторического повествования и персонификацией структур — как *предел*, а не вариант исторического знания. Во многом эта критика связана с игнорированием Ф. Броделем истории ментальностей, которую А.Я. Гуревич считал главным достижением школы «Анналов». Именно в этом смысле он парадоксальным образом противопоставляет в негативном смысле историка Ф. Броделя — немецкому социологу Н. Элиасу и филологу М.М. Бахтину, стиль мышления которых представляется ему более историчным³⁶.

В концепции фигуративной социологии Н. Элиаса А.Я. Гуревичу казались особенно важными именно то, что отличает его от Ф. Броделя: отказ от «продиктованных современностью оценочных суждений», презентистских интерпретаций (оправдания изменения норм поведения требованиями гигиены), от линейно-стадиальных подходов, от рационализации представлений о «цивилизованном» поведении и требование строгого герменевтического анализа реальных процессов изменения норм этикета³⁷. В результате у А.Я. Гуревича также складывался идеал исторической теории среднего уровня: с хорошо проработанной теоретической составляющей, дающей возможность анализировать историческую конкретику, ставя вопросы, касающиеся человеческой свободы и инициативы, и не навязывающей голосам из прошлого современных рационализаций.

³⁴ Там же. С. 122.

³⁵ Там же. С. 123.

³⁶ Там же. С. 116-132, 285.

³⁷ Там же. С. 127, 129. См. о «левантинизме»: Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Ст. 3. С. 141; Гуревич А.Я. Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Об актуальности этой проблематики и ее глубоком влиянии на современное историческое знание в России говорит то, что А.Я. Гуревич является наиболее цитируемым историком страны (не считая антрополога В.А. Тишкова).

Функционирование макроисторических теорий

Однако, как ни парадоксально, при массовом отказе от марксизма-ленинизма как теории истории в 1990–2010-х гг. перехода от социологических теорий истории к историческим теориям среднего уровня не произошло. Даже если такая цель заявлялась, она осуществлялась далеко не полностью. Особенно ярко это проявилось в макроистории: историко-социологическом мир-системном подходе, глобальной истории и истории цивилизаций. В России сформировались разные группы историков, неодинаково интерпретирующих цели истории. В частности, им была свойственна двойственная трактовка таких ключевых для А.Я. Гуревича понятий, как «Новая историческая наука» и антропологизация.

Сторонники социологизации истории, естественнонаучных подходов и в особенности социально-экологического, демографического, объективистского подхода вопреки А.Я. Гуревичу по-прежнему считают классиком «Новой исторической науки» Ф. Броделя, провозгласившего ее рождение в 1958 г. и, соответственно, полагают ее признаками свойственное «первому» и «второму» поколению школы «Анналов» стремление к взаимодействию историков с географией и экологией (как у Л. Февра), демографией, социологией и экономикой (как у М. Блока). Они ассоциируют антропологический поворот с эволюционистскими взглядами американского антрополога Р.Л. Карнейро³⁸. Сторонники гуманитарных подходов учитывают критику А.Я. Гуревичем позиции Ф. Броделя, они связывают «Новую историческую науку» не с положением дел на 1958 г., а с результатами борьбы второго и третьего поколения школы «Анналов», опытом всех тех «поворотов», которые прошло историческое знание: культурного, лингвистического,

³⁸ *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 16; *Carneiro R.L.* Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. N. Kradin, A. Korotayev, D. Bondarenko, V. de Munck, and P. Wason, Vladivostok, 2000. P. 52-58.

пространственного, которые дистанцировали ее от социологизации, детерминизма и сциентизма, поворотов, оставшихся вне поля зрения сторонников естественнонаучных подходов³⁹. Соответственно, антропологический поворот у них ассоциируется (как и у философов) с десоциологизацией исторического знания, его гуманитаризацией, интересом к герменевтике и источниковедческим вопросам, а также случайному, индивидуальному, антикваризму, плюрализации культурных и исследовательских перспектив. Все это создает при общении данных групп когнитивные диссонансы.

Наиболее интересным и продуктивным направлением такого рода макроистории является школа клиодинамики — логико-математического моделирования макроисторических процессов, в которую входят и к которой примыкают талантливые, пользующиеся авторитетом историки и обществоведы, работы которых относятся к наиболее часто цитируемым в России: А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко, а также Л.Е. Гринин, П.В. Турчин, С.А. Нефедов, А.П. Назаретян, Н.С. Розов, Д.А. Халтурина и др. Интересы этой школы ориентированы на исследование универсальных и глобальных эволюционных процессов в рамках «универсальной истории» (*big history*) и мир-системного подхода при помощи синергетических, эволюционных, демографических и социологических теорий, на основе которых создаются математические модели, позволяющие анализировать объективные предпосылки тех или иных исторических явлений, обыгрывать коллизии, варианты, а также перспективы мирового социального развития. Для клиодинамики характерен интерес к *предельным* вариантам развития, когда человечество или его части в борьбе за существование ведут себя как популяции, движимые стремлением к биологическому выживанию, поиск общих закономерностей и особенностей эволюционных процессов, в частности — аспектов, сближающих социальную и биологическую эволюцию⁴⁰. Пожалуй, это единственное в России направление действительно глобальных исторических исследований, так как оно ос-

³⁹ Гуревич А.Я. Исторический синтез... С. 132-134, 264-295.

⁴⁰ Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Марков А.В. Биологическая и социальная фазы глобальной истории: сходства и различия эволюционных принципов и механизмов // Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества). Хрестоматия / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина. Волгоград, 2012. С. 315-347.

новано историками-востоковедами и историками-африканистами, чем определяется невиданно широкое поле сравнений и верификации математических моделей.

Особенностью школы клиодинамики, дистанцирующей ее от основного направления исторического знания, является тот же зазор между историей Ф. Броделя и историей Н. Элиаса, который отметил А.Я. Гуревич. Особенность их подхода — именно то, за что А.Я. Гуревич упрекал Ф. Броделя: это история «без человека», которая теряется среди других наук. В отличие от большинства историков, оставивших под давлением критики постмодернистов попытки найти общие законы истории, А.В. Коротаев и его товарищи не оставляют таких попыток, оставаясь верными идеалам придания истории подлинно общенаучного статуса и поиска *строго детерминированных* исторических процессов, объясняемых *простыми* верифицируемыми моделями. Поэтому предмет истории необходимо редуцируется у них до проблем социальной эволюции в целом (или даже до социальной макроэволюции⁴¹), а понимание истории зачастую — до предмета исторической демографии и исторической социологии. Их предмет — это время большой и очень большой продолжительности и, в основном как иллюстрация, — конъюнктурное время Ф. Броделя. Их привлекает простота моделей, описывающих рост населения (гиперболическая модель роста населения мира до начала 1960-х гг.), демографического перехода, динамика роста мирового ВВП, вековые циклы. При этом создается особый язык: культура понимается как то, что можно исчислить, например, *количество грамотных*; в разряд технологий вводятся также политические, экономические и культурно-гуманитарные технологии, в частности технология здравоохранения⁴².

Как показал А.В. Коротаев, цель познания законов истории недостижима на уровне простых социальных систем. Он призна-

⁴¹ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М., 2009. С. 7-96.

⁴² Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 2007. С. 27-28, 60-61, 110-113, 128; Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 2007. С. 48-67, 121-168.

ет наличие микроуровневого хаоса, но отвергает его как предмет исследований, отстаивая существование «высокодетерминированной макроуровневой динамики». В результате оказывается, что закономерности социальной эволюции лучше всего обнаруживаются на уровне мир-системы (зоны ойкумены, которую можно рассматривать «как единое развивающееся целое», связанной информационными сетями, предполагающими диффузию технологических нововведений за «промежутки времени, заметно меньше тысячелетия»)⁴³.

Результатом работы школы и в особенности самого А.В. Коротаяева стало множество математических моделей, заставляющих историков по-новому взглянуть на многие общемировые и региональные социально-экономические и политические процессы. Например, это нетривиальные положения о падении подушевой изобретательской активности людей после Осевого времени (рубеж 200 г. н.э.), о связи роста грамотности женщин с демографическим переходом⁴⁴. Показано наличие устойчивой связи между плотностью населения и уровнями социальной дифференциации, государственной централизации, формой правления, как перенаселение порождает тенденцию к установлению автократии и т.п.⁴⁵. Правда, ориентация на детерминизм заставляет историка чересчур оптимистично относиться к проблеме познаваемости социальной эволюции и более конкретных демографических тем, что навлекает критику отдельных математиков и демографов, таких как Е.М. Андреев. «Психологи утверждают, что убежденность — необходимое условие убедительности, — пишет Андреев. — Но постоянно встречающиеся неточности и прямые ошибки в упомянутых выше работах заставляют усомниться в том, что это условие — достаточное для того, чтобы видеть в твердой убежденности залог надежной обоснованности предлагаемых читателю выводов»⁴⁶.

⁴³ Коротаяев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории: Математическое моделирование... С. 119-121, 136.

⁴⁴ Там же. С. 101-116, 204-205.

⁴⁵ Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ... С. 22; Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. Социальная макроэволюция...

⁴⁶ Андреев Е. М. Критические заметки по поводу демографических публикаций А.В. Коротаяева и соавторов // Демографическое обозрение, 2014, № 3. С. 144-157.

Это заставляет указать на некоторые слабые места теоретических оснований деятельности школы. Связь с идеями, положившими основание «универсальной истории» (*big history*), остается для школы довольно формальной, от чего не спасает внимание А.П. Назаретяна к наследию создателя *big history* Э. Янча, теоретика времен эпохи информализации 1960–1970-х гг., сторонника идеи культурного многообразия и культурного релятивизма, а также «гетерогенетических» неиерархических и неравновесных форм общественной жизни⁴⁷. Между тем обычный для социологов-глобалистов холизм дополняется у клиодинамиков монизмом, основанием для которого служит сконструированный объект познания — Мир-Система, познавательная функция которого (как и у Ф. Броделя) не до конца от-рефлексирована и который порой воспринимается как естественный объект (поле информационного взаимодействия)⁴⁸. От внимания авторов уходят важные для Э. Янча постмодернистская критика идеи прогресса, образ истории как ризомы, ценность разнообразия как основания эволюционного процесса, мультиперспективизм восприятия прошлого и конструируемость его конкурирующих образов. Глобальность и системность воспринимаются только в онтологическом смысле, те же понятия в эпистемологическом смысле, как их трактовал Э. Янч, остаются не осмысленными⁴⁹.

Подобным же образом не стали предметом размышления свойства используемой этими историками линейно-стадиальной, прогрессистской модели истории. Об этом свидетельствует популярная среди них концепция физика А.Д. Панова, пытающегося при помощи математических моделей «уточнить» линейно-стадиальную схему истории и представления о «сингулярности» известного историка-востоковеда И.М. Дьяконова, стремившегося, в частности, выявить природу исторической «сингулярности», в которой темп исторического развития становится бесконечным, и точный год ее реализации⁵⁰. Преодоление подобных зрительных

⁴⁷ *Jantsch E.* The Self-Organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution Science. Oxford, N. Y., Toronto, etc. 1980. P. 260-261, 301, 303-305.

⁴⁸ *Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Марков А.В.* Биологическая и социальная эволюция... С. 315-347.

⁴⁹ *Jantsch E.* Op. cit. P. 1, 177-178, 259-260, 285, 310.

⁵⁰ *Панов А.Д.* Сингулярность И.М. Дьяконова // Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества.

эффектов перспективизации образов прошлого легко осуществимо в рамках стратегии мультиперспективизации, а работа по их «уточнению» совершенно бессмысленна и выявляет лишь дремучее невежество исследователя в технике конструирования образов прошлого.

Увлечение детерминизмом в эпохи реформализации не проходит бесследно для политических взглядов. Примером этого являются высказывания авторов-клиодинамиков, лишенных гуманитарного образования и не отдающих себе отчета в семиотическом и прагматическом смысле своих высказываний, таких как известный физик-теоретик Д.С. Чернавский. В докладе «Модель целеполагания и идеологическое единство России», опубликованном в 2002 г., он, ничтоже сумняшеся, редуцировал глобализацию к биологической эволюции, охарактеризовав ее как унификацию всех средств коммуникативной информации, в частности языка и денег, и высказал мысль, что в результате глобализации «ценность вытесняемых языков понижается», как и ценность вытесняемых с рынка валют. В этих условиях происходит «борьба за сохранение своей информации», т. е. «борьба за мировое господство». Мирная глобализация по этой причине — тупик, путь отказа от своих интересов, культуры, цивилизации. Она немыслима, а поэтому реальной перспективой объявляется объединение близких по духу стран для борьбы с силами унификации. Западные и российские ценности по этой логике выстраиваются Чернавским дихотомически, как бинарная оппозиция. Вывод, подтвержденный приводимыми им математическими формулами: «Надо осознать, что демократическая идеология и ценности (включая либеральную экономику) враждебны России, ее целостности, ее культуре, ее цивилизации. Если наша цель — сохранить и защитить Россию, то демократическая идеология с ней несовместима»⁵¹. Эти идеи получили широкое распространение в работах различного рода, публикуемых до сих пор в исторических и социологических изданиях, особенно математиком С.Ю. Малковым, руководителем научного направления

Хрестоматия / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2012. С. 378-383.

⁵¹ Чернавский Д.С. Модель целеполагания и идеологическое единство России // О социально-экономических проблемах России. Вып. 7. М., 2002. С. 41-59.

Центра проблем стратегических ядерных сил Академии военных наук РФ⁵².

В последнее время клиодинамики стремятся точнее определить свою позицию, расширяя круг базовых концепций за счет глобальной истории и социального сетевого анализа, но не теряя связь с глобалистикой и мир-системным подходом. Они определяют свое направление как «историческую глобалистику», исследования реализации принципа *глобального эволюционизма*. Последний представляет собой универалистское общенаучное представление позитивистского типа, при помощи идей синергетики объясняющее возникновение самоорганизующихся систем разного типа (природных и социальных) и появление в них новых структур. Глобальный эволюционизм, по их представлениям, «теперь по праву можно назвать господствующей основой научной картины мира»⁵³.

Однако видение глобальной истории у клиодинамиков сужено. Оно сильно отличается от анализа глобальной истории у П. Мэннинга, Д. Заксенмайера, Г. Иггерса и Э. Вана, Л.П. Репиной и И.Н. Ионова⁵⁴. Они, например, не учитывают воздействия на глобальную историю лингвистического и культурного поворотов, диалога с цивилизационным подходом, анализа «альтернативных современностей», исходное «общее стремление избежать схемы модернизации или глобализации», децентрирующих познавательные стратегии. Не учитывается связь рождения глобальной истории с преодолением «универсальных объяснительных структур»,

⁵² Малков С.Ю. Мировая роль России: право на существование и исторические проявления // Мировая роль России: право на существование и исторические проявления. Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2011. С. 4-67, 116-117; Малков С.Ю. Взаимодействие элиты и общества: эволюционный аспект // Природа и общество в процессах взаимодействия (Социоестественная история. Вып. XXXVII) / Под ред. Э.С. Кульпина-Губайдулина. М., 2013. С. 16-47.

⁵³ Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротяев А.В. Историческая глобалистика. Т. 1. М., 2016. С. 10.

⁵⁴ Manning P. Navigating World History: Historians Create a Global Past. N. Y., 2003; Sachsenmaier D. Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World. N.Y., 2011; Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век. Новое историческое сознание. М., 2015.

интересом к культурологии, герменевтике и источниковедению. Между тем, по мнению ведущего современного историографа Г. Иггерса и Э. Вана, «глобальная история не предполагает ясной теории исторического развития (как у клиодинамиков. — *И. И.*), сводного нарратива; она вообще отказывается от последнего как от части наследия западного империализма», при изучении глобализации делает упор на «роль местных традиций и особенностей»⁵⁵.

Сохраняется опора на социологические и естественнонаучные подходы, а также заимствованную у Ф. Броделя несобытийность, при полном игнорировании постколониальной критики, транскультурного подхода, проблем сравнительного анализа и культурного трансфера, эпистемологической роли перекрестной истории (*histoire croisée*), на которые делает акцент Л.П. Репина⁵⁶. Идеал полноты знания в духе его культурной мультиперспективизации, построения децентрированного образа глобального прошлого как связанного или разделяемого прошлого различных культур, о которых писали основоположники глобальной истории⁵⁷, у них не просматривается. Анализ проблем, которые разделили второе (броделевское) и третье поколение школы «Анналов», по-прежнему отсутствует⁵⁸.

В понимании клиодинамиков «глобальная история вписывает... процессы <глобализации> в контекст планетарной социоприродной динамики, учитывая коэволюцию и взаимовлияние совокупности природных (геологических, биологических, климатических) и антропогенных (социальных, культурных, экономических, политических) макро-процессов и систем. Именно это позволяет ей быть идеографической (так в тексте. — *И. И.*) основой глобального эволюционизма»⁵⁹. В этом подходе важно то, что делается шаг

⁵⁵ Иггерс Г., Ван Э. Указ. соч. С. 394-400, 413, 425-426.

⁵⁶ Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Указ. соч. 72; Репина Л.П. Указ. соч. С. 125, 134-162, 205, 221, 224-226, 250-251, 283, 548.

⁵⁷ Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Указ. соч. 73. В тексте предшественники именуются «Школой анналов» — без кавычек и с маленькой буквы.

⁵⁸ Buultjens R. Global History and the Third World // Conceptualizing Global History. Conceptualizing Global History. Mazlish B. and Buultjens R. (eds.). Boulder, 1993. P. 74-82.

⁵⁹ Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Указ. соч. С. 72. Вероятно, имеется в виду *идеографический* подход баденской школы. (От греч. *idios* — особенный и *grapho* — пишу).

от номотетизма раннего А.В. Коротаева к сочетанию номотетических и идеографических подходов, намечается эволюция от всеобъемлющей «теории всего», какой является глобальный универсализм — к исторической теории среднего уровня. Этот шаг прямо воспроизводит стратегию М.А. Барга во взаимодействии с теорией формаций.

Тем не менее, в книге «Историческая глобалистика» (т. 1, до XVIII в., 2016 г.), выражающей современные тенденции в клиодинамике, сохраняются претензии на создание особого метанарратива об истории. Авторы стремятся «рассмотреть историю формирования глобального связанного мира, а также значимых в глобальном масштабе явлений». В центре по-прежнему «история развития Мир-Системы, ее переходов на новые уровни сложности и связности от возникновения примерно 10 тыс. лет назад до XVIII в... Рассматривается различие между трендовой и циклической глобальной динамикой. Исследуются проявления глобальной синхронизации: периоды Всеобщего роста конца XV–XVI вв., Всеобщего кризиса XVII в., а также некоторые аспекты мир-системного развития в XVIII в.»⁶⁰.

Слабым местом клиодинамики является недостаточный интерес к изучению традиции глобальной истории в ее собственно исторических, а не социологических проявлениях. Историографические обзоры стали появляться лишь недавно, они малы по объему и ориентированы прежде всего на экономическое направление глобальной истории⁶¹. В этом проявляется невнимание к роли гуманитарной составляющей этого направления знания, интеллектуальной истории как рефлексии по поводу используемых концепций, пределов их возможностей и их взаимодействия с другими познавательными стратегиями. Можно сказать, что и в этом варианте междисциплинарности история, как писал А.Я. Гуревич, растворяется среди других наук. Эта тема более подробно разрабатывается в рамках другого, транскультурного подхода к глобальной истории, разрабатываемого М.А. Липкиным, Л.П. Репиной, И.Н. Ионовым и др., и ею предлагается иной набор проблем глобальной истории и

⁶⁰ Там же. С. 2.

⁶¹ Шестова Т.В. Истоки и перспективы глобальной истории // Универсальная и глобальная история. Хрестоматия / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. М., 2012. С. 77-82; Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Указ. соч. С. 71-75.

путей их решения⁶². В рамках этого направления уделяется большее внимание когнитивным проблемам глобальной истории и идет анализ развития теории глобальной истории как исторической теории среднего уровня, учитывающей как мотивы человеческой деятельности, так и воздействие природных и социальных структур⁶³.

* * *

Наиболее парадоксальным в этом плане выглядит развитие цивилизационных представлений, которые прямо наследовали традиции М.А. Барга после его смерти весной 1991 г. Даже в деятельности Центра по сравнительной теории и истории цивилизации Института всеобщей истории РАН, сборника «Цивилизации», учрежденного М.А. Баргом, разделе «Российская цивилизация» журнала «Общественные науки и современность», находившегося под влиянием его учеников, в 1992–1995 гг. происходят заметные изменения, результатом которых был отход от стратегии поэтапной релятивизации формационной теории и опора на другой вариант философии истории — теорию цивилизации А.С. Ахиезера. Эта тенденция остается значимой и сегодня, а работы философа — одними из наиболее цитируемых по истории (исключая трех антропологов и археологов, а также историков А.Я. Гуревича и А.В. Коротаева). Причина этого — «разрыв шаблона» и резкий идеологический разворот российского общества в 1991 г., утверждение либеральных идеалов, которые и представлял А.С. Ахиезер. Марксистская теория формаций была в этих условиях не переосмыслена, а просто отброшена как иррелевантная проблематике исторического знания. При этом проблема утверждения собственно исторических подходов, на которой сосредоточились М.А. Барг и А.Я. Гуревич, оказалась плохо осознанной даже их учениками.

⁶² *Ионов И.Н.* Историческая глобалистика: предмет и метод. *Общественные науки и современность.* 2001. № 4. С. 123-137; *Он же.* Основные направления и методология глобальной истории // *Новая и новейшая история.* 2003. № 1. С. 18-29; *Он же.* Проблемы современной макроистории. Ст. 1-2 // *Диалог со временем.* Вып. 50, 54. 2015–2016; *Он же.* Глобальная история и изучение прошлого России Ст. 1-4 // *Общественные науки и современность.* 2011–2014; см. также *Цивилизации.* Вып. 11. *Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации /* Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2016.

⁶³ *Ионов И.Н.* Историческая теория среднего уровня ... С. 73.

Дело в том, что в период становления посткоммунистической государственности не решена была проблема исторической ориентации и национальной идентификации, марксистские (формационные) основания которых разрушились. На этом фоне важнейшую роль стала играть *цивилизационная* идентификация, которая связывалась с культурой, а не империей. В советские⁶⁴ и первые постсоветские годы это была *протестная* самоидентификация, противостоящая формационной как догматической. Она удовлетворяла потребность в целостном и связном историческом образе, который бы мог организовать вокруг себя пространство для анализа разнородных и противоречивых проявлений российской истории. Такой образ был создан философом А.С. Ахиезером, который еще в начале 1980-х гг. написал книгу «Россия: критика исторического опыта» (1991, 1997). Ключевым понятием здесь является слово «критика». Труд А.С. Ахиезера — первое в СССР немарксистское осмысление отечественной истории как целого. Эта книга породила философский язык, на котором стало возможно обсуждать проблемы страны, она дала переосмысление западного цивилизационного дискурса.

В ней А.С. Ахиезер предлагал теоретические инструменты, при помощи которых можно было изменить не частные представления об истории России, а когнитивные основания и культурные контексты знания, создать новую повестку дня работы историков, обновить их профессиональный вопросник, обратить внимание на новые источники. Главным для историков при этом было изменение статуса образа России. В сущности, это была попытка конвертировать в научное знание опыт самокритики, накопленный интеллигенцией за годы застоя. История России впервые ставилась в контекст большого мира, модернизирующегося по капиталистической модели. Обсуждались «ловушки догоняющей модернизации», докапиталистического характера современного российского общества, слабости российского государства⁶⁵.

⁶⁴ Не надо забывать, что в советский период понятие «цивилизация» долгое время существовало лишь в негативном контексте («буржуазная цивилизация»). См.: Асоян Ю.А. Исчезнувшая цивилизация: цивилизационные категории в советском идеологическом дискурсе 1920–1930-х гг. // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4. С. 112–119.

⁶⁵ Матвеева С. Философский анализ социокультурной динамики России // Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта*. Т. I. М., 1991. С. 12, 15–16.

Концепция строилась на радикальном переосмыслении базового принципа советских философии и историографии: принципа антагонистического противоречия как движущей силы истории. У ментальной карты Ахиезера два ценностных центра: традиционная цивилизация и либеральная цивилизация, которым придается не только идеологический, но и моральный смысл, так как каждый из них представлял собой не только социальный, но и нравственный идеал⁶⁶. Разрешение их противоречия в рамках дуальной оппозиции, согласно первоначальному варианту теории, особенно ясно представленному в предисловии С.Я. Матвеевой, заключалось не столько в победе одного и «снятии», сколько в поисках промежуточного варианта, «взаимопроникновения полюсов»⁶⁷. «Медиа́ция» (взаимопроникновение) как продуктивный поиск *среди́нной культуры* (структуралистского идеала уравновешенности, безопасности, приспособления) противопоставлялась «инверсии» как проявлению антагонизма, бессильной или даже вредной переполосовки полярных смыслов⁶⁸. Их борьба в этой системе размышлений порождает не новое качество, а уничтожение сложности, «*косу инверсии*, то есть массовое уничтожение людей, имущества, культуры, социальных институтов, этнических групп, сословий... а также центров власти, государственности»⁶⁹. Работа оставалась чисто философской и не претендовала на вторжение в поле методов социологического или исторического знания. При этом значение законов истории и ценность прогресса сохранялись.

Основная проблема России, по Ахиезеру — не традиционность ее культуры, а неспособность перейти от традиционной к либеральной цивилизации, «промежуточный характер» и циклическая форма развития ее цивилизации (по типу «реформа—контрреформа»)⁷⁰. Россия развила неорганичность, нестабильность своего цивилизационного статуса в особое системное качество

⁶⁶ В основе книги лежала идея преодоления противоположности (раскола!) западничества и славянофильства, отрицание свойственных этим течениям идеалов вестернизации и апологетики крестьянства. Там же. С. 16-17. О нравственном идеале см. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. С. 208-210.

⁶⁷ Там же. Т. I. С. 40-41.

⁶⁸ Там же. С. 37, 40.

⁶⁹ Там же. С. 43.

⁷⁰ Там же. Т. III. С. 261-262.

«промежуточной цивилизации», стимулирующее деструктивные тенденции социокультурного воспроизводства, в частности раскол культуры и общества, воспроизводящий их неорганичность⁷¹.

Благодаря формированию нового познавательного пространства стали активно разрабатываться новые философские, культурологические, в меньшей степени — исторические проблемы, такие как сквозное влияние архаических элементов в отечественной истории; роль идеала «Правды»; роль общинных (локалистских) социальных форм; воздействие языческих традиций на отношение народа к власти; влияние инверсионной, манихейской традиции в русской культуре, социокультурный раскол, позже — история старообрядческой экономики. В течение четверти века эти работы приобретали все больший размах. Культурологи В.Б. Земсков, Б.С. Ерасов, И.Г. Яковенко, А.А. Пелипенко, А.П. Давыдов, историки — африканист И.В. Следзевский, востоковед Э.С. Кульпин, латиноамериканист Я.Г. Шемякин, русисты И.В. Кондаков и И.Н. Ионов выпустили ряд монографий и сборников статей⁷², учебников и хрестоматий⁷³, посвященных историческим вариантам представлений об инверсии, путях развития и особенностях модернизации России, сходных проблемах других стран мира, общих свойствах пограничных (по сути дела «промежуточных») цивилизаций, попыткам сравнительного анализа локальных цивилизаций. Подходы А.С.

⁷¹ Там же. Т. I. С. 60, 109, 124, 141.

⁷² Проблема социокультурных инверсий. Сборник научных трудов. Саратов, 1997; Российский цивилизационный космос (к 70-летию А. Ахиезера). М., 1999; *Шемякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001; Россия как цивилизация. Устойчивое и изменчивое / Отв. ред И.Г. Яковенко. М., 2007; *Яковенко И.Г.* Познание России. Цивилизационный анализ. М.: Наука, 2008; В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера. М., 2009; *Земсков В.Б.* Образ России в современном мире и другие сюжеты. М., 2015.

⁷³ *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002; Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998; *Ионов И.Н.* Российская цивилизация. IX – конец XXI века. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М., 2003; *Ionov I.* New Trends in Historical Scholarship and the Teaching of History in Russia's Schools // Educational Reform in Post-Soviet Russia: Legacies and Prospects / В. Eklof, L. Holmes, & V. Kaplan (Eds.). L., N. Y., 2005. P. 291-308.

Ахиезера и его последователей использовались при написании таких капитальных трудов Института всеобщей истории РАН как «История Европы» и ЮНЕСКО — как «History of Humanity»⁷⁴.

Эти тенденции были высоко оценены крупнейшим отечественным историографом рубежа XX–XXI вв. Б.Г. Могильницким, который считал цивилизационный подход частью глобальной истории и включил работы А.С. Ахиезера, И.Н. Ионова, В.М. Хачатурян наряду с третьим и четвертым поколениями школы «Анналов», антропологическим и лингвистическим поворотами — в современную историографическую революцию⁷⁵.

При этом теория А.С. Ахиезера обладала всеми недостатками, какие М.А. Барг видел в марксистской социологии, а А.Я. Гуревич — в концепции Ф. Броделя. Она опиралась на субстанционализм (цивилизация — устойчивая сущность), реификацию понятий (идеал цивилизации превращается в описание Запада), детерминизм (способ жизни определяется социокультурным законом, отход от которого грозит катастрофой). Теория прямо проецировалась на образ реальности, давая ответы на поставленные ею вопросы и не оставляя место для интереса к несистемным факторам, к пространству человеческих возможностей, воле и свободе человека. Либеральная по идеологии, она была в то же время порождением советского времени. Логическое в ней явно подавляло историческое. Ее детерминизм, как водится, связан с тягой к авторитаризму.

Следствием этого представляется участие А.С. Ахиезера в совместных с философом В.В. Ильиным работах «Российская государственность: истоки, традиции, перспективы» (1997) и «Российская цивилизация: содержание, границы, возможности» (2000), в которых ценностно нагруженной оказывается уже не либеральная цивилизационная, а традиционалистская имперская

⁷⁴ *Ионов И.Н.* Ч. 5, гл. 2. Революционное движение в России во второй половине XIX – начале XX века // История Европы Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2000. С. 354-364; *Chubariyan A.O. Golubkova T.V., Ionov I.N., Stepaniants M.T., Tchernjak E.B.* Ch. 6. The Humanities and Social Sciences // History of Humanity. Scientific and Cultural Development. The Nineteenth Century / Ed. P. Mathias, N. Todorov. L., N. Y., 2008. P. 124-150.

⁷⁵ *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III. Историографическая революция. Томск, 2008. С. 458-521.

традиция. Разрыв с исторической наукой, диалог с которой изначально составлял цель либеральной школы, порой приобретает тут кричащие формы⁷⁶.

В этих книгах, метод которых авторы определяют как «социософию», правда истории («правда лица») открыто противопоставляется правде философского знания («правде народа, государственности»), то есть выводится в контекст, который поначалу интерпретировался А.С. Ахиезером как инверсионный, манихейский⁷⁷. Ход мысли В.В. Ильина осуществляется в режиме инверсии, то есть постоянной переполусовки смыслов, которая не порождает новое качество, а вызывает, в терминах А.С. Ахиезера, «партиципацию» только к одному (одностороннему) решению проблемы. Для стиля мышления Ильина характерны умозаключения от обратного и с метафизическим квантором «все», например: «везде прогресс, у нас регресс», перескакивание с линейно-стадиальной на локальную версии идеи цивилизации, охаивание постмодернистов при заимствовании их идей и т.п.⁷⁸.

В этих условиях анализ А.С. Ахиезером в книге «Российская государственность» хаоса и порядка, синкретизма и государственности (часть II) используется исключительно для доказательства вредности для России федеративного принципа, с целью (как выражается В.В. Ильин) пропаганды идеи единого национального государства, способного «поддерживать неделимым доставшееся нам от предков наследство (пространство Евразии)»⁷⁹. Подбор формулировок и доказательств проводится путем введения поэтических метафор, без учета их соответствия современным научным взглядам («нация — державноорганизованный народ»; «этос — идеальная субстанция нации»; во второй половине XIX в. «мощное хозяйственное укрепление деревни опровергало предвзятые социал-демократические тезисы ее социального расслоения»; в России

⁷⁶ Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта*. Т. 1. С. 40-54; Т. 3. С. 163, 395; Ильин В.В., Ахиезер А.С. *Российская государственность: истоки, традиции, перспективы*. М., 1997; Ильин В.В., Ахиезер А.С. *Российская цивилизация: содержание, границы, возможности*. М., 2000.

⁷⁷ Ср. Ильин В.В., Ахиезер А.С. *Российская государственность*. С. 6; Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта*. Т. I. С. 51-52.

⁷⁸ Ильин В.В., Ахиезер А.С. *Российская цивилизация*. С. 4, 18, 20-21, 24-25, 29, 61-62, 64, 81.

⁷⁹ Там же. С. 373, 382.

«никакого военно-правительственного присоединения пространств, как правило, не было» и т.п.)⁸⁰.

Безответственность и произвольность теоретической схемы, дистанцированной от поля профессионального исторического знания, толкали авторов ко все большей ее радикализации в *евразийском духе*: имперская и геополитическая составляющая разрастались, постулировалась «понимательная презумпция» (так в тексте), что «России хорошо при сильной власти, строящей или восстанавливающей ее как империю»⁸¹. Для Ахиезера и Ильина, как раньше для Н.Я. Данилевского, российская цивилизация оказалась сосредоточена в царе, как для И.А. Ильина — в идеале власти. Конкретно-исторический материал становился не просто односторонне и поверхностно интерпретированным, но и искаженным.

На это обращал внимание В.В. Согрин, который отмечал, что авторы книги стоят на противоположных теоретических позициях, и приводил длинный ряд нарушений В.В. Ильиным хронологии, произвольных оценок им исторических событий, безграмотных оценок работ историков (в том числе В.О. Ключевского). В итоге Согрин характеризовал способ обращения В.В. Ильина с историческими данными как «вопиющую некомпетентность» и «беззастенчивую фальсификацию»⁸². Именно таким образом возникли политические рекомендации В.В. Ильина налаживать во внешней политике России «блоковое (расовое) единство белых против цветных», способствовать «активизации антимусульманских настроений в Индии, Китае», возратить на Кубу российские ракеты, «осуществлять цивилизационную миссию поддержания целостности субконтинента» — через «реституцию территорий» (Евразии), «обозначить пределы возможностей для присутствия в Балтии иных держав», контролировать или инкорпорировать государства-лимитрофы (Прибалтику, Польшу)⁸³.

К подобным высказываниям обращены идеологические и познавательные претензии Ю. Шеррер, М. Никё, А.Я. Гуревича, Г.И.

⁸⁰ Там же. С. 88, 189, 370–371.

⁸¹ Там же. С. 125.

⁸² Согрин В.В. 1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 30, 32.

⁸³ Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация. С. 26, 109, 111, 150, 152, 156, 158.

Зверевой, В.А. Шнирельмана, Н.Е. Копосова. Так, Ю. Шеррер рассматривает цивилизационные исследования в России не как научные, а как форму политики идентичности. Она критикует отечественную философию истории за создание под видом цивилизационной — *имперской идентичности* и связанную с этим процессом консервацию устаревших концептов и эпистемологических подходов. Дискурсный анализ позволяет ей вскрыть в описаниях российской цивилизации восходящие к Н.Я. Данилевскому и евразийцам концептуальные формы, не используемые современной европейской наукой, в частности бинарные оппозиции, такие как Запад — Восток, традиция — современность, варварство — цивилизация. Она показывает, что в отечественной культурологии последовательно игнорируются достижения «антропологического поворота» 1970–1980-х гг., опыт «культурного поворота» 1990–2000-х гг., а также достижения «новой культурной истории». Присутствуют такие устаревшие эпистемологические подходы как детерминизм, универсализм, эссенциализм, методологический и онтологический холизм (идеал синтеза), антиномизм, редукционизм. Экономический редукционизм марксизма подменен культурным. Лишь отсутствием всяких представлений о научном методе, «дилетантизмом и эклектизмом» она считает возможным объяснить «произвольное соединение» позитивистских эпистемологических принципов с заимствованными у религиозных философов Серебряного века историческим пессимизмом, интуитивизмом, органицизмом, аффектированностью, примитивизированной герменевтикой, в рамках которых изучение «менталитета народа» (а не истории ментальностей, как в современной науке) порождает умозаключения по поводу «сущностей» и «внутренней природы» цивилизаций России, Востока и Запада. Поэтому методологически, а зачастую и в области онтологии, по ее мнению, российская теория цивилизаций, несмотря на заявленный либеральный идеал, противостоит идеалу Модерна, она стала проявлением *эпистемологического национализма*⁸⁴.

⁸⁴ Scherrer J. Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen, 2003. S. 8, 30, 69-70, 98, 118, 121, 177, цитаты на S. 171, 174. См. также: Scherrer J. Idéologie, identité, mémoire: une nouvelle «idée russe»? // Transitions № 44 (2). 2006. P. 123-138; Niquex M. Discours essentialistes dans la Russie d'aujourd'hui, ou le retour de

Г.И. Зверева подчеркивает антиисторизм цивилизационных теорий, использование их авторами вневременных категорий, и с этим трудно спорить⁸⁵. В.А. Шнирельман вслед за французским ученым П.-А. Тагиеффом находит в разных цивилизационных теориях в России привкус «культурализма» как особого вида расизма — то ли традиционного типа, связанного с иерархичностью представлений о человеческих обществах (в рамках линейно-стадиальной концепции цивилизации), то ли нового, связанного с идеей несовместимости культур (в рамках идеи локальной цивилизации). Характерно в этом смысле применение культурологами и историками биологических метафор, соединяющих принадлежность к определенной цивилизации с «культурным кодом», оправдывающих «столкновение цивилизаций»⁸⁶. Представляется однако, что в данном случае точнее говорить не о цивилизационных, а имперских представлениях, связанных с империями центра (иерархическое видение истории), либо с империями периферии (локализм).

А.Я. Гуревич указывал, что «понятия, обозначающие сверхсложные макрогруппы (напр., локальная цивилизация. — *И. И.*), представляют собой социологические конструкторы, которые привносятся упорядочивающей действительностью мыслью историка», причем эта система понятий «играет несравненно большую роль в историческом исследовании, нежели материал... источника»⁸⁷. Это близко позиции М. Вернера и Б. Циммерманн, которые отмечали высокую и разнородную идеологическую нагруженность понятия «цивилизация»⁸⁸.

Подобные особенности цивилизационного подхода негативно сказались на наследии самого А.Я. Гуревича, так как история мен-

l'âme russe // Colloque La Russie et l'Europe: autres et semblables. Université Paris Sorbonne – Paris IV, 10-12 mai 2007. — <http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article133> (ноябрь, 2017).

⁸⁵ *Зверева Г.И.* Цивилизационная специфика России: дискурсный анализ новой «историософии» // *Общественные науки и современность*. 2003. № 4. С. 98-112.

⁸⁶ *Шнирельман В.* Расизм в современной России: теория и практика // *Pro et Contra*. Vol. 9. № 2. September – October 2005. С. 49. См. также: *Шнирельман В.А.* «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. В 2-х тт. М., 2011.

⁸⁷ *Гуревич А.Я.* Исторический синтез... С. 66.

⁸⁸ *Вернер М. Циммерманн Б.* Указ. соч. С. 65.

тальностей, у истоков которой он стоял, превратилась постепенно в метафизическую историю русского менталитета, в рамках которой не различались подходы исследователя и реальность прошлого, а причины явлений характеризовалась, как пишет Н.М. Морозов, по принципу: «Так случилось потому, что таков менталитет». В определении представлений о ментальности господствовал дедуктивный подход, априорные представления о ее структуре⁸⁹. В отличие от Гуревича, подчеркивавшего важность идей Н. Элиаса о динамике ментальностей, представления о русском менталитете выстраивались по логике противостояния с западным образцом, в частности в соответствии с концепцией В. Шубарта (1938). Если речь шла о динамике, она связывалась прежде всего с мобильностью государственных идеалов как национальной идеи: Святой Руси, Третьего Рима, триады «православие — самодержавие — народность», коммунистического общества⁹⁰. Менее часто ментальности изучались во взаимодействии со средой обитания и динамикой ее изменений⁹¹.

Однако цивилизационная теория не сводится к имперским и вообще крайним представлениям, о которых писали П.-А. Тагиефф

⁸⁹ Морозов Н.М. Указ. соч. С. 221, 223, 229.

⁹⁰ Там же. С. 235-236. См. также Кром М.М. История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2003. С. 179-202.

⁹¹ Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Исторические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158-166; Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 99-110; Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 76-87; Поршинева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Олейников Ю.В. Природный фактор ментальности россиян // Природа и культура. Серия «Социоестественная история» / Под ред. Кульпина Э.С. Вып. XX. М., 2001. С. 186-201; Кульпин Э.С. Истоки ментальности // Кульпин Э.С., Клименко В.В., Пантин В.И., Смирнов Н.М. Эволюция российской ментальности. М., 2005. С. 7-86; Кульпин Э.С. Эволюция российской ментальности. Два субэтноса // История и современность. 2008. № 2. С. 46-50.

и В.А. Шнирельман. Ведь эта теория развивалась от монолога к диалогу, помогая приобретать статус великих культур Индии, Японии, России, Африке и служа тем самым противоядием против расизма. Во взаимодействии с глобальной историей и постколониальной критикой она продолжает присутствовать в мировой историографии⁹². Уже для А.С. Ахиезера было свойственно искать пространство между ценностями, правда, оставаясь в рамках «культурного фундаментализма» и сомневаясь в возможностях диалога цивилизаций⁹³. Большинство же историков, работавших в этой области, в диалоге с зарубежными учеными стремятся решительно развести имперские и цивилизационные представления, изучают цивилизационную идентичность и цивилизационный дискурс, их соотношение с концептом цивилизации и цивилизационной теорией, их взаимодействие с постколониальной критикой и диалогические возможности, препятствия на пути сравнительного изучения цивилизаций и культурных трансферов⁹⁴.

Здесь речь шла не просто об отказе от одной нормативной и идеологически запятнанной парадигмы (формационной) ради другой (цивилизационной), а о важности опыта прохождения пути из зоны притяжения одного дискурса в другой, не освоенный отечест-

⁹² *Osterhammel J. Geshichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen, 2001; Conrad S., Eckert A. Globalgeschichte, Globalisierung, multiple Modernen: Zur Geschichtsschreibung der modernen Welt // Globalgeschichte. Theorien, Ansätze, Themen / Ed. S. Conrad, A. Eckert, U. Freitag. Frankfurt am Main, 2007. S. 17-19; Сокулер З.А. Столкновение или диалог цивилизаций? Современные цивилизационные исследования (Реферативный обзор) // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 198-220.*

⁹³ *Ахиезер А.С. Труды. В 2 т. М., 2006–2008; Ахиезер А.С. Возможен ли диалог цивилизаций? // Цивилизации. Вып. 7. Диалог культур и цивилизаций / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2006. С. 51-61.*

⁹⁴ *Искусство и цивилизационная идентичность. Сб. статей / Пред. ред. Н.А.Хренова. М., Наука, 2007; Европейские судьбы концепта культуры. Россия. Германия. Франция. Англоязычный мир / Ред. Е. Дмитриева, В. Земсков, С. Серебряный, М. Эспань. М., 2011; Имперская / колониальная компонента цивилизационных представлений в XVI – начале XX века // Диалог со временем. Вып. 25. Ч. 1. 2008. С. 150-180; Ионов И.Н. § 2.1. Идеи цивилизации и варварства в Европе XVIII–XIX веков // Идеи и люди. Интеллектуальная история Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М. С. 212-273.*

венной культурой из-за пропущенной информализационной волны духовных революций 1960–1970-х гг., об отказе от парадигмальности и превращении цивилизационного подхода в одну из исследовательских перспектив в рамках стратегии перекрестной истории. Историки цивилизаций ищут преемственный, внутренне логичный путь к новому знанию, дистанцируясь от деисторизирующих подходов всеобщей истории, востоковедения и этнографии, анализируя стратегии построения образов цивилизаций, размывая нормативные иерархические представления модели «современность — варварство — архаика», стремясь понять реальные перспективы диалога современных цивилизаций. Динамику этих изменений за последние 10 лет характеризует разница подходов между 7 и 11 выпусками сборниками «Цивилизации» (2006, 2016)⁹⁵. Путь к теории цивилизаций как теории среднего уровня, который обозначил М.А. Барг, оказался верным, но движение по нему — мучительным и длительным.

Новая имперская история

Прорывом в изучении истории России с позиций современной мировой истории и воплощением идеала исторической теории среднего уровня, удачно совмещающей обобщения и профессиональный исторический анализ, стала деятельность журнала «*Ab Imperio*», основанного талантливыми историками М.Б. Могильнер и И.В. Герасимовым и начавшего выходить с 2000 г. Авторы произвели радикальный поворот в изучении отечественной истории, прежде всего в изучении острейших вопросов истории империй,

⁹⁵ Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование / Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Н. Мосейко. М., 2008; На переломе. Образ России в прошлой и современной культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.) / Под ред. В.Б. Земскова. М., 2011; Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940–2012) / Отв. ред. Ю.Н. Гирин. М., 2014; Диалог цивилизаций: междисциплинарный подход / Отв. ред. И.В. Дергачева. М., 2009; Цивилизации. Вып. 9. Цивилизация как идея и исследовательская практика / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014; Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание... Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век. С. 264–305; Цивилизации. Вып. 7. Диалог культур и цивилизаций / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2006; Цивилизации. Вып. 11.

национальностей, национальных движений на постсоветском пространстве. Убедившись в общем кризисе русистики, исчезновении исследовательской рамки, позволяющей сочетать локальную и глобальную перспективы, в неререформируемости старых исторических журналов и застойности в развитии профессионального сообщества историков, они создали не просто журнал, а международный научный форум, собравший историков из России, множества стран СНГ и дальнего зарубежья⁹⁶.

Журнал всегда начинается с рубрики «Методология и теория», он ориентирован на действительно новые исследовательские подходы, их сочетание с тонким конкретно-историческим анализом. Более того, его создатели ясно осознают гетерогенность исследуемого пространства, и потому каждый раз заново конструируют свой предмет, выявляя в нем неизвестные грани, появляющиеся при перемещении его в новый контекст. Собственно, ускользающие облики национальности и имперскости и представляют собой наиболее интересное содержание опубликованных в журнале исследований. М.Б. Могильнер и И.В. Герасимов начали с рефлексии по поводу основных метанарративов, «таких как модернизация; грани и границы; историческая память; языки самоописания; антропология групп; социология знания, чтобы понять, насколько приложимы они к современным задачам исторического описания пространства Российской империи / СССР». Они широко используют опыт всех поворотов исторического знания (лингвистический, культурный, пространственный, прагматический и др.), внимательно относятся к различению категорий практики и анализа, признают необходимость сочетать «взгляд сверху» и «взгляд снизу», иерархические и горизонтальные модели, сочетание частных перспектив: национальных, конфессиональных, политических, социальных. Они прямо опираются на деконструкцию и конструктивизм, рефлексивный подход, перекрестную историю (статья о ней была впервые опубликована на русском языке в их журнале), постколониальную критику и т.п.⁹⁷.

⁹⁶ Что такое новая имперская история, откуда она взялась и к чему она идет? Беседа А. Смирнова с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос. 2007. № 1 (58). С. 218-219, 222.

⁹⁷ Там же. С. 222-223, 230, 232, 236.

Стремление к деэссенциализации предмета исследования проявляется и в названии направления. Название «новая имперская история» звучит «по-империалистически» не потому, что создатели не захотели писать историю конкретных империй или империологию, а так как они *не желали эссенциализации* представления об империи, характеризуя его как *идеальный тип или концепт*, маркирующий определенную систему отношений⁹⁸. Тем самым они принципиально возражают против попыток «создать теорию империи, вычислить некий цикл ее развития (упадка и возрождения), выявить имманентно присущие империи черты». Для них прошлое не ограничивается тем или иным масштабом, «это открытая динамическая система в состоянии неустойчивого равновесия, где невозможны однозначные и предсказуемые “термодинамические” уравнения»⁹⁹. Все это — черты исторической теории среднего уровня, сочетающей интерес к общему с преимущественным вниманием к особенному.

«Мы предлагаем изучать в рамках Новой имперской истории, — продолжают Могильнер и Герасимов, — не структуры, а практики и дискурсы, которые переплетаются в динамичную открытую систему имперской ситуации... <которая> характеризуется параллельным существованием несовпадающих социальных иерархий и систем ценностей, с очень приблизительно устанавливаемым обменным курсом статуса — в то время как идеальная модель современного национального государства предполагает универсальность и равнозначность социальных категорий во всех уголках общества... Новая имперская история — это не история конкретного региона или политики, это способ описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного общества»¹⁰⁰.

В результате история России от Киевской Руси до современности у М.Б. Могильнер и И.В. Герасимова превратилась в исследуемую при помощи совмещенных оптик и многофакторного анализа калейдоскопическую картину локальных проявлений гетерогенной имперской ситуации, «сложного баланса факторов и

⁹⁸ Хотя не совсем понятно, почему нельзя было применить понятие «транскультурная ситуация».

⁹⁹ Что такое новая имперская история... С. 224-226, 235.

¹⁰⁰ Там же. С. 224-226.

интересов» в их сочетании с механизмами взаимодействия и синтеза локального опыта. Описание стратегий и первых результатов такого исследования содержится в книге «Новая имперская история постсоветского пространства» (2004). В ней сочетаются эпистемологический и исторический анализ: выясняется, как биография исследователя помогает ему «увидеть» империю, как влияет на изучение истории России утрата общепризнанных масштабов анализа, как микроисторические исследования на локальном уровне помогают пересмотреть представления об унифицированном пространстве империи, имперское пространство анализируется как сеть социальных и культурных взаимодействий социальных и этнических групп, а локальная история описывается в многообразном имперском окружении¹⁰¹.

В последующие годы вышел целый ряд сборников статей, отметивших достижения журнала в области наиболее сложных проблем истории России. Это проблемы конструирования Российской империи, politik памяти и соотношения имперского, национального и конфессионального. В книге «Изобретение империи: языки и практики» (2011) характеризуется аналитический язык, при помощи которого описывалась империя ее современниками. Авторы стремятся разделить объективные отношения внутри государств, часто общие для империи и национального государства — и «ощущение империи», которое придает ей жизнь¹⁰². В книге «Империи и нации в зеркале исторической памяти» (2011) изучается вопрос о том, как обретают генеалогию феномены современной политики и идеологии, чья память доминирует на многоуровневом имперском и постимперском пространстве. Что обеспечивает это доминирование? В чем особенности исторической памяти в посткоммунистических обществах?¹⁰³. В книге «Конфессия, империя, нация. Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства» (2012) анализируется мера применимости к российской истории концепции «конфессионального государства». Как

¹⁰¹ Там же. С. 228-236; Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань, 2004.

¹⁰² Изобретение империи: языки и практики / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2011.

¹⁰³ Империя и нация в зеркале исторической памяти / Ред.-составители И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2011.

сочетаются религиозные ментальные карты с их представлениями о своем и чужом с этническими или политическими ментальными картами нации, религиозная традиция и мифологема «национальных корней»?¹⁰⁴.

Размышления членов редколлегии над проблемами истории России подытожены в обширном курсе «Новая имперская история Северной Евразии» (2014–2016). Это, пожалуй, первый курс российской истории, полностью написанный на современном научном языке, в котором проблемы и подходы поставлены в контекст мирового гуманитарного знания. Он прямо ориентирован на создание нового вопросника для историков и на широкий межнациональный и профессиональный диалог, воплощенный в идеале многомерного разнообразия. Это делает его поворотным моментом в отечественной историографии российской истории. В курсе на большом фактическом материале решаются новаторские задачи изучения политических дискурсов, обеспечивавших развитие государственности в России, а также складывания и развития имперской ситуации. Работа учитывает практику международного диалога по проблемам национальных историй, который ведется на постсоветском пространстве с 1990-х гг., и уже на уровне системы понятий предполагает оптимизацию такого диалога. Это, прежде всего, сочетание русскоязычной традиции прочтения имен исторических деятелей и иноязычных, в том числе тюркоязычных традиций, учет разницы транскрипций самоназваний в Древней Руси и ее странах-наследниках, а также деконструкция порождений национально-исторической мифологии и понятий, представляющих собой не столько определения, сколько объясняющие схемы (славянство, монголы, дань, государство, цивилизация и т.п.). Авторы дистанцируются от позиции универсального наблюдателя и стараются сочетать презентистские определения («дружинная экономика набегов») и описания ситуации с позиций разных вовлеченных в нее персонажей в духе К. Гирца. История Руси-России нигде не рассматривается изолированно (на страноведческом уровне), ставится в региональный, а порой и в глобальный контекст. При этом чувствуется сильное присутствие влиятельных «дискурсивных сооб-

¹⁰⁴ Конфессия, империя, нация. Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2012.

ществ», так что описания различных явлений в конце концов, как правило, даются с позиций письменных, а не дописьменных культур (китайской, а не ненецкой, княжеской или бюрократической, а не крестьянской)¹⁰⁵.

Это несколько ограничивает диалогический потенциал курса: в результате одна группа источников приобретает привилегированный характер. Несмотря на все нововведения история Северной Евразии становится узко политической и государственнической (географические, экологические, этнографические, экономические, социальные, религиозные и культурные обстоятельства описываются постольку, поскольку это важно для характеристики истории власти). Идеалы власти (империя) отчасти обеляются, отделяясь от антиидеалов публицистики (империализм) и даже противопоставляясь им. История «сверху» доминирует над историей «снизу», что определяет переоценку политики Екатерины II, «культ просвещения» у дворянства, недооценку роли крепостного права в условиях отсутствия правового сознания и общую недооценку агрессивности Российской империи как милитаристского государства. Характерна странная для противников эссенциализма попытка создания «объективного» образа европейца, живущего вне Западной Европы¹⁰⁶. Актуальная для отечественных постколониальных критиков тема российского субалтерна отсутствует как таковая. В центре внимания авторов все же находится не столько реальность в ее многообразии, сколько авторский конструкт — *имперская ситуация*.

¹⁰⁵ Новая имперская история Северной Евразии. Как узнать новую историю и чего от нее ждать? // *Ab Imperio*. 2014. № 1. С. 246, 289, 322-323, 370 и др.

¹⁰⁶ Новая имперская история Северной Евразии. Гл. 7. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Ч. 2. От современного государства к современной империи // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 430-444; Новая имперская история Северной Евразии. Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век. Ч. 1. Современная империя в поисках нации // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 259, 262, 269. Исключение — одинокое указание на экспансионизм России после множества противоположных утверждений. Новая имперская история Северной Евразии. Гл. 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век. Ч. 2. Проектирование национальной империи // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 201.

* * *

Для того, чтобы лучше понять трудности развития исторической теории среднего уровня в постмарксистской России, полезно обратить внимание на интерпретацию в России рубежа XX–XXI веков идей мыслителей, определивших перспективы развития теорий, связанных с неклассическими и системными подходами к научному знанию. Одним из создателей трансдисциплинарных (в том числе антропологических и исторических) приложений кибернетики и общей теории систем был уже упоминавшийся антрополог, семиотик и психотерапевт Г. Бейтсон, понять особенности восприятия идей которого в России начала XXI в. поможет популярная статья волгоградского философа и культуролога А.И. Пигалева (2004).

А.И. Пигалев справедливо отмечает, что в центре внимания Г. Бейтсона — особого рода интуиция сложности; не «вещи», а сетевые отношения. Они формируют мультиверс — множественный мир, противостоящий универсальному, единому и единственному миру (подобному Мир-Системе). При его изучении объекты рассматриваются как конструкторы, так как уже первичное восприятие реальности сознанием связано с ее интерпретацией. Поэтому при характеристике предмета знания можно говорить лишь о конструктах (структурных сопряжениях) разного уровня. Но, характеризуя монизм, холизм, детерминизм и телеологизм автора, философ не дал себе труд проанализировать, чем отличаются привычные читателю значения этих категорий классического знания от их бейтсоновской интерпретации¹⁰⁷.

Упущено, что моделью мира для Бейтсона является кибернетика. И поэтому в центре размышлений антрополога — различия, изменения, послания и отношения, информация как формативная основа сущего, прежде всего в мире живого¹⁰⁸. Отсюда идеал гибкости и релятивизм всех его подходов, которые А.М. Эткинд в предисловии к переводу труда Г. Бейтсона справедливо характеризует как неклассические, пост-структуралистские¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Пигалев А.И. Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 148–150, 153–155.

¹⁰⁸ Бейтсон Г. Указ. соч. С. 294, 418.

¹⁰⁹ Эткинд А.М. На пути к экологии разума // Бейтсон Г. Указ. соч. С. 9.

Поэтому А.И. Пигалев опрометчиво сосредоточивает внимание на сходстве модели Бейтсона и централизованного образа мира классического знания, приписывая антропологу бытующее «в классических онтологии и гносеологии» мнение о формировании и функционировании центра, независимого от периферии и трансцендентального по отношению к ней (возможно, это следствие редакторской правки, но характерно, что оно не было исправлено автором). «В результате обменных процессов появляется “центр”... — пишет Пигалев, — а отношения элементов между собой подавляются и заменяются единственно возможными отношениями элементов к “центру”... Будучи механизмом саморегуляции и самокоррекции, центр влияет на все прочие элементы системы, а они утрачивают возможность контролируемым образом влиять на него...». При этом Пигалев использует марксистские аналогии, в частности рассуждения К. Маркса о природе стоимости и центре как автоматически действующем субъекте, не учитывая, что они основаны на классической рациональности¹¹⁰. Правда, впоследствии Пигалев делает ряд оговорок¹¹¹, но как соотносятся они и заявленный вначале постулат о централизованности системного подхода Г. Бейтсона, остается непонятным.

Между тем для системного подхода Г. Бейтсона любая система — не объективно существующая сущность, а образ, созданный культурой и сознанием. Она не единична и не опредмечена — это «сеть замкнутых контуров», в своей изолированности и реифицированности она *принципиально не годится* для объяснения события. Система как сеть контуров децентрирована. Ее элементы восстанавливают свою самостоятельность в качестве подсистем, о «которых нужно думать как о системе, а не как об обрубке»; каждая из них реагирует на сигнал извне (в том числе «сверху», от более общей системы) не как на приказ, а как на вызов, которому можно следовать, а можно сопротивляться¹¹².

Эпистемология Г. Бейтсона — это прежде всего не философское, а критически ориентированное «кибернетическое объясне-

¹¹⁰ Пигалев А.И. Указ. соч. С. 151-152.

¹¹¹ Там же. С. 152, 155, 156.

¹¹² Бейтсон Г. Экология разума. С. 296, 298, 336, 367, 375, 406, 419, 423, 425, 446.

ние», дистанцирующееся от логического и каузального¹¹³. И потому философский, понятийно-логический подход А.И. Пигалева ущербен. Монизм, холизм, детерминизм и телеологизм Бейтсона по смыслу прямо противостоят одноименным представлениям классического знания. Монизм Бейтсона предполагает различение реальности внешнего мира и *сконструированного* мира образов человека. Холизм ограничен представлением о множестве уровней реальности, *контекстов и метаконтекстов*, их конфликтов и противоречий. Он исключает универсализм, а значит и порождаемый им схематизм. Детерминизм не утверждает познаваемости внешней реальности из-за *множественности* ее детерминаций. Причинность в этом мире — не линейное, а циркулярное явление, многоуровневое и трансконтекстуальное. А потому и телеологизм — только иное обозначение для *обратных связей*¹¹⁴.

С этим связаны антисциентизм и антипозитивизм антрополога («в природе нет фактов»), четкое различие физико-математического и биолого-гуманитарного знания, акцентирование мысли о непреодолимости барьера между их методами, культурный релятивизм в стиле В. Вжосека, утверждение самоценности гуманитаристики, ценность двоякого прочтения (трансконтекстуальности)¹¹⁵.

Подход Г. Бейтсона характеризует не столько новый понятийный аппарат, сколько иной тип мышления, иные эпистемологические предпосылки, овладеть которыми нельзя, просто сменив набор категорий. Это продукт другой, критической и релятивистской исторической рациональности, созданной эпохой информализации 1960–1970-х гг. И переместиться в созданный ею дискурс можно, лишь приобретя соответствующий жизненный опыт. На мой взгляд, именно это обстоятельство препятствует успешному развитию в России исторической теории среднего уровня. Духовный климат эпохи реформализации, в контексте которой мы оказались уже во второй половине 1990-х гг., препятствуют движению в этом направлении.

¹¹³ Там же. С. 362-363.

¹¹⁴ Там же. С. 364, 366, 375, 399, 423, 446-447, 466.

¹¹⁵ Там же. С. 295, 335-336, 367, 402, 412, 447; *Вжосек В.* Культура и историческая истина. М., 2012.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ В УСЛОВИЯХ ДИГИТАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

С тех пор, как историческое знание стало претендовать на роль научной практики, оно находится в ситуации перманентных «вызовов», каждый из которых требует адекватных «ответов», в соответствии с искомым статусом научности дисциплины. Эти «вызовы», в свою очередь, сопряжены с переменами, происходящими в различных областях науки. Так, одним из серьезнейших «вызовов» для истории и историков стало рождение Интернета. При этом только на протяжении жизни одного поколения Интернет превратился в глобальную компьютерную сеть, развитие которой исследователями рассматривается как наиболее значительное явление информационной революции конца XX в. С появлением Интернета, по словам британского социолога Ф. Уэбстера, автора известного труда по теориям информационного общества, произошло рождение «сетян» (netizen), которые «обретают возможность путешествовать, как они сами того пожелают, и существовать в мире, где нет принуждения»¹, в том числе, добавлю от себя, принуждения «готовым» знанием.

В связи с вхождением исторической науки и образования в цифровую эпоху исследователи все чаще задаются вопросом, что

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М., 2004. С. 344.

означает для истории и историков зона киберпространства — расцвет цифровой культуры или «конец истории»². Звучат предостережения по поводу опасности игнорирования или искусственного торможения влияния современных технологий на историческую науку и призывы к коллективной рефлексии над вызовами историческому сообществу и его перспективами в цифровую эпоху³. В профессиональном лексиконе историка появилось понятие «цифровая история» («digital history»). Под ним понимается направление знания, в рамках которого рассматриваются «теоретические и методические вопросы перевода памятников историко-культурного наследия в цифровой формат и публикации результатов оцифровки в Интернете. По сути, цифровая история как уже вполне сложившееся в американской исследовательской практике историографическое направление отвечает за разработку теории и методики электронных публикаций и создания онлайн-ресурсов»⁴. Л.И. Бородину, одному из основоположников российской школы клиометрики и исторической информатики, цифровая история представляется ответвлением от более широкой области History and Computing, прикладной частью исторической информатики, тяготеющей не столько к исторической науке, сколько к современным прикладным информационно-коммуникационным технологиям⁵.

В последнее время появился ряд интересных публикаций в мировой и отечественной историографии по проблемам дигитализации

² Секиринский Д.С., Липкин М.А. История и киберпространство: расцвет цифровой культуры или «конец истории»? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Вып. 5 (38). — <http://history.jes.su/s207987840001179-5-1> (ноябрь, 2017).

³ Фокин А.А. «И100рия: вызовы историческому сообществу в цифровую эпоху // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории / Отв. ред. М.С. Бобкова. М., 2014. С. 145-146.

⁴ Володин А.Ю. Цифровая история (Digital History): виртуальная реальность или исследовательская практика // «Стены и мосты» — II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 13–14 июня 2013 г. / Г.Г. Ершова (отв. ред.). М., 2014. С. 140.

⁵ Бородин Л.И. Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. 2012. Вып. 1. С. 17, 20.

исторического знания. Так, в 2012 г. британский издательский дом «Routledge» опубликовал сборник «История в цифровую эпоху», авторы которого попытались дать концептуальное представление о том, как поле истории изменяется в контекстах цифровой культуры⁶. На вопрос о том, в какой мере новые цифровые технологии открывают дополнительные возможности для реализации гражданской позиции историка и для демократизации самого процесса историописания, пытаются ответить авторы опубликованного в 2013 г. издательством Мичиганского университета сборника «Историописание в цифровую эпоху»⁷. О практиках историописания в условиях дигитализации исторического знания размышляют авторы сборника «Информационное пространство истории»⁸, изданного Институтом всеобщей истории (ИВИ) РАН в 2014 г. по материалам международной научной конференции с одноименным названием.

В настоящей статье предпринята попытка анализа перемен, происходящих в рамках российского профессионального исторического сообщества, связанных с дигитализацией исторического знания и появлением в современном тезаурусе историка понятия «цифровая история».

Пройдя первые этапы своего развития, к настоящему времени Интернет в России стал общедоступным. По данным ВЦИОМ⁹ на апрель 2016 г., им пользуются две трети россиян (70%). В последние три года эта доля остается практически неизменной, как и число тех, кто совсем не заглядывает в глобальную сеть (28-30% в 2014–2016 гг.). При этом число ежедневных пользователей неуклонно растет, достигнув на настоящий момент 53% (с 5% в 2006 г.)¹⁰.

⁶ History in the Digital Age / Ed. by T. Weller. Routledge, 2012.

⁷ Writing History in The Digital Ade / Dougherty J., Nawrotzki K. (eds.). Ann Arbor, 2013.

⁸ Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории / Отв. ред. М.С. Бобкова. М., 2014.

⁹ ВЦИОМ — Всероссийский центр изучения общественного мнения (до 1992 г. — Всесоюзный) — старейшая российская исследовательская организация, регулярно проводящая социологические и маркетинговые исследования на основе опросов общественного мнения. Одна из крупнейших российских компаний на этом рынке. Создана в 1987 г.

¹⁰ Новое о цифровой грамотности, или россияне осваиваются в сети: пресс-выпуск ВЦИОМ № 3084 от 15.04.2016. — <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115657> (ноябрь, 2017).

Частью всемирной паутины является Рунет (русский Интернет) — русскоязычный сегмент сети Интернет¹¹.

Процесс освоения российскими историками глобальных сетей, по оценкам исследователей, прошел в своем развитии три этапа: до 1996 г., когда преобладал вопрос, что же всё-таки такое Интернет; с 1996 по 1998 гг., когда, в основном, спрашивали, насколько нужен Интернет историку; с 1998 г., когда основным становится вопрос, где можно найти необходимые ресурсы¹². Иными словами, идёт всё более глубокое погружение российских историков в интернет-среду для решения конкретных образовательных и исследовательских задач. Для современного этапа характерны не только резкая интенсификация процесса создания электронных ресурсов по истории, но и попытки осмысления связанных с этим источниковедческих, методологических и иных проблем¹³. В российском историческом образовании и науке Интернет сегодня используется как средство научной коммуникации

¹¹ Этот термин впервые возник 7 апреля 1994 г., когда международный сетевой центр InterNIC (Англия) официально зарегистрировал национальный домен.ru для Российской Федерации. Сайты и любые другие ресурсы Рунета обязательно должны содержать русскоязычную версию, по той простой причине, что ориентированы они на русскоязычного пользователя. Однако они могут быть зарегистрированы в любой точке мира и располагаться в любом домене. Главное условие, при котором ресурс считается частью Рунета, — это возможность использования информации на русском языке, в любой стране земного шара, где есть выход в глобальную сеть.

¹² *Владимиров В.Н.* Интернет для историка: и всё-таки новая парадигма! // *Круг идей: историческая информатика в информационном обществе*. М., 2001. С. 279-289.

¹³ См., например, серию статей доцента кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ А.Ю. Володина: *Володин А.Ю.* История в цифровую эпоху: своевременные мысли // *Историческая информатика*. 2012. № 2. С. 88-91; *Он же.* Цифровая история (Digital History): виртуальная реальность или исследовательская практика // «Стены и мосты» — П... С. 140-147; *Он же.* Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2014. № 3 (26). С. 5-12; *Он же.* «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2015. Т. 6. Вып. 8 (41). — <http://history.jes.su/s207987840001228-9-1> (ноябрь, 2017) и др.

профессионального исторического сообщества; как справочник — информационная эвристика по проблемам истории; как библиотека — публикации научных трудов по истории; как архив и музей — удалённый доступ к историческим источникам; как лаборатория историка; как образовательный ресурс¹⁴.

В перечне поисковых систем, которыми пользуются российские историки, есть несколько явных лидеров — наиболее удобных, полных и популярных. В Рунете такими лидерами сейчас являются Google-Россия, Яндекс, Рамблер. Рунет, как, собственно, и Интернет в целом, является зоной сосуществования, с одной стороны, профанного знания об истории и основанного на нем мифотворчества, а с другой — зоной знания академического, на основе которого создаются научно-образовательные интернет-ресурсы по истории. Помощь в интернет-поиске качественных исторических ресурсов способны оказать существующие сегодня в большом количестве интернет-каталоги и коллекции ссылок, в том числе предметно ориентированные. Как стартовая площадка для самостоятельного поиска качественной исторической информации в Рунете сегодня может рассматриваться система федеральных образовательных порталов. В неё, в частности, входят портал «Российское образование»¹⁵, Российский общеобразовательный портал¹⁶, портал Федерального центра информационно-образовательных ресурсов (ФЦИОР)¹⁷ и т.д. Образовательные порталы включают электронные каталоги образовательных ресурсов, учебные и методические материалы, интерактивные сервисы. Для решения проблемы интеграции образовательных интернет-ресурсов функционирует информационная система «Единое окно доступа к образовательным ресурсам» (ИС «Единое окно»)¹⁸. Она интегрирует и систематизирует сведения об электронных образовательных и научных ресурсах российских вузов, библиотек, музеев, издательств, школ, электронных коллекций всех уровней образования, а также предоставляет свободный доступ с использованием техно-

¹⁴ *Афанасьева Л.П.* Интернет для историка: мусорная корзина или кладёз мудрости? // Новый исторический вестник. 2003. №1 (9). С. 182-212. — http://www.nivestnik.ru/2003_1/14.shtml (ноябрь, 2017).

¹⁵ <http://www.edu.ru> (ноябрь, 2017).

¹⁶ <http://www.school.edu.ru> (ноябрь, 2017).

¹⁷ <http://fcior.edu.ru> (ноябрь, 2017).

¹⁸ <http://window.edu.ru> (ноябрь, 2017).

логий сети Интернет к собственным электронным научно-образовательным ресурсам: библиотеке полнотекстовых учебных и методических материалов, каталогу образовательных интернет-ресурсов, новостным лентам образовательной тематики, глоссарию терминов, охватывающему все предметные области образования.

Немаловажная функция Интернета состоит сегодня в том, что он «становится полем самопрезентации многообразных внесетевых институций и сообществ, идентичность которых связана с «историей»: будь то музеи, архивы, научные журналы, энциклопедии, исторические факультеты университетов, исследовательские группы, или неформальные группы «энтузиастов», «дилетантов», «любителей»¹⁹. В Рунете успешно функционируют интернет-сайты академических институтов в системе РАН, таких как Институт всеобщей истории (ИВИ РАН)²⁰, Институт российской истории (ИРИ РАН)²¹, Институт востоковедения²², Институт славяноведения²³, Институт США и Канады²⁴, Санкт-Петербургский институт истории²⁵ и т.д. Сайты ведущих столичных и региональных вузов страны, имеющих в качестве своих структурных подразделений исторические факультеты, также весьма полезны для поиска необходимой информации по истории. Пользуется популярностью сайт исторического факультета главного вуза страны — Московского университета им. М. В. Ломоносова²⁶. На этом сайте расположена коллекция ссылок на сайты учреждений исторического профиля²⁷. Сайт Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)²⁸ интересен для историка, прежде всего, потому, что на нём располагаются ресурсы такого его структурного подразделения, как Институт гуманитарных историко-теоретических исследований

¹⁹ Каспэ И.М. Представление истории и представления об истории в русском интернете // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2003. С. 28.

²⁰ <http://igh.ru> (ноябрь, 2017).

²¹ <http://iriran.ru> (ноябрь, 2017).

²² <http://www.ivran.ru> (ноябрь, 2017).

²³ <http://inslav.ru> (ноябрь, 2017).

²⁴ <http://iskran.ru> (ноябрь, 2017).

²⁵ <http://www.spbiiran.nw.ru> (ноябрь, 2017).

²⁶ <http://www.hist.msu.ru> (ноябрь, 2017).

²⁷ <http://www.hist.msu.ru/ER/links.htm> (ноябрь, 2017).

²⁸ <http://hse.ru> (ноябрь, 2017).

(ИГИТИ НИУ ВШЭ)²⁹. Кроме того, в НИУ ВШЭ в 2009 г. открылся исторический факультет, преобразованный в 2015 г. в школу исторических наук в составе факультета гуманитарных наук³⁰, преподавательский состав которой во главе с известным российским историком, профессором А.Б. Каменским предложил нетрадиционную модель подготовки профессиональных историков.

Сайты российских библиотек, как общенациональных, так и региональных, содержат ценную библиографическую информацию, поиск которой можно осуществлять по электронным каталогам за домашним компьютером. Электронные библиотеки характеризуются исследователями как «один из самых востребованных в сети образовательных ресурсов», а создание сетевых библиотек научной литературы рассматривается в качестве одного из «наиболее перспективных направлений развития образовательных ресурсов для высшей школы»³¹. В качестве примера приведём реализуемый в Интернете с 1999 г. научно-образовательный проект «Библиотека исторического факультета МГУ»³², адресно ориентированный для использования в исторической науке и образовании и включающий электронные версии различных исторических текстов и документов, как по всеобщей, так и по отечественной истории; базы данных; оцифрованные источники; тематические электронные ресурсы (коллекции); ссылки на электронные исторические ресурсы, выставленные на других сайтах. Сегодня это один из наиболее известных и востребованных корпоративных исторических ресурсов в российском сегменте Интернета. Традиционно популярна в среде гуманитариев старейшая электронная библиотека Рунета — библиотека Максима Мошкова, в которой интерес представляет её исторический раздел³³. Сюда же можно отнести исторические разделы электронной библиотеки Гумер³⁴,

²⁹ <http://igiti.hse.ru> (ноябрь, 2017).

³⁰ <http://hist.hse.ru/> (ноябрь, 2017).

³¹ Хохлов В.А. Электронные ресурсы в историческом образовании высшей школы // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историко-графическое источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4 (09). С. 246.

³² <http://www.hist.msu.ru/ER/index.html> (ноябрь, 2017).

³³ <http://lib.ru/HISTORY> (ноябрь, 2017).

³⁴ http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/History/INDEX_HISTORY.php (ноябрь, 2017).

библиотеки Якова Кротова³⁵. Для тех, кого интересуют проблемы философии истории, настоящим кладом электронных текстов является раздел «Философия истории» сайта «ПлатонаНет. Философия без границ»³⁶. На официальных сайтах российских исторических журналов и альманахов часто можно найти не только архивы номеров за прошлые годы, но и другую полезную информацию. В значительной мере и степени проблема удаленного доступа к историческим журналам решена благодаря таким ресурсам, как eLIBRARY.RU — Научная электронная библиотека³⁷, КиберЛенинка³⁸ и др., которые позволяют получать доступ к электронным версиям публикаций. Отдельно следует сказать об электронных исторических журналах, функционирующих в Рунете. Это, прежде всего, электронный научно-образовательный журнал (ЭНОЖ) «История»³⁹. Журнал выходит с 2010 г. Это проект, осуществляемый под эгидой ИВИ РАН. Его первый номер был посвящён проблемам исторической науки в современной России⁴⁰. На сегодняшний день в свет вышло 46 номеров журнала.

Свой вклад в историческое просвещение пользователей сети вносят такие популярные сайты Рунета, как ПостНаука и Полит.ру. На сайте ПостНаука, в разделе «История», собрана прекрасная коллекция видеоматериалов — небольшие по объёму (20–25 мин.) лекции известных историков по значимым сюжетам отечественной и мировой истории⁴¹. Что касается сайта Полит.ру, то здесь, в разделе «История», можно найти аналитические статьи по актуальным проблемам исторической науки⁴².

Серьёзные коммуникативные функции выполняют сегодня многочисленные социальные сети и форумы Интернета. С источниковедческой точки зрения развитие глобальной сети ставит перед историком проблему сверхмассовых источников — ресурсов, которые активно используют Usergenerated content — контент,

³⁵ http://krotov.info/spravki/history_temy/09_i/istoriya.html (ноябрь, 2017).

³⁶ http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/filosofija_istorii/29 (ноябрь, 2017).

³⁷ <http://elibrary.ru> (ноябрь, 2017).

³⁸ <http://cyberleninka.ru> (ноябрь, 2017).

³⁹ <http://mes.igh.ru/magazine> (ноябрь, 2017).

⁴⁰ <http://history.jes.su/issue.2010.1.3.1> (ноябрь, 2017).

⁴¹ <http://postnauka.ru/themes/istoriya> (ноябрь, 2017).

⁴² <http://polit.ru/tag/history/> (ноябрь, 2017).

создаваемый пользователями и реализуемый в различных формах: форумах, блогах, социальных сетях и т.д.⁴³. Социальная сеть (social network) — это социальная структура, состоящая из группы узлов, которыми являются социальные объекты (люди или организации) и связей между ними. Социальная сеть направлена на построение сообществ в Интернете из людей со схожими интересами и/или деятельностью. Самой популярной социальной сетью у россиян уже несколько лет остается «ВКонтакте» — ее выбирают 52% интернет-пользователей. Среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет предпочтение ей отдает подавляющее большинство (86%), тогда как люди от 60 и старше проявляют куда меньший интерес (21%). Вторую строчку в топе занимает теряющий популярность ресурс «Одноклассники». Если в 2012 г. этой соцсетью пользовался 61% респондентов, то сегодня — 42%. Чаще в «Одноклассниках» можно встретить пользователей с начальным и средним образованием (50% и 51% соответственно) и женщин (53%), реже — людей с неполным высшим и высшим образованием (34%) и мужчин (30%). Сеть Facebook выбирают 13% пользователей, Instagram — 12%. Изначально небольшой процент пользователей сети Livejournal (ЖЖ, Живой журнал) снизился с 2012 по 2016 гг. период вдвое (с 3% до 1%)⁴⁴.

В Рунете функционируют специальные сети историков. Примерами такого рода сетей являются сеть на сайте «Всемирная история: Единое научно-образовательное пространство»⁴⁵, группы на платформе Facebook — «Историки России»⁴⁶, «Клуб друзей Вольного исторического общества»⁴⁷, «Историческая Экспертиза»⁴⁸. Сайт «Всемирная история: Единое научно-образовательное пространство» в свое время был задуман как единый сетевой ресурс для координации научно-исследовательской и преподавательской деятельности историков России. Идея создания сайта была сфор-

⁴³ Фокин А.А. «И100рия: вызовы историческому сообществу в цифровую эпоху // Люди и тексты... С. 132.

⁴⁴ Новое о цифровой грамотности, или россияне осваиваются в сети... — <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115657> (ноябрь, 2017).

⁴⁵ <http://worldhist.ru/club> (ноябрь, 2017).

⁴⁶ <https://www.facebook.com/historians.ru/> (ноябрь, 2017).

⁴⁷ <https://www.facebook.com/groups/volisto/?fref=ts> (ноябрь, 2017).

⁴⁸ <https://www.facebook.com/groups/503685663073566/?fref=ts> (ноябрь, 2017).

мулирована и поддержана представителями 62-х университетов РФ — участниками Всероссийского научно-методического совещания деканов и заведующих кафедр исторических факультетов госуниверситетов (Москва, 29-31 января 2003 г.). Сайт курируется ИВИ РАН, и, как утверждают его создатели, его адресатами являются научные сотрудники, аспиранты, преподаватели вузов, студенты, учителя средней школы, а также все, кто «проявляет заинтересованное внимание к дискуссионным проблемам истории и жизни современного профессионального сообщества историков»⁴⁹. Страничка «Историки России» содержит актуальные новости Национального комитета российских историков и его партнеров: ИВИ РАН, ИРИ РАН, Ассоциации учителей истории и общественного образования, журнала «Российская история», ЭНОЖ «История»⁵⁰. Не являясь официальной страницей созданного в феврале 2014 г. сообщества российских историков⁵¹, «Клуб друзей Вольного исторического общества» возник как своего рода коммуникативная площадка историков. Задача этой площадки — обсуждение широкого круга вопросов, связанных с осмыслением и решением самых различных проблем и тем, стоящих перед российскими историками, ощущающими потребность в профессиональном общении и в создании исторического сообщества-корпорации, которым, как надеются администраторы группы — историки И.И. Курилла, А.И. Миллер, К.Н. Морозов, Н.П. Соколов, станет Вольное историческое общество. Цель данной общедоступной группы в Facebook — «наладить профессиональное общение, мониторинг исторических конференций, обсуждение ярких и интересных статей и книг, а также обсуждение всех тем, назревших и нужных нам как сообществу в целом». Отдельным и важным направлением в своей работе сообщество считает определение путей исполнения «просветительской миссии» профессиональных историков в обществе⁵². Еще одна дискуссионная площадка историков в сети — группа журнала «Историческая Экспертиза»⁵³. Идея журнала «Историческая Экспертиза» возникла в Facebook в среде профессиональных истори-

⁴⁹ <http://www.worldhist.ru/about/> (ноябрь, 2017).

⁵⁰ https://www.facebook.com/historians.ru/info/?entry_point=page_nav_about_item&tab=page_info (ноябрь, 2017).

⁵¹ <http://volistob.ru/about> (ноябрь, 2017).

⁵² <https://www.facebook.com/groups/volisto/> (ноябрь, 2017).

⁵³ <https://www.facebook.com/groups/503685663073566/> (ноябрь, 2017).

ков в январе 2014 г. Именно тогда было выдвинуто предложение создать методом «самоорганизации» профессиональную ассоциацию российских историков и предпринять первые практические шаги к осуществлению этого проекта. Тогда же было отмечено, что одним из дел, объединяющих российских историков, может стать создание единого ресурса, поднимающего насущные для корпорации историков России проблемы экспертизы научных текстов. Для реализации исторического общего дела издательство «Нестор-История» предложило издавать журнал под названием «Историческая Экспертиза», основой которого должны были стать рецензии научных публикаций⁵⁴. Подобного рода социальные сети, особенно созданные при различных структурах исторического профиля, дают для историков возможность качественных внутрисетевых коммуникаций.

Коммуникативные функции, как уже было отмечено, выполняют и многочисленные внутрисетевые исторические форумы. Веб-форум — это специальное программное обеспечение для организации общения посетителей веб-сайта. Термин соответствует смыслу исходного понятия «форум». Форум предлагает набор разделов для обсуждения. Работа форума заключается в создании пользователями тем в разделах с последующим обсуждением внутри этих тем. По мнению И. О. Ермаченко, «представляя собой более или менее спонтанную форму общения по интересам, форумы демонстрируют наиболее непосредственные виды реакции на исторические факты и их интерпретации, позволяя изучить мотивационную стратификацию массового обращения к историческим темам и типологию их восприятия»⁵⁵. Общеисторический форум «Новый Геродот», на котором обсуждается широкий круг исторических проблем от древности до наших дней, даёт вполне чёткое представление о «болевых точках» массового общественного сознания, актуализирующих потребность обращения к тем или иным историческим темам⁵⁶. К специализированным форумам, посвященным исторической проблематике, относятся также «Историче-

⁵⁴ http://istorex.ru/page/o_zhurnale (ноябрь, 2017).

⁵⁵ Ермаченко И.О. Исторический дискурс русскоязычных Интернет-форумов // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации: сб. ст. / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 268.

⁵⁶ <http://gerodot.ru/> (ноябрь, 2017).

ский форум: история России, всемирная история»⁵⁷, «Вопросы истории»⁵⁸ и др.

Роль Интернета как информационной среды современного исторического знания хорошо прослеживается на примере такого сегмента сети, как блогосфера Рунета. В этом смысле интерес представляют конкретные блоги⁵⁹, прежде всего, с точки зрения предлагаемого в них исторического контента. В блогосфере Рунета немало блогов с исторической тематикой. Их ведут как профессиональные историки, так и люди, интересующиеся историей. В качестве платформы блогов выступают различные социальные сети и сайты. Так, блог «Хроники третьего тысячелетия» на платформе Livejournal ведет Санкт-Петербургский (ранее — Волгоградский) историк-американист, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге И.И. Курилла⁶⁰. Первая запись была сделана 8 декабря 2007 г.⁶¹ Как пишет сам автор, журнал посвящен не одной, а нескольким темам. Прежде всего, это российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Кроме того, это историческая наука в её отношениях с обществом (включая «историческую политику», учебники истории и т.п.), образование и (гуманитарная, общественная) наука в Рос-

⁵⁷ <http://www.istorya.ru/forum/> (ноябрь, 2017).

⁵⁸ http://community.livejournal.com/ru_history/ (ноябрь, 2017).

⁵⁹ Блог (англ. blog, от web log — интернет-журнал событий, интернет-дневник, онлайн-дневник) — веб-сайт, основное содержимое которого — регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа. Для блогов характерны недлинные записи временной значимости, упорядоченные в обратном хронологическом порядке (последняя запись сверху). Отличия блога от традиционного дневника обуславливаются средой: блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором (в комментариях к блогзаписи или своих блогах). Совокупность всех блогов сети принято называть блогосферой. Для блогов характерна возможность публикации отзывов (комментариев, «комментов») посетителями. Она делает блоги средой сетевого общения, имеющей ряд преимуществ перед электронной почтой, группами новостей, веб-форумами и чатами. Под блогами также понимаются персональные сайты, которые состоят в основном из личных записей владельца блога и комментариев пользователей к этим записям.

⁶⁰ <http://alliruk.livejournal.com/> (ноябрь, 2017).

⁶¹ <http://alliruk.livejournal.com/2007/12/08/> (ноябрь, 2017).

сии, развитие отношений между обществом и государством. Наконец, это дневниковые записи о путешествиях и публикациях⁶². Количественный анализ общего списка тегов⁶³ показал, что по частоте использования в нем лидируют слова и словосочетания «российско-американские отношения» и «история». Кроме того, часто в своих записях автор использует теги «образование», «историки», «университет», «наука», «учебники»⁶⁴, что подтверждает тематическую направленность блога. На вопрос о своей целевой аудитории И.И. Курилла в одном из интервью ответил: «С самого начала я понимал, что мало кто в нашей стране знает историю взаимодействий между Россией и Америкой. У нас есть и поверхностный антиамериканизм, и излишние восхищения жизнью в Штатах. А вот истинных знаний меньше. И когда я завел свой блог, то осознал, что могу попытаться разрушить стереотипы и рассказать о плодотворных контактах между нашими странами, об Америке. Показать, что наши страны связаны историей гораздо сильнее, чем принято считать. Для меня это попытка писать научно-популярные тексты на ту тему, в которой я разбираюсь. Я никогда не задумывался, кто конкретно меня читает. Не хочу быть еще одним СМИ, а лишь пишу на интересные мне темы»⁶⁵. Действительно, российско-американские сюжеты представлены в блоге широко и многопланово. Здесь и обилие персоналий политических и общественных деятелей, дипломатов, представителей мира науки и искусства, так или иначе ассоциирующихся с историей взаимоотношений между двумя странами (П.П. Свиньин, Александр II, А. Линкольн, А. Дункан, С. Есенин, А. Хаммер, Н.С. Хрущев, Р. Никсон, Р. Пайпс, Г. Холл, Н.Н. Болховитинов, М. Макфол и др.), и американская тема в русской поэзии XVIII в., и религиозная жизнь русских глазами американских путешественников, и образование в России и США в свете взаимных оценок, и американские карикатуры на покупку Русской Америки, и история компании Г. Форда в дореволюционной и советской России, и голли-

⁶² <http://alliruk.livejournal.com/profile> (ноябрь, 2017).

⁶³ Тег, иногда тэг (англ. tag — ярлык, этикетка, бирка; метить) — жаргонное название дескриптора, метки как ключевого слова, в более узком применении идентификатор для категоризации, описания, поиска данных и задания внутренней структуры.

⁶⁴ <http://alliruk.livejournal.com/tag/> (ноябрь, 2017).

⁶⁵ <http://journal-ffimost.livejournal.com/15001.html> (ноябрь, 2017).

вудские фильмы об СССР времен Второй мировой войны, и рейтинг великих русских американцев, и многое другое.

Организация науки, судьбы российского профессионального исторического сообщества, проблемы высшего исторического образования — эти и другие вопросы постоянно присутствуют на страницах блога. В разных вариациях и по разным поводам автор возвращается к этим темам, благо повседневность жизни современного российского историка изобилует поводами для рефлексии. Так, на протяжении длительного времени автор постоянно подчеркивал мысль о том, что профессиональное сообщество российских историков крайне нуждается в собственной организационной структуре, созданной не «сверху», а «снизу», самими историками, что ее наличие позволит решить ряд фундаментальных проблем современного отечественного историознания, прежде всего, проблему экспертной оценки трудов коллег, понижения рисков недобросовестного присутствия в профессии «историков на час», героев печально известного диссергейта. Именно И. И. Курилла стал одним из инициаторов кампании по выявлению диссерфейков по истории, опубликовав 22 ноября 2012 г. на страницах своего блога резонансный пост «Афера»⁶⁶. В феврале 2014 г. группа отечественных историков объявила о создании «Вольного исторического общества»⁶⁷, одним из учредителей которого выступил И.И. Курилла⁶⁸. Информация о создании ВИО сразу же появилась в авторском блоге⁶⁹. Блог «Хроники третьего тысячелетия» продолжает функционировать по сегодняшний день, но не столь активно. Постепенно центром своей сетевой активности автор сделал страничку в Facebook⁷⁰. Именно здесь публикует он свои посты, здесь же он постепенно размещает свой архив «Хроник третьего тысячелетия» по проблемам российско-американских отношений.

К историческим блогам Рунета относится блог «Северный Кавказ сквозь столетия», который ведет на платформе сайта «Кавказский узел» московский историк-кавказовед, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных

⁶⁶ <http://alliruk.livejournal.com/2012/11/22/> (ноябрь, 2017).

⁶⁷ <http://www.polit.ru/news/2014/02/28/vio/> (ноябрь, 2017).

⁶⁸ http://www.polit.ru/article/2014/03/03/manifest_vio/ (ноябрь, 2017).

⁶⁹ <http://alliruk.livejournal.com/685358.html> (ноябрь, 2017).

⁷⁰ <https://www.facebook.com/ivan.kurilla.9?fref=ts> (ноябрь, 2017).

и региональных исследований Института Африки РАН Н.А. Нефляшева⁷¹. Блог создан 21 декабря 2010 г. В первом же своем посте автор объясняет причины, побудившие ее обратиться к жанру интернет-дневника: «...сейчас, как и 150 лет назад, Кавказ остается особым и самым проблемным регионом России, здесь по-прежнему сталкиваются интересы ведущих мировых держав, а в российской политике, как всегда, существуют свои «голуби» и «ястребы», свои Воронцовы и Ермоловы. Читающая публика в средней полосе России, как уже было в XIX веке, содрогается от зловещих мифов о коварных горцах, не способных якобы вписаться в цивилизованное общество, и воспринимает Кавказ как параллельный неведомый мир, а современные интеллектуалы пророчат Кавказу будущий самоуправляющийся Хаос». Главный посыл здесь — помочь согражданам «понять Кавказ», т.е. развеять те многочисленные мифы о Кавказе и кавказцах, которые присутствуют в массовом общественном сознании россиян сегодня через обсуждение сюжетов кавказской истории, «которые явно, а может быть, и не столь прямолинейно, можно спроецировать на современность»⁷². Н.А. Нефляшева — профессиональный историк, выпускница Санкт-Петербургского государственного университета. Являясь представительницей одного из народов Северного Кавказа, родившись и прожив здесь немалое количество лет, сегодня она живет и работает в Москве, но хорошо знает реалии жизни региона. История этого блога и его автора интересна, прежде всего, тем, что речь идет о видении проблем на пути к диалогическим отношениям между Россией и Кавказом как одной из ее составных частей «европеизированным кавказцем», к тому же женщиной. Блог подчеркнуто минималистичен. Автор не отвлекается на очередные «актуальные проблемы», постоянно появляющиеся в беспокойном политическом поле России сегодня, но прямо не связанные с историческим прошлым и современным состоянием Северного Кавказа. Четко и методично в каждом новом посте Н.А. Нефляшева предлагает читателям частичку нового знания о своей малой родине. Так, серия интересных, информационно насыщенных постов была предложена читателям блога в связи с Олимпиадой Сочи-2014, которая, как известно, стала поводом для актуализации «чер-

⁷¹ <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927> (ноябрь, 2017).

⁷² <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/6370> (ноябрь, 2017).

кесского вопроса», так как место ее проведения — это последний очаг черкесского сопротивления в годы Кавказской войны. В них любой желающий мог найти сведения о топонимах черноморского побережья (Адлер, Хоста, Мацеста, Дагомыс, Сочи и др.), о происхождении названия главного олимпийского стадиона Фишт и о мифологии гор у черкесов, о героях нартского эпоса, в частности о легендарном Сосруко — адыгском Прометее, подарившем огонь людям, но так и не ставшем символом Олимпийских Игр в Сочи.

Большой объем научно-популярной информации содержит блог «Любовь к истории», который на платформе Livejournal ведет известный российский писатель Борис Акунин (Г.Ш. Чхартишвили)⁷³. Блог создан 7 ноября 2010 г., но постоянно автор ведет его с мая 2012 г. Он содержит качественную визуализацию предлагаемых автором текстовых материалов⁷⁴. Материалы блога «Любовь к истории» регулярно издаются отдельными книгами в серии с аналогичным названием⁷⁵. 20 марта 2013 г. Б. Акунин опубликовал своего рода «программный пост» под названием «Новый Карамзин явился», в котором изложил свои творческие планы на ближайшую и весьма отдаленную перспективу. Не без иронии, признавшись в том, что ему давно не дают покоя лавры Н.М. Карамзина, он заявил, что перестает быть детективщиком и переключается на подготовку многотомного мегапроекта «История Российского государства»: «Новый Карамзин, на мой взгляд, нужен затем, что уже двести лет «истории России» пишут именно что ученые историки, а их кроме студентов и людей, углубленно интересующихся прошлым, мало кто читает. Когда же историю страны рассказывает не ученый, а дилетант-беллетрист, он в силу профессии заботится о том, чтобы книгу было нескучно читать — как это делал Николай Михайлович... Подавляющее большинство людей имеют весьма смутное представление об истории собственной страны — лишь фрагментарные сведения, да и те в основном получены из романов и кинофильмов. Я и сам, несмотря на историческое образование, цельного представления о нашей истории не имею. И это главная причина, по которой я взялся за дело. Хочу понять, как образовалось наше государство, как оно развивалось и почему ста-

⁷³ <http://borisakunin.livejournal.com/> (ноябрь, 2017).

⁷⁴ <http://borisakunin.livejournal.com/pics/catalog> (ноябрь, 2017).

⁷⁵ Акунин Б. Любовь к истории. М., 2012 и др.

ло таким, каким сегодня является. Моя «История» будет предназначена не для историков — ничего нового они не почерпнут. Я пишу для тех, кто плохо знает биографию своей страны и хотел бы знать ее лучше»⁷⁶. В другом, более позднем, посте «Любовь к истории как бактериологическое оружие» от 14 мая 2013 г. писатель отвечает на вопрос, зачем он занялся этим проектом: «...я люблю историю и надеюсь заразить этой хорошей болезнью как можно больше ни в чем не повинных людей. Вот главная цель всей затеи»⁷⁷. На сегодняшний день в свет вышли первые три тома акунинской «Истории Российского государства»⁷⁸. Блог «Любовь к истории» и сегодня продолжает функционировать, но уже не столь активно, как раньше, когда он являлся топовым блогом Livejournal, входящим в первую двадцатку. Сегодня его автора, как и И.И. Куриллу, чаще можно встретить в сети Facebook⁷⁹.

Многие российские историки сегодня имеют свои блоги в этой сети. Вообще субъективно складывается ощущение, что в Facebook постепенно перемещается та часть пользователей сетей, которую условно можно обозначить понятием «интеллектуалы цифровой эпохи». Весьма высокий уровень сетевой активности проявляют сегодня в Facebook наши коллеги — специалисты по отечественной и всемирной истории, этнологии, теории и методологии истории. Достаточно вспомнить странички К.Ю. Ерусалимского, В.А. Тишкова, Л.М. Баткина, А.С. Ходнева, И.М. Савельевой, Э.Н. Абдулаева, С.Е. Эрлиха, уже упоминавшегося И.И. Куриллы. К.Ю. Ерусалимский — представитель молодого поколения московских историков-славистов, человек энциклопедических знаний, профессор кафедры истории и теории культуры Россий-

⁷⁶ <http://borisakunin.livejournal.com/94544.html> (ноябрь, 2017).

⁷⁷ <http://borisakunin.livejournal.com/101044.html?thread=44021684#t44021684> (ноябрь, 2017).

⁷⁸ Акунин Б. Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М., 2014; *Он же*. Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период. М., 2014; *Он же*. Между Азией и Европой. История Российского государства. От Ивана III до Бориса Годунова. М., 2016. После выхода в свет первого тома, получившего диаметрально противоположные отзывы — от резко критических до откровенно симпатизирующих, автор привлек к рецензированию последующих томов известных историков, в том числе своих вчерашних критиков.

⁷⁹ <https://www.facebook.com/borisakunin?fref=ts> (ноябрь, 2017).

ского государственного гуманитарного университета, в блоге которого часто разворачиваются нешуточные баталии с участием российских, украинских, белорусских, польских историков по проблемам истории славянского мира XVI–XVII вв.⁸⁰ Представители старшего поколения российских историков — выдающийся исследователь итальянского Возрождения, культуролог Л.М. Баткин⁸¹ и этнолог, научный руководитель (до недавнего времени — директор) Института этнологии и антропологии РАН, акад. В.А. Тишков⁸², освоив в зрелом возрасте IT, используют интернет-площадки для презентации своих научных и общественно-политических взглядов, продвижения своих научных идей. Заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета А.С. Ходнев использует свой блог для продвижения международного интернет-проекта «Public History Weekly», активным участником которого он является⁸³. Известный российский специалист по теории, истории и методологии исторической науки и социологии знания И.М. Савельева всегда очень интересно комментирует научные мероприятия, которые проводятся на базе возглавляемого ею ИГИТИ НИУ ВШЭ⁸⁴. В блоге Э.Н. Абдулаева⁸⁵, главного редактора журнала «Преподавание истории в школе», часто разворачиваются дискуссии по вопросам исторического образования в школе и вузе.

Социальные сети также дают историкам прекрасную возможность обмениваться идеями, дискутировать на разных площадках не только друг с другом, но и представителями других гуманитарных и социальных дисциплин — филологами, культурологами, социологами, политологами, философами и т.д. Главное достоинство соцсетей — создание пространства для диалога. Так, историк С.Е. Эрлих, готовя новый научный текст о взаимодействии глобальной и национальной форм памяти, обращается через Facebook с просьбой о критике уже написанной части и получает в ответ

⁸⁰ <https://www.facebook.com/konstantin.jerusalimsky?fref=ts> (ноябрь, 2017).

⁸¹ <https://www.facebook.com/leonid.batkin?fref=ts> (ноябрь, 2017).

⁸² <https://www.facebook.com/profile.php?id=100003280900276&fref=ts> (ноябрь, 2017).

⁸³ <https://www.facebook.com/khodnev?fref=ts> (ноябрь, 2017).

⁸⁴ <https://www.facebook.com/irina.savelieva.773?fref=ts> (ноябрь, 2017).

⁸⁵ <https://www.facebook.com/enver.abdulaev> (ноябрь, 2017).

массу откликов⁸⁶. Итоговая версия текста под названием «Глобальная память информационного общества: этика, нарратив, идентичность», таким образом, рождается в ходе постоянного обмена мнениями с сетевым сообществом⁸⁷.

Ведение собственного интернет-дневника делает присутствие историка в публичном пространстве постоянным, а значит — неизмеримо повышает ответственность за каждое написанное слово. Автор «приручает» своих постоянных читателей, которые невольно начинают соизмерять свои мысли, жизненные ориентиры, стратегии поведения с автором любимого блога. По природе своей блог как источник исторической информации подчеркнута демократичен. Блог можно читать и не читать. Можно соглашаться и не соглашаться с автором. Можно с ним спорить публично, а можно выстраивать свою систему аргументации, не вступая в публичный диалог, т.е. это всегда свободный выбор. Блог хорош тем, что с позицией автора можно соотносить свои предпочтения. Конечно, исторические тексты, публикуемые на страницах блогов, часто не имеют таких атрибутов научности, как ссылки на использованные источники и литературу. За ними, строго говоря, стоит только авторитет их автора. Но речь ведь и не идет об использовании приводимой в этих текстах исторической информации для сугубо академических целей. Напротив, необходима ретрансляция академического исторического знания на широкую аудиторию, умение переключать регистры, доносить до массового читателя сведения по различным аспектам отечественной и мировой истории. Сегодня каждый из нас, профессиональных историков, с горечью замечает, как низок уровень общей исторической культуры наших сограждан, как безгранично разрослось историческое мифотворчество, идет ли речь о мифах об Америке или мифах о Кавказе. Производство смыслов имеет смысл только в том случае, если эти смыслы кем-то разделяемы. Перефразируя глубоко чтимого мной российского историка культуры Л.М. Баткина, могу сказать, что мы, историки, ответственны не только за нашу профессию, но и перед ней.

⁸⁶ <https://www.facebook.com/groups/503685663073566/permalink/942147359227392/> (ноябрь, 2017).

⁸⁷ <https://www.facebook.com/groups/503685663073566/permalink/949886045120190/> (ноябрь, 2017).

Блоги историков интересны еще и с точки зрения историографии, т.е. как источники по истории исторического знания, обстоятельств его бытования в различных слоях общества. Методологически значимой в данном контексте представляется мысль известного отечественного специалиста по теоретико-методологическим проблемам исторической науки Л.П. Репиной о том, что «история историографии как часть интеллектуальной истории — это... прежде всего история исторической культуры, история исторического познания, сознания и мышления — история исторических представлений и концепций, образов прошлого и «идей истории», задающих интерпретационные модели и выступающих как мощный фактор личностной и групповой идентичности, общественно-политических размежеваний и идеологической борьбы»⁸⁸.

Наконец, блоги интересны также тем, что нередко в них отражается гражданская позиция автора по вопросам текущей политической жизни. По блогам историков можно изучать современную историю страны, увиденную глазами интеллектуалов. В этом смысле блоги отчетливо иллюстрируют мысль о том, что в эпоху глобализации история приобретает выраженный сетевой характер, становится, используя новейшую терминологию, «перекрёстной историей» («histoire croisée»), «связанной историей» («connected history»)⁸⁹, когда происходящее в Москве, Санкт-Петербурге и, допустим, на Северном Кавказе оказывается тесно переплетенным незримыми, но ощутимыми нитями, клубок которых, в свою очередь, уходит в некий мировой контекст. В связи со сказанным, соглашусь с мнением нашего немецкого коллеги А. Буллера, что «понятие «провинциального историка» потеряло в наше время всякий смысл, потому что для глобальной сети «провинций» как таковых не существует. Интернет «уравнял» всех историков в их информационных правах, объединив их в одну мировую «сеть» — мировое сообщество историков»⁹⁰.

Еще одна особенность сетевого общения историков состоит в том, что часто лицом к лицу при обсуждении той или иной про-

⁸⁸ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 401.

⁸⁹ Там же. С. 225.

⁹⁰ Буллер А. Historiker.net // Люди и тексты.... Исторический альманах. Информационное пространство истории / Отв. ред. М.С. Бобкова. М., 2014. С. 124.

блемы оказываются представители различных исторических цехов — сотрудники академических институтов, вузовские преподаватели, школьные учителя истории. Интернет — это уникальная площадка, объединяющая людей, которые в реальной жизни, скорее всего, никогда не встретились бы.

В условиях дигитализации исторического знания «история перестает быть привилегированным полем деятельности профессиональных историков или интеллектуальных элит. В результате процесса «демократизации» истории неакадемические знания, широко представленные онлайн, начинают в своей массе все больше перевешивать и заглушать голос профессионалов. Речь идет не просто об оцифровке источников и о массовой доступности архивов, а о роли Интернета в качестве площадки для интерпретации и рефлексии исторических фактов и сюжетов. Различные интернет-сообщества (в виде блогов, тем в социальных сетях и т.д.) создают собственные исторические миры с отличным от традиционного научного инструментария (правилами цитирования, нормами поведения и т.д.)»⁹¹. В то же время «ученые в социальных сетях, при условии, что они хоть сколько-нибудь активны, обретают «человеческое лицо»⁹². Определяя социальные медиа как «своего рода meeting point пользователей, чьи ментальные установки, поведенческие практики соотносятся с разными ролями и статусами», Г.И. Зверева предлагает обратить внимание на то, как пользователи сети преобразовывают различные ресурсы в подвижные продукты, которые сочетают в себе черты обыденного и специализированного знания, как они создают между этими двумя зонами колоссальное поле, в котором формируется т.н. «гибридное знание», как в подвижных цифровых форматах чаще всего соединяются сегменты обыденного, повседневного знания и осколков специализированного, и как в этом сложном поле формируются позиции (само)идентификации рядовых пользователей со-

⁹¹ Секиринский Д.С., Липкин М.А. История и киберпространство: расцвет цифровой культуры или «конец истории»?.. — <http://history.jes.su/s207987840001179-5-1> (ноябрь, 2017).

⁹² Ученые в соцсетях: философ Александр Павлов // Academic Forum: приложение к информационному бюллетеню «Окна роста». 2015. 26 ноября. № 08 (18). — <https://okna.hse.ru/news/166774503.html> (ноябрь, 2017).

циальных медиа⁹³. Размышляя о соцсети как среде, нивелирующей различия между ученым и неученым, опрокидывающей модернистскую академическую парадигму с ее «знанием-властью» по Фуко, профессор департамента политической науки факультета социальных наук НИУ ВШЭ С.А. Медведев приходит к выводу, что «сеть создает коллаборативное знание между глубоким мнением эксперта и широким сетевым полем, превращает знание в постоянно фильтрующийся и ректифицирующийся поток, в котором мы все становимся коллективным ученым». Отвечая на вопрос, как ученые используют соцсети, он, полушутя, заявляет, что на самом деле все с точностью до наоборот и «the Matrix has you»⁹⁴.

Как историк, не чуждый методологической рефлексии, могу сказать, что мне близко представление о многообразии типов бытования исторического знания — от строго научного до социально ориентированного, характер взаимоотношений между которыми вовсе не обязательно должен определяться ситуацией взаимного непонимания. В этом смысле я разделяю мнение своих коллег по профессиональному историческому цеху С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой о том, что «не стремление к «исправлению» другого типа истории, а исследовательская позиция внеаходимости, рефлексия на метауровне науки и применение принципа «признания чужой одушевленности»...помогает преодолеть линейность историографического процесса, акцентируя внимание на коэкзистенциальном пространстве исторического знания»⁹⁵.

В современном отечественном историографическом пространстве понятие «цифровая история» функционирует в тесной связи с такими актуальными понятиями, как «историческая память» («historical memory»), «историческая политика» («historical policy»), «публичная история» («public history»).

По словам Л.П. Репиной, под исторической памятью подразумевают одно из измерений индивидуальной и коллективной или

⁹³ Зверева Г.И. Я онлайн: одиночество в Сети, или как мы себя ведем в социальных медиа. — <http://theoryandpractice.ru/posts/12597-ya-drugoi> (ноябрь, 2017).

⁹⁴ Ученые в соцсетях: политолог Сергей Медведев // Academic Forum: приложение к информационному бюллетеню «Окна роста». 2015. 26 ноября. № 08 (18). — <https://okna.hse.ru/news/166774503.html> (ноябрь, 2017).

⁹⁵ Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево, 2013. С. 224.

социальной памяти — память об историческом прошлом, вернее, символическую репрезентацию исторического прошлого. Историческая память рассматривается не только как один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особое значение для конституирования социальных групп в настоящем⁹⁶. Источники формирования исторической памяти весьма разнообразны. Это может быть и устная традиция, и разного рода нарративы (учебники истории, мемуары, художественная литература, историография), и монументальная традиция, и аудиовизуальные источники (кино, телевидение, радио), и многое другое. Особое место в этом списке занимают коммеморации — праздники, посвященные историческим событиям, юбилеи, дни памяти, а сегодня это еще и сетевой контент. Изучение исторической памяти отличает «активная, «включенная» позиция историка по отношению к предмету своего исследования, нехарактерная для классической историографии», а само изучение предмета исследования становится «актом и личностной, и социально значимой рефлексией»⁹⁷. Не случайно в разное время исследованиями исторической памяти занимались такие маститые авторы, как М. Хальбвакс, П. Нора, Ж. Ле Гофф, Б. Гене, П. Хаттон, Я. Ассман, А. Ассман, Л.П. Репина, И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Н.Е. Копосов и др.⁹⁸.

Что касается исторической политики, то это набор практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие⁹⁹. Появившись в Германии в 1980-х

⁹⁶ Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 41.

⁹⁷ Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Гл. ред. Л.П. Репина. Вып. 50. М., 2015. С. 86.

⁹⁸ Подробнее см.: Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2014. № 2. С. 106-126.

⁹⁹ Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3-4. Историческая политика. С. 10.

годах, термин в начале XXI в. стал широко использоваться в Польше, а затем и в других посткоммунистических государствах Восточной Европы. Сегодня в распоряжении историков — ряд серьезных исследовательских проектов, посвященных как теоретическому осмыслению феномена исторической политики, так и анализу ее практик. Особое место в этом ряду занимает сборник статей «Историческая политика в XXI веке»¹⁰⁰ под редакцией А.И. Миллера и М.А. Липман. Активизация практик исторической политики в нашей стране произошла несколько позднее, чем в странах Восточной Европы. Но сегодня российские исследователи отмечают «наступление власти на «всех фронтах» «исторической политики»¹⁰¹. В России, считает А. Ассман, «мы имеем дело с государственной директивной исторической политикой, которая ориентирована на внутреннюю консолидацию и на «представление России в качестве великой державы»; ей противостоят независимая и подвергающаяся все большему давлению общественная организация «Мемориал», которая занимается проблемными воспоминаниями, изучая сталинский террор»¹⁰².

Относительно новым направлением исследований, призванным «адаптировать исторические знания под нужды массовой культуры»¹⁰³, новой областью знания, посвященной проблематике бытования истории в публичной сфере, как с практической, так и теоретической точек зрения, является публичная история. Этим понятием описывается большая совокупность практик, направленных на перевод исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, в том числе медийных, и на представление его в формах, предназначенных для широкой публики (музеи, искусство, коммеморации и т.д.). «Потребление истории. Историки и наследие в современной популярной культуре» — так

¹⁰⁰ Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / А.И. Миллер, М.А. Липман (науч. ред.). М., 2012.

¹⁰¹ Морозов К. Введение «единомыслящих учебников» — почему историкам нельзя молчать? История и / или историческая политика. — <http://gefter.ru/archive/13361> (ноябрь, 2017).

¹⁰² Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М., 2014. С. 300-301.

¹⁰³ Косенко А. Почему история больше не в руках ученых и политиков. — <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/206933-public-history> (ноябрь, 2017).

стилистически верно называется книга британского историка Дж. де Гру о публичной истории¹⁰⁴. Суть публичной истории, по словам одного из самых известных ее адептов в России А.Л. Зорина, «в заполнении нарастающего разрыва между колоссальным и непрерывно увеличивающимся массовым интересом к истории и работой цеховых академических историков, сознательно уходящих и не желающих обслуживать этот массовый спрос, в результате которого история остается в значительной степени достоянием шарлатанов и демагогов»¹⁰⁵. Профессионализация такой деятельности началась в середине 1970-х гг. в США и Канаде. В последние годы магистерские диссертационные программы по публичной истории открылись в таких европейских странах, как Великобритания, Германия, Польша, Литва и Нидерланды¹⁰⁶. Публичная история как способ существования истории в нашей повседневной жизни, как часть публичного пространства может заявлять о себе через «историопишущих» в масс-медиа, исторические романы, исторические фильмы, исторические игры, костюмированные действия. Как «блестящий проект»¹⁰⁷ публичной истории в России исследователи характеризуют цикл состоявшихся в свое время передач Л.Г. Парфенова на телевидении, созданных благодаря сотрудничеству автора с одним из лучших отечественных историков А.Б. Каменским. В пространство практик, охватываемых понятием «публичная история», исследователи включают также деятельность авторов индивидуальных блогов — медийных фигур, задающих тон в исторических дискуссиях на форумах Рунета, таких, например, как писатель Б. Акунин¹⁰⁸. Что касается подготовки специалистов по публичной истории в России, то она только начинается.

¹⁰⁴ *Groot J. de. Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture.* Routledge, 2009.

¹⁰⁵ <http://postnauka.ru/video/18165> (ноябрь, 2017).

¹⁰⁶ *Косенко А.* Почему история больше не в руках ученых и политиков. — <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/206933-public-history> (ноябрь, 2017).

¹⁰⁷ «Мы всегда находимся в зоне интерпретации исторического факта»: Андрей Зорин о публичной истории. — <http://theoryandpractice.ru/posts/7566-zorin> (ноябрь, 2017).

¹⁰⁸ *Секиринский Д.С., Липкин М.А.* История и киберпространство: расцвет цифровой культуры или «конец истории»?.. — <http://history.jes.su/s207987840001179-5-1> (ноябрь, 2017).

Первая магистерская программа по публичной истории появилась в 2012 г. в Московской высшей школе социальных и экономических наук (МВШСЭН)¹⁰⁹.

Что же происходит с историей в результате привнесения в ее контексты публичного измерения прошлого? Она «непрерывно формируется, политизируется, коммерциализируется и медиализируется»¹¹⁰. По крайней мере, таково мнение наших немецких коллег. Не способ «переупаковать» привычную «популяризацию» исторического знания, а смену оптики «с проблем «донесения» «готового» исторического знания на «приготовление» нового знания в публичном пространстве / для публичного пространства»¹¹¹ видит, в свою очередь, в вызовах публичной истории российский исследователь А.А. Тесля. Размышляя о роли профессиональных историков в «публичной истории», И.М. Савельева подчеркивает, что «речь не идет об исторической политике, о политическом аспекте использования истории», что в национальных историографиях США, Великобритании, Германии «это именно «народная история», а не «политически релевантная история». Отвечая далее на поставленный ею же вопрос о «публичных историках», И.М. Савельева не скрывает, что ей ближе «узкий» подход, который относит к данной категории «ту группу историков, которая вступает во взаимодействие с обществом, причем имеется в виду даже не диалог историка с публикой, а совместное производство исторического знания»¹¹².

Объединяющей основой исторической памяти, исторической политики и публичной истории являются коммеморации, т.е. праздники, посвященные историческим событиям, юбилеи, дни памяти и т.п. Коммеморации являются одним из источников формирования исторической памяти; они способствуют переводу исторического знания с академического языка на язык публичных

¹⁰⁹ <http://www.msses.ru/about/faculties/129/> (ноябрь, 2017).

¹¹⁰ Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3(83). — <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html> (ноябрь, 2017).

¹¹¹ Тесля А. Эффективные продажи и способы говорения. Публичная история: отыгрывание историком своей роли — или уверенное вхождение в историю во всех смыслах? — <http://gefter.ru/archive/11341> (ноябрь, 2017).

¹¹² Савельева И.М. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141-156.

репрезентаций, т.е. являются актами публичной истории; коммеморации используются в наборе практик исторической политики для более эффективного продвижения государством поддерживаемой им версии тех или иных событий прошлого. Что касается цифровой истории, то это исследовательское направление является инструментом коммеморативных практик, так как его методики репрезентации памятников историко-культурного наследия широко используются организаторами публичных репрезентаций.

Как меняются коммеморативные практики в условиях дигитализации исторического знания и рождения феномена цифровой истории, можно проследить, в частности, на примере коммемораций, так или иначе связанных с сохранением и воспроизводством исторической памяти о Кавказской войне. Кавказская война XIX века — самое болезненное место исторической памяти адыгов (черкесов), по поводу которого ведутся многолетние непрекращающиеся дискуссии, острота которых даже способствовала появлению понятия «Кавказская война историографий»¹¹³. Наполнение сетевых ресурсов контентом, связанным с исторической памятью о Кавказской войне, как правило, активизируется в преддверии различного рода коммемораций, так или иначе с этой войной связанных. В частности, в последние годы в трех республиках Северного Кавказа — Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии — широко отмечаются День черкесского флага (25 апреля) и День памяти жертв Кавказской войны (21 мая). Акторы сетевых ресурсов, прежде всего, блогеры, в силу различных причин ориентированные на освещение коммемораций, связанных с Кавказской войной, все чаще предлагают своим подписчикам «картинку», ибо визуализация способна породить самые сильные ответные эмоции. Выстраиваемый в сетевых ресурсах видеоряд содержит разнообразный контент. Это и охваченная языками пламени («пламенеющая») дата окончания Кавказской войны 21 мая 1864 г.¹¹⁴, и искаженное болью лицо старого черкеса-махаджира, в зрачках которого застыла боль об утраченной родине¹¹⁵, и мемориалы в память о черкесской трагедии XIX в. на территории северокавказ-

¹¹³ Олейников Д.И. Большая Кавказская война // Родина. 2000. №1-2. С. 55.

¹¹⁴ http://www.youtube.com/watch?v=Vjr_g9N4DHO (ноябрь, 2017).

¹¹⁵ http://www.youtube.com/watch?v=00t_o_AtoVUk (ноябрь, 2017).

ских республик — «Древо Жизни» в Нальчике¹¹⁶ и «Единение и согласие» («Очаг памяти») в Майкопе¹¹⁷ в дни траурных мероприятий. Нельзя не обратить внимания на то, что чаще всего скорбь народа символизируют черкесский флаг (полотнище зеленого цвета с изображением 12 звезд и трех перекрещенных стрел), зеленая ленточка, национальный костюм, особенно мужской (черкеска), образ мужчины-наездника в черкеске.

В профессионально-исторической среде давно подмечено, что пережитый исторической наукой «визуальный поворот» («pictorial turn») коренным образом изменил стратегию работы историка с визуальными источниками. «Как любой письменный текст может быть «расшифрован» только в контексте дискурса, в котором он возник, так и изображение не может более рассматриваться как «слепок реального», оно также становится понятным только в соответствующем дискурсе, и задача историка в том, чтобы «разгадать», «расшифровать» содержащееся в изображении послание»¹¹⁸. Как уже отмечалось исследователями, обилие черкесского флага как официального геральдического символа Республики Адыгея в практиках коммемораций, на повседневных и бытовых предметах (футболки, чашки) порождает ситуацию, когда «флаг, не теряя своего символического смысла, теряет свое значение официального флага РА, но приобретает значение всечеркесского символа, каким он был в момент своего создания в XIX в.»¹¹⁹. Некоторое время назад одним из символов исторической памяти о Кавказской войне стала зеленая ленточка. Смыслово она может быть «прочитана» и как отсылка к знаменитой георгиевской ленточке — вполне официальному символу Великой Отечественной войны, и как аналог белой ленточки — символа протестного движения в России

¹¹⁶ <http://www.21may1864.ru/index.php?newsid=748> (ноябрь, 2017).

¹¹⁷ http://vk.com/wall-32771925_74125 (ноябрь, 2017).

¹¹⁸ Соколов А.Б. Визуальный поворот в современной историографии и использование изобразительных источников в работе со студентами // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 213.

¹¹⁹ Нефляшева Н.А. Черкесское национальное движение в современной России: визуально-символический аспект // Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2013. С. 120.

2011–2012 гг. В отличие от зеленой ленточки, воспринимаемой, прежде всего, как символ черкесского активизма, не всегда приветствуемый официальными властями¹²⁰, черкеска — востребованный атрибут Дня памяти не только в среде черкесских активистов и рядовых граждан разного возраста, но и в политическом истеблишменте северокавказских республик, лидеры которых могут позволить себе участие в коммеморациях в национальном мужском костюме адыгов. Что касается образа мужчины-наездника в черкеске, то эта символика отсылает нас к традициям коневодства адыгов, знаменитым адыгским скакунам, всаднической культуре адыгов и военным навыкам и традициям в адыгском обществе, столь востребованным в период Кавказской войны. Конечно, не могут не впечатлять конные всадники — участники мемориальных шествий, эта своего рода романтизированная архаика, воссоздаваемая в контекстах урбанистической культуры. Отдельно следует сказать о большом количестве детей в национальных костюмах в составе траурных шествий (иногда — во главе их), которыми изобилует визуализация Кавказской войны в сети. Очевидно, семантический код этого послания состоит в том, что, несмотря на национальную трагедию XIX в., черкесы с надеждой смотрят в будущее, олицетворением которого в символической памяти народа выступает молодое поколение, «те, кто будут после нас».

Контроль над коммеморативным дискурсом пытаются и будут пытаться взять в свои руки самые разнородные политические силы. Их успех или неуспех в продвижении собственной интерпретации тех или иных страниц истории в цифровую эпоху во многом будет зависеть от качества «картинки», ибо, по оценкам исследователей, «тенденция распространения информации в сети явно указывает на преобладание аудио-визуальной формы»¹²¹.

Упомянутые понятия — «историческая память», «историческая политика», «публичная история» — отражают нынешний этап развития исторического знания, которое переживает «поворот», связанный с появлением новых путей выхода в публичную сферу, когда оно перестает быть сугубо академическим знанием «для посвященных» и выходит на улицы и площади больших городов,

¹²⁰ <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/18030> (ноябрь, 2017).

¹²¹ Фокин А.А. «И100рия: вызовы историческому сообществу в цифровую эпоху // Люди и тексты... С.141.

другие публичные площадки. Сознывая происходящие с историческим знанием метаморфозы, профессиональные историки могут оказать весьма существенное влияние на контенты и исторической политики, и публичной истории, ненавязчиво присутствуя в процессах конструирования исторической памяти социума, активно используя при этом возможности цифровой эры. Соглашусь с мнением коллеги в том, что если наши внутрицеховые споры, мнения, оценки «в конечном счете не отливаются в какие-то исторические схемы, формулы и ритуалы, которые могут «пойти в народ», то эти схемы, формулы и ритуалы будет производить кто-то другой. И другого качества»¹²².

Таким образом, «цифровая история» коренным образом меняет облик профессии историка. Дигитализация исторического знания многократно увеличивает объемы информации, которую историк должен переосмыслить, работая над той или иной проблемой. Уплотняется и ускоряется его рабочий ритм. Меняются способы репрезентации исторических знаний, носителем которых он является. Требуемые материалы, включая архивные, историк сегодня может получить, не выходя за порог своего дома. Цифровая эпоха предоставляет историку уникальную возможность общения с коллегами в режиме онлайн, идет ли речь о видеоконференциях или об обмене мнениями по тому или иному вопросу в социальных сетях и форумах Интернета. Осваивая IT, историк, вольно или невольно, приобретает знания, весьма далекие от его профессиональной деятельности. В его лексиконе появляются новые понятия и термины. У историка появляются новые площадки выхода в публичную сферу. Историк, оставаясь проводником в прошлое, использует современную «экипировку», включающую новейшие виджеты и гаджеты. Его уже сложно представить в роли сосредоточенного летописца, работающего, пусть не в монастырской келье, но даже в тиши кабинета. Историк сегодня, погружаясь в прошлое, ни на минуту не теряет связи с настоящим. Он постоянно в глобальной сети, он слышит и видит идущие из сети импульсы внешнего мира, и они, безусловно, влияют на его письмо.

¹²² Ушакин С., Костерина И. «Мы у прошлого не учимся, мы им живем». Разговоры об истории, созданной новым переживанием повседневности. Профессионалы — об историческом сознании. — <http://gefter.ru/archive/15988> (ноябрь, 2017).

Присутствие историка в социальных сетях сегодня — это в том числе акт публичной истории. Наверное, пришла пора говорить о том, как в сетевом пространстве, в ходе обсуждения тех или иных постов профессиональных историков происходит перевод академического знания на язык публичных репрезентаций, когда в роли комментаторов выступают не только коллеги-историки автора поста, но и люди, весьма от истории как дисциплинарной практики далекие. Общеизвестно, как полезен иногда бывает взгляд со стороны, как он позволяет по-новому взглянуть, казалось бы, на давно известный и изученный сюжет. Здесь на первый план выходит свежесть восприятия. При этом нельзя не обратить внимания на то, сколько во всемирной сети исторического «мусора» — непроверенной или откровенной ложной информации на исторические темы. Реакция на них профессионала вызывает у пользователей сети повышенный интерес: одно дело опубликовать на своей страничке нечто околосторическое, и совсем другое — получить в комментариях профессиональную верификацию источника со всеми сопутствующими процедурами «распознавания» конкретного текста. На своем опыте возьму на себя смелость утверждать, что именно историки гораздо более осторожны в демонстрации доверия к каким бы то ни было текстам. Именно у историков автоматически начинает работать механизм критического осмысления того, что он читает (в случае с текстом) и видит (в случае с сопровождающей его визуализацией). Интернет-блоги дают богатую пищу для размышлений о том «как думают», «как пишут» на темы истории и современности интеллектуалы цифровой эпохи.

Велика в цифровую эпоху роль историков в производстве смыслов, связанных с практиками сохранения исторической памяти социума. Коммеморации в этом смысле весьма показательны. В значительной мере и степени общество черпает информацию о тех или иных стратегиях интерпретации прошлого не через тексты высокообразных, а участвуя в различного рода мемориальных мероприятиях или — все чаще — посредством визуализаций, которыми полна сеть, идет ли речь о ресурсах YouTube или фотодокументах, количество и качество которых стремительно растет.

Наверное, самое трудное для историка — научиться говорить на понятном непрофессиональной аудитории языке, «идти в народ», не изменяя при этом своей профессиональной идентичности. Историк вдруг «стал видимым» с самых разных сетевых площа-

док. Сетевое сообщество предъявляет ему счет за производство смыслов исторического прошлого, независимо от сферы его узко-профессиональных интересов. Историк в сети «обязан» знать ответы на «все» вопросы, его мнение транслируется на еще более широкую аудиторию. Это очень сложно и ответственно, особенно в условиях, когда историку противостоит дискурс власти с формируемыми ею контекстами исторической политики. Сегодня это весьма актуальная проблема — историк и власть. То, что историк «стал видимым» именно в контекстах своей профессиональной идентичности, многократно повышает степень его ответственности за каждое сказанное и написанное слово. Цифровая эпоха — это вызов для историка еще и в том смысле, что не оставляет для профессионалов практически никакой возможности спрятаться в свою «башню из слоновой кости».

Плодотворность изменений, происходящих с историей и историками, в связи с дигитализацией исторического знания, по справедливому замечанию А.И. Володина, во многом будет зависеть от того, как профессиональное сообщество отреагирует на вызовы цифровой эпохи¹²³. И все же не следует забывать, что история, даже вооруженная средствами Интернета, как была, так и остается гуманитарной наукой, где компьютер предоставляет новые возможности, но не может кардинально изменить суть исторического исследования, которую можно выразить словами «человек о человеке».

¹²³ Володин А.Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 8 (41). — [http:// history.jes.su/s207987840001228-9-1](http://history.jes.su/s207987840001228-9-1) (ноябрь, 2017).

ГЛАВА 2

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ В ДИССЕРТАЦИЯХ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В современной историографии уже есть несколько продуктивных опытов осмысления и концептуального обобщения тех перемен, которые претерпели стратегии и практики исторических исследований в России с конца 1980-х гг. и до наших дней. Историографическая революция рубежа XX–XXI вв., изменившая облик отечественной и зарубежной исторической науки, анализируется в трудах М.А. Барга, Б.Г. Могильницкого, Л.П. Репиной и других авторов¹. Эволюция научного сообщества, корпоративной культуры и профессиональной рефлексии российских историков на рубеже веков стала предметом рассмотрения в коллективной монографии Ассоциации исследователей российского общества². В частности, И.Д. Чечель показала модификации нормативной системы исторической науки на рубеже 1980–1990-х гг.³. Сосуществование научных парадигм и складывающаяся на рубеже веков ситуация «мультипарадигмальности» анализируются на историко-

¹ *Барг М.А.* Человек — общество — история // Новая и новейшая история. 1989. № 2; *Могильницкий Б.Г.* Актуальные проблемы методологии истории в зеркале современной историографической революции // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С. 14-23; *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 547-559.

² Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / Под ред. Геннадия Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011.

³ *Чечель И.Д.* Профессионалы истории в «эру публицистичности»: 1985–1991 гг. // Научное сообщество историков России... С. 55-121.

графическом материале Нового времени в монографии Л.Р. Хут⁴. Однако открытым остается вопрос о специфике процесса смены научных парадигм и нормативных критериев научности применительно к изучению отечественной истории.

Путь, который прошла методология исследований по отечественной истории за последние два десятилетия, можно восстановить, обратившись не только к монографическим исследованиям и научной периодике, но и к диссертациям по данной научной специальности, защищенным в определенный период времени. В наши дни все более актуальным становится изучение «диссертационной культуры», под которой понимают совокупность организационных процедур, традиций и ритуалов, связанных с подготовкой и защитой диссертации и профессиональной сертификацией ученого. Российские историографы Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришина, интенсивно разрабатывающие эту проблематику, считают, что диссертационное исследование представляет собой феномен научной культуры, по которому можно судить не только о квалификации соискателя, но и о «представлениях о качестве, или профессиональном уровне выполнения диссертационного исследования», характерных для научного сообщества⁵.

Основу нашего исследования составляют диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, поскольку докторские диссертации пишут уже состоявшиеся ученые, доказавшие свою научную квалификацию, и предполагается, что такие работы должны отличаться более высоким уровнем теоретико-методологической рефлексии по сравнению с работами на соискание кандидатской степени. В то же время диссертации представляют собой особый жанр научного исследования, весьма формализованный, что отчасти облегчает обработку и систематизацию материала, но в то же время затрудняет анализ когнитивной ситуации.

В настоящем исследовании предпринята попытка показать, каким образом на рубеже XX–XXI вв. изменилась модель научной

⁴ Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М.: Прометей, 2010. С. 59–77.

⁵ Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников: к вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 222, 231.

культуры историков России: сам исследователь с присущей ему рефлексией, объект его изучения, характер постановки научных задач, критерии выбора источников, на которых основывается исследование, а также подходы и методы, применяемые для решения поставленных задач.

Источниковая основа нашего исследования создана на базе полнотекстовой коллекции диссертаций «Электронная библиотека диссертаций Российской государственной библиотеки» (далее — ЭБД РГБ), размещенной в сети Интернет на сайте <https://dvs.rsl.ru>. Рассматривались массивы диссертаций по специальности 07.00.02 — Отечественная история на соискание ученой степени доктора исторических наук, защищенных в период с 1995 по 2015 годы с интервалом в пять лет.

За этот период в ЭБД РГБ представлено 369 докторских диссертаций и авторефератов по указанной специальности, в том числе 29 текстов докторских диссертаций и авторефератов за 1995 г.; 118 — за 2000 г.; 94 — за 2005 г.; 86 — за 2010 г. Поскольку формирование базы данных за 2015 г. пока не завершено, в наличии есть лишь 42 автореферата по отечественной истории; полные тексты диссертаций отсутствуют. Однако некоторые наблюдения по представленной совокупности уже можно сделать.

Тематические приоритеты

Признаком перемен в науке является смена тематических приоритетов. Изменение проблематики научных исследований, в том числе и диссертаций второй половины XX в., проследили Г.А. Бордюгов и С.П. Щербина⁶. Создавая «социальный портрет» российского историка, они использовали для анализа названия диссертаций, классифицируя их по тематике, изучаемым периодам и регионам. Репрезентативность выборки в данной работе вызвала обоснованную критику⁷, но их выводы и наблюдения я буду использовать в качестве «рабочих гипотез».

Анализ диссертаций, размещенных в ЭБД РГБ, показывает следующее. Истории советского периода (октябрь 1917 г. – 1991 г.)

⁶ Бордюгов Г.А., Щербина С.П. Транзит: социологический портрет сообщества // Научное сообщество историков России... С. 167-171.

⁷ См.: Диалог о книге «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен» // Российская история. 2013. № 1. С. 3-32.

посвящено 62% работ за 1995 г., 47% — за 2000 г., 52% — за 2005 г., 43% — за 2010 г., 45% диссертаций — за 2015 г. История периода от отмены крепостного права в 1861 г. до революции 1917 г. затрагивается, соответственно, в 24%, 36%, 37%, 36% и 43% работ. Получается, что в течение 1995–2015 гг. в историческом сообществе возрастал интерес к изучению пореформенного периода отечественной истории на фоне некоторого снижения интереса к советскому периоду, что в целом согласуется с выводами Г.А. Бордюгова и С.П. Щербины⁸.

Из 29 работ, представленных в ЭБД РГБ за 1995 г., 8 диссертаций посвящено истории различных социальных групп (из них 5 — истории рабочего класса, в чем явно просматриваются еще сохранившиеся приоритеты советской науки). Другую заметную тематическую группу образовывали 6 работ, где освещались проблемы развития различных отраслей экономики: от промышленности и аграрного сектора до туризма. В то же время очевидно стремление историков обращаться к «белым пятнам» и «трудным вопросам» советского периода отечественной истории: «Национально-территориальная автономия немцев Поволжья: (1918–1941 гг.)», «Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев, 1930–1954 гг.», «Отношения Советского государства и Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Две диссертации за 1995 г. посвящены истории русских революций 1905–1907 и 1917 гг., еще две — истории Белого движения в годы гражданской войны, в двух исследуется история Великой Отечественной войны.

В 2000 г. по сравнению с 1995 г. тематические приоритеты диссертаций заметно изменились. 13 работ, размещенных в ЭБД РГБ, посвящено истории государственного управления, 18 — различным аспектам внутренней и внешней политики государства (14 и 4 наименования соответственно), то есть в совокупности проблемы государственной политики и управления освещаются в 31 работе (в 1995 г. эта проблематика присутствует только в 3 работах). Тематика 12 диссертаций связана с Великой Отечественной войной, еще в 12 работах освещаются проблемы военной истории других периодов (в целом — 20%). Востребованной в 2000 г. стала также история

⁸ Бордюгов Г.А., Щербина С.П. Транзит: социологический портрет сообщества. С. 147, 151.

различных социальных групп: на эти темы представлено 19 диссертаций (16% совокупности за год), из них 5 работ посвящены истории крестьянства, 4 — истории интеллигенции, и 3 — истории рабочего класса. В 17 диссертациях рассматриваются разнообразные формы общественной жизни и общественно-политической самоорганизации. Таким образом, всего насчитывается 36 работ по истории социума и общественной жизни, что составляет треть совокупности за год. Наконец, 15 работ (около 13% совокупности) посвящены различным аспектам экономической истории.

За 2005 г. в названиях 19 из 94 работ ключевым является слово *политика*: *правительственная, государственная, внешняя, социальная, аграрная, иммиграционная, научно-техническая, культурная, государственная молодежная, советская исправительно-трудовая* и даже *государственная политика в отношении гуманитарных наук*. Главным или единственным субъектом политики в большинстве указанных случаев выступает государство; поэтому к данному тематическому ряду можно добавить диссертации, посвященные *государственному регулированию, органам управления, централизованному администрированию* и т.д. (еще 4 наименования). В 13 диссертациях изучается история различных социальных групп, выделенных по классовому, сословному, профессиональному или гендерному признаку; еще 12 работ посвящены различным аспектам общественно-политической жизни, политической борьбы и общественного самоуправления. Таким образом, около четверти всех работ за 2005 г. связаны с проблемами государственной политики и государственного управления, и примерно столько же — с проблемами истории общества и общественной самоорганизации. Различным аспектам военной истории и истории социума в условиях войны посвящено 14 работ (15%), из них 4 — периоду Великой Отечественной войны. Экономическая история представлена 7 работами, где тематическое предпочтение отдается истории предпринимательства и кооперации.

Из 86 диссертаций 2000 г. девятнадцать посвящены истории разнообразных социальных групп и сообществ: молодежным движениям и организациям, старообрядческим сообществам, тайным обществам первой трети XIX в., дворянским и городским обществам, казачеству Южного Урала и Западной Сибири, офицерским собраниям в России и даже «бывшим людям» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества. Особый массив в

этой тематической группе составляют диссертации, посвященные истории крестьянства (7 наименований). В девяти работах исследуется история общественной мысли в России: западничество, либерализм и конституционализм, «свободный консерватизм» и легальное народничество, эмигрантская идейно-политическая мысль и проч. 14 работ посвящено проблемам государственного управления: государственной системе учета населения, фискальной службе и прокуратуре, системе политического контроля, командованию вооруженных сил, материальному снабжению армии, пограничной службе, борьбе с преступностью. В 8 работах предметом изучения являются различные сферы государственной политики: социальная, таможенная, религиозная, переселенческая, пенсионная, молодежная политика и т.п. Таким образом, уже названия работ свидетельствуют о некотором преобладании истории социума над историей государства (28 и 22 работы, или 33% и 26% соответственно). Экономической истории посвящено 10 работ, что составляет около 12% совокупности. Проблематика военной истории и истории социума в условиях войны разрабатывается в 6 диссертациях (7%).

Наконец, в 2015 г. история различных социальных групп исследовалась в восьми диссертациях. Общественно-политической жизни посвящено 5 работ (в сумме — 13, более трети диссертаций за год), истории государственной политики и государственного управления — 10 работ (около четверти совокупности). 9 работ (приблизительно пятая часть совокупности) посвящены истории религиозных конфессий, в том числе 4 — различным аспектам и периодам истории Русской православной церкви. Налицо интерес и к истории других конфессий: католиков и протестантов, евангельских христиан и баптистов, буддистов. 5 работ из 42 (около 12%) освещают историю экономики, преимущественно промышленности, 6 работ (14%) — военную историю и историю социума в условиях войны.

Таким образом, в массиве диссертаций за указанные годы выделяются два крупных блока приоритетных тем: один из них связан с изучением социальной истории, другой — истории государственной политики и государственного управления. Каждый из этих тематических блоков охватывает не менее четверти (а иногда — до трети) совокупности работ за отдельные годы.

**Советская исследовательская культура:
долгое прощание**

Анализ перемен, произошедших за эти годы в методологии исторического исследования, осуществлен по выборочной совокупности диссертаций. В нее отобрано методом механической выборки не менее 20 работ за каждый год, что составило от 17% до 70% информационной базы. Так, из базы данных за 1995 г. было выбрано 20 работ; за 2000 г. — 21 диссертация; за 2005 г. — 27 работ, за 2010 год рассмотрено 23 диссертации, и, наконец, за 2015 год — 21 работа. Таким образом, из общей совокупности в 369 работ было отобрано 112 диссертаций и авторефератов (30%).

Обработка материалов диссертаций проведена на основе контент-анализа. Единицами анализа текстов являются макроисторические теории, на которые опирались авторы диссертаций, научные направления, с которыми они соотносили свои исследования, а также методы, подходы и принципы исследования. Затем определялось общее количество и сравнительная частота упоминаний единиц анализа. Интерпретация полученных результатов позволила сделать выводы о том, какой методологический инструментарий использовался авторами для решения поставленных научных задач, о степени востребованности различных теоретических и макроисторических подходов.

Во многих работах 1995 г. авторы констатировали кризисное состояние и даже «глубочайший кризис»⁹ исторической науки. Это нередко объяснялось кризисом марксистско-ленинской идеологии, несостоятельностью марксистской методологии для объяснения современных общественных процессов, господством вульгарного марксизма или ортодоксального марксизма; провозглашалась необходимость «деидеологизации науки»¹⁰. Высказывалось убежде-

⁹ Курас Л.В. Октябрьская революция в Сибири 1917 — середина 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02, 07.00.09. Иркутск, 1995. С. 4.

¹⁰ Валиуллин К.Б. Рабочий класс в общественно-политической жизни страны в 1959–1975 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Казань, 1995. С. 11–12; Исаев В.И. Быт рабочих Сибири в условиях индустриализации (вторая половина 1920-х – 1930-е гг.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Новосибирск, 1995. С. 4; Халиев Г. Социально-экономические проблемы развития рабочих хлопкоубирающей промышленности Узбекистана (70-е – первая половина 80-х гг.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Ташкент, 1995. С. 11.

ние, что марксистский формационный подход и само понятие *общественно-экономическая формация* пригодны лишь для изучения европейской истории¹¹.

Свидетельством методологического кризиса является также то, что во многих авторефератах и диссертациях 1995 г. методология исследования не охарактеризована вообще или представлена расплывчато¹². Симптомы методологической растерянности проявляются также в стремлении сослаться на трудно сочетающиеся друг с другом научно-философские авторитеты, например, на «Н.А. Бердяева, Ф. Бэкона, М. Вебера, В.И. Вернадского, Ф. Гегеля, Ф. Кассирера, В.И. Ленина, К. Маркса, Г.В. Плеханова, Ф. Энгельса»¹³.

Выход из кризиса отождествлялся многими диссертантами с «выявлением исторической правды», «восстановлением исторической правды», «выявлением истинной сути» изучаемых явлений¹⁴. *Правдивость* постулировалась в 1995 г. и как критерий оценки научной литературы по теме исследования¹⁵. Помимо этического императива, в этой «благородной мечте» о восстановлении исторической правды можно обнаружить и эпистемологическую составляющую. Постсоветская наука унаследовала такую черту советской модели общественных наук, как стремление к однозначным истолкованиям исторических явлений, веру в возможность «окончательно» разрешить какие-либо исторические проблемы¹⁶. Смени-

¹¹ Валиуллин К.Б. Указ. соч. С. 14.

¹² «При написании диссертации автор поставил своей целью использовать все самое ценное, что было накоплено отечественной и зарубежной историографией по данной проблеме, избегая при этом стереотипов и давая объективные оценки тому, что происходило в российской деревне в 1917 году». — Кочешков Г.Н. Российские землевладельцы и их общественно-политические организации в 1917 году: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Ярославль, 1995. С. 4.

¹³ Пономаренко Б.Т. Профессиональное образование: опыт, противоречия и тенденции реформирования (По материалам России и Украины. 1980–90-е годы): автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 1995. С. 10.

¹⁴ Курас Л.В. Указ. соч. С.3; Слепцов Е.Я. Первая Российская революция и РСДРП в исторической реальности и историографии: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02, 07.00.09. Ярославль, 1995. С. 3; Исаев В.И. Указ. соч. С. 3.

¹⁵ Кочешков Г.Н. Указ. соч. С. 7-8.

¹⁶ Чечель И.Д. Профессионалы истории в «эру публицистичности». С. 59-60.

лись лишь идеологические акценты: в середине 1990-х казалось, что можно «выявить» или «восстановить» правду во всей ее полноте при условии отказа от марксистской ортодоксии.

Устойчивой чертой отечественной диссертационной культуры, восходящей к советским временам, остается требование обосновывать «актуальность», а также «практическую значимость» представленных к защите работ. Однако риторические приемы такого обоснования меняются с ходом времени. Так, в 1995 г. актуальность проблематики многих работ обосновывалась указаниями на то, что в советские времена эти темы были закрыты для изучения или исследовались с предвзятых позиций¹⁷. С начала XXI в. для обоснования актуальности выбранной темы все чаще проводят исторические параллели и аналогии, сопоставляя изучаемый и современный исторические периоды. Диапазон сравнения зависит от проблематики исследования. Например, в работах 2000 г. с текущей российской ситуацией сравнивается хрущевская «оттепель», события 1917 г., «ломка привычной социокультурной среды» в XVIII столетии¹⁸. В каждом из этих случаев подчеркивается, что социальная функция исторической науки заключается в том, чтобы на основе изучения прошлого глубже осмыслить и понять настоящее. В последние годы стала возвращаться (пока еще робко) давняя традиция обосновывать актуальность научных работ, ссылаясь на публичные выступления первых лиц государства¹⁹.

Изменились и способы обоснования практической значимости диссертационных исследований. В 1995 г. достаточно распространены были примеры, когда работы завершались практически-ми рекомендациями, обращенными к государственным структурам

¹⁷ Кочешков Г.Н. Указ. соч. С. 4; Кельнер В.Е. Общественно-политическая жизнь в России и издательское дело в 70–80-х гг. XIX в. (на материалах деятельности М.М. Стасюлевича): автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. СПб., 1995. С. 2, 17.

¹⁸ Брянецев М.В. Русское купечество: Социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX вв.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2000. С. 4; Коваленко Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России, февраль–октябрь 1917 г.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2000. С. 4; Аксютин Ю.В. «Оттепель» 1953–1964 гг. и общественные настроения в СССР: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2000. С. 5.

¹⁹ Воейков Е.В. Решение топливной проблемы в Поволжье в 1918–1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2015. С. 3.

и органам самоуправления, средствам массовой информации, политическим партиям и объединениям. Убеждение, что историческое исследование должно приносить осязаемую практическую пользу, чаще всего носило декларативный характер, поскольку способы, с помощью которых предложения диссертантов должны быть доведены до сведения заинтересованных структур, обычно не предлагались. Начиная с 2000 г., практическую значимость диссертации чаще обосновывают указаниями на то, что ее материалы и выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении темы, а также в преподавательской и научно-просветительской работе. Однако вплоть до настоящего времени в некоторых работах встречаются практические рекомендации, обращенные к политическим структурам и экономическим субъектам. Можно назвать для примера диссертации о кадровом потенциале строительной индустрии Сибири в 1940–1970-х гг.²⁰ и об истории терроризма в российском революционном движении²¹. Таким образом, формальные требования к диссертационным исследованиям порой диктуют соискателям видение социальных задач науки, восходящее к временам даже не классической научной парадигмы, а скорее к эпохе Просвещения. «Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей», — писал Н.М. Карамзин в 1815 году.

Впрочем, в нескольких работах проступают контуры нового представления о социальной миссии исторической науки. Например, А.И. Миллер и С.Е. Эрлих считают ее задачей критическую рефлексию по отношению к современным политическим дискурсам и мифологемам общественного сознания²².

²⁰ Долголюк А.А. Кадровый потенциал строительной индустрии Сибири: 1946–1970 гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2015. С. 7-8.

²¹ «Государственным структурам необходимо не только бороться с террористическими подразделениями и пресекать их деятельность, но и, в первую очередь, минимизировать причины террористического инициирования», то есть прежде всего осуществить «реальную демократизацию политического процесса». — Квасов О.Н. Терроризм в российском революционном движении: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Воронеж, 2015. С.41.

²² Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей Российской империи и в русском общественном мнении во второй половине 1850-х – начале 1880-х годов: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2000. С. 4, 6,

В источниковедческих обзорах — еще одной обязательной составной части диссертаций по историческим дисциплинам, — также можно выделить сохранившиеся черты советской исследовательской культуры. Наиболее заметная из них состоит в ранжировании источников по определенной схеме: законодательные (актовые) документы, делопроизводственные, справочно-статистические материалы, публицистика, наконец, воспоминания и другие источники личного происхождения. В данном случае перед нами не просто сложившаяся схема, от которой не решалось отступить большинство историков; здесь выстраивается своего рода «иерархия доверия» к источнику. Так, в 1995 г. один из историков, переходя от анализа мемуаристики к анализу документов по истории Октябрьской революции в Сибири, анонсировал это так: «Во втором параграфе... анализируются источники, которым отдается предпочтение в силу того, что в них меньший налет субъективизма»²³. Для понимания того, что документальные источники, как и мемуары, несут на себе отпечаток субъективных точек зрения, что они созданы и существуют в рамках того или иного дискурса, требовалась иная историографическая и источниковедческая культура, может быть, даже иное видение мира.

С начала 2000-х гг. ситуация заметно меняется. Акценты в работах ставятся уже не на необходимость «деидеологизации науки», а на особенности новых исследовательских подходов. Некоторые диссертанты констатируют, что «пора отказаться от поиска какого-то универсального метода познания мира» и что «тенденция перехода к плюрализму методологических подходов... дает возможность использовать любой философско-социологический инструментарий во всем его многообразии»²⁴; текущая историко-методологическая ситуация оценивается как время «поиска новых парадигм гуманитарного мышления»²⁵. При этом отмечаются

26-28; Эрлих С.Е. Декабристы в исторической памяти. 2000 – 2014 гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. СПб., 2015. С. 4-5.

²³ Курас Л.В. Указ. соч. С. 19.

²⁴ Брянецев М.В. Указ. соч. С. 34; Сойников А.А. Государственная политика по развитию средней специальной гуманитарной школы в РСФСР: 1958–1991 годы: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Курск, 2005. С. 18.

²⁵ Поршнев О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2000. С.9.

«сложность и болезненность... трансформации» отечественной исторической науки, такие крайние явления, как «теоретический нигилизм, отрицание необходимости теоретической базы исследования, как таковой, либо же, напротив, полная всеядность, некритическое восприятие достижений западных научных школ, придание им некоей универсальности»²⁶. Вероятно, именно переход от идеи однозначно трактуемой «правды» к «плюрализму подходов» или «теоретической всеядности» можно считать одной из самых ярких черт совершавшегося тогда научного поворота.

В диссертациях и авторефератах 2000 г. и последующих лет появляется специальный раздел «теоретико-методологическая база исследования» или «методологическая основа исследования». Объем этого раздела может варьироваться от одного абзаца до нескольких страниц, а иногда — до специального параграфа в особой (как правило, первой) главе, посвященной теоретико-методологическим, источниковедческим и историографическим аспектам исследования. Постепенно вырабатывается определенный канон написания этого раздела: вначале указываются принципы исследования, затем — методы; в некоторых работах выстраивается иерархия теоретических (философских), общенаучных и специально-исторических методов. Довольно часты случаи, когда методология диссертационного исследования характеризуется через указание исторических теорий, которых придерживается соискатель, или научных направлений, в русле которых выполнено исследование. Это стало безусловным новшеством по сравнению с диссертационной культурой советских лет, когда от соискателя неизменно требовалось декларировать свою верность принципам марксизма-ленинизма.

Те черты диссертационной культуры, которые были связаны с традициями марксизма-ленинизма, сдавали свои позиции постепенно, на протяжении ряда лет. Так, в 1995 г. в двух из рассмотренных работ в числе методологических принципов указывался принцип *партийности*, хотя в него вкладывалось различное содержание. Для одного диссертанта этот принцип воплощался в общих словах о «всестороннем анализе роли и взаимодействия органов управления, политических партий и общественных объеди-

²⁶ Зайнетдинов Ш.Р. Изменения в социальной структуре российского общества: По материалам переписей населения 1897 – 1939 гг.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2000. С. 8.

нений»²⁷, другой констатировал, что «любое историческое исследование отвечает запросам наличной духовной среды», и потому «любой интеллектual всегда ангажирован»²⁸. В двух работах 2000 и 2005 гг. характеристика методологии исследования включает *классовый подход*; один из диссертантов указывает, что следование этому подходу «проявилось и в определенной терминологии (“рабочие”, “колхозники”, “служащие” и т.п.), и в стремлении проследить, как различия в социальном положении сказывались на отношении к тем или иным действиям власти»²⁹. Еще в одной работе 2005 г. обоснование методологии исследования начинается со ссылок на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина; автор объясняет это тем, что, поскольку работа посвящена жилищному строительству в Москве 1950-1990-х гг. как социокультурной проблеме, обращение к наследию «классиков марксизма-ленинизма» позволяет реконструировать заложенные в основу советской жилищной политики представления о «социалистическом образе жизни»³⁰.

Принципы материалистической диалектики, диалектико-материалистическое понимание истории или историко-материалистическая концепция указаны в качестве базовых принципов исследования в одной диссертации 1995 г., одной — 2000 г., и двух — 2005 г. В 6 работах 2005 г. назван также *диалектический метод познания*. После 2005 г. упоминаний диалектического и исторического материализма в рассмотренных диссертациях обнаружить не удалось.

Марксистское понимание истории оказалось наиболее устойчивым в работах, посвященных периоду отечественной истории до середины XIX в. включительно (хотя их авторы могли и не декларировать специально своей приверженности марксизму). Именно в этих хронологических рамках широко использовалась такая характерная терминология, как *феодалыные отношения, проблема генезиса и особенностей феодализма, феодальное государство, уклад государственного феодализма, построение типологии феодализ-*

²⁷ Пономаренко Б.Т. Указ. соч. С. 16.

²⁸ Курас Л.В. Указ. соч. С. 13.

²⁹ Аксютин Ю.В. Указ. соч. Цит. С. 20; Сойников А.А. Указ. соч. С. 22.

³⁰ Горлов В.Н. Жилищное строительство в Москве как социокультурная проблема (1953–1991 гг.): дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2005. С. 4.

ма, разложение феодализма, зарождение и развитие буржуазных отношений, генезис капитализма³¹ и т.д. — то есть фактически сохранился формационный подход к истории. Однако к 2015 г. «феодальная» терминология исчезает из диссертационных исследований по данному периоду.

В поисках макроисторической теории

Отказ от марксистско-ленинской методологии поставил историков перед несколькими взаимосвязанными проблемами. Одна из них — поиск новой макроисторической теории, которая могла бы стать концептуальной основой конкретно-исторических исследований. Другая — поиск новых подходов к задачам и проблематике исторических исследований, к их источникам и методам.

Одним из возможных способов преодоления методологического кризиса было обращение к опыту дореволюционной отечественной науки: например, к концепции истории России как истории колонизации, разработанной С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским³², или к теоретическому наследию представителей «консервативного либерализма» — Б.Н. Чичерина, П.Б. Струве, С.Л. Франка³³. Но прежде всего на роль новой макроисторической теории, глобальной «объяснительной стратегии» в 1990–2000-е гг. претендовали концепция тоталитаризма, цивилизационный подход, а также теория модернизации.

Концепция тоталитаризма была с энтузиазмом воспринята на рубеже 1980–1990-х гг. не только отечественной исторической наукой, но и — прежде всего — общественной мыслью, публици-

³¹ Гришкина М.В. Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Ижевск, 1995; Иванов А.Г. Социально-экономическое развитие деревни и города Марийского края в XVIII веке: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 1995; Бзаров Р.С. Социальная структура осетинских обществ в XVIII — первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Владикавказ, 2000; Тарасова В.Н. Высшая инженерная школа России: Последняя четверть XVIII в. – 1917 г.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2000.

³² Дубман Э.Л. Промышленное предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI–XVII вв.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Самара, 2000. С. 7.

³³ Коваленко Н.А. Указ. соч. С. 27–28.

стикой; в ней видели ключ к пониманию истории нашей страны в XX в. Эта тенденция проявилась и в квалификационных работах: например, в двух диссертациях 1995 г. советский социально-политический строй характеризуется как *тоталитарный*. Автор поясняет, что имеет в виду «закрытое общество, где господствует террористическая политическая структура, сформированная на основе однопартийной системы и абсолютной концентрации власти в руках ее лидеров», а также наличествует «экономическая автаркия при жесткой регламентации экономики и существенной доле внеэкономических форм принуждения»³⁴. В другой работе констатируется «сходство режимов Сталина и Гитлера, обусловленное их тоталитарным характером»³⁵. Характеристика советского строя как тоталитарного распространялась не только на годы сталинского режима, но на весь советский период отечественной истории.

Однако уже в 2000 г. концепция тоталитаризма (упоминавшаяся в 5 из рассмотренных работ) стала восприниматься более критично. Так, один из диссертантов указывает, что это понятие, заимствованное из западной политологии, до сих пор использовалось «не всегда к месту, часто недостаточно обоснованно». Из «теоретически выверенного его понимания как системы всеохватывающего и перманентного террора» следует, что это определение не может применяться, например, к периоду «оттепели»³⁶. Другой историк, Е.Ю. Зубкова, солидаризируется с теми представителями «ревизионистского» направления в историографии (Ш. Фицпатрик, Н.Б. Лебиной), которые считают, что «изучение советской действительности сквозь призму повседневности... показывает несостоятельность упрощенной модели советского общества как общества тоталитарного»³⁷. Разделяя предложенную рядом историков характеристику советского общества как «мобилизационного», она подчеркивает, что не только власть «подчиняла все ресурсы — экономические, политические, человеческие и т.д. — решению поставленных задач», но и общество обладало «собственным мобилизационным потенциалом, который в чрезвычайных

³⁴ Валиуллин К.Б. Указ. соч. С. 4.

³⁵ Исаев В.И. Указ. соч. С. 6.

³⁶ Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 8.

³⁷ Зубкова Е.Ю. Общественные настроения в послевоенной России, 1945–1953 гг.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2000. С. 25.

обстоятельствах выполнял функцию самосохранения»; общество, таким образом, выступало и как объект, и как субъект мобилизационной политики, что способствовало формированию «негласного договора» между властью и народом³⁸.

С 2000 г. оценка исторической роли тоталитаризма стала вызывать споры: тоталитарная система могла характеризоваться как «тупиковое направление развития человеческой цивилизации»³⁹ — или же, напротив, «как институт, сумевший мобилизовать общество на решение задач модернизации», то есть объективно выполнивший прогрессивную историческую задачу, хотя за ее реализацию и пришлось заплатить высокую «социальную цену»⁴⁰.

В 2005 г. концепция тоталитаризма упоминалась в 3 работах, ее применение увязывалось со стремлением адекватно отразить специфику советского варианта модернизации или же с указанием на необходимость преодоления идеологизированных представлений советской науки о конкретных событиях или явлениях. После 2005 г. упоминаний концепции тоталитаризма выявить не удалось; на смену ей в какой-то мере пришла концепция «мобилизационной экономики»⁴¹.

Высокой степени популярности достигла в изучаемый период *теория модернизации*. В 2000 г. она была заявлена как методологическая основа 7 работ, в 2005 г. — также 7 работ, в 2010 г. и в 2015 гг. на «модернизационный подход» опирались по 4 диссертанта соответственно, что в сумме составляет 22 работы — 20% диссертаций из всей рассмотренной выборки.

Модернизация в работах по отечественной истории понимается в широком смысле, как «процесс перехода от традиционного общества к современному»⁴². Или в более узком, как «переход от

³⁸ Там же. С. 451, 459-460.

³⁹ Зайнетдинов Ш.Р. Указ. соч. С. 22.

⁴⁰ Малыхин К.Г. Русское зарубежье 20–30-х годов. Оценка большевистской модернизации: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2000. С. 8, 18.

⁴¹ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции: 1914–1922 гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2015. С. 9.

⁴² Гриценко Н.Ф. Официальная доктрина внутривластного курса России конца XIX века: Политические и духовные аспекты внутренней политики: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2000. С. 9.

традиционного аграрного к индустриальному обществу»⁴³. В первом значении термин «модернизация» используется в работах по отечественной истории XVII – начала XX вв.; второе значение, как правило, применяется в работах, посвященных периоду 1920–1930-х гг. В силу этого продуктивным представляется дебатлируемое в одной из диссертаций разграничение между *модернизацией* («созданием современного индустриального и урбанизированного общества») и *модерностью* («высоко нормативным социальным дискурсом», связанным с господством секулярных форм политической власти и мировоззрения, с попытками создать рациональный социальный порядок)⁴⁴.

В нескольких работах, выполненных по российской истории XVII – начала XX вв., предметом дискуссий является правомерность отождествления модернизации с *европеизацией* (*вестернизацией*)⁴⁵. Так, А.В. Апанасенок в работе, посвященной старообрядческим сообществам второй половины XVII – начала XX вв., интерпретирует «догоняющую модернизацию» в России как европеизацию. В русле этого подхода старообрядчество характеризуется как «консервативный полюс оппозиции патриархального общества догоняющей (“принудительной”) модернизации», попытка сохранить традиционную русскую религиозно-культурную идентичность в условиях европеизации и секуляризации общества⁴⁶. Напротив, Н.В. Коршунова уточняет, что «модернизацию не следует рассматривать как один из типов догоняющего развития или

⁴³ Лабузов В.А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ: 1917–1930 гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2005. С. 7; Мамсинов Х.Б. Большевицкая модернизация культурной сферы народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в 20-е годы XX века: на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Нальчик, 2005. С. 17.

⁴⁴ Мамсинов Х.Б. Указ. соч. С. 17–21.

⁴⁵ Скоробогатов А.В. Политические взгляды Павла I: Становление, эволюция, реализация: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2005. С. 3–4.

⁴⁶ Апанасенок А.В. Формирование и функционирование старообрядческих сообществ Центрально-Черноземного региона России: последняя треть XVII — начало XX века: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Курск, 2010. С.13, 54

“вестернизацию”», и что этот процесс «носил скорее характер “проникновения”, диффузии, а не слепого копирования»⁴⁷.

Тем не менее, можно уже назвать общепринятыми в отечественной науке утверждения, что «модернизация в России (СССР) носила догоняющий характер», и что «зачинателем инноваций выступала центральная власть»⁴⁸. Как правило, диссертанты отмечают противоречивый, амбивалентный характер российской модернизации, фокусируя внимание на ее издержках и побочных эффектах⁴⁹. В частности, политический терроризм в России второй половины XIX – начала XX вв. интерпретируется как следствие «модернизационных и экономических причин, которые порождали социальный антагонизм и вызывали рост агрессивных реакций в определенных слоях населения» (прежде всего у разночинной интеллигенции, крестьянства и пролетариата)⁵⁰.

В последние годы концепция модернизации стала применяться к изучению тех явлений российской истории, в интерпретации которых дольше всего удерживала свои позиции марксистская формационная схема. Так, В.Я. Мауль в работе о Пугачевском восстании отказывается следовать и традициям марксистской историографии, признававшей классовую борьбу демиургом исторического развития, и хрестоматийной оценке русского бунта как «бессмысленного и беспощадного», прочно укоренившейся в современном научном и общественном дискурсе⁵¹. Цель его работы состоит именно в том, чтобы обнаружить «смысл» бунта, подойдя

⁴⁷ *Коришунова Н.В.* Проекты реформ в России второй половины XVIII – первой четверти XIX в.: замысел и механизмы реализации: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Челябинск, 2010. С. 11.

⁴⁸ *Долголюк А.А.* Указ. соч. С. 9-10; *Иерусалимская С.Ю.* Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2015. С. 5.

⁴⁹ *Дорофеев М.В.* Развитие крестьянского землепользования в Западной Сибири во второй половине XIX века: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Томск, 2010. С. 30; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2010. С. 7.

⁵⁰ *Квасов О.Н.* Указ. соч. С. 10.

⁵¹ *Мауль В.Я.* Социокультурное пространство русского бунта: По материалам Пугачевского восстания: автореф. Дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Томск, 2005. С. 3.

к нему как к социокультурному явлению. Прочитывая «тексты поведения» участников восстания сквозь призму бахтинской концепции народной смеховой культуры, историк предлагает новаторскую концепцию русского бунта: он предстает как «народная альтернатива проводимой “сверху” модернизации», как попытка восставших создать собственное «праведное» царство в противовес «перевернутому», «изнаночному» миру господ⁵². В свою очередь, Д.А. Ляпин, изучая восстания на Юге России в середине XVII в., воспринимает эти события не как проявления классовой борьбы или социального протеста, а как реакцию служилых людей на «военную модернизацию», т.е. «на новшества в плане организации службы и внутрислужебных отношений», противоречившие патерналистской культуре местного общества⁵³. В этих случаях, как и в работе о политическом терроре, в исследование протеста включается социокультурное измерение, и тем самым разрушаются перегородки между экономическим, социальным, политическим, культурным уровнями исторической реальности.

Концепция модернизации позволила в некоторых случаях отойти от привычного для советской историографии восприятия 1917 г. как важнейшей исторической вехи. Все чаще «временной отрезок от рубежа XIX–XX веков и до конца 30-х годов» предстает как «единый, органически целостный этап развития страны», основным содержанием которого стала «догоняющая» модернизация⁵⁴. Любопытно цитируемое в одной из диссертаций высказывание, что коммунистическая доктрина была «духовной оболочкой объективного процесса, смысл которого заключается в ключевом понятии — модернизация»⁵⁵. При таком подходе важнейшим переломным событием в истории нашей страны предстает уже не революция 1917 года, а, например, коллективизация как «центральное событие отечественной истории XX столетия, россий-

⁵² Там же. С. 29-37, 39.

⁵³ Ляпин Д.А. Социально-политическая борьба на юге России в середине XVII в.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Елец, 2015. С. 12, 42.

⁵⁴ Зайнетдинов Ш.Р. Указ. соч. С. 6; Иголкин А.А. Нефтяная промышленность России — СССР в 1917–1928 гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2000. С. 3-4.

⁵⁵ Надеждина В.А. Государственная социальная политика на Южном Урале в годы НЭПа: 1921–1929 гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. СПб., 2005. С. 3.

ский вариант модернизации аграрно-крестьянского общества»⁵⁶. Большеви́стская социально-экономическая и культурная политика 1920–1930-х гг. анализируется в диссертационных исследованиях как специфический советский вариант модернизации: «модернизационный эксперимент», «авторитарно-бюрократическая модернизация» или же «сверхнеорганичный вариант неорганичной модернизации» (применительно к политике коллективизации)⁵⁷.

Таким образом, можно согласиться с мнением одного из диссертантов, что «в последние годы теория модернизации оказалась той исследовательской системой, которую взяли за основу для своих изысканий большинство российских ученых»⁵⁸.

Параллельно с теорией модернизации с середины 1990-х гг. в исследованиях по отечественной истории утверждался *цивилизационный подход*. В 1995 г. он упоминался в 2 из рассмотренных работ; в 2000 г. был заявлен в качестве методологической основы в 2 исследованиях; в 2005 г. — в 4 работах; в 2010 г. — в 2 диссертациях; наконец, в 2015 г. — в одной диссертации (в целом — 10% анализируемой выборки). Применение этого подхода изначально было связано со стремлением обосновать специфику отечественной истории, уникальность «судьбы России». В работах разных лет звучит убеждение, что Россия «геополитически расположена между двумя центрами цивилизационного влияния — Западом и Востоком» и «не относится ни к одному из типов цивилизаций в чистом виде»; что «Россию можно рассматривать в качестве отдельной цивилизации, основополагающей характеристикой которой является противоборство “восточного” (традиционалистского) и “западного” (модернистского) начал»⁵⁹. Поэтому применение цивилизационного подхода обосновывается необходимостью «сохранения национальной идентичности» в условиях глобализации⁶⁰.

⁵⁶ Бабашкин В.В. Закономерности и особенности российской модернизации в 1902–1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Тамбов, 2010. С. 6.

⁵⁷ Надеждина В.А. Указ. соч. С. 39, 43; Лабузов В.А. Указ. соч. С. 16.

⁵⁸ Малыхин К.Г. Указ. соч. С. 4.

⁵⁹ Валиуллин К.Б. Указ. соч. С. 14–15; Касимов С.Ф. Образование национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 1995. С. 5; Апанасенко А.В. Указ. соч. С. 13, 54.

⁶⁰ Апанасенко А.В. Указ. соч. С. 5.

В конкретных работах цивилизационный подход интерпретируется по-разному. С точки зрения одного диссертанта, этот подход предполагает восприятие мировой культуры как совокупности локально-исторических цивилизаций: «системы, состоящей из ряда культур, каждая из которых развивается в своем темпе»⁶¹. В другой работе под ним понимается «социокультурная модель исторического объяснения, отрицающая априорную иерархию материальных и идеальных факторов человеческой жизни» и базирующаяся «одновременно на двух эвристических основаниях: классическом (гносеологическом) и жизненном (культуралистском)»⁶².

В центре диссертаций, выполненных с позиций цивилизационного подхода, может находиться судьба какого-либо этнокультурного или конфессионального сообщества, воспринимаемого авторами как оплот традиционных ценностей, но переживающего сложную внутреннюю трансформацию под воздействием «вызовов» окружающего мира. Примером могут служить диссертации о старообрядческих сообществах Центрального Черноземья в последней трети XVII – начале XX вв. и о духовной жизни кубанского казачества конца XVIII–XX вв.⁶³.

Любопытна работа Е.Л. Сараевой, где предпринята попытка переосмысления и актуализации идей «классического западничества 1840-х гг.» на базе цивилизационного подхода. В этой диссертации «идея вариативности развития народов» воспринимается как «свидетельство использования западниками цивилизационного подхода, становление которого шло в научной мысли Запада с конца XVIII века»⁶⁴. Здесь цивилизационный подход предполагает утверждение социокультурного своеобразия России, но это своеобразие связывается не с ценностями патриархального общества, а с идеей социального прогресса.

Было бы соблазнительно истолковать соперничество цивилизационного и модернизационного подходов в диссертационных ис-

⁶¹ Чурсина В.И. Духовная жизнь славянского населения Кубани конца XVIII–XX вв.: динамика и традиции народной культуры: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2005. С. 24–25.

⁶² Поршнев О.С. Указ. соч. С. 12–13.

⁶³ Апанасенок А.В. Указ. соч.; Чурсина В.И. Указ. соч.

⁶⁴ Сараева Е.Л. Классическое западничество: концепция цивилизационного развития России в Новое время: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Иваново, 2010. С. 23.

следованиях как новый вариант «великого спора» славянофилов и западников. Действительно, приверженцы цивилизационного подхода связывают его с признанием позитивных ценностей самобытности и оригинальности культуры, тогда как сторонники теории модернизации акцентируют внимание на всемирно-историческом характере перехода от аграрного общества к индустриальному. На практике оба эти подхода оказываются совместимы друг с другом на страницах одних и тех же исследований, причем не только в теоретическом, но и в ценностном плане: апологетика цивилизационной специфики России сочетается с признанием амбивалентного и драматичного характера российской модернизации.

Весьма популярны на рубеже XX–XXI вв. в отечественной историографии были высказывания о возможности и необходимости синтеза формационного и цивилизационного подходов; что отразилось и в диссертационной культуре⁶⁵. Так, уже в 1995 г. одна из диссертантов, М.В. Гришкина, предприняла попытку соединить формационный подход с принципами «англо-саксонской школы крестьяноведения» (восприятием крестьянства как особого антропологического типа) и традициями дореволюционной отечественной науки — представлениями о процессе колонизации как характерной особенности российской истории, обусловившей своеобразие «крепостнической модели» и определившей экстенсивный путь развития экономики⁶⁶.

Исследовательские традиции крестьяноведения (международного научного направления, возникшего в 1970-е гг. в трудах британского социолога Т. Шанина и пришедшего в советскую науку к началу 1980-х на волне «нового направления»⁶⁷) выступают в качестве методологической основы одной диссертации 2005 г. и двух — 2010 г. Крестьяноведение предстает в этих работах как

⁶⁵ *Чуприна В.И.* Интеллигенция и власть: исторический опыт взаимодействия в середине 50-х – начале 90-х годов XX века: На материале Северо-Кавказского региона: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2000. С. 13; *Сахаров В.А.* Борьба за лидерство в РКП(б) – ВКП(б) и «Политическое завещание» В.И.Ленина: 1921–1929: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2005. С. 49.

⁶⁶ *Гришкина М.В.* Указ. соч. С. 3, 17, 22, 28.

⁶⁷ См.: Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанина / Под ред. А.В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992.

разновидность цивилизационного или «социокультурного» подходов, в соответствии с которыми «крестьянский мир» интерпретируется как «саморегулирующаяся социокультурная система»⁶⁸.

Диссертации, выполненные в русле крестьяноведения, представляют собой интересный пример совмещения классических и новаторских методологических подходов, отечественных и зарубежных научных традиций. «Базовые положения теории колонизации», выдвинутые классиками отечественной исторической науки С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским, объединяются с теорией фронта, предложенной американским историком XIX в. Ф.Тернером. Подчеркивается историческая преемственность между современным крестьяноведением, лидером которого является Т. Шанин, и наследием «разгромленной в СССР “неонароднической” школы А.В. Чаянова»⁶⁹. Используются идеи В.П. Данилова о «крестьянской революции в России 1902–1922 гг.» и «концепция циклической мобильности российского крестьянства», разработанная Т. Шаниным и Б.Н. Мироновым⁷⁰. В диссертации И.Е. Козновой традиции школы крестьяноведения объединяются с новаторской исследовательской проблематикой — изучением исторической памяти. Смысловым стержнем ее работы являются две взаимосвязанные проблемы: трагические переломы в жизни российского крестьянства в XX в. («превращение крестьянина в некрестьянина») и отражение этих переломов в исторической памяти, которая трактуется как единство символического образа прошлого и социальных практик его трансляции⁷¹.

Наконец, осознанно выбранной позицией исследователя может стать и отказ следовать какой-либо макроисторической теории. Примечательна в этом отношении работа Д.М. Володихина, посвященная, по словам автора, «максимально точному описанию единичного объекта — высшего командного состава российской армии середины XVI столетия»⁷². «Данный единичный объект, — пишет

⁶⁸ Дорофеев М.В. Указ. соч. С. 20.

⁶⁹ Там же. С. 12–13.

⁷⁰ Бабашкин В.В. Указ. соч. С. 5–6.

⁷¹ Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Самара, 2005. С. 5, 66–83.

⁷² Володихин Д.М. Социальный состав высшего командования вооруженных сил России в 1530–1570-е гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2010. С. 6–7.

исследователь, — рассматривается в связи с общим состоянием социально-политического устройства Московского государства данного периода... Однако какая-либо связь его с глобальными эпистемологическими конструкциями, как то: формация, цивилизация или крупный социальный организм в рамках “периода большой длительности” — была сознательно исключена из исследования⁷³. Тем не менее, сам выбор данной исследовательской позиции Д.М. Володихин соотносит с «неокантианскими методологическими традициями», специально оговариваясь, что особое влияние на него оказали теоретико-философские взгляды А.С. Лаппо-Данилевского⁷⁴.

Новые научные направления

Во многих диссертациях методология исследования характеризуется через указание того научного направления или научной школы, в русле которых выполнена работа. Так, в 1995 г. один из диссертантов, определяя предмет своего исследования («быт рабочих Сибири в условиях индустриализации»), ссылаясь на традиции изучения истории быта и частной жизни в русле школы «Анналов» — и с сожалением констатировал, что «российские историки здесь существенно отстают» в силу «методологической инертности». Необходимо «от уровня класса перейти на уровень личности, но такой подход был непривычен для советских историков»⁷⁵. Эти размышления интересны «двадцать лет спустя» именно потому, что здесь был намечен один из реализованных впоследствии векторов дальнейшего развития науки: «от уровня класса — на уровень личности».

В дальнейшем опыт школы «Анналов» оказался широко востребованным при изучении отечественной истории. Приметой времени можно считать проявившийся уже в 2000 г. взрывной интерес исследователей к изучению *менталитета* и *ментальности*: «специфической социокультурной ментальности российских военных эмигрантов... 1920–40-х гг.»⁷⁶; «ментальных структур», свойственных российскому купечеству XVIII – начала XX в.⁷⁷; «нацио-

⁷³ Там же. С. 7.

⁷⁴ Там же. С. 6.

⁷⁵ *Исаев В.И.* Указ. соч. С. 5–6, 9.

⁷⁶ *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг.: Организации, идеология, экстремизм: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2000. С. 38.

⁷⁷ *Брянцев М.В.* Указ. соч. С. 23–25, 33.

нального менталитета» в целом⁷⁸. Подходы, характерные для исторической антропологии, соотносятся также с «понимающей» историей и «понимающей» социологией, объединяются с философией диалога и концепцией смеховой культуры М.М. Бахтина, с семиотикой тартуской школы⁷⁹.

С 2000 г. среди тех методологических течений и направлений, на которые опираются диссертанты, выделяется *социальная история*; ряд авторов называют ее «одним из ведущих», «одним из наиболее перспективных направлений» в современной исторической науке⁸⁰. В качестве отличительной особенности этого направления постулируется «синтез структурного и социокультурного подходов»; речь, следовательно, идет скорее о социокультурной или «новой социальной» истории, а не о социальной истории в классическом понимании этого термина⁸¹. Характерно, что указанные работы посвящены изучению «общественных настроений», «менталитета» и «социального поведения» широких слоев российского или советского общества на разных исторических этапах; здесь историко-антропологическая проблематика смыкается с социокультурной.

Подходы социокультурной истории оказались востребованными при изучении самой разнообразной проблематики. Так, выше уже была охарактеризована социокультурная трактовка Пугачевщины, предложенная в работе В.Я. Мауля. В свою очередь, в работе В.Н. Горлова в социокультурном ракурсе рассматривается, казалось бы, узконаправленная тема — массовое жилищное строительство в послевоенном советском городе, ставшее возможным благодаря изменениям строительных технологий и вызвавшее, в свою очередь, кардинальные изменения образа жизни горожан. Коммунальная квартира и «московский двор», «экономичные квартиры» и «спальные микрорайоны» трактуются в работе не только как типы пространственной организации жизни, но и как особые социальные ин-

⁷⁸ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 4, 11-12.

⁷⁹ Кознова И.Е. Указ. соч. С. 12; Чурсина В.И. Указ. соч. С. 23, 26-27; Мауль В.Я. Указ. соч. С. 14.

⁸⁰ Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 20; Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С.17; Поршнева О.С. Указ. соч. С. 4.

⁸¹ Л.Ю.Зубкова интерпретирует этот синтез как примету «новой социальной истории», а О.С. Поршнева высказывает мнение, что на смену «новой социальной истории» уже идет «новейшая». — Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 17-18; Поршнева О.С. Указ. соч. С. 11.

ституты, где через множество повседневных практик формировался и воспроизводился определенный образ жизни, тип социальных взаимоотношений, «социокультурная почва» и система ценностей⁸².

Новая культурная история как исследовательское направление анонсирована только в одной из рассмотренных диссертаций, которая посвящена взаимоотношениям советской власти и художественной интеллигенции в 1964–1985 гг. Автор, Е.М. Раскатова, указывает, что стремилась к сочетанию традиционных исторических методов (системного, структурно-типологического, институционального, компаративного и др.) с «некоторыми методологическими подходами “новой культурной истории”, подразумевающими использование актуальных исследовательских методик “устной истории”, реконструкции культуры повседневности, лингвокультурологии и др.»⁸³. Диссертант исходит из постулата Г.С. Кнабе об «обязательном двуединстве культуры» — то есть о сознательном допущении властью сосуществования наряду с официальной культурой культуры неофициальной, контркультуры; для интерпретации двуединства этих культур применяется также концепция «карнавализации», разработанная М.М. Бахтиным⁸⁴. Лингво-культурологический анализ применяется для анализа самоидентификации художественной интеллигенции в этом культурном пространстве, ее «внутренней дифференциации» по отношению к официальной культуре и «советскому андеграунду».

Облик социальной истории как научного направления постоянно изменяется, гибко реагируя на новые тенденции. Так, целый ряд работ, защищенных в 2015 г., представляет собой просопографические исследования. В них ставится проблема реконструкции облика небольших социальных групп, членов которых иногда можно в буквальном смысле слова пересчитать с точностью до единицы. Например, дьяков и подьячих в Московском государстве XIV–XVI вв.; «служилых иноземцев», выходцев из Западной Европы на русской военной службе в XVI – начале XVII вв.; городского духовенства Тверской епархии XVIII в.⁸⁵. Диссертанты дают многоаспект-

⁸² Горлов В.Н. Указ. соч. С.449- 458.

⁸³ Раскатова Е.М. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964–1985 гг.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2010. С. 26.

⁸⁴ Раскатова Е.М. Указ. соч. С. 70.

⁸⁵ Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: происхождение и социальные связи: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Орел,

ную характеристику этих групп, определяя их численность на разных исторических этапах, выявляя социальное происхождение их членов, структуру родовых и матримониальных связей, факторы карьерного роста, размеры доходов и наличие собственности, что позволяет реконструировать типичные биографические траектории представителей малых социальных групп. Все авторы подобных работ, как правило, указывают на трудности, которые им приходилось преодолевать в процессе исследования — недостаток систематизированной однотипной информации, которую необходимо было буквально по крупицам выискивать в разноплановых источниках. Поэтому эти работы отличаются подробными и интересными источниковедческими обзорами, где указывается степень сохранности и информационная ценность каждого вида источников, характеризуются методы, с помощью которых удается отыскивать и воссоздавать, казалось бы, навсегда потерянную информацию⁸⁶.

Целый ряд работ 2015 г. посвящен сообществам людей, вырванных из привычных условий существования и вынужденных устраивать свою жизнь «с чистого листа» на новом месте, адаптируясь, порой, к экстремальным условиям: это могут быть беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России, поляки или — шире — католики в Сибири в XIX – начале XX вв., российские эмигранты в Маньчжурии 1920–1960-х гг.⁸⁷ При изучении таких групп применяются подходы, связанные с исторической антропо-

2015; Скобелкин О.В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Воронеж, 2015; Матисон А.В. Городское духовенство России XVIII в.: историко-генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2015.

⁸⁶ Скобелкин О.В. Указ. соч. С. 19-21; Савосичев А.Ю. Указ. соч. С. 6.

⁸⁷ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг.: по материалам центральных губерний Европейской России: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Брянск, 2015; Недзельюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь: 1830-1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2015; Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2015; Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии: 1920-е – 1950-е гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. СПб., 2015; Суржикова Н.В. Указ. соч.

логии: «акцент на истории людей, как действующих лиц исторического процесса», история ментальностей, методы военной антропологии и т.д.⁸⁸. В то же время на постановку и решение исследовательских проблем в указанных работах оказал влияние прагматический поворот в исторической науке: обращение к изучению *социальных практик* в контексте той социальной среды, которая задает рамки для человеческой деятельности, но и сама претерпевает изменения в результате этих действий⁸⁹.

Смысловым стержнем этих работ является изучение взаимосвязи между *картинами мира*, существовавшими в сознании людей, и их повседневным поведением, сетью взаимодействий с социокультурной средой. Так, в работе Т.Г. Недзелюк реконструируется история того, как сообщество католиков Сибири, поколение за поколением, изменялось под влиянием новых условий жизни; рассматривается актуализация конфессиональных ценностей в условиях инокультурного окружения, способы сохранения и трансляции национальной идентичности, специфика методов ведения хозяйства, гендерных стереотипов и т.д.⁹⁰. В центре работы Н.В. Суржиковой находится «комплекс формальных и неформальных социальных практик» взаимодействия военнопленных и «принимающего сообщества» в русской провинции 1914–1922 гг. Это применение принудительного труда военнопленных, их внутригрупповая коммуникация, поиски источников пропитания, близкие отношения с местными жительницами, обоюдные стереотипы и слухи, политико-идеологические манипуляции в отношении пленных со стороны «красных» и «белых» властей и т.д.⁹¹. В работе о российской эмиграции в Маньчжурии внимание исследователя сосредоточено на уникальной социокультурной ситуации: «к середине 1920-х гг. русское население Маньчжурии разделилось на советскую и эмигрантскую колонии, которые вынуждены были до начала 1960-х гг. уживаться вместе»⁹². Это дало возможность изучить стратегии поведения людей, механизмы социальной мимик-

⁸⁸ Недзелюк Т.Г. Указ. соч. С. 13; Белова И.Б. Указ. соч. С.8; Кротова М.В. Указ. соч. С. 17; Суржикова Н.В. Указ. соч. С. 3.

⁸⁹ Репина Л.П. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня... С. 11-13.

⁹⁰ Недзелюк Т.Г. Указ. соч.

⁹¹ Суржикова Н.В. Указ. соч.

⁹² Кротова М.В. Указ. соч. С. 3.

рии (выбор того или иного гражданства напрямую влиял на «поведение, привычки, формы досуга, иногда внешний вид»), реконструировать повседневные практики «не только противостояния... но и, что представляется более важным, взаимодействия и взаимовлияния двух лагерей», — а значит, в конечном итоге, пересмотреть сложившиеся стереотипы о «красных» и «белых»⁹³.

В диссертациях отразился еще один методологический поворот недавнего времени — обращение к изучению исторической памяти. Так, работа С.Е. Эрлиха — редкий для современной диссертационной культуры пример исследования, выполненного в постмодернистском ключе: предметом исследования здесь является не само восстание декабристов, а представления о нем, «мифы исторической памяти», сложившиеся в общественном сознании России вокруг этого события. Его работа опирается на концептуально-теоретические подходы к изучению исторической памяти, разработанные такими корифеями *memory studies*, как П. Нора, Я. Ассман и А. Ассман. Поскольку диссертант исходит из того, что в основе исторической памяти лежат мифологические структуры сознания, применяются также теории мифа, созданные М. Элиаде, Вяч. Вс. Ивановым, Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским, В.Я. Проппом⁹⁴. Исследователь исходит из гипотезы, что именно «декабристский миф» (миф о сознательном самопожертвовании представителей элиты ради блага народа) является ключевой структурой идентичности российской интеллигенции; поэтому, с точки зрения диссертанта, деконструкция этого мифа в наши дни свидетельствует о глубоком кризисе идентичности данной социальной группы.

Таким образом, одной из ключевых тенденций современной диссертационной культуры можно признать обращение к изучению истории разнообразных социальных групп (в том числе малых или маргинальных) в русле исторической антропологии, «новой социальной истории», «прагматического поворота» и изучения исторической памяти. Любопытно, что эти направления и школы становятся популярными на фоне явного падения интереса к макроисторическим концепциям.

Это повлекло за собой существенные методологические новации в подходах к отбору и анализу источников исследования, к

⁹³ Кротова М.В. Указ. соч. С. 3, 17, 35.

⁹⁴ Эрлих С.Е. Указ. соч. С. 6-7.

оценке их познавательных возможностей. Перед каждым из историков, обратившихся к изучению менталитета, настроений, практик поведения или исторической памяти больших и малых социальных групп, встает вопрос о том, какие источники позволяют реконструировать содержание сознания и мотивировку действий «рядовых», «простых» людей, которые, как правило, не вели дневников и не оставляли мемуаров.

Для решения этих задач исследователи обращаются к таким источникам, как личные письма (ставшие достоянием историка, например, «благодаря» институтам цензуры и перлюстрации), специфический жанр «писем во власть» (коллективных и личных жалоб, обращений, требований), а также отчеты и сводки о политических настроениях, составлявшиеся, в зависимости от эпохи, полицией и жандармерией, партийными органами или структурами государственной безопасности⁹⁵. При возможности, в силу хронологической близости изучаемого периода к современности, применяются также методы «устной истории»⁹⁶. Появился и опыт использования публикаций в сети Интернет в качестве источников: в условиях современной информационной цивилизации Интернет является одним из «окон», позволяющих заглянуть в глубины общественного сознания наших современников⁹⁷.

Важно, что историки в таких случаях отказываются безоговорочно считать официальные документы «более объективными», а источники личного происхождения — менее ценными в силу своей «субъективности». С одной стороны, исследователи справедливо указывают на однобокость и возможную предвзятость информации в официальных сводках (в особенности применительно к советскому периоду)⁹⁸. С другой стороны, приходит осознание, что для историка представляет интерес не только фактическая информация, но также восприятие и оценка тех или иных событий, преломленные через своеобразное видение мира⁹⁹. Это можно считать радикальным новшеством по сравнению с шаблонной иерархией

⁹⁵ Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 56-59; Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 43, 45-46; Поршнев О.С. Указ. соч. С. 59-66; Кознова И.Е. Указ. соч. С. 67, 71-75.

⁹⁶ Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 19; Кознова И.Е. Указ. соч. С. 66-67, 78-80; Недзельок Т.Г. Указ. соч. С. 12.

⁹⁷ Эрлих С.Е. Указ. соч. С. 15-16.

⁹⁸ Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 54-63; Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 42-58.

⁹⁹ Кознова И.Е. Указ. соч. С. 9, 13-14; Недзельок Т.Г. Указ. соч. С. 14.

источников «по степени достоверности», преобладавшей в советской историографии.

Принципы, подходы и методы

Как уже было отмечено выше, во многих случаях тексты диссертаций отражают не только исследовательские предпочтения конкретного соискателя, но также стандарты и нормативы диссертационной культуры. Это самым наглядным образом проявляется при сопоставлении текстов теоретико-методологических разделов диссертационных исследований изучаемого периода, где обычно приводится перечень принципов, подходов и методов исследования. Проведенный контент-анализ текстов диссертаций и авторефератов позволил выявить в динамике наиболее часто упоминаемые подходы, принципы и методы исследования; в свою очередь, семантический анализ дал возможность увидеть, какое содержание вкладывают диссертанты в те или иные термины.

В 1995 г. «выявление исторической правды» связывалось в восприятии диссертантов с «возвращением к важнейшим методологическим принципам исторического исследования — объективности и историзму»¹⁰⁰. В последующие годы именно эти два принципа чаще всего указывались в теоретико-методологических разделах диссертаций, неизменно входя в «первую тройку» по количеству упоминаний. Так, в 1995 г. *историзм* был заявлен в качестве ключевого методологического принципа в 6 диссертациях из рассмотренной совокупности, *объективность* — в 4 работах. В 2000 г. принцип *историзма* был заявлен в качестве методологической основы в 12 диссертациях, принцип *объективности* — в 10. В 2005 году на принцип *историзма* ссылались в своих работах 24 диссертанта, на принцип *объективности* — 18. В 2010 г. принцип *историзма* упоминался в 20 работах, а принцип *объективности* — в 19. Наконец, в 2015 г. каждый из этих двух принципов был упомянут в 14 работах.

При этом относительно содержания понятий *историзм* и *объективность* методологический консенсус отсутствует: у разных исследователей они интерпретируются совершенно в различном ключе. Например, *объективность* может трактоваться как «независимость исследователя от идеологических пристрастий», «исключение политизированных и идеологизированных оценок и вы-

¹⁰⁰ Курас Л.В. Указ. соч. С. 3.

водов»¹⁰¹, а также приравняться к беспристрастности: «сведение к минимуму исследовательских субъективных суждений и оценок», изучение чьих-либо идей и теорий «без намеренного их искажения или упрощения»¹⁰². Под *объективностью* также понимают стремление опираться на факты («непредвзятый научный анализ и систематизацию фактов»)¹⁰³. Она отождествляется и со *всесторонностью* исследования («всесторонним учетом исторических предпосылок и закономерностей», «всесторонним анализом и оценкой исторических фактов» и т.д.¹⁰⁴). В ряде случаев объективность соотносится с «благородной мечтой» о познании истории «как она происходила на самом деле»: в двух работах практически дословно повторяется формула «видение предмета исследования *максимально беспристрастно*, вне зависимости от идеологических и иных субъективных наслоений, содержащихся как в источниках, так и в оценочных суждениях историков», и «видение предмета исследования, *каким он существовал в реальности*, вне зависимости от субъективных наслоений, содержащихся в источниках, в оценочных суждениях политиков и историков»¹⁰⁵.

Не менее пестрая картина возникает, если обратиться к интерпретации принципа *историзма* в разных работах. Чаще всего

¹⁰¹ Кочешков Г.Н. Указ. соч. С.8, 16; Гриценко Н.Ф. Указ. соч. С. 9; Рыкун Г.Н. Восточноевропейское направление внешней политики Советского Союза в контексте решения «германского вопроса»: 1941-1961 гг.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2005. С. 36-37, Поздняков А.Н. Государство и общество в реформировании российского школьного образования: исторический опыт взаимоотношений в конце XIX – начале XXI вв.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Саратов, 2005. С. 32.

¹⁰² Иерусалимская С.Ю. Указ. соч. С. 23-24; Лёвин С.В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье: 1882–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Саратов, 2015. С. 5; Сафронов О.С. Проблемы эволюции общества и государства в идеологии русского анархизма: М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Тамбов, 2015. С. 8.

¹⁰³ Лёвин С.В. Указ. соч. С. 5.

¹⁰⁴ Пономаренко Б.Т. Указ. соч. С. 16; Кельнер В.Е. Указ. соч. С. 6; Сафронов О.С. Указ. соч. С. 18; Скобелкин О.В. Указ. соч. С. 7.

¹⁰⁵ Володина Н.А. Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917–1953 г.: на примере Среднего Поволжья: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2010. С. 58; Горлов В.Н. Указ. соч. С. 15. Курсив мой. — О. Л.

под этим принципом авторы диссертаций понимают рассмотрение изучаемых явлений «в процессе развития», «в динамике», «с точки зрения генезиса и развития», или «в конкретно-исторической обстановке», или «с учетом их взаимосвязи и взаимообусловленности»¹⁰⁶. *Историзм* представляется также как принцип, диктующий изучение объекта «в виде системы, обладающей внутренней структурой», «относительно целостной системы»¹⁰⁷. В целом ряде работ под *историзмом* понимают «признание объективной закономерности исторического процесса»¹⁰⁸. Но есть и примеры, когда, по контрасту, его отождествляют с «признанием многовариантности исторического процесса»¹⁰⁹. В ряде случаев грань между *историзмом* и *объективностью* неразличима: например, под *историзмом* могут понимать «приоритет фактов, документальных свидетельств», «отказ от политической заданности»¹¹⁰. Лишь в одной из диссертаций этот принцип интерпретируется как осознание временной дистанции между историком и изучаемым им феноменом: «учитывалась разница современного взгляда на терроризм и вековой давности представлений об этом феномене»¹¹¹.

В числе других методологических принципов в диссертационных исследованиях фигурирует принцип *научности* (1 упоминание в 1995 г., 2 упоминания — в 2000 г., 5 — в 2005 г.), а также

¹⁰⁶ Бзаров Р.С. Указ. соч. С. 12; Гриценко Н.Ф. Указ. соч. С. 9; Шульгина О.В. Административно-территориальное деление России в XX веке: Историко-географический аспект: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2005. С. 26; Лёвин С.В. Указ. соч. С. 5; Скобелкин О.В. Указ. соч. С. 7; Долголюк А.А. Указ. соч. С. 10; Сафронов О.С. Указ. соч. С. 17.

¹⁰⁷ Васильченко Э.А. Государственная политика по формированию, развитию и организации деятельности женского социума на Дальнем Востоке, 1860–1940 гг.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Иваново, 2000. С. 26; Богданов С.В. Хозяйственно-корыстная преступность в СССР 1945–1990 гг.: факторы воспроизводства, основные показатели, особенности государственного противодействия: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Курск, 2010. С. 5.

¹⁰⁸ Иголкин А.А. Указ. соч. С. 22; Лабузов В.А. Указ. соч. С. 8; Надеждина В.А. Указ. соч. С. 5.

¹⁰⁹ Олейник Т.В. Руководящие кадры российской экономики в условиях реформ 1985–1999 гг.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. М., 2010. С. 8.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Квасов О.Н. Указ. соч. С. 8.

принцип *комплексности* (всего выявлено 4 упоминания) и принцип *всесторонности* (3 упоминания).

Можно согласиться с мнением И.Д. Чечель о том, что с помощью понятий *историзм* и *объективность* формируется некий образ «идеальной научности»¹¹². Этот образ в докторских диссертациях российских историков рубежа веков близок к классической модели исторического исследования: историк предстает как нейтральный, бесстрастный наблюдатель, чья субъектность элиминирована из исторического исследования; исследование строится на фактах, которые могут быть «очищены» от субъективных наслоений; исследование может и должно стремиться к «всесторонности». При соблюдении этих условий историку становится доступно выявление системных взаимосвязей между изучаемыми явлениями и познание объективных закономерностей исторического процесса. Сам исторический процесс при этом понимается в детерминистском и телеологическом ключе. На этих более или менее явно декларируемых предпосылках строится эпистемология большинства диссертационных исследований.

Отступления от этой модели исследования пробивают себе дорогу в диссертационной культуре довольно медленно. Максималистская вера в возможность установления исторической правды постепенно уступает место более реалистичной позиции в отношении возможностей исторического познания. Так, Э.Л. Дубман, постулируя принцип объективности и познаваемости исторического процесса, предлагает «вместе с тем... учитывать относительность наших знаний, наличие субъективных факторов, как в самой исторической реальности, так и в познании ее»¹¹³. Д.М. Володихин утверждает, что, хотя «возможность абсолютного и полного познания генеральной совокупности фактов истории научными методами не представляется достижимой», пределы научного познания прошлого «постепенно отодвигаются — по мере поступательного развития теоретической базы науки, методик исследования, технической оснащенности исследователя, роста источниковой базы»; в силу этого диссертант базирует свое исследование на «утверждении о возможности познания исторического прошлого с помощью рациональных научных методов»¹¹⁴. Идея

¹¹² Чечель И.Д. Указ. соч. С. 81-82.

¹¹³ Дубман Э.Л. Указ. соч. С. 20.

¹¹⁴ Володихин Д.М. Указ. соч. С. 5.

относительности научных знаний сочетается у этих авторов с гносеологическим оптимизмом.

В некоторых случаях идеал беспристрастности исследователя отвергается в пользу аксиологии. Так, в диссертации о немцах Поволжья, защищенной в 1995 г., объективность отождествляется со способностью историка «описывать и оценивать происходившие явления и процессы с позиций общечеловеческих гуманистических и нравственных ценностей»¹¹⁵. В одной из работ декларируется *принцип ценностного подхода*, который «раскрывает пристрастное, субъективно-ценностное отношение историка к изучаемому явлению прошлого»; впрочем, автор этой работы не отказывается и от принципа *объективности*¹¹⁶.

Нетрадиционно трактуется *объективность* в исследовании В.Я. Мауля о Пугачевском бунте. Поставив цель «комплексного социокультурного изучения русского бунта не таким, каким “он собственно был”, но каким он разворачивался в умах людей», диссертант пишет о своем стремлении «выявить объективный смысл русского бунта, который составлялся из множества субъективных смыслов его участников и современников»¹¹⁷.

Усложняется и представление о правде. Так, в работе о социальной структуре осетинских обществ в XVIII – первой половине XIX в., где исследуется традиционная для советской науки проблема «генезиса феодализма», при анализе фольклорных памятников изучаемого периода используется понятие *синкретической правды*, предложенное известным филологом М.И. Стеблиным-Каменским¹¹⁸. *Синкретическая правда* занимает промежуточное положение между *исторической правдой* («точным сообщением о том, что было в действительности») — и *художественной правдой* (ярким и живым представлением о том, что могло бы быть). Эти две формы правды о прошлом, четко разделенные в сознании современного человека, в сознании людей традиционного общества

¹¹⁵ Герман А.А. Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Саратов, 1995. С. 26.

¹¹⁶ Скопа В.А. История статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Кемерово, 2015. С. 12.

¹¹⁷ Мауль В.Я. Указ. соч. С. 8, 12.

¹¹⁸ Бзаров Р.С. Указ. соч. С. 26-27.

сливаются воедино¹¹⁹. «Синкретическая правда, — утверждает диссертант, — не только не исключает, но предполагает неизбежное присутствие “скрытого” вымысла, возникающего произвольно, в ходе естественного бытования фольклора. Историческое предание — изначальная и естественная вербальная форма синкретической правды»¹²⁰.

Однако на основе упомянутых примеров трудно говорить о формировании новой исторической эпистемы: слишком разнородны в каждом из этих случаев трактовки задач и возможностей исторического исследования.

Интересны также примеры, когда исследователи пытаются противопоставить жесткому и однозначному детерминизму (скрытому телеологизму) представления об альтернативности исторического процесса. В одном случае исследовательский прием реконструкции «нереализованных альтернатив» применяется в диссертации, выполненной в русле классической исследовательской модели и посвященной истории экономики в ее отраслевом аспекте. Автор исследования о «нефтяной промышленности России-СССР в 1917–1928 гг.» отмечает, что «особенностью методологии является анализ нереализованных альтернатив энергетического развития»; он доказывает, что приоритет угля как энергоносителя над нефтью в советской экономике объяснялся «факторами, не связанными с экономической рациональностью», в частности, умелым лоббированием интересов угледобывающей отрасли¹²¹.

В другом случае принцип альтернативности исторического процесса реализуется в работе, написанной с учетом постмодернистских тенденций в исторической науке. А.И. Миллер в своей диссертации, посвященной «украинскому вопросу» в политике властей и общественном мнении Российской империи, трактует национализм как особый вид дискурса, ссылаясь при этом на исследования М. Фуко, Ж. Деррида и на сформулированную Б. Андерсоном концепцию нации как «воображенного сообщества»¹²². Миллер специально оговаривает, что отвергает и детерминизм, и

¹¹⁹ Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы / Отв. ред. Д.С.Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. С. 20-23.

¹²⁰ Бзаров Р.С. Указ. соч. С. 26-27.

¹²¹ Иголкин А.А. Указ. соч. С. 22.

¹²² Миллер А.И. Указ. соч. С. 19-23.

«трактовку исторически реализованного варианта событий как несчастливой, противоестественной случайности». Ключевые вопросы своего исследования он характеризует следующим образом: «В чем заключалась в XIX в. альтернатива исторически воплощенному сценарию, и почему эта альтернатива не была реализована?»¹²³. В целях выявления нереализованных альтернатив диссертант выстраивает систему «идеальных типов» — возможных решений вопроса соотношения государства и нации; он специально уточняет, что в работе эти «идеальные типы» рассматриваются как «логически целостные и последовательные», хотя «в жизни, конечно, они чаще выступали в незаконченных или смешанных формах»¹²⁴. Однако было бы преждевременно говорить об отходе научного сообщества от детерминистского видения исторического процесса на основе всего лишь двух приведенных примеров.

Своеобразное семантическое гнездо образуют в диссертациях упоминания принципов, подходов и методов, характеризующихся как *системные, структурные, структурно-функциональные*. В работе О.С. Поршневой уточняется, что *системно-структурный подход* «предполагает исследование явлений и процессов на уровне взаимосвязей и взаимозависимостей между важнейшими определяющими их факторами на конкретный момент (структурный подход) и в динамике (системный подход)»¹²⁵. В рассмотренных диссертациях 1995 г. *системный подход* упоминается трижды, семантически близкий к нему *структурно-функциональный анализ* — однажды. Тем не менее, уже в 2000 г. упоминания *системного* или *структурно-функционального метода, системного подхода, системного принципа, структурного подхода, системно-структурного метода, системно-структурного подхода, принципа системного и структурно-функционального анализа* и, наконец, *историко-системного метода* обнаруживаются в 16 работах. В 2005 г. *системный подход (системный анализ, метод системного исследования)* также упоминался в 16 работах; *принцип системности* — еще в 6 работах; *структурный, системно-структурный и структурно-системный методы* насчитывали 7 упоминаний; в 5 работах был назван также *историко-системный метод*; 9 авторов указали в качестве методов

¹²³ Там же. С. 28.

¹²⁴ Там же. С. 37.

¹²⁵ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 64.

своей работы *структурно-функциональный анализ*, *функционально-системный анализ*, *функциональный метод*. Таким образом, в 26 рассмотренных работах 2005 г. содержатся 43 упоминания различных подходов, связанных с выявлением *системности*, *структуры* и *функциональности* исторических явлений и процессов, что существенно превышает даже количество упоминаний принципов *объективности* и *историзма*. Подходы, принципы и методы, определяемые через системность и структуру, сформировали наряду с принципами *историзма* и *объективности* тройку лидеров в 2010 г. (22 упоминания), а в 2015 г. заняли второе место по частоте упоминаний (15 раз).

Абсолютным лидером по числу упоминаний в 2000 г. являлся *сравнительно-исторический метод* (*сравнительный метод*, *метод сравнительного анализа*, *компаративный метод*), насчитывавший в совокупности 14 упоминаний. В 2005 и 2010 гг. исследовательские приемы, нацеленные на сравнение изучаемых явлений и процессов, указывались в 24 и 19 работах соответственно. В 2015 г. *сравнительно-исторический* (*компаративный*) метод вновь оказался абсолютным лидером по числу упоминаний: он указан в 17 работах.

Однако лишь немногие авторы специально разъясняют, какие именно явления, процессы или исторические периоды подвергаются сравнению в их работах, и ответы на какие вопросы они надеются получить в результате такого сравнения. Так, А.И. Миллер, изучая «украинский вопрос» в Российской империи, помещает его «в широкий сравнительно-исторический контекст, включающий не только формирование наций в Габсбургской и Османской империях, с которыми обычно сопоставляют империю Романовых, но и процессы нациеобразования в Германии, Испании, Франции, Великобритании»¹²⁶. Это позволяет ему выявить большее количество вариантов («идеальных типов») возможных решений национального вопроса.

Частое применение сравнительного метода, тем не менее, не означает широкого распространения компаративистских исследований как таковых: явления и процессы российской истории довольно редко сопоставляются со сходными явлениями и процессами в истории других стран. Грань между отечественной и всеобщей историей как научными дисциплинами, проведенная еще графом С.С. Уваровым, в целом остается незыблемой.

¹²⁶ Миллер А.И. Указ. соч. С. 54-55.

Широко распространилось в диссертациях по отечественной истории применение статистических методов исследования. В 1995 г. использование историко-статистического анализа и статистических методов было отмечено в двух из рассмотренных исследований. В 2000 г. *математико-статистические методы* применяли авторы 6 работ; в 2 работах упоминались также *количественные методы*. В 2005 г. авторы 6 работ указали, что использовали в своих исследованиях «принципы, формы и методы статистической науки»; в 2010 г. такие указания отмечены в 10 работах (помимо *статистического анализа*, упоминались также методы *клиометрии* и *количественные методы*). В 2015 г. *статистические методы* использовались в 9 исследованиях; *количественный метод* и *количественный анализ* — в 4 работах; по одному упоминанию насчитывают *математические методы* и *квантитативный метод*, что в совокупности составляет 15 упоминаний статистических, математических и количественных методов.

Некоторые авторы дают подробное описание применения статистических методов, направленных на решение конкретных исследовательских задач. Например, В.А. Лабузов в своей диссертации, посвященной деревне Южного Урала в 1917–1930 гг., указывает, что осуществил компьютерный анализ более 10 000 личных дел «раскулаченных» с целью градации их экономического положения¹²⁷. В работе используется широкий спектр статистических методов: корреляционный анализ, расчет относительных величин динамики, графический метод, метод укрупнения периодов и др. Д.А. Ляпин при работе с массовыми статистическими источниками XVII в. (такими как писцовые, платежные и переписные книги и проч.) по причине их неполноты использовал «вероятностно-статистический метод»; его применение позволило «выявить устойчивую частоту случайных факторов и использовать в некоторой мере данные массовых источников в работе»¹²⁸.

В ряде работ статистические методы применяются для обработки и анализа не числовой, а текстовой информации. Так, В.В. Синиченко использует «методы сбора и первичной обработки исторической статистической информации — шкалирование и контент-анализ» для выявления частоты и контекста упоминаний про-

¹²⁷ Лабузов В.А. Указ. соч. С. 38.

¹²⁸ Ляпин Д.А. Указ. соч. С. 14.

блемы мигрантов в правительственных документах¹²⁹. В исследовании О.С. Поршневой количественные методы применяются для анализа содержания большого массива источников личного происхождения — писем с фронта и «писем во власть»; исследователь указывает, что количественные методы, квантификация, контент-анализ и вычисление коэффициента корреляции применялись ею наряду с герменевтическими и дискурсивными методами исследования. «Квантификация... вовсе не противоречит дискурсу, — пишет О.С.Поршнева, — хотя бы потому, что счет и измерение являются неотъемлемой характеристикой речевых практик и языковых конструкций»¹³⁰. Контент-анализ применяется, помимо упомянутых работ, в одной диссертации за 1995 г., в 4 работах 2005 г. и 4 — 2015 г.

Среди других принципов, подходов и методов, достаточно часто упоминающихся в диссертационных исследованиях, следует отметить *проблемно-хронологический метод* (*проблемно-хронологический принцип*, *проблемный метод*, хронологический принцип исследования), характеризующий, как представляется, скорее логику построения диссертации, чем приемы самого исследования. В 1995 г. *проблемно-хронологический принцип*, а также близкое к нему по смыслу *хронологически-дескриптивное рассмотрение исследуемых процессов* были названы в 3 работах; в 2000 г. этот принцип насчитывал 6 упоминаний; в 2005 г. — уже 11; в 2010 г. на него ссылались в 10 исследованиях, а в 2015 г. — в 6 работах.

В выборке диссертаций часто встречаются также *конкретно-исторический анализ*, *историко-генетический метод*, *историко-типологический метод*, *ретроспективный метод*, *комплексный подход*, *описательный* или *историко-описательный метод*. Иногда особо выделяются *методы источникововедческого анализа* (один из авторов специально поясняет, что имелись в виду «методы, включающие проверку достоверности и репрезентативности источников, анализ их содержания и источникововедческий синтез»¹³¹),

¹²⁹ Синиченко В.В. Влияние иммиграционной политики правительства России на социально-экономическое развитие Дальнего Востока страны: 1856–1917 гг.: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Иркутск, 2005. С. 8-9.

¹³⁰ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 63-64.

¹³¹ Матвеев С.Е. Организация и деятельность правоохранительных органов в приграничных районах Северо-Запада России в 1920–1930-е годы: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Саратов, 2010. С. 6.

герменевтический метод и «герменевтические приемы работы с текстом исторического источника». Отличительной особенностью диссертаций 2015 г. можно считать применение *просопографического* и *историко-биографического методов* (по 3 упоминания каждого).

В числе любопытных курьезов отметим загадочный *исторический метод*, названный в 2 работах 2005 г. и 3 работах 2010 г. (как будто исторической науке, с точки зрения авторов, известен один-единственный метод), а также анонсированные одним диссертантом «принцип последовательного освещения обозначенных в разделах направлений» и «сбалансированную подачу материала по разным направлениям разделов диссертации»¹³².

Устойчивой характеристикой диссертационных работ по отечественной истории можно считать междисциплинарность. Так, в 1995 г. диссертанты, не анонсируя специально междисциплинарного подхода, указывали в числе приемов своих исследований методы, сопряженные с применением исследовательских практик других гуманитарных дисциплин: *социологические методы, социокультурный анализ, социально-психологические методы, мотивационный анализ, специфические методы книговедения и литературоведения* (по одному упоминанию в каждом случае). В 2000 г. применение *междисциплинарного подхода* или *междисциплинарного синтеза* было анонсировано в 3 работах; еще 2 автора, не пользуясь термином *междисциплинарный*, сообщали, что «тема настоящего исследования находится на стыке разных научных дисциплин». В 2005 г. уже в 10 работах было указано, что они основаны на применении *междисциплинарного подхода*. В 2010 г. *междисциплинарность* была заявлена в 4 работах, в 2015 г. — в 7 диссертациях. При этом чаще всего упоминаются такие научные дисциплины, как социология, политология и философия. Встречаются также ссылки на методы и подходы экономики, этнографии, демографии, культурологии и культурной антропологии, правоведения, лингвистики, педагогики, архитектуры и религиоведения. Тем не менее, широкое распространение принципа междисциплинарности не является симптомом смены парадигм исторического

¹³² Мамаев М.И. Актуальные проблемы национальных меньшинств Северного Кавказа: социальное положение, трансформация: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Махачкала, 2010. С. 31.

исследования: работы, где заявлен этот принцип, на практике могут быть выполнены как в русле исторической антропологии или социокультурной истории, так и в традиционном позитивистском ключе.

Таким образом, можно сказать, что российская наука в целом преодолела ситуацию методологического кризиса начала 1990-х гг. Ушла в прошлое растерянность, наглядно выразившаяся в отсутствии характеристик методологии исследования в докторских диссертациях 1995 года; сложились критерии и стандарты написания теоретико-методологических разделов; неотъемлемой частью диссертационной и — шире — научной культуры признана методологическая рефлексия. Однако обратной стороной этих важных перемен является усугубляющаяся формализация методологических разделов диссертационных работ, использование шаблонных характеристик и клишированных выражений. Самое распространённое из них — «методологической основой настоящего исследования являются принципы историзма и объективности».

Заключение

Анализ тематики докторских диссертаций, представленных в ЭБД РГБ за 1995, 2000, 2005, 2010 и 2015 гг., показывает, что наиболее часто авторы работ выбирают для изучения историю советского периода (179 диссертаций, или 49% всей совокупности), а также пореформенного периода, 1861–1917 гг. (135 работ, или 37% совокупности). По всей видимости, ключевые причины этого — сохранность и разнообразие источников по данным периодам, относительно небольшая культурная дистанция между историком и людьми изучаемого времени, устойчивый общественный интерес к событиям недавней отечественной истории. В диссертационных исследованиях рельефно выделяются два проблемно-тематических блока: с одной стороны — история государственной политики и государственного управления, с другой — история различных социальных групп и практик самоорганизации общества.

Диссертационная культура, основы которой сложились еще в советские времена, диктует соискателям определенные правила постановки исследовательских задач: в работах отмечается связь исследования с актуальными социально-политическими проблемами, проводятся параллели между изучаемым периодом и современностью; подчас в тексте присутствуют «практические реко-

мендации», обращенные к политическим и экономическим субъектам. Такая практика вольно или невольно способствует закреплению консервативных представлений о социальной значимости исторического знания — о непосредственной практической пользе извлечения «уроков истории».

За прошедшие два десятилетия теоретико-методологические подходы к изучению отечественной истории пережили разительную эволюцию. Отход от марксистско-ленинской методологии совершился, как показано в настоящем исследовании, не в одночасье, а плавно и постепенно; дольше всего удерживала свои позиции марксистская формационная схема. Утрата марксистского метанарратива открыла возможность поиска иных макроисторических подходов, способных обеспечить теоретические основания для понимания истории нашей страны. Из концептуальных подходов, характерных для дореволюционной науки, в современных диссертациях применяется концепция «истории России как истории колонизации», разработанная С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским и их учениками. Кратковременный период увлечения концепцией тоталитаризма довольно быстро сменился ее критикой с позиций «ревизионизма». В этом плане отечественная наука ускоренными темпами повторила тот путь, который прошла западная историография в 1950–1970-е гг. Наиболее востребованными макроисторическими подходами сегодня являются теория модернизации (примененная в 20% рассмотренных работ) и цивилизационный подход, включая такую его специфическую модификацию, как крестьяноведение (13% работ). При применении указанных подходов, как правило, делаются акценты на выявление специфики российского / советского исторического пути: «догоняющий» характер модернизации, ведущую роль государства в ее осуществлении, хрупкость и / или устойчивость традиционных моделей и ценностей при их столкновении с вызовами модернизации и westernization, и т.д.

Проблемное поле исследований, выполненных в русле классической «объясняющей» парадигмы исторического знания, граничит в таких случаях с размышлениями о судьбах России, характерными для отечественной мысли. Эту стратегию актуализации исторического знания можно считать достаточно традиционной для отечественной науки. Еще В.О. Ключевский обосновывал перед своими студентами «практическую цель изучения отечествен-

ной истории» следующим образом: «Историческое изучение вскрывает неправильности в складе общества, больно и смутно чувствуемые людьми, указывает ненормальное соотношение каких-либо общественных элементов и его происхождение и дает возможность сообразить средства восстановления нарушенного равновесия»¹³³. Историческая наука воспринимается как орудие социальной рефлексии, необходимой для более глубокого понимания современного состояния общества и осуществления желаемых социальных перемен.

Методологические повороты, через которые мировая историческая наука прошла во второй половине XX века, были пережиты отечественной наукой в сжатые исторические сроки — за 1990–2000-е гг. Многие теоретико-методологические новшества к настоящему моменту укоренились в исследовательской практике российских ученых. Так, безусловно, плодотворным для изучения отечественной истории стало применение историко-антропологического подхода, опирающееся на опыт школы «Анналов». Это направление можно считать одним из самых успешно развивающихся: изучение ментальностей и картин мира, реконструкция систем ценностей людей ушедших эпох прочно вошли в исследовательский арсенал отечественной науки. Не менее результативным оказалось обращение специалистов по отечественной истории к подходам и методикам социокультурной истории («новой социальной истории»), а в последние годы — к изучению социальных практик в русле «прагматического поворота» и «деятельностного подхода». Можно отметить также появление интересных работ, выполненных в русле изучения исторической памяти, с применением методик устной истории.

Внедрение в исследовательскую практику подходов, связанных с указанными направлениями, ведет к изменению и усложнению представлений историков о ключевом объекте исторического изучения — человеческом обществе: оно предстает как слагающееся из разнообразных социальных групп, порой малых или маргинальных, выделенных по самым разным критериям. При этом каждая такая группа, к изучению которой обращаются диссертанты, характеризуется как обладающая своим уникальным статусом,

¹³³ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 1. М.: «Мысль», 1993. С. 31.

собственным видением мира, практиками взаимоотношений с социальной средой, коллективной памятью и т.д. Задача историка в таком случае заключается в том, чтобы найти инструментарий, позволяющий «расслышать голоса» людей прошлого, приблизиться к пониманию внутренней логики их образа жизни.

Результатом стало переосмысление, по сравнению с 1990-ми годами, роли и значения исторического источника: все чаще историки отказываются от традиционной иерархии источников по степени их предполагаемой «объективности». Кардинально изменилось отношение к источникам личного происхождения, в том числе нарративным: для современных историков представляет интерес именно «субъективность» таких источников, считавшаяся прежде их ключевым недостатком. Это потребовало применения более разнообразных методик работы с источниками, большей критической рефлексии историка по отношению к задачам, приемам и возможностям собственного исследования. Все это означает, что в изучении отечественной истории достаточно прочно утвердилась «понимающая» парадигма, ориентированная на изучение «человеческого измерения» исторических процессов, на реконструкцию внутреннего мира людей ушедших эпох.

Следует отметить, что формализация методологических разделов диссертаций не всегда позволяет адекватно отразить специфику подходов той или иной работы. Результаты контент-анализа показывают, что в диссертационных исследованиях наиболее часто упоминаются такие теоретико-методологические понятия, как *принцип историзма* (76 упоминаний на 112 изученных диссертаций, что составляет 68%); *принцип объективности* (65 упоминаний или 58%), и особенно блок понятий, связанных с *системными, структурными и функциональными* характеристиками (100 упоминаний или 89%). Семантический анализ данных понятий позволяет утверждать, что за ними скрываются представления о нормах классической научности: всесторонности, беспристрастности, устранении субъектности историка.

В числе методов исторического исследования наиболее часто упоминаются *сравнительно-исторический (компаративный)* подход или метод (72 упоминания или 64%), а также *статистические, количественные и математические методы* (41 упоминание или 37%). Таким образом, выявление внутренней структуры, сравнение и исчисление признаны де-факто ведущими приемами историче-

ского исследования, в полном соответствии со знаменитым девизом Галилея: «Измерить все, что поддается измерению, а что не поддается измерению — сделать измеряемым». Можно предположить, что так выражается стремление диссертантов подчеркнуть доказательность выводов своего исследования, их верифицируемость.

Если историографии начала 1990-х гг. было свойственно благородное и порой наивное стремление к «восстановлению исторической правды», то к настоящему времени представления об «исторической правде» стали более сложными и многоуровневыми. Осознание ментальной дистанции между историком и героями его исследований, свойственное исторической антропологии; реконструкция идентичности социальных групп в русле «новой социальной истории»; изучение конфликтных версий «общего прошлого» в исторической памяти — все это подготовило почву для постановки проблем соотношения «объективного» и «субъективного» в историческом познании, познаваемости исторической реальности, дискурсивной природы самой исторической науки. Однако следует признать, что ни «постмодернистский вызов», ни критика его с позиций «пост-постмодерна» не оказали сколько-нибудь заметного воздействия на методологическую основу большинства исследований (за единичными исключениями) и не поколебали декларируемой приверженности большинства диссертантов *принципу объективности*. Рискну высказать предположение, что это отчасти связано с консервативностью самой формы диссертационного исследования и практик защиты диссертаций.

Можно заключить, что в современной диссертационной культуре — по крайней мере, в том ее сегменте, который представлен докторскими диссертациями по отечественной истории, — соединены элементы различных моделей научности. Классическая («объясняющая») парадигма научного знания по-прежнему определяет требования к ученому (нейтральность и беспристрастность), что проявляется в выборе основных методов исследования и приемов доказательности, в традиционном ранжировании источников по степени их предполагаемой объективности, в стремлении к макроисторическим обобщениям. Параллельно с ней утверждается неклассическая («понимающая») парадигма, предполагающая иной подход и к объекту изучения, и к историческому источнику: направленность на познание Другого, на выявление целей и цен-

ностей, ментальных структур и мотиваций людей прошедших эпох. В последние годы, в связи с явно выраженным интересом историков к изучению взаимосвязей между «картинами мира» и практиками повседневной жизни, социальными рамками деятельности и стратегиями поведения конкретных людей, можно говорить также о становлении «неоклассической» парадигмы исторического исследования. Все эти парадигмы соседствуют с доклассическими представлениями об истории как «учительнице жизни», назначение которой — обеспечить успех созидательной социальной деятельности с помощью актуальных примеров.

Сама по себе ситуация мультипарадигмальности не удивительна и даже закономерна в условиях стремительной теоретико-методологической эволюции исторической науки. Парадоксальность заключается в том, что зачастую элементы различных парадигм объединяются на страницах одного и того же исследования, даже если это чревато очевидными противоречиями: одна модель научности требует максимальной нейтральности исследователя, другая — его активной роли в формировании исследовательской программы-«вопросника», третья — социально-политической ангажированности задач и выводов. Как представляется, во многих случаях это является не столько результатом свободного выбора диссертанта, сколько показателем того, что он следует «в общем русле». Совокупность формальных и неформальных требований к диссертациям, практика коммуникативных соглашений внутри научного сообщества («так принято», «все так пишут») приводят к искусственной консервации этой переходной ситуации.

Теоретико-методологические перемены, произошедшие в изучении отечественной истории за 20 лет, существенно изменили облик этой научной дисциплины. Однако следует признать, что на сегодняшний день «историографическая революция» затронула разные аспекты научной культуры в неодинаковой степени. Критическая ревизия исследовательского инструментария исторической науки может способствовать преодолению инертности и парадигмальных противоречий диссертационной культуры, углублению эпистемологической рефлексии историка.

ГЛАВА 3

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СТАНДАРТЫ НАУЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1995–2015 ГОДОВ

От методологии истории — к эпистемологии историка

Рубеж XX–XXI вв. стал временем серьезных изменений в профессии историка, затронувших, прежде всего, сферу эпистемологии, а также стандарты профессиональной деятельности, связанные с представлениями о науке и научности. Содержание, формы, способы порождения и репрезентации исторического знания, их взаимосвязь с академическими нормами и предписаниями всегда интересовали профессиональное сообщество, однако последние двадцать лет стали для российской исторической науки особенно важными и знаковыми. За эти годы, вырвавшись из долгого плена марксистской методологии и единственно верного научного учения, ей пришлось не только наверстывать упущенное, осваивать зарубежный исторический опыт, значительно расширяя поле знания и познания, но и включиться в их трансформацию, связанную, в первую очередь, с вызовами постмодернизма и глобализации¹ (именно так: одновременно встраиваясь в мировой опыт и трансформируя его).

¹ О влиянии глобализации на историческое познание см.: Воробьева О.В. Глобальный дискурс и специфика научно-гуманитарного мышления в условиях глобализации // Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 17-20; Она же. Глобальное знание в контексте глобализации // История и теория цивилизаций: в поисках методологических перспектив: сборник научных статей / Министерство образования и науки, Дальневост. федерал. ун-т; Российская академия наук, Институт всеобщей истории; [ред. кол.: Ф.Е. Ажимов (отв. ред.), Н.Н. Крадин, Л.П. Репина, К.С. Еременко (ред.-сост.)]. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. [256 с.] С. 31-40.

Постмодернистский вызов заключался в пересмотре картезианско-ньютоновских представлений о реальности (объективистско-натуралистических представлений), а также способов получения и верификации знаний (преодоление субъект-объектной дихотомии, логоцентризма, детерминизма и других характерных признаков научной парадигмы модерна); и наоборот — в признании менее очевидной прежде взаимосвязи текста и контекста, роли языка в процессе познания, культурных запретов и предписаний, активной роли познающего субъекта, познавательного и культурного релятивизма и вытекающего из него множества интерпретаций и т.д. Само знание стало мыслиться не столько как результат, сколько как процесс, обусловленный подвижными и постоянно меняющимися контекстами. Очевидно, что такое положение дел грозило обесценить сформировавшиеся к тому времени стандарты научности, которые все больше понимались как конвенционально, институционально и контекстуально утверждаемые образцы, критерии, познавательные ориентиры, правила, ценностные требования, обладающие властной и репрессивной природой (по М. Фуко).

Подобное смещение привычных приоритетов и установок серьезно поколебало прежнюю модель историка-профессионала, привело к кризису профессиональной идентичности и стимулировало потребность в профессиональной рефлексии, которая становилась все более насущной по мере того, как историки начинали испытывать на себе давление со стороны: 1) конкурентов профессионального исторического знания, широко распространившихся благодаря современным информационным и коммуникативным технологиям и привносящих в историю элементы вне-научного знания; б) представителей других социальных и гуманитарных дисциплин, взаимодействующих с историками в процессе междисциплинарного диалога; в) общества, высказывающего признаки недоверия профессиональному историческому знанию. Все это требовало повышенного внимания к вопросам эпистемологии, суть которой, собственно, и состоит в рефлексии знания и познания.

Показательно, что та часть историков-профессионалов, которая активно включилась в обсуждение этих проблем, предпочитала использовать именно слово «эпистемология» вместо более привычного для советского уха — «методология» истории. И такое положение дел не было случайным. Во-первых (и это самое очевидное), это было связано с явной коннотативной нагруженностью

понятия «методология», ассоциирующегося у российского историка, в первую очередь, с марксистской методологией. Во-вторых — с постепенной трансформацией самого понятия «эпистемология»². Ранее (по крайней мере, в советский период) эпистемология трактовалась философами как теория научного познания (в отличие от гносеологии, которая считалась теорией познания вообще). Сегодня отношения между нами менее определены, сложны, многоплановы, отсутствует согласие по поводу направлений, типологии и т.д. Главное же, на мой взгляд, заключается в признании современными философами того, что (цитирую Л.А. Микешину) «традиционный абстрактно-гносеологический подход, сохраняющийся в целом как философское основание, вместе с тем недостаточен, его категориальный язык беден, “узкоспециален” и нуждается в существенном обогащении, что и происходит в неклассической эпистемологии»³. Другими словами, речь идет о том, что до недавнего времени «из сферы картезианского идеала» выпадало важное для современной эпистемологии «историческое измерение», а научность мыслилась вне ее социальных и культурных ипостасей. В философии это признание привело к появлению сначала социальной, а затем и культурно-исторической эпистемологии. Акцент сместился на знание как предмет исторической эволюции, его конституирование обществом, контекстом, субъектом, миром человеческой деятельности и общения. Появились такие признаки научного мировоззрения, как контекстуальность, переосмысление субъекта (уже не как абстрактного трансцендентального, а наделенного всеми свойственными ему чертами — жизненным миром и т.п., содержащего в себе когнитивные, логико-гносеологические, экзистенциальные, культурно-исторические, социальные качества, участвующие в познании), интерсубъективность и ряд других. А вот методология, трактуемая чаще всего узко — как учение о методах познания, — оставляла этот аспект за скобками. Наконец, как справедливо заметил Н.Е. Копосов, «методология прескрип-

² Показательно название введения — «Эпистемология: расширение, переосмысление, пересмотр» (с. 5-10) — в книге В.А. Лекторского «Эпистемология классическая и неклассическая» (М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.).

³ Микешина Л.А. «Философия Просвещения» Э. Кассирера в свете культурно-исторической эпистемологии // Вопросы философии. 2014. № 12. [С. 14-23] С. 14.

тивна», задача же состояла в том, чтобы рассказать историкам не о том, как им «следует думать», но о том, «как они на самом деле думают». «Такой подход точнее было бы назвать дескриптивной (или описательной) эпистемологией. В отличие от традиционной эпистемологии, которая пытается обосновать объективность научного знания, описательная эпистемология выносит за скобки вопрос об объективности познания и сосредотачивается на описании того, что люди называют познанием, иначе говоря — как на самом деле функционирует наука»⁴, — отмечает историк.

Переосмысление эпистемологии в таком ключе, безусловно, способствовало ее более тесному контакту с исторической наукой, несмотря на традиционное неприятие историками этой проблематики (вспомним, например, известное высказывание П. Шоню о том, что «эпистемология — это поползновение, которое надо решительно пресекать»⁵). Он стал приобретать дополнительную значимость по мере того, как внутри поля гуманитарных наук в целом и истории в частности начал разворачиваться т.н. *рефлексивный поворот*, который логически вытекал, с одной стороны, из основ неклассической рациональности, поставившей в центр субъект исследования, с другой стороны, из упомянутого выше общего кризиса гуманитарных наук, повлиявшего на изменение места и роли историка в обществе и, стало быть, заставившего историков озаботиться проблемами собственной профессиональной идентичности. В этой точке, собственно говоря, и обозначился заметный сдвиг от исторической эпистемологии как теоретического аспекта деятельности историка к эпистемологии историка как практике. В таком ключе написана, например, знаменитая книга А. Мегилла «Историческая эпистемология». С одним существенным уточнением, что, в общем-то, и изобличает в нем историка, а не философа. Мегилла интересует не столько историческое исследование познания, сколько теоретико-познавательный анализ самой истории, т.е. тео-

⁴ Философия от истории или Филология от социальной хабитуалогии? «Науки о человеке», типы «письма» историков, гуманитарная среда Санкт-Петербурга и представительство Западного академизма. — <http://www.netslova.ru/ioffe/koposov.html> (ноябрь, 2017).

⁵ Ульянов С.А. Трансформация принципов познания исторической науки во Франции в последней четверти XX — начале XXI века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Казань, 2012. [302 с.] С. 80.

рия истории для практикующих историков. Вопросы, на первый взгляд, те же самые, однако философичность их постановки явно конфликтует с нефилософичностью способов их разработки: Что значит мыслить исторически (познавая конкретное прошлое, а не осуществляя абстрактный процесс познания)? Что такое исторический метод мышления (не вообще, а для практикующего историка)? Как осуществляется процесс исторического познания (не в теории, а на практике)? Другими словами, американского историка интересовала не историзация процесса познания, а рефлексия самого процесса изучения истории. Это очень хорошо заметно в том, каким образом А. Мегилл формулирует задачи своей книги: речь идет не «о том, чтобы внести свой вклад в философскую экспертизу эпистемологических проблем, скорее о том, чтобы побудить практикующих историков обратиться к эпистемологическому началу их работы»⁶, другими словами — к рефлексии собственной деятельности, к тому, «как думают и работают историки» (Н. Копосов), при помощи каких когнитивных и ценностных установок достигается тот или иной научный результат.

Задача рефлексивного анализа природы исторического исследования заставила не только переосмыслить историю и историографию — история все больше начинает приобретать историографическое⁷, а историография эпистемологическое измерение, акцентируя внимание на тех аспектах исторического, которые ранее выпадали из поля зрения, — но и изменить само соотношение между историческим и историографическим. Эта задача, на мой взгляд, замечательно сформулирована в книге одесского историка Т.Н. Поповой: «Если История — это самопознание и самоидентификация личности и социума, то Историография — это способ са-

⁶ Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.

⁷ Это обстоятельство не раз отмечалось в современной российской историографии. См., напр.: Лукьянов Д.В. Коммуникативная рациональность российского историографического дискурса рубежа XX–XXI вв. // Интеллектуальная культура современной историографии: сб. статей / Отв. ред. А.П. Логунов. М., 2006. С. 127; Кравцов В.Н. Трансформация оснований профессионализма в историческом знании в современном историческом процессе // Образы историографии: сб. статей / Отв. ред. А.П. Логунов. М., 2000. С. 187; Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М., 2010. [704 с.] С. 9.

мопознания и самоидентификации историка и самой Исторической науки. В современную эпоху многочисленных “вызовов” и “поворотов”, с которыми столкнулась вечно “обновляющаяся” и находящаяся в “перманентном кризисе” профессиональная историческая наука, саморефлексия ее репрезентантов — представителей научного цеха историков — призвана через обращение в прошлое способствовать пониманию себя, настоящих, для определения перспектив своего бытия в условиях дискредитации собственного “поприща”»⁸. Появление в последние тридцать лет в России значительного числа сборников, индивидуальных и коллективных монографий, поставивших в центр внимания именно историографическую рефлексию, — лучший тому пример и заметное явление современной науки⁹.

Задуманный в данной главе анализ диссертационных исследований вписывается в общий тренд профессиональной рефлексии, но одновременно нащупывает собственную нишу. Диссертации в силу специфики жанра (квалификационное сочинение, дающее возможность войти в профессиональное сообщество) позволяют исследовать профессиональное сообщество с нескольких познавательных ракурсов, в том числе с точки зрения мира ценностей и опыта российской исторической науки, ее эпистемологической культуры, а также нормативных предписаний к формированию историка-профессионала, тех категорий, требований и норм, с помощью которых профессиональное историческое сообщество решает проблемы самоидентификации и в опоре на которые пытается сохранить свое единство и целостность.

Можно предположить, что в силу большей нормативности, ритуального характера диссертационного дискурса новации проникали в это пространство гораздо медленнее и иначе, чем в историческую периодику и даже монографии. Необходимость подтверждения или опровержения этой гипотезы потребовало огромной работы и тщательного анализа. Конечно, невозможно было прочитать все диссертации по истории, т.к. ежегодно, как показала

⁸ Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. [536 с.] С. 6.

⁹ Перечень этих изданий можно найти в монографии Л.Р. Хут «Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.». С. 10–14.

работа только с электронным каталогом Российской государственной библиотеки, в нашей стране в среднем их защищается около тысячи. Больше половины составляют исследования по российской истории, около трети — по всеобщей истории и историографии, остальные распределяются между другими историческими дисциплинами. Поэтому при проведении данного исследования использовалось сочетание метода случайной выборки с элементами тотального просмотра текстов. Случайность выборки определялась интуитивно и, как правило, была связана с темой и задачами диссертации — интересной или даже незаурядной по проблематике, оригинальной или фундаментальной по замыслу, обещавшей присутствие в ней явного теоретического уклона или рефлексивных рассуждений, позволяющих почувствовать состояние дел в исторической науке или наметившиеся перемены. Эти ожидания сбывались не всегда, иногда за интересным названием скрывались традиционные рассуждения и банальные фразы.

Объектом моего анализа стали диссертации по истории по двум направлениям — 07.00.03 «Всеобщая история» и 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» в 1995–2015 годах. Из поля анализа сознательно были исключены годы перестройки как достаточно специфический этап развития отечественной исторической науки, во-первых, потому, что это время, пожалуй, наиболее исследовано в нашей исторической науке вследствие наличия достаточной временной дистанции и завершенности периода¹⁰; во-вторых, потому что, несмотря на появившиеся тогда заявления о кризисе исторической науки и начавшуюся ее деформацию, советский строй по-прежнему считался построенным, партия оставалась руководящей силой, и марксизм-ленинизм — единственным фундаментом исторической науки, а сама она рассматривалась как средство обновления общественно-политического курса; в-третьих (и это логически продолжает предыдущий тезис), потому что развернувшаяся в те годы и сразу после окончания перестройки бурная дискуссия между сторонниками сохранения историографии в ее советском варианте и ее крити-

¹⁰ См., напр.: *Чечель И.* «Профессионалы истории» в эру публичности: 1985–1991 гг. — <http://gefter.ru/archive/6697> (ноябрь, 2017); *Свешиников А.В.* Историческая наука в 1980-х. — <http://modernhistory.omskreg.ru/page.php?id=794> (ноябрь, 2017).

ками велась на страницах периодической печати, не сильно затрагивая диссертационные исследования. При этом я понимаю, что включение в этот анализ диссертаций предшествующего десятилетия может способствовать выявлению интересных аспектов или тенденций, однако нельзя объять необъятное.

Приступая к этой работе, я осознаю, какое неблагоприятное это дело — заниматься диагностикой диссертационных сочинений. Ведь в этом можно усмотреть некоторую позицию абсолютного наблюдателя — позицию судьи, который знает, как надо, и выносит свой вердикт. Поэтому сразу хочу оговориться, что целью данного исследования являлась не раздача оценок и наклеивание ярлыков, а рефлексия той традиции, к которой я сама себя причисляю. Кроме того, убеждена, что «взгляда ниоткуда», или «нейтральной позиции», быть в принципе не может, потому что любой ученый неизбежно отягощен культурными стереотипами своей эпохи, своего общества и собственной корпорации, и, стало быть, в его занятиях неизменно будет присутствовать знание о том, откуда он говорит, каково его место в культуре и индивидуальный профессиональный маршрут. Вообще, от позиции абсолютного наблюдателя исследователя обычно спасает именно рефлексия. Еще одно предварительное замечание состоит в понимании сложности и неоднозначности изучаемых явлений, их разноплановости — порой настолько разных, что трудность представляет сам процесс вычленения и сгущения наблюдений в некоторые реперные точки, позволяющие выделить какие-то аспекты, увидеть проблемы или даже больше — обозначить тенденции. Поэтому ни о каком всеобъемлющем анализе речи не идет. Задача намного скромнее — выявить элементы «старого» и «нового» в диссертационных исследованиях обозначенного хронологического периода и попытаться связать их с качественными изменениями в поле российской и мировой исторической науки.

Переосмысление предмета исторической науки и формирование новых проблемных полей

Любое диссертационное исследование начинается с обоснования актуальности выбранной темы и на основе этого — объекта, предмета, цели и задач исследования. Это очень важная часть исторического сочинения, т.к. через него просматривается отношение к предмету истории, ее содержанию, доминирующим предметным и исследовательским полям.

Прежде всего, проведенный анализ позволил отметить сохранившуюся до сих пор приверженность российских ученых традиционной марксистской проблематике, связанной с изучением войн, революций, классов, партий, колониализма и империализма и т.д. и т.п., причем в привычных аспектах. Видимо, в том числе по этой причине в середине 1990-х гг. в диссертационных исследованиях явно преобладает политическая история, особенно в виде дипломатической и конституционной истории. Особое внимание уделяется истории международных отношений, изучению партийно-политической системы стран Западной Европы и их колоний, с выраженным перевесом в пользу истории Великобритании¹¹. Другим значимым проблемным полем этого периода является социальная история, первоначально сконцентрированная на изучении социальной структуры населения, положении отдельных групп в разные исторические периоды и социальных движений¹². Однако

¹¹ Приведем лишь некоторые примеры за 1995–1996 гг.: *Шановалова Т.В.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Россия: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Московский гос. открытый пед. ун-т. М., 1995. 164 с.; *Никитин Л.В.* Либеральная партия Великобритании в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Челябинск, 1995. 196 с.; *Лихарев Д.В.* Морская политика Великобритании в 1900–1930 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 1994. 472 с.; *Троян С.С.* Идеология и практика германского колониализма в XVI–XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Черновцы, 1995. 430 с.; *Орлов В.В.* Социально-политическое развитие Алаутского Марокко в середине XVIII – начале XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1995. 469 с.; *Зинченко А.В.* Военная политика Франции. 1981–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1995. 210 с.; *Бирюков А.М.* Советско-американские торгово-экономические отношения в 1923–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1996. 316 с.; *Ходнев А.С.* Лига наций и колониальный вопрос 1919–1939: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Моск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина. М., 1996. 562 с.; *Лактер Т.П.* Новозеландский лейборизм: истоки, возникновение, ранняя история: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Иркутский гос. ун-т. Иркутск, 1996. 274 с.; *Демидов С.В.* Англо-французские отношения накануне второй мировой войны. 1936–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Моск. гос. открытый пед. ун-т. Рязань, 1996. 222 с.; *Черникова Л.П.* Кризис британского консерватизма и борьба вокруг проблемы протекционизма: 1845–1852 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Башкирский ун-т. Уфа, 1996. 273 с.

¹² *Хегай В.В.* Крестьянское движение в колониальной Корее (1910–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Рос. академия наук. Ин-т вос-

политическая тематика явно превалирует, включая в себя элементы социального анализа и ставя амбициозную задачу — показать общество во всей его целостности и внутренней противоречивости. В середине и во второй половине 1990-х годов такая история откровенно связывает себя с задачами общества и государства и несет на себе отпечаток дидактичности и назидательности, что особенно хорошо просматривается в языке авторов и в обосновании актуальности и задач исследования¹³. Следует отметить, что подобного рода представления и интенции не исчезли и в наши дни. Примером может служить диссертация А.В. Бондаренко «Воспитательная деятельность государственных органов и общественных организаций СССР по подготовке молодежи к защите Родины в 1946–1991 гг. Историографическое исследование», защищенная сравнительно недавно, в 2012 году. Ее главная задача состоит в том, чтобы «более объективно оценить хрестоматийно известные события» и «возродить правдивую историю воспитания молодежи»¹⁴. Впрочем, данная работа может одновременно рассматриваться как пример настороженной реакции традиционно настроенных историков к изменению исследовательской культуры и норм историописания. Уверенность в моральной природе исторического знания (история — наставница и учительница жизни), ее значении для настоящего и будущего вкупе с представлениями о поступательном и непрерывном развитии объясняет присутствие во многих работах прогностических задач, что свидетельствует об отстаивании их авторами прогностической функции исторического знания.

токоведения. М., 1995. 214 с.; *Вагасин А.А.* Основные черты социальной структуры Древней Индии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 1995. 33 с.; *Грибков М.А.* Армия и общество в Египте в последней трети XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Ярославль, 2000. 201 с.; *Геллис Н.Е.* Социальные движения Новой Зеландии и их роль в общественно-политической жизни страны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Иркутск, 2000. 223 с.

¹³ См., напр.: *Козлов Н.Д.* Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Санкт-Петербург, 1996. 455 с.

¹⁴ *Бондаренко А.В.* Воспитательная деятельность государственных органов и общественных организаций СССР по подготовке молодежи к защите Родины в 1946–1991 гг. историографическое исследование: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Воен. ун-т]. М., 2012. [272 с.] С. 2-3.

Еще важнее, пожалуй, отметить смысл исследовательской работы историка в таких диссертациях. Он мыслится исключительно как анализ / изучение / исследование, приводящее в итоге к реконструкции «объективной реальности» (наиболее часто встречающееся словосочетание). Эта реальность существует вне историка, надежно запечатлена в тексте, и задачей историка является «извлечение» этой объективной информации из текста путем добросовестной критики источника. В процессе этой работы исследователь ставит перед собой задачу выявить, зарегистрировать, проверить и описать факты, и, собственно, этот процесс и означает «получение подлинного знания о реальности». Факты при этом мыслятся, как нечто уже существующее, не связанное с теорией и оценкой историка. Понятия «государство», «общество», «партия», «народ», «английская революция», «холодная война», «средние века» и т.д. также рассматриваются как реалии, взятые из жизни и подлежащие «воссозданию», «показу» и «реконструкции». Естественно, такой подход требует своей теории и метода, о чем будет сказано отдельно. Отмечу только, что в лексиконе этих работ практически отсутствуют слова «объяснение» и «понимание», хотя, судя по текстам, объяснение все же является преобладающей процедурой, а его основной формой — описание фактов, а также выявление причинно-следственных связей и установление закономерностей. Ну, а процедура понимания, по-видимому, никак не вписывается в эту объективистскую исследовательскую установку, поскольку тесно связано с процедурой интерпретации.

Таким образом, важной основой подавляющего большинства работ середины 1990-х – начала 2000-х является жесткая субъект-объектная дихотомия, выступающая эпистемологическим ориентиром и имеющая характер профессиональной и культурной нормы. А предметная область истории мыслится как часть объективной реальности в ее материальной и завершенной форме. В большинстве диссертаций этого времени авторы полагают, что работают с самой реальностью, а не с ее следами, остатками и посредниками в виде разного рода источников; уверены, что исторический нарратив следует за непреложными «объективными» фактами и закономерностями, а авторское вмешательство в этот нарратив, отягощенное исследовательской рефлексией, необходимо изгнать как помеху «честному» исследованию. Попытки вычлени в текстах диссертаций (а это очень трудно), при помощи чего

достигается постулируемое авторами «научно обоснованное мнение» и чем оно отличается, скажем, от обычного мнения, натываются на постулаты о научной верифицируемости и, стало быть, объективности проведенного исследования. Важнейшая для гуманитарных наук процедура интерпретации или вообще не упоминается, или упоминается «всуе», т.е. в одной куче с заявлениями о научной строгости и верифицируемости, без осмысления того, что интерпретации, как известно, являются наблюдениями второго порядка, т.е. такими наблюдениями, где наблюдатели неизбежно наблюдают себя самих в процессе наблюдения, и потому все, что они видят и узнают, зависит от их собственного угла зрения. Такое отношение к «научности» порождает и другую особенность многих работ по истории, заметную в текстах диссертаций этих лет, а именно — высокомерное отношение к объекту, когда компетентный и наделенный знанием и представлениями о собственной исключительности субъект дистанцируется и противопоставляет себя некомпетентному, слабому, аморфному объекту. Объект и все, кто в дискурсе идентифицирован с ним, в этом случае неизбежно оказываются в отношениях подчинения субъекту, а не в равноправных отношениях с ним.

Однако наряду с традиционно модернистским пониманием истории в диссертациях второй половины 1990-х – начала 2000-х постепенно появляется другой дискурс. Едва заметный и единичный в середине 1990-х, он становится ощутимым в 1997–1998 годах и достигает своего пика в начале 2000-х. Конечно, эти новации были тесно связаны с упомянутой в первой части данной главы дискуссией о кризисе истории, однако в отличие от исторической периодики тех лет в диссертациях они выражены намного слабее. Как уже отмечалось выше, сказывалось понимание специфики текста и состава диссертационных советов, в которых по-прежнему преобладали историки-традиционалисты. В части диссертаций эти признания вообще не шли дальше введения и призывов освободиться от идеологизации и конъюнктуры, упрощений и схематизаций исторического процесса. Поэтому, несмотря на внешнюю риторику и критический пафос, эти работы фактически являлись продолжением прежней традиции, а их авторы ратовали за «возвращение чистоты исторического исследования» и профессионализма, который, по их мнению, мог стать хорошим

противоядием от идеологических перегибов. Однако в других работах отмеченные новации не были механическими.

Во-первых, они выражались в изменении отношения к зарубежной исторической науке в целом и немарксистской проблематике в частности. Появляется повышенный интерес к западной исторической мысли, расширяется проблематика исторических исследований, а на уровне языка исчезает столь распространенный в предыдущие годы ярлык «буржуазный», на смену которому сначала приходит понятие «немарксистская наука», а затем просто — «профессиональная наука»¹⁵. Естественно, что знакомство с зарубежной исторической наукой, а через нее и со всей современной гуманитарной мыслью не могло не привести к переосмыслению истории и исторического исследования. Постепенно в диссертациях появляются антиобъективистские установки: «Методологические позиции автора объясняются стремлением к написанию объективной картины. В то же время мы исходим из того, что это стремление никогда не может быть полностью реализовано»¹⁶, —

¹⁵ См., напр.: *Рязанов А.И.* Проблемы экономической интерпретации истории в трудах Ч. Бирда: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1996. 123 с.; *Марцинюк Е.М.* Концепция истории А. Тойнби и мировая историография: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Черкассы, 1997. 182 с.; *Зверева Г.И.* Британская историография в контексте академической культуры XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Москва, 1998. 455 с.; *Соломеин А.Ю.* Историко-генерализирующий опыт французской историографии эпохи Просвещения, Вольтер: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Томск, 1998. 157 с.; *Пензина С.И.* Проблема границ научности исторического познания в англо-американской аналитической философии истории середины XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Пенза, 2000. 251 с.; *Кравцов В.Н.* Критика постмодернистской версии исторического знания в английской и американской историографии 1980–1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Рос. гос. гуманитарный ун-т. Москва, 2000. 25 с.; *Синицын О.В.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Казань, 2000. 326 с.; *Туманин В.Е.* Ежи Топольски как историк: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2003. 282 с. *Трубникова Н.В.* Историческое движение «Анналов». Институциональные основы: традиции и новации: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Том. гос. ун-т]. Томск, 2007. 443 с.

¹⁶ *Соколов А.Б.* Политическая борьба в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке: дис. ... д-ра ист. наук:

признается А.Б. Соколов. Возникает интерес к субъекту, но уже не как к ученому, исследовательская честность которого гарантирует объективность и надежность полученных результатов, а как к человеку, когнитивные и ценностные установки которого влияют на процесс познания. Возникает понимание, что создаваемая автором реальность неотделима от процесса понимания и интерпретации, вообще начинает признаваться право историка на интерпретацию (и даже само слово «интерпретация» начинает присутствовать в названиях некоторых исследований¹⁷). Очевидно, что это вело к переосмыслению таких базовых концептов исторической науки, как объект исследования (границы которого ввиду неразделимости текста и контекста отныне расширяются до границ всего исторического мира), историческая реальность (которая все больше осмысливается как акт культуротворчества); цель исторического исследования (не *что* произошло и *как* и *почему* это случилось, а как это изучается и функционирует в практике научной коммуникации); исследовательские результаты (конструкция и гуманитарный дискурс, создаваемые в процессе общения историков друг с другом по поводу объектов исследования и разных текстов вместо исторической реконструкции, осуществляемой при помощи «правильных» методов и теорий). Объективной исторической реальности все чаще начинает противопоставляться ее *образ*, феномен, концепт, с которым, собственно, и работает историк. Это находит отражение и в заглавиях диссертаций¹⁸, и в обосновании исследовательской

07.00.03. Москва, 1995. [662 с.] С. 23.

¹⁷ См., напр.: *Воробьева О.В.* Учение А. Тойнби о цивилизациях в трактовках отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Липецк, 1999. 198 с.; *Шкурлат П.А.* Интерпретация научного наследия школы «Анналов» в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Липецк, 2005. 198 с.; *Шанина О.Н.* Интерпретация английской и советской прессой важнейших событий международной жизни середины 1950-х гг. в контексте холодной войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / [Место защиты: Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. Ярославль, 2012. 249 с.

¹⁸ *Якуб А.В.* Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX–XII вв. становление и развитие историографической традиции: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Том. гос. ун-т]. Омск, 2008. 565 с.; *Терехов О.Э.* Германская историография идеологии «консервативной революции» как феномена интеллектуальной истории Веймарской респуб-

позиции авторов: «Систему как таковую достраивает исследователь, привнося собственные логические связи между отрывками, извлеченными из источников... На текст проецируются ожидания, порожденные современной культурой; при этом сохраняется возможность того, что в логике англосаксонского автора эти фрагменты соединялись по-иному, смыслы ускользают в зазоры между вопросами, поставленными к тексту»¹⁹, — считает В.В. Зверева; «Все большее отражение находит феномен конструирования прошлого, меняются критерии анализа и интерпретации данных исторической практики», — констатирует Д.В. Лукьянов. А вот более развернутое мнение одного из ведущих сегодня историков, также взятое из диссертационного исследования тех лет: «В совокупной системе знания, называемой наукой, различаются реальное содержание научного знания и образы науки. Под реальным содержанием научного знания понимается система логически взаимосвязанных, объективных утверждений о природе, обществе, человеке. Однако это реальное содержание никогда не существует в царстве истины. Оно всегда вплетено в изменчивую ткань культуры того или иного исторического периода, зависит от философских, моральных, религиозных, социально-психологических, обыденных представлений определенных социальных групп или научных кругов. Для последних оно всегда специфически окрашено и видится в виде образа»²⁰.

Эти эпистемологические новшества проблематизировали не только содержание труда историка, но и сам стандарт научности,

лики: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Кемерово, 2012. 355 с.; *Ващева И.Ю.* Феномен «Церковных историй» в эпоху Поздней Античности: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Белгородский государственный университет]. Нижний Новгород, 2013. 789 с.; *Морозов, Н.М.* Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. в отечественной историографии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Кемер. гос. ун-т]. Кемерово, 2014. 520 с.

¹⁹ *Зверева В.В.* Беда Достопочтенный: Самосознание историка и теолога раннего средневековья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Москва, 1998. [234 с.] С. 6-7.

²⁰ *Корзун В.П.* Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Омск, 2002. [364 с.] С. 6.

который начинает все более формулироваться как свод правил и ценностей, предъявляемых к познавательному процессу и его результату. Заметнее всего эти перемены нашли отражение в диссертациях по направлению 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Если в диссертациях по всеобщей истории такие рассуждения являлись и до сих пор являются редкостью, то в исследованиях по историографии, начиная с рубежа 1990-х и 2000-х, данный подход, хотя и не превалирует, но уже существует наравне с традиционными профессиональными представлениями. Справедливости ради, следует отметить, что первые историографические работы, фиксирующие эти изменения, появились еще в начале 1990-х годов²¹. Но в то время новаторские идеи в диссертационном дискурсе были скорее исключением из правил, нежели тенденцией, что естественно, т.к. историография, которая является рефлексией над исторической наукой, всегда реагирует на изменения с некоторым запозданием, тем более, когда речь идет о диссертационных исследованиях. В период же миллениума появляется целый ряд знаковых работ, не только познакомивших отечественных авторов с особенностями неклассической эпистемологии, но и задавших определенные стандарты научности в этом направлении на несколько десятилетий вперед²². Это уже настолько другой научный дискурс, столь

²¹ См., напр.: *Камынин В.Д.* Советская историография рабочих Урала в 1917–30-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Урал. отд-ние. Ин-т истории и археологии. Свердловск, 1990. 541 с.

²² *Прядеин В.С.* Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследования: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 1996. 39 с.; *Зверева Г.И.* Британская историография в контексте академической культуры XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1998. 455 с.; *Репина Л.П.* Социальная история в историографии XX века: Научные традиции и новые подходы: дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада: 07.00.03. М., 1998. 71 с.; *Юдельсон А.В.* Образ исторической науки в современной отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). М., 2000. 28 с.; *Пензина С.И.* Проблема границ научности исторического познания в англо-американской аналитической философии истории середины XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Пенза, 2000. 251 с.; *Лукиянов Д.В.* Эволюция интеллектуальных оснований научно-исторического знания в отечественной историографии второй половины 1980–1990-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2001. 372 с.

радикальное переосмысление задач и содержания историографической деятельности, что о каком-либо эпистемологическом консенсусе говорить с этого времени вряд ли возможно. Если до конца 1990-х, при всей критике прежней марксистской парадигмы, эпистемологическая проблематика не прорабатывалась столь глубоко, и наблюдалось некое единство в воззрениях на природу исторического факта, объяснения, содержание понятий, то указанные работы фиксируют явный разрыв в поле историографических исследований. На «переваривание» этих новаций ушло практически десятилетие, и сегодня, во второй декаде XXI века, мы являемся свидетелями второго всплеска подобных исследований²³. Причем если пятнадцать лет назад эта историографическая рефлексия проводилась исключительно на зарубежном материале, то во втором десятилетии XXI века начинают появляться авторы, пытающиеся анализировать современную отечественную историографию²⁴.

Во-вторых, формирование другой исследовательской культуры, возможностей и задач исторического исследования сделало актуальным, как выразилась В.П. Корзун, «привязку к столетней матрице»²⁵, поиск предшественников и переосмысление всей отечественной историографической культуры. В этом состояло другое важное новшество диссертационных исследований анализируемой эпохи — пристальное внимание не только к зарубежной, но и отечественной историографии прежних лет, особенно к историографии конца XIX – начала XX века, характеризовавшейся «мощным

²³ *Савицкий Е.Е.* Критерии новизны в историографии 1990-х годов: На примере «нового медиевализма»: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2006. 349 с.; *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: дис. ... д-ра исторических наук: 07.00.09 [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. М., 2010. 680 с.; *Ульянов С.А.* Трансформация принципов познания исторической науки во Франции в последней четверти XX – начале XXI века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Казань, 2012. 302 с.

²⁴ См.: *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: дис. ... д-ра исторических наук: 07.00.09 [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. М., 2010. 680 с.

²⁵ *Корзун В.П.* Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Омск, 2002. [364 с.] С. 3.

методологическим взлетом», достижения которого остались «не- востребованными или попросту утраченными в социокультурных реалиях Советской России»²⁶. Как следует из текстов диссертаций, это обращение шло сразу по нескольким направлениям: обращение к интеллектуальному наследию отдельных историков²⁷, изучение научных школ²⁸, осмысление отдельных направлений отечествен-

²⁶ Там же.

²⁷ *Дудырев Ф.Ф.* Научная и общественно-педагогическая деятельность Н.К. Чупина: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Челябинск. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1995. 198 с.; *Яттара Э.* Проблемы раннего западно-европейского средневековья в научном наследии А.И. Неусыхина: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1995. 223 с.; *Амер Х.А.* Творческое наследие академика М.А. Коростовцева: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2000. 166 с.; *Синицын О.В.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Казань, 2000. 326 с.; *Клестова С.Л.* Историческая концепция В.А. Бутенко: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Сыктывкар, 2000. 255 с.; *Мандрик, М.В.* Юрий Владимирович Готье, 1873–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Санкт-Петербург, 2000. 302 с.; *Кононов А.А.* Историк К.А. Военский, 1860–1928: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Санкт-Петербург, 2000. 200 с.; *Иванов А.В.* Исторические взгляды М.О. Гершензона: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2000. 230 с.; *Петричко Ю.В.* Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2007. 237 с.; *Бадаев Е.В.* Формирование культурно-исторической концепции Н.И. Конрада: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Том. гос. ун-т]. Кемерово, 2008. 261 с.

²⁸ *Наумов О.Н.* Московская генеалогическая школа конца XIX – первой половины XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1995. 402 с.; *Артизов, А.Н.* Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука, конец 1920-х – 1930-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1998. 198 с.; *Погодин С.Н.* «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский: дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл.: 07.00.09. Санкт-Петербург, 1998. 37 с.; *Мягков Г.П.* «Русская историческая школа»: Теория и история развития школы как научного сообщества: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Казань, 2000. 494 с.; *Галкина Т.В.* Научная школа Андрея Петровича Дульзона: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10. Томск, 2000. 328 с.; *Мельникова, О.М.* Научные школы в археологии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. Ижевск, 2004. 470 с.; *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже и ее влияние на развитие образования в России в начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2006. 564 с.;

ной историографии и интеллектуальной культуры отечественных историков в целом²⁹. Судя по месту выполнения диссертационных исследований, научным оппонентам и местам защиты, в исследуемый период сформировались и основные центры изучения этой тематики — Москва, Санкт-Петербург, Казань, Томск и Омск. Значимость этих исследований состоит не только в восстановлении целого пласта в развитии отечественного исторического знания, но и в качественно новом подходе к предмету историографического исследования. В диссертациях ряда авторов отмечается недооцененная прежде роль субъективного фактора в истории историографии (особенно ценностных ориентаций историков), межличностных коммуникаций и академического сообщества как важного фактора получения, сохранения и трансляции профессионального знания. Особый акцент делается на мире неформального общения, личных отношений, в пространстве которых происходит

Никифоров Ю.С. Культура российского историка последней трети XIX — начала XX в.: на примере представителей «русской исторической школы»: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 [Место защиты: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского]. Ярославль, 2010. 264 с.; *Свеишников, А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века: историко-антропологическое исследование научного сообщества: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Том. гос. ун-т]. Томск, 2011. 465 с.; *Вовина В.Г.* Школы исследования русского летописания: XIX — середина XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Санкт-Петербургский институт истории РАН]. Санкт-Петербург, 2012. 885 с.; *Скворцов А.М.* Научная школа в отечественном антиковедении: М.С. Куторга и его ученики: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. Ставрополь, 2012. 244 с.

²⁹ *Колесова Е.Вл.* Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани, середина XIX — начало XX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2000. 206 с.; *Лукьянов Д.В.* Эволюция интеллектуальных оснований научно-исторического знания в отечественной историографии второй половины 1980–1990-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2001. 372 с.; *Корзун В.П.* Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Омск, 2002. 364 с.; *Иллерицкая Н.В.* Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 2002. 403 с.; *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: дис. ... д-ра исторических наук: 07.00.09 [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. М., 2010. 680 с.

приобщение к профессиональным ценностям, стереотипам, обмен идеями и пристрастиями³⁰. «Проблематика диссертации, — пишет, например, М.П. Мохначева, — призвана осветить повседневность исторического знания и его жизнь в сознании современников, в передаче от учителя к ученику, от поколения к поколению»³¹. Такой интерес к миру научной повседневности привел к появлению на страницах отечественных диссертаций нового понятия — «историографический быт», под которым понимается «научная повседневность историко-научного сообщества», «экзистенциальное пространство творческой деятельности и коммуникативных прак-

³⁰ См., напр.: *Корзун В.П.* Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Омск, 2002. 364 с.; *Умбрашко К.Б.* «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 2002. 334 с.; *Мамонтова М.А.* С.Ф. Платонов, поиск модели исторического исследования: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Омск, 2002. 224 с.; *Гришина Н.В.* Школа В.О. Ключевского в культурном пространстве дореволюционной России: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Челябинск, 2004. 201 с.; *Шмелева Л.М.* Семья казанских ученых Шестаковых и развитие антиковедения и византиноведения в России: 40-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Казан. гос. ун-т. Казань, 2005. 264 с.; *Кефнер Н.В.* Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Ом. гос. ун-т. Омск, 2006. 330 с.; *Бедретдинова Л.Н.* Начальный период научной деятельности С.М. Соловьева: 40–50-е гг. XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, 07.00.09. М., 2006. 168 с.; *Баклова А.В.* Формирование идеи самобытности исторического развития России в работах Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Пенза, 2006. 163 с.; *Соломаха Е.Н.* Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Нижний Новгород, 2006. 241 с.; *Почивалова А.В.* Историческая концепция М.П. Погодина: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Пенза, 2010. 233 с.; *Черная, Е.Ю.* Милица Васильевна Нечкина — историк отечественной исторической науки: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Ин-т истории]. Новосибирск, 2014. 242 с.; *Серых А.А.* Поколенческая идентичность историков России в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Место защиты: Ом. гос. пед. ун-т]. Омск, 2010. 212 с.

³¹ *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука в России 30–70-х гг. XIX в.: Опыт источниковедения историографии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1999. [335 с.] С. 3.

тик сообществ ученых-историков», «неявно выраженные правила и процедуры научной жизнедеятельности, которые являются важными структурирующими элементами сообществ ученых»³².

Естественно, что акцент на личности историка и его творческой лаборатории взамен прежней истории идей и схем развития исторической мысли вел не только к изменению проблематики исследования, но и самого предмета исторической науки, а также способов работы с ним. Опять сошлюсь на авторитетное мнение главы омской исторической школы В.П. Корзун: «Один из путей переосмысления сложившейся парадигмы ... видится в рассмотрении историографии как специальной отрасли исторического знания в культурном поле, в расширении ее предмета и существенной модернизации историографического словаря», в том числе за счет изучения «представлений историков конца XIX – начала XX века о сущностных характеристиках исторической науки, имманентных и социальных факторах ее развития, о ее связи с национальной, культурной традицией — представления, включенные в систему корпоративных ценностей и реконструируемые через анализ историко-научных концепций»³³.

В-третьих (оно тесно связано со вторым и логически продолжает его), появление новых аспектов традиционных тем, постановка новых вопросов способствовали возникновению интереса отечественных историков к социальной и культурной истории. Конечно, речь в данном случае идет не о традиционном марксистском понимании социального, интерес к которому в отечественной историографии присутствовал всегда, а о его переосмыслении в рамках немарксистских западных подходов, в том числе в социокультурном ключе.

³² См. об этом: *Алеврас Н.Н.* Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Чел ГУ. 2012. № 22 (276). Философия, социология, культурология. Вып 27. [С 79-85] С. 79; *Мамонтова М.А.* Историческая наука на рубеже веков. Новые методологические направления. — <http://modernhistory.omskreg.ru/page.php?id=795> (ноябрь, 2017).

³³ *Корзун В.П.* Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Омск, 2002. 364 с.; *Иллерицкая Н.В.* Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 2002. [403 с.] С. 5, 7.

В отечественной диссертационной культуре анализируемого периода четко фиксируются две группы диссертаций, посвященных социальной и культурной тематике. Первая (преобладающая) по-прежнему осмысливает общество как форму объективации прошлого и видит смысл исследования в реконструкции социальной структуры, которая мыслится как некий «срез общественной системы», через которую можно понять человека. Социальная структура при этом понимается как «сеть устойчивых и упорядоченных связей между элементами социальной системы, обусловленных отношениями социальных групп, характером социальных институтов»³⁴, а основными задачами такого рода диссертаций является выявление и описание этой структуры, ее уровней, а также закономерностей функционирования³⁵. Отличительной чертой таких исследований является идея социальной детерминированности. Вторая группа исследователей сосредотачивает свое внимание на тех областях / ракурсах жизни общества и социальных групп, которые ранее не привлекали исследовательского внимания. Среди них изучение 1) повседневности, сознания, ценностей, образа жизни, обыденного сознания, быта, материальной культуры, т.е. всего того, что позволяет посмотреть на общество одновременно снизу и как бы изнутри той или иной социальной группы; 2) отдельных социальных групп³⁶, особенно ранее не изученных (история се-

³⁴ Угдыжеков С.А. Социальная структура раннесредневековых кыргызов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Абакан, 2000. [172 с.] С. 5.

³⁵ В силу значительного количества таких диссертаций приведу лишь несколько примеров: Балакесинцев А.С. Социальная структура римского государства в эпоху Ю...-Клавдиев (Италия): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Ижевск, 1995. 23 с.; Вагасин А.А. Основные черты социальной структуры Древней Индии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 1995. 33 с.; Баглай В.Е. Экономическая, социальная, политическая структура ацтекского общества: Доколониальная Мексика: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Ставрополь, 2001. 574 с.; Тарасюк Я.В. Социально-политическая структура Южной Индии VI–IX веков: По свидетельствам эпиграфики Паллаво: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1998. 126 с.

³⁶ Данилова О.С. Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2005. 237 с.; Колгушова Н.А. Нэпманы в 1921–1929 годах: опыт социально-исторического анализа: По материалам Ярославской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 2006. 256 с.; Куцева Е.А. Аристократия во Франции в конце Старого порядка:

мы³⁷, история женщин³⁸, история детства³⁹, история маргиналов⁴⁰,

дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Самара, 2006. 217 с.; *Тартыгина О.О.* Либеральная элита Великобритании в первой четверти XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Казань, 2012. 242 с.; *Городецкая Н.Б.* Идеологическое оформление интеллектуальной оппозиции в Сербии в 60 – сер. 80-х гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. Екатеринбург, 2015. 174 с.

³⁷ *Ильичева М.Б.* Эволюция семьи в Великобритании в 50–80-х годах XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1993. 173 с.; *Лосев С.А.* Брак и семья во французском городе во второй половине XVIII – начале XIX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Самарский гос. ун-т. Самара, 1997. 244 с.; *Муравьева М.* Брак и семья в среде английского пэрства в XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Санкт-Петербург, 1999. 299 с.; *Антонов Д.Н.* Восстановление истории семей: Метод, источники, анализ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2000. 290 с.; *Попов А.Г.* Трансформация традиционной городской семьи в Китае: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Москва, 2005. 236 с.; *Воронцова А.Ю.* Английская семья XIV–XV вв. по частнопрововым, эпистолярным и литературным источникам: Городская среда: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Москва, 2005. 216 с.; *Манухина О.В.* Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ин-т Дал. Востока РАН]. М., 2007. 199 с.; *Григер М.В.* Семья и брак в еврейской общине Палестины II–III вв. н.э.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина]. Казань, 2008. 206 с.; *Панов М.В.* Источники по истории семьи верховных жрецов Мемфиса: IV–I вв. до н.э.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН]. М., 2013. 639 с.

³⁸ *Гришина, Н.В.* Урбанизация африканского населения в ЮАР во второй половине XX в.: история гендерных отношений: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2005. 257 с.; *Нестерова С.А.* Образ английской и американской женщины в представлении современников: Последняя треть XIX – начало XX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Самара, 2004. 187 с.; *Фетисова Н.Ю.* Женщины Франции в межвоенный период: культурные представления и социальные практики: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. Москва, 2008. 209 с.; *Ануприенко И.А.* Женщины в обыденном восприятии представителей городской среды Италии XIV–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2006. 312 с.

³⁹ *Соколовская Н.В.* Раннее детство в представлениях итальянских мыслителей XV века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Иваново, 2006. 177 с.; *Айдемирова М.С.* Трансформация представлений о детстве в бри-

интеллектуалов⁴¹, даже науки и искусства⁴²); 3) общества как динамичной системы, соотношения в нем стабильности и изменчивости.

Отмеченные перемены заметны во всех разделах диссертаций: названии, обосновании актуальности, формулировке цели и задач исследования и, естественно, в основном тексте работы. Например, в своей работе «Деловые люди Флоренции XIV–XV вв.: занятия, образ жизни и обыденное сознание: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03» (Москва, 1997. 464 с.), помимо говорящего названия И.А. Краснова так формулирует цель своего исследования: «изучение комплекса занятий деловой прослойки Флоренции и складывающегося на их основе образа жизни, а также устойчивых обыденных

танском обществе в конце XVIII – первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. Москва, 2015. 254 с.

⁴⁰ *Лысенко Е.Г.* Маргинальность и маргиналы западноевропейского средневекового общества в отечественной историографии конца XIX – начала XXI в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. Москва-Сочи, 2011. 205 с.

⁴¹ *Дукарт С.А.* Интеллигенция Сибири в послевоенные годы (1945–1953): вопросы теории и историографии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Томск, 1997. 247 с.; *Мирзеханов В.С.* Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке: На материалах франкоязычных стран региона в последней трети XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Саратов, 2001. 385 с.; *Стогова А.В.* Феномен дружбы в представлениях и социальной практике европейских интеллектуалов XVII века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2001. 293 с.; *Гавристова Т.М.* Африканские интеллектуалы в западном обществе: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Ярославль, 2003. 568 с.; *Рязанов П.А.* Роль греко-византийских интеллектуалов в становлении итальянской гуманистической культуры в конце XIV–XV веке: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. Нижний Новгород, 2007. 236 с.; *Куш Т.В.* Византийские интеллектуалы последней трети XIV — первой половины XV в.: социокультурное измерение: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: ГОУВПО «Уральский государственный технический университет»]. Екатеринбург, 2013. 518 с.

⁴² *Посохов С.И.* Социальная история советской науки (кон. 1920-х – нач. 1940-х гг.): проблемы историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Днепропетровск, 1993. 20 с.; *Янковская Г.А.* Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономический аспекты.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 [Место защиты: Том. гос. ун-т]. Томск, 2008. 352 с.

представлений горожан». Названия диссертаций И.М. Супоницкой (Рабовладельческий юг США, 1840–1860: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Ин-т всеобщей истории, 1996) и Ю.В. Костяшова (Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Москва, 1997. 534 с.), казалось бы, звучат совершенно традиционно, но Ирина Марковна призывает к рассмотрению Юга как целостной социальной системы, включающей конкретного человека, его поведение и образ мысли, а также роли сознания и существовании и развитии этой социокультурной целостности, а Юрий Владимирович говорит о необходимости учета социально-психологического фактора при рассмотрении правового статуса сербов, а также степени их социальной неоднородности, внутренней дифференцированности.

Практически с самого начала в диссертациях этой группы социальное начинает тесно переплетаться с культурным, и это переплетение переопределяет и само социальное, и направление социальных исследований (проникнуть в социальное через культуру). Поэтому чем дальше, тем больше исследователи предпочитают называть свой подход социокультурным, нежели чисто социальным. Они говорят о том, что «социокультурное измерение пронизывает всю ... жизнь, оно представляет собой некую “осевую вертикаль”, структурирующую всю систему отношений многомерного реального и воображаемого пространства жизни», о «социокультурных аспектах бытования социальной среды», о «приоритетах, ценностях и механизмах» ее функционирования, о необходимости воссоздания духовно-эмоциональной атмосферы эпохи»⁴³. Подчеркивается невозможность «осмыслить историю без понимания вмешательства живых людей в ход событий, ибо столкновение индивидуального с массовым, нормативным — это одна из основных подоплек конфликтов в человеческих отношениях», потому что «каждая система представляет некоторый набор приемлемых моделей поведения, спектр возможностей, в рамках которых человек выбирает ту или иную стратегию поведения, более того, она допускает наличие неподчиняющихся ей феноменов. Таким обра-

⁴³ Куц Т.В. Византийские интеллектуалы последней трети XIV — первой половины XV в.: социокультурное измерение: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: ГОУВПО «Уральский государственный технический университет»]. Екатеринбург, 2013. [518 с.] С. 21, 27, 28.

зом, сосредоточив внимание на индивидуальном объекте, можно проследить реальное функционирование норм. И даже появляется возможность определить, как посредством выбора отдельных людей происходит изменение нормативных систем»⁴⁴. Отмечается неоднозначное подчинение групп вышестоящим структурам и появление позиции неопределенности, которая не схватывается прежним анализом, потому что привычный структурный анализ не подходит для изучения движений и циркуляций. Благодаря этому становится возможным «менее однозначное понимание прошлого, когда социальное предстает не в виде набора застывших норм и моделей, а как комплекс подвижных взаимосвязей между постоянно меняющимися конфигурациями»⁴⁵. Появляются высказывания о том, что такие привычные социальные понятия, как общество, класс, страта и т.п., — это весьма абстрактные понятия, не способные сообщить исследователю о мире человеческих отношений, для этого надо обратиться к человеческим представлениям, культурным значениям, стилям мышления, разделяемым людьми ценностям, существующим в обществе ритуалам и символам. Другими словами, нужен социокультурный анализ социальных отношений: взгляд не только извне, но и изнутри, не только сверху, но и снизу, не только макро-, но и микро-.

Под влиянием социальной и культурной истории начинают преобразоваться политическая и экономическая история. В диссертациях этих лет заметны попытки трактовать политику как часть социального и культурного пространства. Поэтому основной акцент делается не столько на политических событиях или идеях, сколько на политике как части социальной и культурной практики, на местах памяти и символической идентификации, на вопросе о том, почему данные политические события или формы поведения стали возможны. Более того, традиционные политические темы (революции, войны и т.п.) начинают рассматриваться в контексте интеллектуальной истории и истории повседневности, приобретая выраженное антропологическое измерение. Например, И.В. Скрипину интересует не сама гражданская война в России, а человек в

⁴⁴ Стогова А.В. Феномен дружбы в представлениях и социальной практике европейских интеллектуалов XVII века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2001. [293 с.] С. 12-13.

⁴⁵ Там же.

условиях этой войны⁴⁶. Целью такого исследования является «анализ воздействия войны не только на общество в целом, но и на конкретных людей, на их жизненные ценности и мотивы поведения, результаты и последствия их деятельности». Подчеркивается, что «вопросы выживания человека в условиях гражданской войны важнее, чем закономерности исторического процесса»⁴⁷. Аналогичную задачу ставит перед собой К.В. Акулинин, анализирующий не просто участие англичан в Первой мировой войне, а «Память английских участников Первой мировой войны о Западном фронте»⁴⁸. Еще более выражено задача переосмысления политической истории поставлена в диссертации С.В. Лурье «Российская и Британская империи на Среднем Востоке в XIX – начале XX в.: идеология и практика». Исследовательская задача, которую ставит перед собой автор, предстает в двойном ракурсе: во-первых, в теоретико-методологическом, поскольку в диссертации предпринимается попытка разработать адекватную концептуальную базу, позволяющую описывать государственные образования имперского типа через их этнокультурные особенности; во-вторых, в собственно историческом, поскольку сформулированные концептуальные положения применяются к анализу фактологического материала. Актуальной представляется и «разработка понятийного аппарата, позволяющего проводить сравнительный анализ различных империй с точки зрения их культурологических характеристик: ценностных доминант, давших толчок имперскому строительству, моделей народной колонизации, характера соотношения культурной и экономической экспансии, и т.д.»⁴⁹. Поиск такого аппарата заставляет исследователей не только создавать собственные концепции, но и обращаться к западному опыту «новой политической истории»⁵⁰,

⁴⁶ *Скитина И.В.* Человек в условиях Гражданской войны на Урале: Историография проблемы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Тюмень, 2003. 786 с.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Акулинин К.В.* Память английских участников Первой мировой войны о Западном фронте: 1914 – конец 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. Тамбов, 2016. 180 с.

⁴⁹ *Лурье С.В.* Российская и Британская империи на Среднем Востоке в XIX – начале XX в.: Идеология и практика: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ин-т востоковедения. М., 1995. [192 с.] С. 3.

⁵⁰ *Дворянов В.А.* Проблема «политической истории» в современной историографии ФРГ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2000. 313 с.

который, тем не менее, не всегда понимается и усваивается. Например, В.А. Дворянов, поставив перед собой задачу осмысления политической истории в современной историографии ФРГ, лишь вскользь упоминает о культурной составляющей политической истории, продолжая формулировать предмет последней как «историю государства и политики»⁵¹. Тем не менее, в этих немногочисленных пока еще диссертациях переосмысливаются политические институты (уже не столько как объективные системы, сколько как сложные и подвижные феномены, состоящие из множества разных субъектов), возникает интерес к политическим концептам, через которые происходит конструирование и репрезентация политических групп.

Примерно в том же направлении в диссертациях начинает трансформироваться экономическая история, все более сосредотачивающая свое внимание на взаимодействии экономики и социальной и культурной жизни. Не ставя перед собой задачи привести здесь примеры традиционных экономических исследований, задачей которых, как правило, является реконструкция «специфических особенностей экономической системы» той или иной страны, остановлюсь лишь на тех немногочисленных работах, в которых заметны признаки новизны в понимании предмета исследований. Так, Т.В. Мосолкина говорит о процессах, происходящих в экономике, социальных отношениях и психологии английских граждан⁵², Г.Р. Наумова считает необходимым перейти от привычного экономико-статистического и социологического изучения фабрики к ее социально-психологическому, антропологическому измерению⁵³. Как и специалисты в области политической истории, авторы этих диссертаций внимательны к зарубежному опыту «новой экономической истории», изучают возможности математических методов, ЭВМ, имитационного моделирования, эконометрических методик⁵⁴, и другие особенности «немарксистского подхода к про-

⁵¹ Там же.

⁵² Мосолкина Т.В. Социально-экономическое развитие Бристоля в XIV–XV вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Саратов, 1997. [343 с.] С. 21.

⁵³ Наумова Г.Р. Русская фабрика на этапе капиталистической индустриализации: Источники и методы исследования: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1998. 460 с.

⁵⁴ Левчик Д.А. Узловые проблемы домонополистического развития США и школа «Новой экономической истории»: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / АН СССР. Ин-т всеобщей истории. М., 1990. [22 с.] С. 3, 4.

блемам экономической интерпретации истории»⁵⁵, ищут точки соприкосновения экономической и демографической истории⁵⁶. Больше внимания обращается на динамику, на борьбу старого и нового, относительность того и другого и быстрое превращение нового в старое, на конфликты внутренние и внешние, противоречия складывающейся системы и ее эволюцию.

Все эти новаторские работы позволяют говорить о заметном сдвиге в сторону социокультурной истории, причем если в западной интеллектуальной культуре социальный поворот предшествовал культурному, то, судя по анализу отечественных диссертаций, в отечественной историографии оба поворота происходили практически одновременно и с опорой на концептуальный аппарат зарубежных классиков культурной антропологии и новой культурной истории. В процессе этого освоения появляются новые предметные поля — интеллектуальная история, гендерная история, история повседневности и т.д.; происходит изменение языка историков, в частности, пересемантизация многих привычных понятий (например, понятия «культура», которая отныне мыслится как совокупность разделяемых людьми представлений, ценностей, ритуалов, символов; начинают активно циркулировать такие слова, как протест, конфликт, порядок, беспорядок, кризис, разрывы / преемственность, динамика, альтернатива, вариативность, и, с другой стороны — менталитет, память, эмоции, социальные и культурные практики, и т.д.) В свою очередь, изучение человека, связанного с обществом, культурой, актуализирует проблему контекста и стимулирует развитие интеллектуальной истории, понимаемой то в виде истории идей, то в виде истории интеллектуалов, то как всей истории, рассмотренной с интеллектуальной точки зрения. Конечно, отмеченные работы, как уже было сказано, не только численно не преобладали, но составляли лишь небольшой процент от общего числа диссертаций. Наряду с ними остается

⁵⁵ *Рязанов А.И.* Проблемы экономической интерпретации истории в трудах Ч. Бирда: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1996. 123 с.

⁵⁶ *Нефедов С.А.* Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 1999. 299 с.; *Он же.* Демографическоструктурная теория и ее применение в изучении социально-экономической истории России: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Ин-т истории и археологии УрО РАН]. Екатеринбург, 2007. 538 с.

очень много исследований, написанных в рамках прежних историко-социологических схем, или под новыми вывесками встречаются привычные заявления, основанные на материалистической концепции социальной тотальности. Отсюда поверхностность, непродуманность, новые ярлыки при сохранении прежней сути. Но все-таки можно зафиксировать заметный сдвиг в пользу новаций, особенно с начала 2000-х годов.

В-четвертых, изменение предмета исторической науки происходит за счет анализа тех проблем, о которых в советское время было принято умалчивать, либо тех, которые являются реакцией на меняющуюся реальность.

Что касается первых, то, как правило, они посвящены историографическим или источниковедческим аспектам осмысления российских партий в период становления советского строя, изучению инакомыслия в стране, белому движению, этническим группам, реформам и реформаторам, предлагавшим альтернативные варианты развития страны⁵⁷. Подавляющее число таких работ приходится на

⁵⁷ *Яковлева С.И.* Историография меньшевизма (февраль – октябрь 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1995. 233 с.; *Смирнова Т.М.* Политика ликвидации эксплуататорских классов в Советской России и ее последствия. 1917–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Ин-т рос. истории. М., 1995. 202 с.; *Тимощук А.В.* Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 – август 1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Запорожье, 1995. 25 с.; *Ефимов О.В.* Англо-американская историография реформ П.А. Столыпина: Становление и эволюция концепций: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Санкт-Петербург, 1995. 184 с.; *Тормозов В.Т.* Белое движение в гражданской войне: Историография проблемы, 1918–1998 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1998. 376 с.; *Смехнов, Р.Ю.* Интернированные немцы на территории Украинской ССР (1944–1950): размещение, трудовое использование, лагерная жизнь: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж, 2012. 213 с.; *Суслов А.Ю.* Общероссийские социалистические партии после октября 1917 года в российской историографии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: ГОУВПО «Казанский государственный университет»]. Казань, 2014. 591 с.; *Михайлин Г.В.* Влияние интеллигенции США на процесс нормализации отношений с Советской Россией — СССР. 1917–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Моск. пед. ун-т. М., 1996. 332 с.; *Дроков С.В.* Следственное дело А.В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1998. 275 с.; *Давыдов С.Г.* Инакомыслие в СССР в 50-е – первой половине

вторую половину 1990-х и заметно редееет в 2000-х. Во всех диссертациях подобной тематики провозглашается необходимость отхода от двухмерного изображения истории, привычного социально-классового анализа, ленинского подхода к осмыслению исторического прошлого. Внутри этой группы работ особого внимания заслуживают диссертации, посвященные переосмыслению марксистско-ленинского идейного наследия. Авторы этих работ говорят о необходимости взвешенной позиции: не девальвации идей марксизма-ленинизма и не переворачивании всех знаков с плюсов на минусы (т.к. в этом случае «место прежней идеологии заполняют иные догмы и мифы»⁵⁸), но генеральном переосмыслении прежних оценок, идей, цитат, выводов⁵⁹. «...нельзя просто отказаться от Маркса, — пишет Н.С. Талашова. — Надо понять. Но понять теорию и взгляды можно только в контексте цивилизации и культуры»⁶⁰.

Важно, что, в отличие от множества публицистических работ, которые в то время заполнили отечественную прессу, а также статей в научной периодике, как правило, имевших острую полемическую направленность, указанные работы, во-первых, весьма сдержаны и чаще всего далеки от политической конъюнктуры, во-вторых, пытаются говорить не только о ценностных предпосылках знания, но и о пересмотре стандартов научности, а также теоретико-методологического фундамента исторического знания. При однозначной уверенности, что история познаваема, историографический анализ, отмечают авторы этих диссертаций, «не может быть сегодня осуществлен в рамках марксистской методологии», в том числе потому, что она претендовала на статус монотеории, в то время как «общественные теории по природе своей вообще не вправе претендовать на абсолютно точное, полностью адекватное отражение действительных исторических процессов и тенденций»,

60-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1996. 262 с.

⁵⁸ Овсянников А.А. Идеино-теоретическое наследие лидеров большевизма: Источниковед. исслед: дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл.: 07.00.09. М., 1998. [61 с.] С. 55.

⁵⁹ Котеленец Е.А. Ленин и его политическое окружение в новейшей историографии, 1987–1999: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 2000. [315 с.] С. 12.

⁶⁰ Талашова Н.С. Культурно-исторический опыт античности в научной и общественно-политической деятельности Карла Маркса: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Казань, 1997. [510 с.] С. 5.

и потому невозможны никакие претензии на окончательные и однозначные оценки⁶¹. Отмечается, что «историография изучает историю познавательного процесса как субъектно-объектных отношений между историческим прошлым и изучающим его ученым, изучает субъективные отражения объективного исторического процесса в трудах ученых. Изучает не только *что* было сказано, но и *почему* это было сказано». Поэтому так важно обращение к контексту, развитию, форме. Кроме того, «ученый задает вопросы из сегодняшнего дня», т.е. «анализ той или иной теоретической конструкции детерминирован мировоззренческими установками автора, особенностями общего состояния науки, тенденциями общественной мысли, особенностями социальной практики и исторической памяти»⁶². Но это не означает субъективизма. «Исследователь всегда вынужден соединять исследуемый объект с собой, со своим запасом знаний и подходов, т.е. вынужден применять метод “второй герменевтики”, что означает непрерывность гносеологического процесса»⁶³.

Сама постановка этих проблем — свидетельство переосмысления категории «научности» с учетом предшествующей отечественной традиции и в то же время наработок современной зарубежной историографии. Следует отметить, что почти все эти работы написаны по специальности 07.00.09 (т.е. сама постановка вопроса, стремление придать современным спорам историографическую ретроспективу уже предполагала более взвешенный анализ), очень многочисленны и являются в подавляющем своем большинстве докторскими диссертациями. Предполагаю, что анализ диссертаций по российской истории, скорее всего, даст иные результаты.

Еще одним заметным явлением в проблематике работ анализируемого периода является активное обращение к событиям недавнего прошлого. Если в советское время история понималась больше как наука о прошлом, то в анализируемый период в исто-

⁶¹ Там же. С. 4, 6, 11.

⁶² *Суслов А.Ю.* Общероссийские социалистические партии после октября 1917 года в российской историографии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: ГОУВПО «Казанский государственный университет»]. Казань, 2014. 591 с.

⁶³ *Талашова Н.С.* Культурно-исторический опыт античности в научной и общественно-политической деятельности Карла Маркса: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Казань, 1997. [510 с.] С. 10, 11, 34, 49.

рическую науку начинает активно вторгаться *настоящее*. Это проявляется даже не столько в огромном интересе к проблемам недавнего (и потому незавершенного) прошлого (особенно в изучении истории Польши, Афганистана, югославского, боснийского и грузинского кризисов), сколько в начавшемся переосмыслении проблемы исторического времени, самого *режима историчности*. Так, в сознание историков постепенно проникает мысль о роли настоящего в конструировании и написании истории⁶⁴. Особенно заметным это становится в середине первого десятилетия XXI века, когда в диссертациях появляются высказывания о том, что история в равной мере изучает как прошлое, так и настоящее⁶⁵, о важном значении того, «с какой современностью связана история» или «глазами какого настоящего смотрит на прошлое сам историк»⁶⁶, а также о том, что «любая история памяти есть история использования прошлого в связанном с ним настоящим»⁶⁷. Естественно, это влияет на переопределение предмета истории, который в трудах этих историков предстает не столько наукой о прошлой социальной реальности, сколько наукой о людях и социальной реальности во всех трех измерениях исторического времени. Сказанное усиливает интерес к разным компонентам настоящего, в том числе к проблеме исторической памяти, неизбежно попавшей в поле зрения российских ученых в процессе осмысления социального и культурного поворотов, а затем и по мере разворачивания поворота мемориального. Конечно, в количественном отношении исследования, посвященные проблеме исторической памяти в рамках всеобщей истории, историографии и источниковедения, значительно уступают аналогичным по россий-

⁶⁴ См., напр.: *Закиров А.В.* Концепция исторического времени в творчестве Р. Козеллека: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Казань, 2013. 285 с.

⁶⁵ *Василенко В.В.* Интеллектуальная биография П.А. Сорокина: опыт нового исследования формирования «интегральной» методологии социально-исторического познания: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02, 07.00.09. Ставрополь, 2006. [432 с.] С. 236.

⁶⁶ *Лукьянов Д.В.* Эволюция интеллектуальных оснований научно-исторического знания в отечественной историографии второй половины 1980–1990-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2001. [372 с.] С. 85.

⁶⁷ *Трубникова Н.В.* Историческое движение «Анналов». Институциональные основы: традиции и новации: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. [Место защиты: Том. гос. ун-т]. Томск, 2007. [443 с.] С. 365.

ской истории и появляются в диссертационном дискурсе только во втором десятилетии XXI века, тем не менее, данный тренд в этом поле тоже присутствует⁶⁸.

Профессиональная культура и стандарты профессиональной деятельности

Переосмысление предмета исторической науки было тесно связано с трансформацией представлений о задачах, процессе и результатах научной деятельности. Выше уже говорилось о том, что в подавляющем числе диссертаций цель исследования видится как реконструкция объективной реальности, а важнейшими задачами являются выявление закономерностей, установление причинно-следственных связей, трансформаций и т.д., а также (что является естественным продолжением этой логики) извлечение уроков и предвидение. По сути, если задуматься, в основе всех этих представлений лежит не просто некая эпистемология, но определенная (европейская) метафизика, сложившаяся на основе древнегреческой и впоследствии легшая в основу того типа рациональности, который принято называть классическим.

Этот тип рациональности исходит из того, что мир объективен и поэтому един, существует вне нас и наших восприятий его,

⁶⁸ *Попов И.Н.* Историческая память в Византии: представления византийских хронистов VI–XII вв. об эпохе становления христианского царства: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. М., 2009. 329 с.; *Головашина О.В.* Проблема национальной самоидентификации австрийских немцев в 1918–1938 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. Тамбов, 2010. 220 с.; *Постникова А.А.* Великая армия Наполеона на Березине: событие — память: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. Екатеринбург, 2013. 276 с.; *Богомазова О.В.* В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX – начале XXI века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Челябинск, 2013. 263 с.; *Галкова И.Г.* Аристократия Пуату XI–XII вв. и родовая память: на примере создания церковью Сент-Илер в Меле и Сен-Пьер в Ольне: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. М., 2014. 395 с.; *Акулинин К.В.* Память английских участников Первой мировой войны о Западном фронте: 1914 – конец 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. Тамбов, 2016. 180 с.

предшествует нам и этим восприятиям, обладает определенными формами и отношениями и ждет, чтобы его открыли, картографировали, схватили сетями научных понятий. Из этого следует, что этот тип рациональности предполагает постоянство исследуемых объектов (они относительно стабильны и находятся в состоянии равновесия), их пассивность (неизменное не может быть активным) и универсальность и всеобщность (в том числе потому, что классическая наука строится на базе обобщений). Кроме того, классическая рациональность утверждает, что исследователь позволяет фактам говорить за себя, а потом скромно исчезает, устраняя все личное и субъективное. Отсюда почти абсолютное преобладание в диссертационных исследованиях принципа объективности, понимаемого онтологически (мир, его предметы, свойства и отношения существуют сами по себе) и гносеологически (возможность достижения знания, которое соответствует объекту и не зависит от субъективных представлений историков). Это находит выражение в таких формулировках, как «возрождение правдивой истории»⁶⁹, «стремление к объективной оценке»⁷⁰ и «беспристрастному анализу»⁷¹ и т.п. Достигается же эта объективность за счет «репрезентативности источниковой базы», «верифицируемости источников»⁷², «оценки исторических фактов с точки зрения их достоверности, независимо от личного отношения к ним»⁷³, «не-

⁶⁹ *Бондаренко А.В.* Воспитательная деятельность государственных органов и общественных организаций СССР по подготовке молодежи к защите Родины в 1946–1991 гг. историографическое исследование: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Воен. ун-т]. М., 2012. [272 с.] С. 2-3.

⁷⁰ *Чертушкина Е.В.* Молодежь в процессе трансформации японского общества на рубеже XX–XXI вв.: проблемы формирования и социокультурного развития: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока]. Владивосток, 2012. 187 с.

⁷¹ *Шерстюков С.А.* «Арабский вопрос» в политике Германии накануне и в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Томск, 2012. 195 с.

⁷² *Веремчук Л.П.* Проблема социальной революции в исторической концепции Алексиса Токвиля: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Томск, 2013. [450 с.] С. 20.

⁷³ *Ахмедов Т.А. оглы.* Курдский вопрос в Турецкой Республике: 1990–2005 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Томск, 2014. 258 с.

предвзятого освещения различных точек зрения»⁷⁴, абстрагирования «от политических трактовок и предубеждений»⁷⁵ и т.д. Другими словами, речь идет, с одной стороны, о преодолении исследовательской субъективности, с другой — о тесной соотнесенности теории и эмпирики, а также рациональных процедурах верификации источников. Я намеренно привела примеры из диссертаций последнего десятилетия. Иногда авторы настолько не понимают, о чем они пишут, говоря об объективности, что умудряются на одной странице заявить об объективности, а на другой — о «релятивизации объективного исследования»⁷⁶.

Естественно, что восприятие дисциплины истории как «научной», равно как и уверенность в «научной точности», «объективности», с точки зрения этой части академического сообщества рождает «истину», то есть концептуальное знание о мире, которое может считаться решающим и неопровержимым. Помимо опоры на традиционную критику источников и преодоление субъективности, эта уверенность в подавляющем большинстве диссертаций связана с рациональностью исторического знания, в том числе со следованием логическим процедурам рассуждения и вывода (в духе логического позитивизма). «Методология истории, — пишет С.И. Пензина, — все чаще обращается к современной логике и философии, в частности аналитической философии». И далее следует стандартное заявление о «ведущей роли объекта по сравнению с субъектом, мышлением историка», о том, что «категориальный аппарат является не мыслительной конструкцией, а адекватным отражением объ-

⁷⁴ *Ищенко А.А.* Взаимовосприятие России и США в годы первого президентства В.В. Путина: 2000–2004 гг.: по материалам отечественной и американской периодической печати: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, 07.00.03 [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. Владимир, 2015. 245 с.

⁷⁵ *Низовцев Н.А.* Становление и функционирование русской диаспоры в Калифорнии во второй половине XIX – первой трети XX века: экономические, общественно-политические и культурные аспекты: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Брян. гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского]. Брянск, 2014. 228 с.

⁷⁶ См., напр.: *Смирнов Д.А.* Научная и общественная деятельность Вальтера Беньямина, 1920-е – 1930-е гг.: интеллектуальный фланер в лабиринте культур и времен: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ивановский государственный университет]. Иваново, 2013. [517 с.] С. 6, 7.

екта исторической действительности»⁷⁷. Весьма репрезентативной для подтверждения отмеченного наблюдения является и такая фраза: «Достоверность полученных результатов определяется репрезентативностью источниковой базы, неуклонным следованием основным принципам исторического познания: объективности, историзма, системности; применением общенаучных и специально-исторических методов»⁷⁸. Встречаются (особенно в диссертациях 1990-х годов) и отсылки к известной теории отражения. Удивительно, но некоторые авторы, понимая невозможность достижения абсолютной истины и даже заявляя об этом на уровне деклараций, по-прежнему оперируют понятием научной точности.

Эта идея «научности», ее взаимосвязи с истинностью, а также с определенными типами поведения (на которых она и основана) в эпистемологических спорах минувшего века растеряла немало своих доказательств, однако по-прежнему принято считать, что истина позволяет решать практические задачи. Отсюда, собственно, и такой обязательный раздел диссертаций, как практическая значимость исследования. Учитывая проблематичный и рискованный характер категории «истина», сегодня все мы видим, как усилился акцент на способности науки решать проблемы; в том числе это касается и гуманитарных наук, практическая релевантность которых никогда прежде не считалась очевидной. Сегодня, на мой взгляд, существует определенное напряжение между интеллектуальным потенциалом гуманитарных дисциплин (задача которых — заниматься постановкой новых вопросов и проблем, т.е. рискованным мышлением — термин Ханса Ульриха Гумбрехта) и навязываемой им обязанностью — причем навязываемой тем активнее, чем более независимыми они становятся, — оправдывать именно «научные» ожидания. Не с этим ли самым связано весьма распространенное требование связать исследование с настоящим временем, подразумевая, по всей видимости, «и какую практическую пользу можно отсюда извлечь». Полагаю, что без обременения рефлексией о том, как работает историк, все это отдает некоторой

⁷⁷ Пензина С.И. Проблема границ научности исторического познания в англо-американской аналитической философии истории середины XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Пенза, 2000. 251 с.

⁷⁸ Веремчук Л.П. Проблема социальной революции в исторической концепции Алексиса Токвиля: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Томск, 2013. [450 с.] С. 20.

простоватостью. Ведь в таком одномерном мире непременно существует измеряемый «научный прогресс» и надежное суждение о качестве и значимости исследований. И напротив, важный вопрос о том, как распознать качество исследований в гуманитарных науках, в мире наблюдений второго порядка, где всякое восприятие и всякий опыт зависят от наблюдателя и потому подлежат оценке только с точки зрения наблюдателя, повисает в воздухе.

Однако чем больше историческая наука полагает, что ее долг — вести себя «научно» (вопреки целому ряду произошедших в XX веке успешных сдвигов, в результате которых вопрос о научности стал прилагаться не к высказываниям и результатам деятельности историков, а к предпосылкам, социальным функциям и условиям их деятельности), тем больше она вынуждает саму себя функционировать, как закрытая система. Эта означает, что каждое диссертационное исследование обязано доказывать свою «научную новизну», принимая во внимание «последние научные достижения» — то есть сумму всех уже накопленных знаний о том или ином вопросе или явлении (как тут не вспомнить известный раздел всех авторефератов). Подразумевается, что такое исследование либо корректирует, либо усложняет тот или иной сегмент нашей «научной картины мира». В большинстве диссертаций научная новизна связывается с введением в оборот новых источников / расширением массива источников⁷⁹; комплексном подходе и всестороннем анализе / масштабной обработке данных / расширении диапазона изучения проблемы / новом синтезе материала⁸⁰; рас-

⁷⁹ См., напр.: *Шерстюков С.А.* «Арабский вопрос» в политике Германии накануне и в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Томск, 2012. 195 с.; *Поля С.С.* Основные направления политики премьер-министра Афганистана Мухаммада Дауда: 1953–1963 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. М., 2012. 202 с.; *Солощева М.А.* Политика империи Цин в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна: 1723–1735 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ин-т восточн. рукописей РАН]. Санкт-Петербург, 2014. 221 с.

⁸⁰ См., напр.: *Шабанова М.В.* Русская народная культура в отечественной историографии середины XIX – начала XX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Рос. гос. ун-т туризма и сервиса]. Москва, 2012. 224 с.; *Шанина О.Н.* Интерпретация английской и советской прессой важнейших событий международной жизни середины 1950-х гг. в контексте холодной войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Яро-

смотрением явления в отдельно взятом регионе; выявлением нового аспекта / ракурса анализа⁸¹ и т.д. и т.п. Во всех случаях речь идет о поиске новой информации, которая, по сути, расширяет и тем самым подтверждает уже имеющуюся (невольно вспоминается куновское описание функционирования «нормальной» науки, цель которой состоит в разработке и конкретизации парадигмы), откуда, разумеется, вытекает вывод о значимости непрерывного изменения (приращения) наших знаний, естественно, кумулятивным путем, что, собственно, и обеспечивает преодоление «старого» и появление «нового». Не менее показательно то, что во всех этих исследованиях научная новизна никак не связывается с методом — напротив, каждая диссертация содержит традиционный набор методов, с которым у авторов связывается представление о научности (подробнее о методах будет сказано ниже). В этом тоже есть своя логика, также являющаяся частью этой эпистемологии: если задачей является проникновение в истинную сущность вещей, а к истинному знанию может привести только истинный метод (Ф. Бэкон), то метод / набор методов, приобретающий в этих условиях универсальный характер, может быть только один. Единственной может быть и логическая структура метода (Р. Декарт). А значит, метод не может выступать критерием новизны.

Иное положение вещей наблюдается в тех диссертациях, в которых (начиная с рубежа веков) подчеркивается неизбежная судь-

слав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. Ярославль, 2012. 249 с.; *Веремчук Л.П.* Проблема социальной революции в исторической концепции Алексиса Токвиля: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Томск, 2013. 450 с.; *Смирнов Д.А.* Научная и общественная деятельность Вальтера Бенямина, 1920-е – 1930-е гг.: интеллектуальный фланер в лабиринте культур и времен: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ивановский государственный университет]. Иваново, 2013. [517 с.]; *Шхачемуков Р.М.* Процесс становления и развития исторического знания в Адыгее: середина XVIII – 80-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. Майкоп, 2015. 197 с.

⁸¹ См., напр.: *Смехнов Р.Ю.* Интернированные немцы на территории Украинской ССР (1944–1950): размещение, трудовое использование, лагерная жизнь: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж, 2012. 213 с.; *Панченко К.А.* Социо-политические и культурные процессы в православной общине Ближнего Востока: XVI – нач. XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова]. М., 2013. 518 с.

ективность историка и происходит переопределение проблемных полей. Поскольку эти проблемные поля требуют, прежде всего, обновления языка историка и использования различных познавательных процедур, в том числе заимствованных из междисциплинарной сферы, *основным критерием научности в них выступает именно метод*. Логика рассуждения этих историков так же понятна, как и логика историков-традиционалистов: субъективность историка выражается во множестве интерпретаций, разница которых обеспечивается разнообразием методов/подходов. Показательно, что при этом не происходит резкого разрыва с предшествующей традицией, т.к. авторы этих работ продолжают настаивать на объективности собственных исследований. В этом тоже не усматривается никакого противоречия, поскольку интерес к методам, с их точки зрения, только увеличивает доказательность знания, и методы должны подтвердить существование объективной реальности. Кроме того, поскольку каждая интерпретация вносит что-то свое в понимание общей истории человечества, новизна методов в этих диссертациях часто соседствует с заявлениями о всеобщности, стремлением дать знание о целом.

Наконец, следует выделить небольшую группу диссертаций, авторы которых предлагают иное по сравнению с двумя предыдущими понимание новизны. Эти авторы также заявляют о себе на рубеже XX и XXI веков и явно испытывают на себе постмодернистское влияние. Однако их тексты ни в коем случае нельзя назвать чисто постмодернистскими — правильнее говорить именно о *постмодернистском влиянии* или об *отдельных постмодернистских идеях*, которые присутствуют в этих текстах в большей или меньшей мере и которые где-то более явно, а где-то имплицитно переопределяют понятие научной новизны.

Во-первых, речь идет об осознании не только интеллектуальных, но и социальных и культурных предпосылок деятельности историков, о множестве импликаций, присутствующих в их творчестве и влияющих на способы репрезентации прошлого. Это сказывается на познавательных приоритетах: не при помощи чего мы познаем прошлое (метод, подход), а что влияет на наше познание прошлого, почему оно видится историку так, а не иначе. Становится важным рассуждать о том, «что это за форма знания, что она влечет за собой, что она делает с объектом, какие на нем оставляет следы». Есть у этого рассуждения и такой разворот: поскольку мы никогда не можем полностью отрефлексировать все предпосылки

и контексты, от которых зависит наша познавательная деятельность, становится проблематичной наша расчлененность с объектом исследования — все эти расчленения носят исторический, а не онтологический характер. В свою очередь, это означает, что в современности могут сосуществовать разные времена и разные реальности, а историк лишь выбирает между ними, и истина, если говорить словами М. Фуко, «не принадлежит миру», а является «дискурсом определенной перспективы». В этих условиях приоритетное значение приобретает именно эта перспектива, т.е. те контексты и взаимосвязи, в которые помещается прошлое. Из этого следует еще один важный вывод: сосуществование времен снимает прежнюю проблему преодоления временной границы с прошлым, ибо настоящая граница проходит в пространстве, а не во времени.

Во-вторых, лишение исторической реальности ее объективистского статуса способствует смещению центра внимания от самого прошлого к тексту источника и / или исторического нарратива как формам репрезентации прошлого, возникающим благодаря указанным выше импликациям. Другими словами, можно говорить об очередном изменении предмета исторической науки. Важно подчеркнуть, что поскольку текст мыслится не как отражающее реальность зеркало, а как культурно сконструированный объект, целью таких исследований становится именно *репрезентация*, а не реконструкция или даже интерпретация. Занимаясь изучением исторических и историографических текстов, эти авторы предлагают обратить внимание на структуру исторического нарратива, используемые в тексте литературные тропы, которые также обладают когнитивными функциями и формируют определенный способ репрезентации реальности, дискурсивные стратегии и вообще — на особенности исторического дискурса и т.д. В свою очередь интерес к письму, языку, речи и шире — всему историографическому творчеству выводит этих историков на проблему исторического опыта.

В-третьих, пересмотр критериев «научности» и «объективности» в сторону расширения границ компетенции историка способствует появлению в текстах этих диссертаций тенденции к тому, что И.В. Нарский назвал «антропологизацией авторства»⁸², т.е. образа автора, авторской исследовательской и жизненной позиции, опыта и автобиографической истории. Отказываясь от высокомер-

⁸² Нарский И.В. Антропологизация авторства: приглашение к «литерической историографии» // НЛЮ. 2012. № 3(115). [С. 56-70] С. 56.

ного отношения к объектам исследования и признавая себя частью описания (а не вне его), эти авторы считают важной задачей историка установление диалоговых, а не патерналистских отношений с историческими акторами. Возможными путями решения такой задачи они считают а) мультиперспективизацию исследований, помогающую показать разнообразие позиций, с которых возможно ведение исторического рассказа; б) придание научному тексту художественных достоинств, позволяющее получить «удовольствие от текста». Как известно, представители классической парадигмы, особенно историки-позитивисты, противопоставляя себя романтикам, особо настаивали на изгнании из научного исследования всяких чувств и необходимости использования строгого академического языка. Даже те исследователи, которые вступили на путь переосмысления прежней парадигмы, испытывают определенную растерянность при нарушении этого «правила». Так, например, Н.С. Талашова одной из трудностей анализа «Капитала» Маркса считает именно сочетание в нем научного и художественного стилей, в результате чего «вместо экономического анализа привносятся эмоциональные моменты»⁸³.

Иную позицию занимают те исследователи, которые видят в такой «субъективности» не вред, а пользу для исторического исследования. В том числе потому, что «то, что в тексте источника кажется несерьезным, закрывает глаза исследователю»⁸⁴. «Работа историка-исследователя с его персонажами из былого во многом сродни действиям патологоанатома. В ней необходима точность, но не требуется сочувствия, право на ошибку ограничено, но ответная реакция изучаемого “тела” не ожидается. Такая метода оправдана и неизбежна в исследовании анонимной “массы” или исторических акторов, с которыми историка не связывают личные отношения и эмоциональная близость. Но история, участником которой являешься сам, — не морг; люди, принимавшие прямое участие в твоей жизни, даже если их уже нет в живых, — не бесчувственные трупы на столе прозектора. Тут нужна иная исследовательская стратегия,

⁸³ Талашова Н.С. Культурно-исторический опыт античности в научной и общественно-политической деятельности Карла Маркса: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Казань, 1997. [510 с.] С. 23.

⁸⁴ Савицкий Е.Е. Критерии новизны в историографии 1990-х годов: На примере «нового медиевализма»: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2006. 349 с.

иной стиль расследования и изложения»⁸⁵, — считает И. Нарский. Иной стиль расследования и изложения предполагает не достижение «абсолютной объективности», или раскрытие того, «как было на самом деле», а через придание тексту литературных достоинств достижение эффекта реальности, наглядности и даже осязаемости, «ощущения подлинности воскрешенного прошлого»⁸⁶. Наконец, еще одним путем установления диалоговых отношений с прошлым является раскрытие интеллектуальной интриги письма, появление в тексте «я-рассказчика», не только излагающего результаты научного исследования, но постоянно комментирующего сам процесс исследования, включая описание использованных подходов.

Научная новизна при таком видении усматривается не столько в новых темах, проблемах, привлекаемых источниках, методах, подходах, теориях и т.д., сколько в *другой онтологии, другом образе прошлого, другом способе его мыслить, понимать*, предполагающих ревизию прежних представлений о способах получения и верификации знания, характерных для культуры модерна, *пересмотре самих стандартов научности*. Это ни в коем случае не означает ненужность прежней работы над источником или методом. Она по-прежнему важна. Просто понятие новизны — историческое понятие, и сегодня оно больше смещается в область многочисленных контекстов, с которыми имеет дело историк (теоретических, эмоциональных и т.д.) и в рамках которых новое для чего-то одного может не являться таковым для другого, т.е. новое может сосуществовать со старым, а не означать постоянное расширение, обогащение и продвижение вперед. Как метко выразился Е.Е. Савицкий, «Новизна — это не сравнение, а режим или соотношение»⁸⁷. Однако такое понимание новизны предъявляет к историку повышенные требования: не только знания, но и способность к рефлексии и авторефлексии, определению собственной позиции; готовность использовать свой личный опыт в контролируемом исследовательском процессе и изложении его результатов; чувствительность к языку и т.д. и т.п.

⁸⁵ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008. [516 с.] С. 269.

⁸⁶ Нарский И.В. Антропологизация авторства... С. 58.

⁸⁷ Савицкий Е.Е. Критерии новизны в историографии 1990-х годов: На примере «нового медиевализма»: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2006. 349 с.

Эти три разных представления о научной новизне не сменяют друг друга, а присутствуют в пространстве современного диссертационного дискурса одновременно и в чем-то релятивизируют друг друга.

* * *

Не менее примечательным показателем отсутствия в историческом сообществе былого единства относительно разделяемых учеными стандартов научности являются такие разделы диссертаций, как источниковая база и историография исследования. В тех диссертациях, где авторы по-прежнему полагают, что, анализируя источник, они работают с самой исторической реальностью, прочитывается знакомый «приоритет источника» и те способы работы с ним, которые сложились в ранкеанской модели исторического познания. Поскольку источник в этой интерпретации иногда понимается как прямое отражение реальности («Мы исходим из того, что теоретические представления в источниковедении — это система знаний об объективных свойствах исторического источника как явления реальной действительности»⁸⁸), а иногда как доступ к ней, затрудненный некоторыми препятствиями на этом пути, основной задачей является определение истинного содержания источника через хорошо известную историкам процедуру внутренней и внешней критики. (Это очень напоминает аналогичные рассуждения о достижении истины, о которых уже говорилось выше: если к истине ведет истинный метод, значит, задачей является обнаружение этого метода / методов). Поэтому в большинстве случаев источники по-прежнему выстраивают в иерархическом порядке, то есть по принципу надежности и достоверности, как будто бы есть источники, которые не требуют критического рассмотрения или требуют другой степени критики. Самые достоверные, с точки зрения таких авторов, — это, конечно, первичные источники, ну, и далее по известному любому выпускнику исторического факультета списку. Это объясняет известную «сакрализацию» архивных источников в российском диссертационном пространстве и приверженность их общепринятым классификациям. Таких работ

⁸⁸ См., напр.: *Петухов А.Б.* Исторические особенности развития капитализма на Ла-Плате: Аргентина и Парагвай в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Моск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина. М., 1996. 275 с.

большинство, лежащая в их основе онтология и эпистемология понятны, поэтому я сознательно рассматриваю их только как показатель распространенности такого отношения к источнику и не ставлю перед собой задачу их детального рассмотрения.

Однако появление новых исследовательских полей, обновление эпистемологических оснований, по-видимому, все больше заставляют историков задуматься о природе исторического источника. Под сомнение ставится прежнее понятие исторического факта, якобы содержащегося в источнике в готовом виде. Текст источника оказывается не конечным результатом чьего-то творчества, адекватно отражающим культуру его создателя и потому прозрачным, а открытым пространством, требующим постоянного узнавания. В нем присутствует и авторская интенция, и смыслы, которые сложились независимо от намерения автора, и зависящее от контекста читательское прочтение. Проблематизируется надежность и релевантность прежних классификаций. Это привело к появлению целого ряда диссертаций, нацеленных либо на расширение привычного круга источников при рассмотрении традиционных тем, либо на *осмысление новых видов источников и способов работы с ними*⁸⁹. Значительное количество этих работ появляется на рубеже 1990-х и 2000-х годов.

⁸⁹ См., напр.: *Востокова Н.П.* Источники по истории крестьянской реформы в государственной деревне: (60–80-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Рос. академия гос. службы. М., 1995. 286 с.; *Сальникова А.А.* Исторический источник в американской советологии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Казань, 1997. 485 с.; *Галанин С.Ф.* Газетная реклама как исторический источник: По материалам казанских газет второй половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 1999. 322 с.; *Юсов, Д.А.* Реляции главнокомандующих русской армией периода Семилетней войны: Источниковедческое исследование: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1999. 194 с.; *Валькова О.А.* Естественнонаучная периодическая печать России XVIII – начала XX в. как источник по истории формирования научного сообщества: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2000. 254 с.; *Антонов Д.Н.* Восстановление истории семей: Метод, источники, анализ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2000. 290 с.; *Лебединский В.В.* Новые методы изучения истории: Письменные и изобразительные источники по истории Египта и подводная археология: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2000. 299 с.; *Иванов А.В.* Историческофские взгляды М.О. Гершензона: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2000. [230 с.] С. 3.

Их своеобразным медиатором, наиболее полно аккумулировавшим в себе целый комплекс признаков новизны при подходе к источнику, можно считать диссертацию А.А. Сальниковой. В ней, в частности, отмечается *неизученность* целого ряда источников, «иногда по причине незнания об их существовании или недоступности для исследователей, но иногда и в результате сознательного умолчания и извлечения их из сферы научного оборота»⁹⁰. Обращается внимание на *новые источники* — устные источники, фольклор, эмблемы, кинодокументы, данные социолингвистики, способные пролить свет на пробелы «в области источниковой информации, исходящей от самих масс»⁹¹. Подчеркивается *исторический характер источника*, зависимость его рассмотрения от эпистемологической ситуации («на источник можно смотреть по-разному, с разных теоретических и методологических позиций»), и контекста («источниковая основа американской социологии развивалась параллельно меняющемуся контексту»⁹²). Поэтому под источниковой основой, в частности, американской историографии Октября А.А. Сальникова понимает «не только определенный комплекс источников, но и сформировавшиеся применительно к нему и на его базе элементы *источниковедческого сознания* (курсив мой. — О. В.) — сумма знаний и представлений об источниках и путях их изучения, особенностях теоретико-методологических построений, методических схем, явных и неявных норм и канонов, невербализированного исторического опыта, присутствующего в той или иной историографической ситуации»⁹³. На этом основании заявляется важность *полидисциплинарных методик при анализе источника*⁹⁴. Ставится проблема поиска *скрытой дополнительной информации*⁹⁵. При этом А.А. Сальникова понимает, что такие расширительные трактовки существа исторического источника «столь далеко отстают от утвердившихся принципов научной критики источников, что идут вопреки и в противовес им»⁹⁶.

⁹⁰ Сальникова А.А. Исторический источник в американской советологии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Казань, 1997. [485 с.] С. 6.

⁹¹ Там же. С. 12.

⁹² Там же. С. 394.

⁹³ Там же. С. 7.

⁹⁴ Там же. С. 5.

⁹⁵ Там же. С. 396.

⁹⁶ Там же. С. 400.

Отдельно следует отметить несколько работ, авторы которых пытаются интегрировать в свой анализ источников достижения лингвистического поворота. В этом случае наряду с понятием «источник» в текстах работ появляется понятие «текст». Его актуализацию авторы объясняют тем, что историк на самом деле работает не с самой реальностью, якобы, напрямую отраженной в источнике, а с ее языковой интерпретацией, с дискурсивными и нарративными стратегиями, нуждающимися в специальном анализе. «Текст — это не конечный продукт, а открытое пространство сообщения»⁹⁷. Это переносит акценты анализа с того, что говорится в источнике, на то, *как* это говорится, с работы с прямыми следами прошлого на работу с его репрезентациями, через которые открывается путь к восприятию людьми своего времени. Работа же с репрезентациями предполагает не только другое отношение к источнику, но и совершенно другой вопросник при работе с ним. Совсем иначе выглядит и цель такого анализа: например, обнаружить «отчетливые или стертые следы индивидуальных или групповых пристрастий и приоритетов, многообразные свидетельства-маркеры личных и коллективных идентификаций»⁹⁸ (вместо прежней — «познать объект»⁹⁹). Однако такая риторика все-таки является исключением из общего правила написания источниковедческой части диссертационного исследования. Она практически отсутствует в диссертациях по всеобщей истории и появляется только в теоретических и методологических работах (причем тех из них, которые посвящены историографии и методам исторических исследований, а не источниковедению).

Обращение к зарубежным и отечественным теоретико-методологическим новациям заставляет отечественных историографов и методологов пристальнее присмотреться и к понятию «историографический источник». Отмечая его «сложный и спорный статус», «множество прочтений», «предельно размывающих объем их содержания и границы», а также «неразработанность и неясность их

⁹⁷ *Зверева Г.И.* Британская историография в контексте академической культуры XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Москва, 1998. [455 с.] С. 210-211.

⁹⁸ Там же. С. 27.

⁹⁹ *Востокова Н.П.* Источники по истории крестьянской реформы в государственной деревне: (60–80-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Рос. академия гос. службы. М., 1995. [286 с.] С. 7.

классификации», они указывают на несоответствие современных задач исследования привычной градации историографических источников по жанру исторического сочинения (монография, статья, рецензия и т.д.). Выход из этой ситуации видится в отказе от привычной для историографов классификации и разработке собственных, согласуемых с проблематикой и задачами исследования критериев отбора. Так, например, В.П. Корзун использует понятие «опорная группа» источников (научная продукция) и «вспомогательная группа» источников («традиционные исторические источники, воссоздающие атмосферу творчества, вехи жизни автора, его общественно-политические взгляды, ценностные ориентации, особенности его натуры»)¹⁰⁰. При этом подчеркивается, что субъективный характер этих источников является их достоинством, а не недостатком.

Г.И. Зверева и Д.В. Лукьянов предлагают еще более радикальные варианты пересмотра привычной для историографов классификации. Галина Ивановна Зверева: 1) тексты, в которых содержатся представления исследователей о природе научного знания, теории и методологии; 2) тексты мыслителей, которые определили основные направления современной философии истории, теории истории и разработали новые подходы и методы исследования; 3) тексты, авторы которых принимали участие в определении структуры исторического знания, открывали новые исследовательские области; 4) наконец, тексты конкретно-исторических исследований. Причем иногда тексты одного и того же автора оказываются в разных группах, потому что в качестве главного основания систематики предлагается «характеристика текста, а не его автор, предполагающая его определенные параметры и характерные признаки — концептуальные, формально-стилистические, композиционные, специфики плана содержания и плана выражения текста»¹⁰¹. К тому же подчеркивается, что проводимая между научной литературой и историографическими источниками грань на самом деле крайне прозрачна и подвижна, т.к. «историки, которые анализируют современные направления и концепции историографии, сами являются частью ис-

¹⁰⁰ Корзун В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Омск, 2002. [364 с.] С. 72–85.

¹⁰¹ Зверева Г.И. Британская историография в контексте академической культуры XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Москва, 1998. [455 с.] С. 25–27.

торического сообщества и в своих рассуждениях обнаруживают общие ментальные установки профессии»¹⁰².

В центре внимания Д.В. Лукьянова находятся вопросы, «касающиеся характера взаимоотношений исторической науки и исторического сознания, связи изменений форм профессиональной самоорганизации науки и самого “познающего сознания” (историка) внутри нее — с результатами происходящих перемен в современном историческом сознании общества». Поэтому градация исторических источников предлагается им по трем «уровням *самообъективации* отечественного историографического процесса»: отражающих 1) «формализованную самоорганизацию науки посредством соответствующего корпуса различных “видовых” текст-источников»; 2) «сложные социокультурные процессы интериоризации» результатов трансформаций исторической науки; 3) «генезис “внешних” форм и сущности исторического знания, адекватно выраженный через формы общественного сознания и исторического образования»¹⁰³.

Приведенные примеры позволяют говорить о существовании в современном историографическом пространстве разных способов и критериев анализа источников, а через них — и способов создания научного знания. Каждый из них опирается на свою онтологию, присущие ей нормы и ценности и тесно связанную с ней эпистемологию. Большинство авторов диссертаций ориентированы на традиционный, унаследованный с советских времен способ источниковедческого анализа, делая это интуитивно или сознательно, в последнем случае рассчитывая на усовершенствование процедур критики источников в рамках прежних научных норм и ценностей. Другие (их явное меньшинство) понимают, что новые научные проблемы просто не укладываются в эти нормы и представления и ориентированы на поиск историографической альтернативы через рефлексию установок неклассической рациональности, в том числе в плане анализа источников. Третьи (единицы) готовы обозначать собственные источниковедческие приоритеты в процессе формирования соответствующих основ диссертационного исследования, подчеркивая радикальную открытость и плю-

¹⁰² Там же. С. 14.

¹⁰³ Лукьянов Д.В. Эволюция интеллектуальных оснований научно-исторического знания в отечественной историографии второй половины 1980–1990-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2001. [372 с.] С. 43–48.

ральность источниковедческой индивидуальности, определяемой задачами конкретного исследования.

В не меньшей мере это относится к историографии. Наряду с привычными заявлениями о «традиционных принципах историографического анализа»¹⁰⁴, положенных в основу исследования, и задачей максимального описания всей имеющейся историографии (как тут не вспомнить позитивистский принцип полноты источниковой базы, тесно связанный с идеей кумуляции и выводимой отсюда научной новизной), при этом не всегда позволяющей понять, каким образом некоторые с обязательностью упомянутые публикации помогли автору достичь цели исследования¹⁰⁵, одним из заметных изменений, предъявляемых сегодня к качеству историографических работ, является «поворот от простой библиографичности исследований, от аннотационного стиля к серьезному методологическому анализу историографических фактов, к осуществлению “своеобразного замера на методологичность”»¹⁰⁶. Кроме того, историография начинает осмысливаться как подвижная, социокультурная система с конвенциональными вещами, и изучаться как текст — в контексте культуры, науки, знания, социума¹⁰⁷.

* * *

Отдельно стоит остановиться на таком важном и репрезентативном разделе диссертаций, как методологическая база исследования (иногда — теоретическая и методологическая база исследо-

¹⁰⁴ Ильченко В.Н. Историография промышленности Урала в годы революции и гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 1998. 351 с.

¹⁰⁵ Показательным симптомом осознания этого можно считать фразу, которую я обнаружила в одной из диссертаций 1996 года: обозначив всю значимую для диссертации литературу, автор заявил, что «вся остальная литература не представляет интереса, т.к. является продуктом борьбы двух систем». — Огнев А.Л. Политический портрет Франца Йозефа Штрауса: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Санкт-Петербург. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 1995. 181 с.

¹⁰⁶ Чайникова С.А. Историография культурных преобразований на Урале в 1917–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 2000. 213 с.

¹⁰⁷ Зверева Г.И. Британская историография в контексте академической культуры XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Москва, 1998. [455 с.] С. 24.

вания). Прежде всего, бросается в глаза повторяемость формулировок, кочующих из диссертации в диссертацию (с некоторыми комбинаторными вариациями), что создает ощущение ее абсолютной формальности и оторванности от самого исторического исследования. Словно методологическая база — это некая ритуальная схема, которую исследователь должен обозначить в начале работы, а потом действовать интуитивно и «как бог на душу положит». Признаком этой формализации является пассивное в большинстве случаев следование классификациям, разработанным отечественными учеными в 1980-е годы, общим для которых является выделение трех групп методов: общенаучных, специально-исторических и методов смежных дисциплин. К общенаучным, согласно этим схемам, относят методы восхождения от конкретного к абстрактному и наоборот, индукции и дедукции, анализа и синтеза и т.д.; к числу общеисторических — историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный метод, а также метод периодизации, проблемно-исторический метод, биографический, синхронный, актуализации и некоторые другие методы; к междисциплинарным — структурно-системный, статистический, конкретных социальных исследований, социальной психологии. При этом условность и противоречивость этой классификации сомнений почему-то не вызывает, хотя вопросов к этим классификациям можно задать много. Не понятен, например, критерий разведения общенаучных и междисциплинарных методов, равно как и междисциплинарное сотрудничество историка почему-то исключительно с точными науками и психологией. Сомнение вызывает и возможность проведения научного исследования без обращения к процедурам анализа и синтеза. Если же это невозможно, то в чем смысл обязательной отсылки к ним при обосновании методологической базы? Но главное, конечно, не в самих этих классификациях, а в стоящих за ними стандартах научности, предполагающих строгую *канонизацию методов* и веру в возможность применения их в чистом виде независимо от характера и задач исследования. Очевидно, что за всем этим опять-таки стоит та самая классическая эпистемология. Согласно ей, научное мышление возможно только тогда, когда контролируются не только внешние факторы, влияющие на ход эксперимента, но и сами операции познающего субъекта. Представление о *возможности достижения полного самоконтроля над мыслительными операциями* ведет к идее Метода, с помощью которого можно беспрепятственно получать новые знания и

производить все необходимые нам результаты действия, т.е. достигать Истины.

Это отсутствие органического единства содержания работы и ее методологического обоснования позволяет предположить, что некая методологическая база постфактум подвертывается под уже готовое диссертационное исследование, а не наоборот. Повидимому, это тоже часть современной эпистемологии, впрочем, частично объяснимая длительным господством в нашей стране марксизма-ленинизма, с которым на протяжении десятков лет отечественные ученые были вынуждены соотносить предпосылки собственной познавательной деятельности. А поскольку вся эта риторика имела исключительно декларативный характер, большинство историков (особенно историков старшего поколения) и по сей день рассматривает методологию как исключительно умозрительное учение и потому бесполезное в исследовательской практике историка. Во второй половине 1990-х годов в методологических частях диссертаций все еще превалирует отсылка к марксистско-ленинскому подходу («марксистский вариант интерпретации», «исторический материализм» и т.п., противопоставляющиеся иным, «плохим» подходам)¹⁰⁸, которая постепенно сменяется указаниями на «диалектический подход к познанию общества», «диалектическое понимание исторического развития», «диалектический историзм»¹⁰⁹, сходящими на нет в начале 2000-х. Одновременно с этим из работ практически исчезает философский уровень методологии, включающий в себя анализ содержательных (мировоззренческие основы научного мышления, философская «картина мира») и формальных (типы рациональности, парадигмы мышления и т.п.) пред-

¹⁰⁸ См., напр.: *Галимичев А.Н.* Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X–XIII веков): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Саратов. ун-т. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. 166 с.; *Артизов А.Н.* Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука, конец 1920-х – 1930-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1998. 198 с.

¹⁰⁹ *Федуненко И.А.* Влияние военной печати на личный состав армии США в ходе реформы 70-х годов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1995. 210 с.; *Зинченко А.В.* Военная политика Франции 1981–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Москва, 1995. 210 с.; *Вахтерова О.А.* Отечественная дореволюционная историография студенческого движения в России в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Санкт-Петербург, 1998. 186 с.

посылок и ориентиров собственной познавательной деятельности. И сегодня этот уровень методологической рефлексии является в диссертациях скорее редким исключением, нежели правилом.

Однако если на словах отсылки к марксистскому подходу к истории становятся редкими, на уровне конкретного формулирования методологического аппарата исследования они остаются. До сих пор наиболее распространенными принципами диссертационных исследований являются *принципы историзма, научности и объективности*, присутствующие практически во всех диссертационных исследованиях. При этом совершен непонятно, почему научность вдруг стала принципом исследования, а не его характеристикой или установкой; под принципом историзма, как правило, понимается его идеалистическая (индивидуальность и неповторимость культурно-исторической реальности) или материалистическая (требование рассматривать каждое явление с точки зрения его возникновения, последовательности развития и в связи с другими явлениями) версия; а принцип объективности исходит из познания реальности такой, «какой она была на самом деле», и предполагает получение знания, адекватного исторической действительности¹¹⁰. Впрочем, в большинстве диссертаций вообще невозможно понять интерпретацию того или иного принципа, т.к. авторы этих работ никак не поясняют их использование, опять-таки полагая наличие их универсальной и канонизированной трактовки. Впрочем, присутствует и некоторая вариативность в виде авторских трактовок. Например, принцип объективности может пониматься как «верификация источников»¹¹¹, «обоснование любого вывода посредством эмпирических данных и логических правил вывода»¹¹², предписание «оценивать исторические факты с точки зрения достоверности, независимо от личного отношения к ним и их соответствия

¹¹⁰ Я не буду приводить примеры — такие формулировки присутствуют в подавляющем большинстве диссертаций.

¹¹¹ Ващева И.Ю. Феномен «Церковных историй» в эпоху Поздней Античности: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Белгородский государственный университет]. Нижний Новгород, 2013. 789 с.

¹¹² Захаров А.О. Политическая история и политическая организация обществ Юго-Восточного Индокитая и Малайского архипелага в I тыс. н.э.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Институт востоковедения РАН]. Москва, 2013. 473 с.

определенным установкам»¹¹³, требование «всестороннего анализа источников, непредвзятого освещения различных точек зрения»¹¹⁴ или «объективно-исторического анализа в контексте общесовременных императивов начала XXI века» (?)¹¹⁵ и т.п.

Среди других принципов исследования наиболее часто фигурируют принципы детерминизма, системности, каузальности, естественно, в их классическом понимании. Иногда авторы проявляет столь серьезную методологическую безграмотность, что, не мудрствуя лукаво, запросто объединяют принципы классической и неклассической рациональности, в результате чего получается не несущая никакого смысла эклектика. Например, в одной из диссертаций предполагается реконструировать и изучить процессы политического развития, основываясь на «принципах историзма, единства человечества и всеобщей истории, феноменологического конструктивизма и объективности» (!) При этом, согласно феноменологии, по мнению автора диссертации, следует как можно точнее описывать явления общественной жизни (!) Соблюдение же всех этих принципов, якобы, «позволяет достичь проверяемости, необходимой для подлинного научного знания»¹¹⁶.

Наряду с принципами исторического исследования в диссертациях часто фигурирует понятие подхода. В большинстве диссертаций понятия подхода и принципа исследования, а еще чаще — подхода и метода рассматриваются как синонимичные. Например,

¹¹³ *Ахмедов Т.А. оглы.* Курдский вопрос в Турецкой Республике: 1990–2005 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Томск, 2014. 258 с.

¹¹⁴ *Ищенко А.А.* Взаимовосприятие России и США в годы первого президентства В.В. Путина: 2000–2004 гг.: по материалам отечественной и американской периодической печати: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, 07.00.03 [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. Владимир, 2015. 245 с.

¹¹⁵ *Чертушкина Е.В.* Молодежь в процессе трансформации японского общества на рубеже XX–XXI вв.: проблемы формирования и социокультурного развития: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. [Место защиты: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока]. Владивосток, 2012. [187 с.] С. 11.

¹¹⁶ *Захаров А.О.* Политическая история и политическая организация обществ Юго-Восточного Индокитая и Малайского архипелага в I тыс. н.э.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Институт востоковедения РАН]. М., 2013. [473 с.] С. 14.

компаративным в диссертации может объявляться и подход, и метод, равно как системность может быть качеством и подхода, и принципа анализа. Точно так же процедуры понимания и объяснения могут именоваться либо принципами, либо методами. Между тем, следует признать важность такого различия, ведь подход все-таки предполагает комплекс идейных и ценностных установок, определяющих ракурс рассмотрения явления и, как следствие — подбор соответствующих ему методов как конкретных способов решения проблемы. Подход — это стратегия, методы — тактика.

В диссертациях второй половины 1990-х годов на уровне подхода преобладает различие марксистского / ленинского и немарксистского подхода. Например, в диссертации С.В. Дрокова обозначается «отход от социально-классового анализа, двухмерной истории, ленинского подхода»¹¹⁷, задачей диссертации А.И. Рязанова является «изучение различных вариантов немарксистского подхода к проблемам экономической интерпретации истории»¹¹⁸, а в диссертации А.Н. Галямичева «марксистский подход противопоставляется “плохому” чешскому институциональному»¹¹⁹. Под немарксистскими подходами чаще всего в это время понимается цивилизационный / культурно-цивилизационный подход, реже — мир-системный, опирающиеся на теории модернизации и мультикультурализма, тоталитаризма и демократии, подчеркивается пробуксовка «упрощенных эволюционных схем»¹²⁰.

В 2000-х противопоставление марксистского и иных подходов перестает быть актуальным. Как счел один из авторов, «мар-

¹¹⁷ Дроков С.В. Следственное дело А.В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1998. 275 с.

¹¹⁸ Рязанов А.И. Проблемы экономической интерпретации истории в трудах Ч. Бирда: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1996. 123 с.

¹¹⁹ Галямичев А.Н. Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X–XIII веков): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Саратов. ун-т. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. 166 с.

¹²⁰ Коротаев А.В. Общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена, X в. до н.э. – XX в. н.э.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 1998. 275 с.; Шмидт С.Ф. Особенности эволюции теорий империализма и мирового неравенства в XX веке: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Иркутск, 1998. 241 с.; Диманис М.Д. Политические партии ФРГ: Концептуальные подходы к государству, 1945–1995 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 1998. 425 с.

ксистский подход уступил место цивилизационной ... концепции ... истории»¹²¹. Однако гораздо более востребованным для проведения диссертационных исследований этого времени становится вовсе не цивилизационный подход, несколько подрастерявший свою привлекательность в условиях отсутствия «противника» и по мере обнаружения тупиковых моделей цивилизационного анализа, а концептуальный и методологический аппарат культурной истории / новой культурной истории и формирующийся на их базе антропологический / культурно-антропологический / социокультурный подход с отсылками к истории повседневности, гендерной истории, новой биографической истории¹²². Другим значимым на-

¹²¹ *Шхачемуков Р.М.* Процесс становления и развития исторического знания в Адыгее: середина XVIII – 80-е гг. XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. Майкоп, 2015. [197 с.] С. 12.

¹²² *Антонов Д.Н.* Восстановление истории семей: Метод, источники, анализ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2000. 290 с.; *Горбачев Д.В.* Общественно-политические взгляды И.А. Фесслера: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. Саратов, 2012. 190 с.; *Ващева И.Ю.* Феномен «Церковных историй» в эпоху Поздней Античности: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Белгородский государственный университет]. Нижний Новгород, 2013. 789 с.; *Сморчков А.М.* Политическая и сакральная власть в римской Республике: структуры и механизмы взаимодействия: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Московский государственный университет]. М., 2013. 624 с.; *Ищенко А.А.* Взаимовосприятие России и США в годы первого президентства В.В. Путина: 2000–2004 гг.: по материалам отечественной и американской периодической печати: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, 07.00.03 / [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. Владимир, 2015. 245 с.; *Скутина И.В.* Человек в условиях Гражданской войны на Урале: Историография проблемы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Тюмень, 2003. 786 с.; *Супоницкая И.М.* Рабовладельческий юг США, 1840–1860: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Ин-т всеобщей истории, 1996. 246 с.; *Краснова И.А.* Деловые люди Флоренции XIV–XV вв.: Занятия, образ жизни и обыден. сознание: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 1997. 464 с.; *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Иваново, 2000. 478 с.; *Кожоскин Е.М.* Французские рабочие в XVIII – первой половине XIX в.: Проблемы становления социального класса: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 2000. 376 с.; *Хмелевская Ю.Ю.* Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии, 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Пермь, 2000. 257 с. и др.

правлением поисков становится интеллектуальная история, также иногда именуемая культурно-интеллектуальной, а в 2010-е годы к ней добавляются, как уже было сказано выше, мемориальные исследования. Анонсирование этих подходов вполне корреспондирует с отмеченным в первой части данного исследования расширением «территории историка». Естественно, что переход к новым методам социальной и культурной антропологии, исторической психологии требует рефлексии, теоретической проработки, определения соотношения их с традиционными подходами и методами. Поэтому в текстах некоторых диссертаций наблюдается явный сдвиг: если в 1990-е годы авторы могли декларировать использование какой-то теории и методов, а на деле писали что-то свое, явно не связанное с ними, то начиная с 2000-х в тех диссертациях, авторы которых отошли от использования стандартного набора методов, принципов и подходов и попытались отрефлексировать собственную деятельность, это противоречие преодолевается. Сказанное позволяет сделать вывод, что в этой части академического сообщества методы перестают рассматриваться как в высшей степени упорядоченные процедуры, структурированные в виде последовательных «шагов», которые, в свою очередь, ассоциируются с конкретными рядами весьма определенных — тоже канонических — объектов, вопросов, целей. Ведь в классическом идеале именно методы позволяют «нормальной науке» действовать вслепую, ища ответы на вопросы без привлечения критического мышления. Поэтому со времен научной революции речь шла, прежде всего, об особенностях методов, обеспечивающих прямую или косвенную повторяемость научных результатов, которая воспринималась в классической эпистемологии как «естественное» условие научности. Совсем иная картина наблюдается в диссертационных исследованиях историков-«новаторов», где традиционное перечисление методов сменяется описанием собственных ценностных установок, авторского подхода, а методология осмысливается не как постоянный инструмент, а как направление поисков¹²³. Поэтому заметно больше говорят о

¹²³ См., напр.: *Хмелевская Ю.Ю.* Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии, 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Пермь, 2000. 257 с.; *Кожокин Е.М.* Французские рабочие в XVIII – первой половине XIX в.: Проблемы становления социального класса: дис. ... д-ра ист. наук:

стратегиях, чем о методе, и о *понятиях*, тем самым подчеркивая тесную взаимосвязь выбора предмета исследования, теории, словесных модулей, познавательного хода и только в последнюю очередь — корреспондирующих с ними методов.

Отдельного разговора заслуживает междисциплинарный подход, отсылки к которому встречаются во многих диссертациях анализируемого периода. Оставляю за пределами внимания значительный массив диссертаций, где междисциплинарность присутствует исключительно на уровне декларации, призванная, видимо, гарантировать успешность данного научного сочинения. Междисциплинарность при этом рассматривается как *заимствование данных из других наук*, как будто бы без такого заимствования вообще можно обойтись, или как использование в своей работе научной литературы, авторами которой стали представители других дисциплин. Однако помимо неизбежных и тривиальных фактов обмена информацией присутствуют и другие модели междисциплинарного взаимодействия. Их авторы концептуализируют междисциплинарность как то, что должно быть в *самой практике исторического исследования*. Одним из вариантов такого взаимодействия является полидисциплинарный подход, когда в рамках одной диссертации сопоставляются результаты дисциплинарных исследований с применением свойственных этой дисциплине подходов и методов. Сопоставление этих результатов позволяет найти новые, ранее не обнаруживаемые сходства исследуемых предметных областей,

07.00.03. М., 2000. 376 с.; Антонов Д.Н. Восстановление истории семей: Метод, источники, анализ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2000. 290 с.; Коротаев А.В. Общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена, X в. до н.э. – XX в. н.э.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 1998. 275 с.; Ульянов С.А. Трансформация принципов познания исторической науки во Франции в последней четверти XX – начале XXI века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Казань, 2012. 302 с.; Гусакова О.В. Культ англо-саксонских святых в условиях скандинавских завоеваний Англии IX–XI вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. М., 2012. 300 с.; Свешиников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века: историко-антропологическое исследование научного сообщества: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Том. гос. ун-т]. Томск, 2011. 465 с.

где важными дисциплинарными отличиями уже можно пренебречь¹²⁴. Другой вариант заключается в сочетании теоретического, концептуального и методологического аппарата других дисциплин с историческими методами исследования и способами обобщения и изложения материала. Такое сочетание позволяет авторам изменять традиционные углы зрения, под которыми было принято рассматривать те или иные факты, и порождает новые идеи и новую сложность описания. Особенно заметным является заимствование историками концепций и понятий, выработанных в рамках социальной и культурной антропологии, этнологии, психологии, лингвистике, а также социологии и экономике.

Например, для изучения культа англосаксонских святых IX–XI веков автор диссертации опирается на комплексный междисциплинарный подход, сочетающий источниковедческий, историко-антропологические и культурно-антропологические методы. «Культы святых рассматриваются как социокультурный феномен, формирование и развитие которого неразрывно связано не только с социально-политическими событиями светской и церковной истории, но и с ментальностью, представлениями, ценностями, идентичностью людей соответствующей эпохи»¹²⁵. Поэтому при изучении нарративных памятников автор диссертации не только анализирует их содержание, но проводит текстологический и нарратологический анализы текстов источников, показывая влияние на процессы интеллектуального творчества форм языка, письма и речи. В этой связи значимыми для исследования оказываются лингвистические методы, в частности структурный и контент-анализ текстов.

Обращение к концептуальному аппарату других дисциплин особенно заметно в диссертациях по историографии и методологии, что предопределяет многоаспектность и структурную сложность их методологической базы и требует выработки специального инструментария. Помимо традиционных принципов историографического анализа (предусматривающих анализ идей того или иного историка, его мировоззрения, идеологических установок,

¹²⁴ *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Иваново, 2000. 478 с.

¹²⁵ *Гусакова О.В.* Культ англо-саксонских святых в условиях скандинавских завоеваний Англии IX–XI вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. М., 2012. [300 с.] С. 30.

теоретико-методологических предпочтений, а также уровня развития исторической науки, условий создания произведения и т.д.), авторы ряда диссертационных исследований начинают обращать свое внимание на институциональные и организационные основы исторического знания для понимания его содержания и механизмов получения, на профессиональное сознание и поведение, ритуальные и церемониальные аспекты историографической практики, академическую культуру и т.п. С этой целью они обращаются, с одной стороны, к категориальному аппарату науковедения, истории и социологии науки (понятия парадигмы, дисциплинарной матрицы, исследовательской программы, научного сообщества, научной школы, научной коммуникации), социологии (габитус), литературоведению (культурные гнезда), этнографии (быт, в данном случае — историографический быт). Одним из характерных примеров последних лет может служить следующий фрагмент обоснования методологической базы:

«В отличие от “классического подхода”, опирающегося на традицию историографического анализа, “альтернативные подходы”, предлагаемые в последнее время наукой, опираются на разработки целого ряда научных дисциплин гуманитарного цикла (история и философия науки, социология, лингвистика, этнология) и представляют собой попытки междисциплинарного исследования.

Антропологический анализ научной школы, естественно, невозможен без учета собственно профессиональной деятельности ученых-историков. В этом плане наш подход тесно соприкасается с классическим. Но профессиональная деятельность историков интересует нас под несколько специфическим углом зрения (нам интересно не то, что пишут (или что думают) историки, а как то, что они пишут, соотносится с реальным социальным контекстом, контекстом профессиональной микрогруппы).

Получается, что здесь наша модель близко соприкасается с определенными наработками социологии науки (особенно в рамках этнометодологии) и социологии знания. Действительно социологическое и антропологическое изучение научной повседневности и антропологии академической жизни является образцом подобного применения подобной модели <...>

Однако при попытке перенесения подобных конструкций на наш материал... возникают две проблемы. Во-первых, историк науки в отличие от социолога и антрополога лишен поля в этнографическом смысле <...> Подобная ситуация требует от антропологически ориентированного историка особых исследова-

тельских процедур, некоей специальной герменевтики. Это в некоторой степени определяет и специфику построения текста <...> Во-вторых, в большинстве своем историко-антропологические исследования строятся на материале естественных наук, которые в плане научной повседневности, естественно, обладают социокультурной спецификой. Эксперименты, наблюдения, опыты... экспедиции — все это отсутствует в научной (и учебной) повседневности гуманитария <...> Приходится искать другие значимые формы и практики, более характерные и важные для гуманитария и историка в частности <...>

Подобное следование с неизбежностью оказывается микро-историческим, поскольку избранный нами подход представляется продуктивным в первую очередь при анализе малой социальной группы в определенном конкретно-историческом контексте»¹²⁶.

Приведенные отрывки показывают обозначившиеся тренды в формах междисциплинарного взаимодействия и проявляют другие методологические проблемы, в которые упираются авторы таких диссертаций. Если проанализировать отмеченные выше поиски, можно увидеть некоторую общую их направленность, а именно движение к культурной истории социального, где основной упор делается на соотношение между нормами, представлениями и практиками, на понимание характера социальных групп и институтов через *раскодировку индивидуального и коллективного опыта*, а в методологическом плане — на поиск такого концептуального аппарата, который совмещает микро- и макроанализ. Обращение к микро-уровню, с одной стороны, позволяет «схватить» индивидуальный опыт, структуры мышления и общую логику социальных процессов. С другой стороны, перенесение акцента на групповые или семейные стратегии демонстрирует неполное подчинение этих микро-групп социальным структурам. Для понимания поведения и действий людей в рамках сообществ и сложных социальных систем необходим анализ динамики и циркуляций, требующий обращения к наработкам естественных и социальных наук (теория синергетики, акторно-сетевой анализ и т.п., которые пока еще прак-

¹²⁶ Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века: историко-антропологическое исследование научного сообщества: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Том. гос. ун-т]. Томск, 2011. [465 с.] С. 29-33, 38-39.

тически не представлены в диссертационных исследованиях¹²⁷). Кроме того, такие исследования показывают, что решение каждой задачи требует своего варианта междисциплинарного синтеза и соответствующего ему методологического инструментария. Разнообразие исследовательских методов, концепций, теорий столь велико, что неизбежно порождает аберрации и трансформации в процессе их использования в каждом конкретном случае и заставляет относиться к междисциплинарности не как к данности, а как к плодотворной возможности для развития исторического знания. Реальная интеллектуальная практика истории гораздо разнообразнее и богаче любой отдельно взятой операции.

«Диалог когнитивных практик» (вместо заключения)

Поведенный в данной работе анализ диссертационных исследований 1995–2015 гг., конечно, не может претендовать на полноту и всеохватность. За его рамками осталось немало аспектов, которые либо были затронуты по касательной, либо вообще остались за пределами внимания. Однако те аспекты и проблемы, которые удалось проанализировать, позволяют выявить ряд заметных тенденций в отечественной исторической науке последних двадцати лет.

Прежде всего, следует отметить заметную корреляцию между содержанием, научным аппаратом и способами проведения научного исследования, с одной стороны, и с разделяемым исследователем типом рациональности, с другой. По сути, специфика любого диссертационного (и шире — научного) исследования определяется связью между объектом, субъектом и способами познания, которые тесно корреспондируют друг с другом. Отношение к объекту зависит от дисциплинарной онтологии и научной картины мира, которая в свою очередь влияет на видение предмета исследования, — им может стать только то, что укладывается в эту онтологию. Картина мира также влияет на ценности, нормы и идеалы научного познания (а те в свою очередь — на способы и средства познания), ведь каждый тип объектов требует своих стандартов научности и своих познавательных процедур. Наконец, ценност-

¹²⁷ Ульянов С.А. Трансформация принципов познания исторической науки во Франции в последней четверти XX – начале XXI века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Казань, 2012. 302 с.

ные ориентации субъекта также должны соответствовать представлениям об объекте и существующим стандартам научности¹²⁸.

В исследуемый период в диссертационных исследованиях замечены все три типа рациональности. В основе работ, опирающихся (чаще всего бессознательно) на классическую рациональность, лежит механистическая картина мира, включающая представление об объекте как отгороженной от субъекта системе, свойства которой определяются свойствами ее элементов, движение тел никак не сказывается на пространстве и времени, которые в этой картине мира также независимы от объектов, как и субъекты. Отсюда концентрация внимания авторов этих диссертаций исключительно на характеристиках объекта, его системной организации, взаимодействии с другими объектами. Сказанное объясняет их приверженность методологии позитивизма с сопутствующими заявлениями о возможности бытования истории как строгой науки, занятиями эмпирическими исследованиями (в духе естественных наук) в противовес теоретическим, о важности критики источников, приверженности объективизму, системному подходу, где свойства системы определяются свойствами ее частей и т.д. Если посмотреть на тематику таких работ, то основные акценты здесь сделаны на изучение структур, систем, институтов, развития. Таких работ в российской исторической науке за исследуемый период на данный момент большинство. Авторы некоторых из них под влиянием других типов рациональности на словах уже отошли от наивных заявлений об отождествлении получаемых в ходе исследования объективных данных с непосредственными данными сознания, тем не менее, на уровне самого процесса исследования они все так же имеют дело с «объективной», хотя теперь уже более абстрактной реальностью. Другие откровенно заявляют о своей приверженности позитивизму и нежелании следовать «модному нынче жанру культурологии»¹²⁹. Восхищение позитивизмом делает главной ценностью таких работ идеологию профессионализма, соединение эрудиции, уважения к традиции и совершенного владения техническими навыками.

¹²⁸ См. подробнее об этом: *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249-295.

¹²⁹ См., напр.: *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Иваново, 2000. [478 с.] С. 10.

Работы, ориентированные на неклассическую рациональность, опираются на картину мира, рассматривающую мир и общество как более сложные системы, где невозможно противопоставление вещи и процесса, потому что вещь и есть процесс, где целое не редуцируется к элементам и не работает классическое понимание причинности. Но самое главное, пожалуй, заключается в переосмыслении роли познающего субъекта, признании субъектной детерминации познавательной деятельности. Отсюда столь заметный в диссертациях 2000-х годов тренд в сторону антропологии, интерес к индивидуальному, повседневному, что требует от их авторов уточнения предмета исторической науки, приводит к появлению новых измерений традиционных тем в рамках «новой» социальной, политической, экономической, интеллектуальной, культурной истории, стимулирует постановку новых вопросов к источникам и поиск адекватных этому вопроснику исследовательских стратегий и методов.

Те авторы, которые испытали на себе влияние идей постнеклассической рациональности, идут еще дальше и заявляют не только об индивидуальной, но и социокультурной детерминации научной деятельности, поэтому основным предметом их анализа становятся ценностно-ролевые структуры субъекта, границы индивидуального действия и влияющие на него факторы. Это приводит их к отказу от жесткой сциентистской схемы, переносу интереса на сторону исследователя, роли научного сообщества. Однако понимание необходимости расширения набора признаков, характеризующих субъект, порождает соответствующую эпистемологически ориентированную рефлексии истории, в том числе рефлексии над ценностными основаниями своей деятельности. В результате видение исторической предметности начинает включать в себя, с одной стороны, антропологию субъективности, а с другой — эпистемологический дискурс. Российские исследователи не склонны при этом бросаться в крайность абсолютного релятивизма. Признавая и реальность прошлого, и значение дискурса, в истории их все больше начинает интересовать *способ, при помощи которого живущие и действующие в обществе люди наделяют смыслом свои практики и дискурсы*. При этом понимание того, чем они занимаются, когда занимаются историей, напрямую связано с анализом собственной деятельности и стандартов научности, и именно эпистемология оказывается тем началом, которое удерживает процесс познания в единстве. В этих исследованиях естественным об-

разом начинает переосмысливаться и проблема междисциплинарности, активно поставленная, но с трудом реализуемая в рамках неклассики, потому что классическая и неклассическая рациональности все же больше ориентируются на описание фрагмента действительности, который является предметом дисциплины. Постнеклассика же, актуализируя мысль М. Вебера о том, что «в основе деления наук лежат не “фактические” связи “вещей”, а “мысленные” связи проблем: там, где с помощью нового метода исследуется новая проблема и тем самым обнаруживаются истины, открывающие новые точки зрения, возникает новая “наука”»¹³⁰, все больше сближает историю не только с другими гуманитарными и социальными, но и с естественными науками.

Таким образом, можно констатировать воздействие постмодернизма и сложившейся на его основе постнеклассической рациональности, с одной стороны, на изменение предмета и тематики исследований, с другой, — на трансформацию идеалов и стандартов научности. Еще раз подчеркну, что численно такие работы не преобладают, но на уровне тенденции обнаруживается их заметное увеличение и влияние на последующие исследования (в том числе через цитирование). В научном сознании постепенно укореняются новые представления о природе познавательной деятельности. Обязательным и необходимым условием научного исследования по истории становится активность его исполнителя, а используемый им теоретико-методологический инструментарий — «сеть», при помощи которой «вылавливается» предмет истории. Наряду с понятиями и формами мысли подвергается рефлексии и стоящая за ними идеология. Приходит понимание, что многие элементы профессиональной деятельности — идея, аксиома, логическая связь, объективное знание, практическая польза — сложились в точных науках и несут в себе следы своего происхождения, являясь не просто частью научности, а *репрессивным элементом*, заставляющим видеть одно и не видеть другое; что «научность — культурная, а не только техническая характеристика когнитивной активности» (курсив мой. — О. В.), что познание обращено к истине как элементу культурного сознания, и что важнейшая функция эпистемологии как самосознания науки — раскрывать культурный

¹³⁰ Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 364.

смысл познавательной деятельности»¹³¹. Одним из заметных изменений происходящей трансформации является акцент на мышлении, рефлексии, все больше становящейся нормой профессиональной деятельности. С другой стороны, показательно то, что кризис прежних стандартов научности пока еще мало сказывается на стандартах строгого научного изложения и системы аргументации диссертационных исследований, заметных в других жанрах исторического творчества. Видимо, сказывается консерватизм диссертационного жанра при ритуальном характере допуска в академическое пространство и преобладании привычных критериев оценки научного творчества. Хотя элементы другого стиля письма, ориентированного на эксплицитную репрезентацию в тексте диссертации образа автора, все же присутствуют. Отмеченные трансформации ни в коем случае не являются признаком отказа от научности. Это означает *иное* понимание научности и его исторического характера. То же самое можно сказать и о тех предпосылках научности, которые в классической рациональности понимались как вне-научные. Просто границы между ними являются историческими, подвижными, и проведенный анализ диссертационных исследований как раз показывает, что рубеж 1990-х и 2000-х обозначил время очередного перехода. Значит, можно ожидать того, что попытки переосмысления, о котором идет речь, будут все более частыми.

Между тем, следует отметить, что разрушение былого эпистемологического консенсуса не носит в диссертационных исследованиях исследуемого периода конфликтного (за редким исключением) и линейного характера, когда одни посягают на существующие правила, а другие настаивают на усилении дисциплинарного и институционального контроля. На первый взгляд, может показаться, что они *существуют параллельно* в силу неверифицируемости их картин мира, концептуального аппарата и методов в терминах друг друга. Сторонники позитивистской позиции, устоявшей вопреки всем «кризисам» и «поворотам» XX века, делают вид, что ничего не происходит, как будто бы нет ни новых теорий, ни новых канонов, ни брошенных исторической науке вызовов, ни вообще всей той литературы, в которой поднимаются эти проблемы. Трудно сказать, чем обусловлена такая позиция: то ли ленью, то ли профессиональной незрелостью, то ли отсутствием

¹³¹ Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. [423 с.] С. 31.

достойных с их точки зрения образцов конкретно-исторических исследований, написанных с опорой на другую эпистемологию. Ощущение параллельности возникает и в силу разницы тематической приверженности историков-традиционалистов и историков-новаторов. Последние занимаются темами, которые в кругу первых вообще не приняты, в том числе потому, что настоящей историей не считаются, вследствие чего их даже трудно рассматривать как конкурентов друг друга.

Однако при более близком рассмотрении можно обнаружить, что это не совсем так. Все обозначенные выше идейные и когнитивные проекты разворачивались в сложном переплетении взаимоотношений, соглашений и разногласий друг с другом, неся на себе печать определенной однобокости, но создавая то «поле особого напряжения», внутри которого идет сложный «диалог когнитивных практик» (термин Л.А. Микешиной). Если посмотреть со стороны «традиционного лагеря», то формирование другой культуры задач и возможностей исторического познания, иных норм историописания и теоретико-методологического своеобразия, с одной стороны, действительно рождает подчеркнутую теоретическую индифферентность и методологический нигилизм, но с другой стороны, — попытки использовать некоторые новации на практике, пусть даже без глубокого понимания своих теоретико-методологических посылок. Кроме того, в среде «традиционалистов» заметно обращение к авторитетным историкам и ссылки на авторитеты даже в тех случаях, когда те придерживаются других стандартов научности. Со стороны «новаторов» также не заметно ориентации на полный разрыв с классикой, скорее, повышенная рефлексия и поиск интегральной парадигмы. Прежде всего, потому, что они сами недавно вышли из этого прошлого и испытывают на себе его давление даже тогда, когда понимают необходимость его преодоления. Именно поэтому в своем самоутверждении они ищут в *едином* с «традиционалистами» интеллектуальном прошлом, например, активно обращаясь к опыту и достижениям дореволюционной историографии. Они не монолитны и представляют собой скорее гетерогенный, нежели гомогенный конгломерат разнообразных подходов, стратегий и процедур, и до сих пор не могут предложить концептуального ответа на вызов постмодернизма. А еще потому, что осознают необходимость разных способов изучения истории. Например, для решения ряда задач постнеклассика

может быть просто избыточной: одни исследователи ориентируются на один уровень сложности мира, другие — на другой. Невероятная устойчивость позитивистской модели также не может не наводить на определенные размышления.

Таким образом, отношения между старым и новым выстраиваются по принципу *существования и дополнительности* с постепенным сдвигом в сторону новаций. Поэтому, вероятно, правильнее говорить о коммуникативных проблемах внутри профессионального сообщества историков, сосуществовании в современном историографическом пространстве разных парадигм, отсутствии единых стандартов научности и единого языка. Идет процесс самоидентификации российской науки, и в этом процессе современный профессионал-историк учится ориентироваться в пространстве разных смыслов, учитывать классические и неклассические стратегии формирования исторической эпистемологии в том смысле, что она сегодня включает в себя генетически различные универсалии и константы исторического знания. Между тем, набор формальных требований к диссертационному исследованию, равно как обязательные разделы его введения, пока не пересматриваются: они продолжают ориентироваться на ту культуру профессионализма, которая сложилась в рамках естественнонаучного знания в XIX веке, плохо корреспондирует со знанием гуманитарным и, по-видимому, исчерпала себя в начале XXI века.

В ПОИСКАХ НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ

ГЛАВА 1

«МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» И «ИСТОРИЯ ПАМЯТИ» В РОССИИ

Последние десятилетия прошлого столетия и начало века нынешнего ознаменовались глубокими изменениями в структуре, содержании и методологии социально-гуманитарного знания, в проблематике исследований, корпусе источников и исследовательских технологиях исторической науки, в представлениях о познавательных возможностях истории и роли самого историка в процессе познания прошлого, о способах трансляции исторического знания¹. В конце XX века память превратилась в ценность, соответствующую современному плюралистическому видению прошлого, и в числе методологических поворотов, кардинально изменивших облик современной исторической науки, далеко не последнее место занял «мемориальный поворот»², громко заявили о себе новые

¹ Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. 1999. Вып. 1. С. 250-265; Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. 288 с.; Чеканцева З.А. Идентичность современного историка и ресурсы дисциплинарной рефлексии // Мир историка: историографический сборник. Вып. 6. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010. С. 295-317; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011; Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 600 с.

² Васильев А.Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 19-23; Нора П.

подходы, направленные на исследование не столько прошлой реальности, сколько образов прошлого в общественном сознании, в результате проблематика памяти захватила разные области социально-гуманитарного знания, всех наук о культуре. На рубеже XX–XXI вв. предметом исследования для историков все чаще становится не историческое событие или явление как таковое, а сама память о прошлом, живущая в сознании общества: ее содержание, способы трансляции, социальные функции³.

Впрочем, в современной историографии представления о прошлом рассматриваются в двух разных направлениях. В рамках так называемой устной истории, определяемой как субдисциплина по материалу и методике анализа, в центре исследования находятся личные воспоминания участников, очевидцев, современников исторических событий, содержание групповой памяти и процессы трансформации воспоминаний в ходе социальной коммуникации, в ходе которых индивидуальные воспоминания изменяются с изменением отношения к прошлому и оценок исторических событий в обществе в целом. Устная история производит главным образом реконструкцию событий недавнего прошлого, работая с воспоминаниями-свидетельствами «обычных людей». Ее методы успешно применяются, в частности, для изучения локальной истории и воссоздания реалий повседневной жизни на том или ином историческом этапе; в таком случае «воспоминания старожилов» оцениваются с точки зрения их «аутентичности, правдивости», возможности верификации повторяющихся сюжетов⁴. Однако «первая особенность устных источников заключается в том, что они доносят до нас

Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 395; *Про А.* Двенадцать уроков по истории / Пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. М.: РГТУ, 2000. С. 312; *Хаттон П.* История как искусство памяти / Пер. с англ. Ю.В. Быстрова. СПб.: «Владимир Даль», 2003. С. 33–50. См. также: *Чеканцева З.А.* История и память в интеллектуальной культуре Франции // Историческая экспертиза. 2016. № 4(9). С. 29–44.

³ *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–169.

⁴ *Жидченко А.В., Рыженко В.Г.* История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–60-е гг. 2-е изд., испр. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. С. 50–55.

информацию не столько о самих событиях, сколько о смысле этих событий... Интервью часто открывают нам неизвестные события или неизвестные стороны известных событий...»⁵. При этом подчеркивается символическая роль того, о чем сообщают и во что верят информанты: ведь для них это «в той же мере составляет исторический факт (факт того, во что люди верят), что и реально случившиеся события»⁶.

Для изучения «живой», коммуникативной памяти о прошлом активно используется социологический метод «глубинного» интервью. Личные свидетельства современников, полученные в результате интервьюирования и письменного анкетирования — незаменимый источник в исследованиях, посвященных семейной, групповой и поколенческой памяти⁷ и аккумулирующих уникальные сведения о жизненном опыте разных поколений. Вместе с тем, эти свидетельства-воспоминания — не просто некие сообщения о прошлом, они всегда актуализированы, «пристегнуты» к настоящему, связаны с попытками «в настоящем пробудить прошлое»:

⁵ *Портелли А.* Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 39. См. также: *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003; Устная история, биография и женский взгляд / Ред. и сост. Е.Ю. Мещеркина. М.: Невский простор, 2004; *Карачкова Е.Ю.* «Анналы» Джеймса Тода и устная традиция о прошлом в Раджастанхоне // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. С. 86-105.

⁶ *Портелли А.* Особенности устной истории. С. 40.

⁷ Например, такие материалы легли в основу коллективного проекта челябинских историков, посвященного трансляции семейной памяти в «век катастроф»: *Нагорная О.С.* «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества // Век памяти, память века: Опыт общения с прошлым в XX столетии. Сб. статей / Под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. С. 228-241). См. также: *Нора П.* Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 48-72; *Еремеева С.А.* В пространстве воспоминаний: мемуары членов Приютинского братства // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 209-218; *Родигина Н.Н., Сабурова Т.А.* Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX в.: преемственность и разрывы // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 138-157; *Серых А.А.* Поколение «восьмидесятников» и поколенческая идентичность русских историков рубежа XIX–XX вв. // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 158-171.

«Это та сторона памяти, при помощи которой мы осознанно восстанавливаем образы прошлого, выбирая то, что подходит нуждам нашей сегодняшней ситуации»⁸. Интересно, что, если изначально устная история воспринималась как способ понять картину мира ««подавленных», “молчащих” общественных групп и слоев», «улиц, а не университетских аудиторий», то в наши дни методики устной истории применяются и для реконструкции университетской, «профессорской», и — шире — интеллигентской идентичности с присущими этим группам этосом, языком самоописания, коллективными мифами⁹; исследование в таком случае приобретает характер внутренней рефлексии, «самопознания» сообщества.

Внимание историков, несомненно, привлечет предложенная в отечественной социологии более развернутая в общегуманитарное пространство интерпретация целей и задач устной истории, подчеркивающая ее самоценность как «субъектно ориентированной науки об опыте» и «индивидуализированном процессе присвоения / освоения истории», недостаточность одних устных источников и необходимость комбинации методов¹⁰. Е.Ю. Рождественская акцентирует актуальность и трудность перехода от коммуникативной к культурной памяти: вслед за Алейдой Ассман, она остро ставит вопрос о способности устной истории без существенных потерь «готовить сегменты лишенной субъективности коллективной памяти в копилку культурной памяти сообщества»¹¹. И это напрямую выводит нас на проблематику второго направления, сосредоточенного на изучении исторической памяти как механизма закрепления, накопления и трансляции информации (т.е. комплекса знаний, образов, представлений) о прошлом в культуре социума.

Начав свой путь в мировой историографии в 1980-е гг., изучение исторической памяти на рубеже XX–XXI вв. прочно утвер-

⁸ Хаттон П. История как искусство памяти. С. 23.

⁹ Гатина З.С., Гребенкина Д.М. Личные воспоминания о постсоветских университетах и архив профессорской идентичности // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 361–386; Черепанова Р.С. «Обычный наблюдатель»: XX век в воспоминаниях провинциальной интеллигенции. Опыт чтения и интерпретации текстов устной истории: монография. Челябинск: Каменный пояс, 2015.

¹⁰ Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 48–49.

¹¹ Там же. С. 50–51.

дилось в качестве самостоятельного исследовательского направления¹² и даже заявило претензию на статус особой парадигмы¹³. Обращение к собственному прошлому присуще любой культуре, и само существование и развитие общества во многом определяется доступными инструментами осмысления и трансляции социального опыта. Сегодня потребность в исследовании содержания и функций исторической памяти чрезвычайно высока, и историки, вслед за социологами и психологами, ставят перед собой новый комплекс проблем. Какие события и герои отражены в сознании населения? Какова модальность отношения к ним? Как представления о событиях и героях истории воздействуют на формирование общественных и личных идеалов и, в конечном счете, на поведение людей? Наконец, каковы механизмы и факторы формирования так называемого «символического прошлого», или наделенных определенным смыслом «мест памяти» — образов исторических событий и знаковых персонажей? Эта система культурно-исторических символов трактуется как форма исторической памяти, основанная на преломлении событий истории через систему доминирующих в обществе ценностей и норм. Коллективная память об общем прошлом, представленном историческими событиями, героями, памятными местами, выступает как одно из важнейших средств консолидации и самоидентификации той или иной общности, создания и поддержания ее внутреннего единства.

В истории находится множество примеров, когда проблемы настоящего времени диктовали необходимость не просто обращения к прошлому, но его кардинальной переоценки. При этом, говоря о кризисах, войнах, социальных конфликтах и революциях в контексте изучения переходных эпох, исследователи все больше обращают внимание не столько на их непосредственную роль в

¹² Подробнее об этом: *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и Новейшая история. 2004. № 5. С. 33-45. См. также: *Repina, Lorina P.* Historical Memory and Contemporary Historical Scholarship // Russian Social Science Review. 2017. Vol. 58. July–October. Issue 4-5: History and the Present. P. 318-336.

¹³ *Васильев А.Г.* Модульный курс «Парадигма памяти в пространстве современного социально-гуманитарного знания» // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 4 (61). С. 197-200; *Султанов К.К.* Мемориальная парадигма и литература как вторая реальность // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 24-44.

процессе исторических преобразований, сколько на восприятие кризисных явлений и событий современниками, на трансляцию и рецепцию опыта их переживания в историческом сознании последующих поколений, на фиксацию и мифологизацию исторической памяти в так называемых «нарративах идентичности». С начала 2000-х российские ученые также стали активно обращаться к анализу исторической памяти как социокультурного феномена, связанного с осмыслением исторических событий и символической репрезентацией прошлого. Уже в первые годы нового века интерес к «истории памяти» и к роли «образов прошлого» и исторической мифологии как фактора социальной идентичности обрел зримую форму в публикации ряда статей и коллективных трудов¹⁴. Исто-

¹⁴ *Репина Л.П.* Коллективная память и мифы исторического сознания // *Сотворение Истории. Человек — Память — Текст.* Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 321–343; *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) // Серия WP6. Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2003; *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2003; *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // *Новая и Новейшая история.* 2004. № 5. С. 33–45; *Репина Л.П.* Социальная память и историческая культура средневековой Европы // *Диалог со временем.* 2004. Вып. 12. С. 5–19; *Репина Л.П.* Знание о прошлом и культурная память // *Труды Отделения историко-филологических наук РАН* — 2005. М.: Наука, 2005. С. 71–91; *Репина Л.П.* Исторические представления и культурное многообразие мира // *Диалог со временем.* 2006. Вып. 16. С. 5–14; *Век памяти, память века: Опыт общения с прошлым в XX столетии.* Сб. статей / Под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004; *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа* / Ред.-сост. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005; *Феномен прошлого* / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005; *История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006; *Менищikov В.В., Горин И.Н.* Историческая память в современном историческом дискурсе // *SALIVONICA: Сб. научных статей памяти А.Н. Саливона.* Курган: Изд-во Курганск. ун-та, 2009. С. 53–61; *Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2010; *Кризисы переломных эпох в исторической памяти* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. В указанных коллективных трудах и в ряде статей проблематика исторической памяти и идентичности была исследована и на материале социальных групп весьма отдаленных эпох. См., напр.: *Цатурова С.К.* Историческая память в построении самоидентифика-

рические и историографические исследования такого рода довольно быстро завоевали заметное место в историографии, доказав свою чрезвычайную актуальность в современной России, где острота общественных дискуссий, сопровождавшихся «ревизией прошлого» и «войнами памяти»¹⁵, придала «мемориальному движению» дополнительный импульс. Уже с начала 2000-х интерес историков России к «мемориальной» проблематике выразился в проведении многочисленных конференций, круглых столов, семинаров, в публикации монографий, тематических сборников, серийных изданий, специальных выпусков журналов. Параллельно с последовавшей быстрой экспансией конкретных исследований и проблематизацией соотношения исторической памяти и исторического знания шел процесс «присвоения» и адаптации трансдисциплинарного концептуального аппарата¹⁶.

ции парламентариев во Франции XIV–XV вв. // Социальная идентичность средневекового человека. М.: Наука, 2007. С. 166-179; Чернова Л.Н. «Историческая» память в купеческой среде Англии Раннего Нового времени // Историческое прошлое и образы истории / под ред. Л.Н. Черновой. Саратов: Изд. центр «Наука», 2013. С. 35-42; и др.

¹⁵ Хмелевская Ю.Ю. О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века... С. 7.

¹⁶ О понятии «исторический миф» и о роли мифа в историческом знании см.: Минц С.С. Роль мифа в современном историческом знании // Психологические свойства современного исторического знания. Материалы II международного рабочего семинара по исторической психологии / Отв. ред. С.С. Минц. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, МНЦИПИ, 2003. С. 37-42; Сыров В.Н. Что считать историческими мифами // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем: сборник статей и тезисов докладов международной научной конференции. Липецк, 4-26 сентября 2015 года. Тамбов: Изд-во Р.В. Першина, 2015. С. 6-16; Линченко А.А. Социальная мифология в пространстве исторической памяти // Там же. С. 37-45. См. также: Маловичко С.И. Историческая наука и историческая память: социальные функции и формы конструирования прошлого // Историческая память, власть и дисциплинарная история: Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 23-25 апреля 2010 г. Пятигорск–Ставрополь–Москва: ПГЛУ, 2010. С. 92-101; Repina, Lorina. Historical Memory and Contemporary Historical Scholarship // Russian Social Science Review. 2017. Vol. 58. July–October. Issue 4-5: History and the Present. P. 318-336.

Социальная значимость исследований исторической памяти очевидна, однако не столь однозначно решаются возникающие вокруг нее концептуальные проблемы: в «историографии памяти» существуют терминологические и методологические расхождения. Продолжаются дискуссии о содержании концептов «коллективная память», «социальная память», «культурная память», «историческая память», «историческое сознание», «мемориальная культура», «образы прошлого», «процесс мемориализации», «коммеморативные практики» и др. В когнитивистике «память» обозначает способность кодировать, хранить и воспроизводить информацию. Понятие же «историческая память» интерпретируется отдельными авторами то как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, то как индивидуальная память о прошлом, то как часть социального запаса знания, существующая уже в примитивных обществах, то как «коллективная память» о прошлом, если речь идет о группе, и как «социальная память», когда речь идет об обществе, то как идеологизированная история, то просто как синоним исторического сознания»¹⁷. Ряд авторов подчеркивают, что память — это способность индивидуальной психики¹⁸, и предлагают в иных случаях использовать более подходящие термины: «обыденные представления о прошлом», «массовые социальные представления о прошлом» и т.п.¹⁹. Но все же метафора памяти получила широкое употребление, как и категория исторического сознания, в чем прежде всего, конечно, сказалось влияние зарубежных социологов, антропологов, историков, стоявших у истоков «мемориального поворота» — таких как Морис Хальбвакс (с его тезисом о социаль-

¹⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. С. 68-69. См. также: Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 170-220.

¹⁸ См.: Руткевич А.М. Прошлое историка. Препринт WP6/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 56 с. Ср., напр.: Ретина Л.П. Историческая память и историческое сознание: парадоксы концептуализации // Взгляд в прошлое... Проблемы, методы, перспективы / Отв. ред. Майя Петрова и Дюла Свак. М.: Аквилон, 2015. С. 109-128.

¹⁹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. В 2 т. СПб.: Наука, 2003. Т.1: Конструирование прошлого. С. 242, 98.

ной обусловленности памяти), Пьер Нора (с грандиозным проектом о «местах памяти» как значимых для нации символов и связанных с ними событиях истории), Ян Ассманн (с теорией культурной памяти и перспективой «истории памяти» — *Gedächtnisgeschichte*), Йорн Рюзен (с типологией кризисов исторического сознания) и др. ученых, идеи которых нашли признание в профессиональном сообществе историков, а также тех российских ученых, чьи методологические подходы с некоторым опозданием оказались востребованными в современной «историографии памяти»: это, в первую очередь, Ю. Левада, Ю. Лотман, М. Барг. При этом в отечественной гуманитаристике с самого начала концептуализация исторической памяти опиралась на теоретическую проработку проблем исторического сознания, а точнее — они шли в одной связке.

В концепции Юрия Левады историческая память (как «короткая», охватывающая события непосредственного прошлого, так и «опосредованная», «долговременная») представляет собой неотъемлемую часть культуры любого человеческого общества, а историческое сознание любой эпохи выступает как одна из важнейших и существенных характеристик культуры, определяет присущий ей способ организации накопленного исторического опыта и включает в себя все многообразие форм, в которых «общество воспроизводит свое движение во времени»²⁰. Ю.М. Лотман утверждал: «Подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти». Коллективная память опирается на социальный контекст. О том или ином событии помнят только тогда, когда оно размещается в концептуальных структурах, определенных сообществом²¹.

²⁰ Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. М., 1969. С. 191-193. С этой концептуализацией исторического сознания резонирует определение памяти, данное В.А. Шкуратовым в его широко известном учебном пособии по исторической психологии: «Память — создательница прошлого, историческая способность находиться во времени...». — Шкуратов В.А. Историческая психология. 2-е, перераб. изд. М.: Смысл, 1997. С. 435.

²¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 344-345.

М.А. Барг, давший развернутое теоретическое обоснование категории исторического сознания, неоднократно подчеркивал, что было бы неверно сводить *историческое сознание* к *исторической памяти*. Обращенное одной своей стороной к прошлому («погруженное» в историю) историческое сознание, тем не менее, не исчерпывается лишь объяснением прошлого: «Настоящее не может быть до конца познано без обращения к прошлому. Однако в равной мере его нельзя постичь и без обращения к будущему, т.е. без знания элементов будущего в настоящем. ...Историческое сознание — это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, — мост, ведущий человека из прошлого в грядущее»²². Эту «продуктивную» роль настоящего подчеркнул позднее Б.Г. Могильницкий: «Историческое сознание есть сознание интерпретирующее, конструирующее образ прошлого, соотносясь с социокультурными запросами современности... Происходящие в обществе перемены порождают у него новые вопросы к минувшему, обуславливая складывающийся в общественном сознании образ прошлого, и чем значительнее эти перемены, тем радикальнее он изменяется»²³. «Живое прошлое», запечатленное в историческом сознании, активно воздействует на настоящее, и наоборот, образы прошлого, его интерпретации и оценки, испытывают влияние современности²⁴.

Таким образом, речь идет о воплощенной в историческом сознании связи времен или же, напротив, о ее разрушении. Социокультурные факторы длительной временной протяженности и краткосрочные исторические ситуации образуют подвижный контекст. В новых исторических обстоятельствах образы уходящей реальности взаимодействуют со старыми мифологемами, которые могут быть актуализированы и трансформированы сообразно воз-

²² Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 24. См. также: Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49-66; «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005.

²³ Могильницкий Б.Г. Историческая наука и историческое сознание на рубеже веков // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской научной конференции. Т. 1. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 7.

²⁴ Могильницкий Б.Г. Историческое сознание и историческая наука // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Ч. I. Саратов, 1995. С. 10-18.

никающим общественным потребностям²⁵. Разнообразный материал многочисленных исследований красноречиво свидетельствует о самой тесной связи восприятия исторических событий, самого образа прошлого и отношения к нему — с явлениями социальными (в широком смысле этого слова). Представления о механизмах выработки общих значений и смыслов в процессе межличностной коммуникации, о формировании представлений индивида под воздействием разнообразных форм группового влияния, о социальной обусловленности индивидуального мышления, о воздействии социальных факторов на формирование человека и его когнитивные процессы, о культурной обусловленности индивидуальных представлений имеют достаточно устойчивую традицию в социологии, социальной и культурной антропологии, этнологии, социальной психологии²⁶. При этом разнообразные источники и каналы формирования исторической памяти не ограничиваются межличностным общением, воздействием социальной среды и «культурным запасом». Она включает мощный пласт личностных восприятий, переживаний и представлений, индивидуальных интерпретаций опыта относительно недавнего прошлого (прежде всего на событийном уровне), которые, составляя основу «живой памяти» индивида, тем не менее, постоянно подвергаются «внешней» обработке.

В последнее десятилетие российскими специалистами в области философии, социологии, психологии, филологии, культурологии и истории были предложены оригинальные концептуальные разработки, ориентированные на осмысление надындивидуального измерения памяти²⁷. Остановимся подробнее лишь на тех из них,

²⁵ Как показали исследования последнего десятилетия, речь идет о самом широком спектре общественных потребностей, включая туристический бизнес. Неслучайно, именно этому вопросу была посвящена весьма востребованная участниками прошедшего впервые в Китае XXII Конгресса МКИН (Цзинань, август 2015 года) сессия по специальной теме «Использование истории в туристической сфере». Из работ российских исследователей см., напр.: *Крючков И.В., Крючкова Н.Д.* Историческая память и габсбургский миф: посттравматический синдром человека XX века и товар общества массового потребления // *Диалог со временем*. 2019. С. 86-99.

²⁶ *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти... С. 122-123.

²⁷ См. об этом: *Репина Л.П.* Феномен памяти в современном гуманитарном знании // *Ученые записки Казанского университета*. Том 153. Се-

которые, как представляется, задают для «истории памяти» интересные ориентиры. Психолог Вероника Нуркова, опираясь на теорию деятельности Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева и культурно-исторический подход к изучению индивидуальной памяти, разработала оригинальную концепцию автобиографической памяти. Согласно ее определению, автобиографическая память — это «субъективное отражение пройденного человеком пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, которым определяется самоидентичность личности как уникального, тождественного самому себе психологического субъекта»; но при этом автобиографическая память укоренена в культурных формах поведения, опосредованных специфическими символическими системами и практиками и представляет собой сплав социокультурных и индивидуально-личностных смыслов. Исследовательница выделила четыре качественно различных психологических позиции носителя исторической памяти по отношению к тому или иному историческому событию: Участник, Очевидец, Современник, Наследник²⁸. Концепция В. Нурковой способна обогатить исследовательский арсенал исторического исследования в нескольких направлениях. Во-первых, она расширяет возможности источниковедческого анализа разнообразных и зачастую фрагментарных автобиографических нарративов, жанровая типология которых не исчерпывается полномасштабными автобиографическими литературными памятниками. Во-вторых, выявленные автором различные механизмы включения исторически значимых событий в индивидуальную историческую память и их переживания как фактов личной биографии позволяют яснее представить возможные критерии достоверности исторических сведений и роль исторического контекста в используемых историками разноуровневых текстах автобиографического характера: от так называемых «модельных» («канонических») до вполне рядовых. Наконец, чрезвычайно важными для

рия: Гуманитарные науки. Книга 3. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2011. С. 191-201. Подробнее о философском осмыслении культурной памяти см.: Буллер А., Линченко А.А. Культурная память как предмет философского осмысления // Диалог со временем. 2018. Вып. 66. С. 5-18.

²⁸ Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2000. С. 32.

собственно историко-мемориальных и историографических исследований представляются проведенные эксперименты и развернутые наблюдения Нурковой относительно особенностей переживания исторических событий отдаленного и недавнего прошлого с позиции «Наследника», имеющие равную ценность как с точки зрения изучения индивидуальной, так и коллективной (социальной) исторической памяти.

Представляет интерес также опыт Р.С. Черепановой, предложившей для работы с текстами биографических нарративных интервью использовать известную типологию сюжетных повествований, предложенную Х. Уайтом: личная история, как и «большая история», может быть представлена как роман («драма самоидентификации»), сатира («драма обреченности»), комедия или трагедия²⁹. Стилистически-сюжетный анализ автобиографического нарратива позволяет выявить интертекстуальность устных рассказов, проследить, как в них накладываются друг на друга пласты различных дискурсов, сюжетных форм и литературных клише, политической риторики разных времен. Это, в свою очередь, дает возможность уйти от обвинения рассказчиков в лукавстве или обмане, увидеть, «как внутреннее самоощущение, усвоенная жизненная роль влияют на выбор и подачу фактов, входящих в саморепрезентацию рассказчика», и понять, «что, почему, в каких оттенках и в какой, на самом деле, зависимости от “социальных рамок”» попадает на «полотно памяти»³⁰.

Знание о надындивидуальном измерении памяти становится весьма значимым, так как память всё больше зависит не от природы, а от культуры социума, в символической среде которой происходит передача информации и, благодаря языку, возникает «поле единого, общепонятного и поэтому передаваемого от поколения к поколению опыта»³¹. В.А. Шкуратов сформулировал эту тенденцию следующим образом: «Общая тенденция развития мнемонической функции состоит в уменьшении роли тела и натуральных

²⁹ Черепанова Р.С. «Обычный наблюдатель»: XX век в воспоминаниях провинциальной интеллигенции. Опыт чтения и интерпретации текстов устной истории: монография. Челябинск: Каменный пояс, 2015. С. 24-27.

³⁰ Там же. С.42-43.

³¹ Нуркова В.В. Свершенное продолжается... С. 40.

знаков в передаче знаний от поколения к поколению и в сращивании человеческой памяти с искусственными информационными технологиями»³². Сегодня технический прогресс обеспечивает каждому члену общества память, которой никто никогда не был наделен лично³³, а информационно-кибернетический подход поставил задачу создания новой эпистемологии, в которой психические процессы отождествляются с обработкой разумом информационных потоков³⁴.

Социальная память не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены данной группы неосознанно ориентируются в своем окружении, она является также источником знания, дающим материал для сознательной рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого в исторической мысли и профессиональном историческом знании³⁵. Следует, однако, заметить, что, активно обращаясь сегодня к проблемам исторической памяти, историки в основном сосредоточены на изучении «использования прошлого», «исторической политики» и «риторики памяти». Проблема соотношения мировоззренческого, ценностного, психологического и прагматического аспектов формирования и трансформации исторической памяти остается за кадром. Как правило, задача параллельного анализа рационального и ментального уровней того или иного «образа прошлого» даже не ставится, хотя внимания требуют оба эти компонента социального конструирования исторической преемственности или, напротив, исторического дисконтинуитета.

Многочисленные конкретные исследования последнего десятилетия нацелены главным образом на описание социально и

³² Шкуратов В.А. Историческая психология. С. 436.

³³ Макаров А.И. Феномен надындивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус. Автореф. дисс. д. филос. н. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 36; Макаров А.И. Феномен надындивидуальной памяти (образы — концепты — рефлексия). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 216 с.; Макаров А.И. Образ Другого как образ памяти (Методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 6-18.

³⁴ Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. С. 259.

³⁵ Репина Л.П. «Мост из прошлого в грядущее», или вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 181-190.

культурно дифференцированных комплексов массовых представлений о прошлом. Предметом анализа является память крупных социальных групп, память профессиональных сообществ и корпораций (например, университетской корпорации³⁶), политических объединений³⁷, память разных поколений, а также групп людей, объединенных общим опытом, прежде всего — опытом травматическим (включая память эмигрантов, узников ГУЛАГа или нацистских концлагерей, ветеранов мировых или локальных войн)³⁸, нако-

³⁶ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Университет как память и как знание // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 35-67. См. также: Репина Л.П. Истории университетов как феномен мемориальной культуры // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). Т. 1 / Отв. ред. О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2017. С. 12-16; Жуковская Т.Н. Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или Особенности университетской памяти // Там же. Т. 2. С. 128-132. О специфической природе юбилейных «университетских историй», выступающих в жанре «корпоративных автобиографий», их существенных отличиях от «университетских исследований», которые ставят перед собой задачу деконструкции предшествующей, «изобретенной» традиции см. подробнее: Репина Л.П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 142-152.

³⁷ См., напр.: Айзенштат М.П. Прошлое в политической культуре Британии второй половины XVIII века // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 165-180.

³⁸ См., напр.: Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы международного интернет-семинара / Сост. Ю. Хмелевская. Предисл. И. Нарский. М.: АИРО, 2005. 160 с.; Урбанович В.М. Отечественная историография русско-японской войны 1904–1905 гг. как форма культурной памяти: стратегии детравматизации национальной идентичности. Автореферат на соиск. учен. степ. к.и.н. М., 2012; Авдони-на Н.С. Метаморфозы исторической памяти о войне в Афганистане (1979–1989) // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 338-346; Николаи Ф.В. Память, нарратив и тактики самоидентификации ветеранов локальных конфликтов в России // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 238-250. См. также: Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего. Сб. статей / Под ред. В.Н. Сырова. Саратов: ИЦ «Наука», 2018. 279 с. Критический анализ концепта «травмы» в «истории памяти» см.: Руткевич М.А. Психоанализ, история, травмиро-

нец, исторического сознания общества как целого на том или ином этапе своей истории³⁹. Изучаются образы и символы прошлого, как существующие в дискурсивно-ментальной (в виде текстов, личных воспоминаний и т.п.), так и воплощенные в зримой, материально-предметной форме артефактов в мемориальных музеях, тематических музейных экспозициях и выставках, в монументальных памятниках истории и культуры⁴⁰. Исторические представления воплощаются и в опредмеченных результатах научной деятельности, например, в научных публикациях, учебных материалах и других образовательно-информационных ресурсах. Третий уровень существует в объектах художественной культуры (литература, живопись, скульптура, музыкальные произведения и т.п.). Наконец, можно выделить еще один уровень, который обеспечивает закрепление исторических символов в массовом сознании как социально-сакральных ценностей (установление памятных дат и праздников, распространение соответствующей символики; наименование населенных пунктов, улиц и площадей, а также в исторических реконструкциях)⁴¹.

Особую роль процесс мифо- и символотворчества приобретает в эпоху нациестроительства: национальные символы, будучи

ванная «память» // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 221–250.

³⁹ См., напр.: *Креленко Н.С.* Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XVIII веков // Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2012. 180 с. О проблемах изучения исторического сознания в его целостности см. монографию А.А. Линченко: *Линченко А.А.* Целостность исторического сознания: вопросы истории и методологии. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014. 248 с.

⁴⁰ См., в частности: *Мазур Л.Н.* Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 100–119. См. также: *Эткинд А.* Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 40–54. Особое внимание роли памятников в поддержании или смене доминирующего исторического нарратива уделено в материалах специального семинара: *Память и памятники* / под ред. И.И. Курилы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 149 с.

⁴¹ Подробнее об этом в контексте регионального исследования см.: *Горин И.Н.* Социологический анализ механизмов формирования культурно-исторических символов региона. Курган, 2010.

укорененными в мифе, определяют выбор людей, и отношение нации к реальным процессам прошлого и настоящего формируется согласно той ассоциации, которую вызывает имеющий яркую эмоциональную окраску символ. Причем именно неизбежная редукция памяти о прошлом, воплощенной в визуальных, нарративных и дискурсивных символах, и отождествление символов с самим прошлым обеспечивает их восприятие и «присвоение» массовым сознанием, а также возможности сохранения или реанимации в драматически изменяющихся контекстах существования⁴².

Главную роль в формировании исторической памяти играет не столько само событие, сколько представление о нем, его мысленный образ, в который вкладывается важный для общественного сознания реальный или мифический исторический смысл. Причем с изменением ценностного восприятия произошедшая ресимволизация события фиксируется в его имени, как это, например, происходило и происходит в России с названием Первой мировой войны, за которой с самого начала закрепилось название «германская», потом в СМИ применялось название «Вторая Отечественная война», скоро ее нарекли «Великой войной», а затем «империалистической», и, наконец, сегодня в российскую историографию вернулось название «Великая война».

Ценный источник для исследования исторической памяти современников представляют материалы социологических опросов⁴³, которые дают возможность изучить широкий срез общественного мнения и зафиксировать изменение отношения к отдельным персонажам, событиям и явлениям прошлого. А в последние годы для изучения состояния исторической памяти современного общества

⁴² *Апрыщенко В.Ю.* Власть символов или символы власти Шотландии в первой половине XIX века // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/1. С. 181-204.

⁴³ *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14. Проблема соотношения социальной памяти и исторического сознания и, прежде всего, трансформации социальной памяти и исторического сознания в современном мире активно обсуждается на научных форумах последнего десятилетия. См., напр., Историческое сознание и социальная память в условиях конфликта цивилизаций. Сб. статей международной научной конференции Саратов: ИЦ «Наука», 2015. 184 с.

используются Интернет-ресурсы⁴⁴. Пристальное внимание в российских исследованиях уделяется функциям памяти и формам ее воплощения в литературе, кинематографе и музыкальных произведениях, монументальных мемориалах и архивах, устных и письменных свидетельствах, правительственных и неправительственных организациях и, наконец, в средствах массовой информации, особенно в связи с памятью о Великой Отечественной войне, которая не только сформировала духовный облик людей фронтового поколения, но и на протяжении последующих лет занимала важнейшее место в общественном сознании, испытывая в своем бытовании и переформатировании воздействие многих факторов, и прежде всего официальной политики памяти, проводимой на всех уровнях (через систему образования, средства массовой информации, музейные экспозиции и т.д.). В исследованиях Ирины Ребровой об исторической памяти советского и постсоветского общества в мемуарах о Великой Отечественной войне показано, как существенно менялись оценки событий и общая картина войны под воздействием идеологической и политической ситуации. Первые воспоминания стали появляться уже в ходе войны по мере освобождения оккупированных территорий. Для исторического сознания общества на этом этапе были характерны установка на героизацию, уверенность в скорейшей победе, ненависть к захватчикам. Уже в первое послевоенное десятилетие, с ужесточением контроля власти за массовым сознанием, была сформирована концепция войны как доказательства преимуществ социализма. Широкое празднование последних юбилейных дат Победы демонстрирует стремление использовать историческое прошлое как интегрирующий фактор⁴⁵. Обращаясь к проблеме трансформации коллективной памяти о Великой Отечественной войне, И. Реброва

⁴⁴ Эрлих С.Е. Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. СПб.: Нестор-История, 2009.

⁴⁵ Реброва И.В. Историческая память советского и постсоветского общества, отраженная в мемуарах о Великой Отечественной войне // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы Международной научной конференции. М.: РГГУ, 2006. С. 57-59; Она же. Великая Отечественная война в памяти фронтового поколения: на материалах устных воспоминаний // Науки о культуре в новом тысячелетии. Ярославль: ЯГПУ, 2007. С. 237–241. См. также: Победа–70: реконструкция юбилея / Под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2015. 624 с.

отмечает ритуализацию так называемых «уроков мужества» в советской школе и чествования ветеранов войны, табуирование ее «негероических» страниц, а также подчинение индивидуального опыта коллективному, в частности замещение личных воспоминаний детей военного времени официально транслируемой версией⁴⁶. «Многие исследователи сходятся во мнении, что в сознании современного российского общества память о Великой Отечественной войне выступает в качестве «мифа происхождения», — причем именно в форме «официального мифа», основные дискурсы, коммеморативные практики и институциональная инфраструктура которого сложились в 1960–1970-е годы⁴⁷.

В работах, посвященных мемориальным репрезентациям Великой Отечественной войны и локальных конфликтов, противопоставляются разные дискурсы памяти: «официальный, «государственно ориентированный» — и «личный», подчеркивается, что различные формы памяти возникают в результате взаимодействия субъектов коммеморативной деятельности, имеющих разные цели и разный опыт пережитого⁴⁸. При изучении таких сюжетов просле-

⁴⁶ См.: *Реброва И.В.* Индивидуальное и коллективное в памяти «детей войны» // *Образ войн и революций в исторической памяти: Материалы международной конференции.* Пятигорск – Ставрополь – Москва: ПГЛУ, 2009. С. 388–394.

⁴⁷ *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память...; *Гудков Л.Д.* «Память о войне» и массовая идентичность россиян // *Неприкосновенный запас.* 2005. № 2–3. С. 46–58; *Дубин Б.В.* Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2011. С.47–69; *Копосов Н.Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С.91–108, 163–167, 263–264; *Полян П.М.* Историомор, или Трепанация памяти. М.: Изд-во АСТ, 2016. С.146–181; и др.

⁴⁸ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования / Сост. И.В. Реброва, С.С. Сачук, Е.Н. Стрекалова. СПб.: Изд-во Европейский дом, 2008; Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005; Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. Материалы и исследования / Под ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Новое издательство, 2006; *Янковская Г.А.* Мемориальные образы войны и мира в художественных практиках «мини-оттепели» 1945–1946 годов // *Диалог со временем.* 2007. Вып. 20. С. 174–188; *Тимофеева Т.* Комплекс жертвы: война памяти о Второй

живается, каким образом официальные дискурсы памяти трансформируют личные воспоминания; или, напротив, как обращение к личным пластам памяти позволяет разрушить монолитность официального дискурса. Отмечаются также частые случаи причудливого соединения принципиально различных дискурсов в одном и том же монологе респондента или в стилистике одной и той же коммеморативной акции; с точки зрения Р.С. Черепановой, это может объясняться амбивалентностью самого властного дискурса, «в котором традиционалистские, консервирующие стадии регулярно чередуются с модернистскими», и «запаздыванием» сознания рядовых граждан, прежде всего интеллигенции, не всегда успевающих «искренне принять новый поворот и новую правительственную риторику»⁴⁹.

В этой связи проблематизируется и без того спорный вопрос о субъекте исторической памяти. Так, анализируя феномен национальной памяти в контексте постколониализма, Д.А. Аникин рассматривает в роли ее субъекта государство: «как основной субъект сознательной передачи исторического опыта в качестве неотъемлемого элемента социализации индивида выступает государство, точнее та форма государства, которая именуется в социальных науках “национальным государством”», при этом «национальная память выстраивается за счет проведения символических границ

мировой войне в ФРГ и СССР // «Работа над прошлым»: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сборник статей / Редколл.: О.С. Нагорная и др. Челябинск: Каменный пояс, 2014. С. 72-85; Рожественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // INTER: ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 6'2011. С. 27-48; Авдоница Н.С. Метаморфозы исторической памяти о войне в Афганистане (1979–1989) // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 338-346; Николаи Ф.В. Память, нарратив и тактики самоидентификации ветеранов локальных конфликтов в России // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 238-250.

⁴⁹ Черепанова Р.С. «Обычный наблюдатель»: XX век в воспоминаниях провинциальной интеллигенции. С.44-57; Черепанова Р.С. Светлое прошлое, мрачный застой: К вопросу о «переоценках» прошлого и «противоречиях» памяти (по материалам устных биографических интервью) // «Работа над прошлым»: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сборник статей [редколл.: О.С. Нагорная и др.]. Челябинск: Каменный пояс, 2014. С.156-163.

между государственной нацией и другими жителями колониального государства, а господствующей моделью мемориального нарратива становится образ неуклонного прогресса (в том числе и иностранственного) нации»⁵⁰.

В целом, историческая память общества формируется во взаимодействии государства, политических сил, социальных групп и экспертного сообщества. Как правило, исследователи отмечают многослойный характер современной исторической памяти. В книге А.С. Святославского «История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов»⁵¹ сделана попытка масштабного обобщения. В ней последовательно рассматривается мемориальная культура Древней Руси, Московского царства, Российской империи, Февральской революции, Советского Союза и постсоветской эпохи. Работа посвящена истории форм коммеморации, отражающей смену парадигм памяти на протяжении многих веков и воплощенной в монументах и некрополях. И речь идет не об однозначном господстве той или другой парадигмы, а скорее о соперничестве или «переплетении» разных парадигм: так, период Древней Руси и Московского царства был временем формирования церковно-православной и народно-бытовой парадигм памяти; для имперской эпохи было характерно смешение классицистической и церковно-православной парадигм; в советскую эпоху установка на инновационность культуры вступала в противоречие с формами коммемораций, унаследованных от имперской эпохи; наконец, современное монументальное искусство характеризуется «причудливым сплетением» православных, античных, советских и различных модернистских форм⁵².

Большинство исследователей признает, что понятие историческую память советского периода — означает осмыслить, что пред-

⁵⁰ Аникин Д.А. Национальная память в контексте постколониализма // Всемирная история и новые вызовы исторической науки: национальные, транснациональные и интернациональные подходы: Тезисы международной научной конференции / Отв. ред. М.А. Липкин. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 5-10.

⁵¹ Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. 592 с.

⁵² Святославский А.В. «Советский»: Реальность или симулякр? (о корреляции понятий «советский» / «русский» в аспекте культурной идентичности) // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 150-180 (цит.: с. 160).

ставляет собой «советский человек», и, напротив, чтобы найти ключ к пониманию идентичности советского человека надо выяснить, как была устроена его историческая память. Советскую идентичность довольно сложно осмыслить и классифицировать в терминах национального самосознания: ее специфика заключалась прежде всего в «содержательных, т.е. мировоззренческих особенностях». В особой «системе убеждений — представлений о смерти, о смысле жизни, о миссии человека на Земле и т.д.»⁵³.

Значительное место в современных исследованиях занимает проблема связи памяти и идентичности⁵⁴, трактуемой с позиции социального конструктивизма и в контексте «исторической политики», т.е. манипулирования историей в политических целях. Объектом изучения становится и «использование прошлого» в риторике политических элит, методы вербальной и визуальной актуализации исторических сюжетов в целях оправдания или критики современных политических стратегий⁵⁵, используются понятия «политика памяти», «битвы за прошлое», «войны памяти»⁵⁶,

⁵³ Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. С. 462. О церковно-православных практиках коммеморации см. монографию: Будюкин Д.А. Благодетель и память: основные церковно-коммеморативные практики российского дворянства и купечества XVIII – начала XX в. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014. 108 с.

⁵⁴ Подробно об этом см.: Чеканцева З.А. Память и национальная идентичность в исторической культуре Франции // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 54-80.

⁵⁵ См.: Линченко А.А. Политическая мифологизация прошлого как элемент формирования исторической памяти // Историческая память, власть и дисциплинарная история: Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 23-25 апреля 2010 г. Пятигорск – Ставрополь – Москва: ПГЛУ, 2010. С. 265-272; Эрлих С.Е. Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. СПб.: Нестор-История, 2009; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015; Символическая политика: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012; Вып. 2: Споры о прошлом как представление будущего. М., 2014; Вып. 3: Политические функции мифов. М., 2015.

⁵⁶ Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003; и др. Модели концептуали-

исследуются официальные ритуалы коммеморации, преподавание истории (прежде всего в школе), презентации исторических сюжетов в СМИ, деятельность различных комиссий и «институтов памяти»⁵⁷. Речь идет о работах российских специалистов не только по отечественной, но также по всеобщей истории, причем в весьма широком хронологическом диапазоне. Максимальной глубиной исторической ретроспективы отличается исследование Эмили Шейджен «Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти» — от эпоса до современных «манипуляций» и интернет-версий⁵⁸. В фундаментальной монографии Е.Ю. Ваниной «Индия: история в истории» исследовано развитие исторической культуры Индии на протяжении всей ее многовековой истории и «битвы за прошлое» в контексте основных направлений индийского национализма, представляющих в виде общегражданской (инклюзивной) или коммуналистской (эксклюзивной) версий истории соответст-

зации и конкретные исследования регионального ракурса «войн памяти» с «этническим акцентом» ярко представлены в материалах сборника «История края как поле конструирования региональной идентичности» (Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 120 с.), особ. см.: *Шнирельман В.А.* Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // Там же. С. 4-28; *Сень Д.В.* «Контролеры памяти» и этногенетические построения: к вопросу о роли исторических мифов в «войнах памяти» // Там же. С. 29-54. См. также: *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011.

⁵⁷ Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. статей / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011; Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Ред. А. Миллер, М. Липман. М.: НЛЮ, 2012; *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006; *Сенявская Е.С., Сенявский А.С.* Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139-151; № 3. С. 107-121; *Копосов Н.Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011.

⁵⁸ *Шейджен Э.А.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва-Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с. Коммеморативным практикам Античности посвящена основная часть статей сборника материалов международной конференции: В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сборник научных трудов / Под ред. А.Н. Маслова, А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. 262 с.

вующим образом отредактированное прошлое в качестве модели настоящего и проекта будущего⁵⁹.

Социальная память — одна из самых острых тем современно-го научного и политического дискурса, неразрывно связанная с проблемой формирования коллективной идентичности и сплочения социума вокруг «общего прошлого». Особое внимание в развитии этой темы во многих работах уделяется действиям властных структур, формирующим новые коллективные идентичности посредством официальных юбилеев и других коммеморативных практик⁶⁰. В качестве примера можно привести целую группу исследований, где подвергнуты детальному анализу практика организации «пространств смерти» (кладбищ, колумбариев, похорон-

⁵⁹ См.: *Ванина Е.Ю.* Индия: история в истории. М.: Наука — Восточная литература, 2014. 344 с.

⁶⁰ *Черепанова Р.С.* Русские «бои за историю»: российская история в общественной полемике первой половины XIX века // *История и истории в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой.* Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 459–465; *Цимбаев К.Н.* Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // *Историческая культура императорской России.* 2012. С. 475–498; *Булыгина Т.А., Кожмяко Т.Н.* Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI веках // *История и историческая память.* Вып. 6 / Под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь: Саратовский гос. ун-т; СКФУ, 2012. С. 63–76; *Два века в памяти России: 200-летие Отечественной войны 1812 года / Отв. ред. В.В. Лапин.* СПб., 2015; *Ростиславлева Н.В.* Юбилеи «Битвы народов» в исторической памяти России и Германии // *Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой.* М.: Аквилон, 2017. С. 145–151; *Антипин Н.А.* 50-летие русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954–1955 гг. // *Диалог со временем.* 2012. Вып. 40. С. 79–93; *Он же.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и советские писатели: работа над прошлым // *Диалог со временем.* 2018. Вып. 66. С. 68–85; *Поршинева О.С.* От юбилея к юбилею: интерпретация российского военно-революционного кризиса 1914–1922 гг. в контексте двух знаменательных дат // *Диалог со временем.* 2018. Вып. 64. С. 248–261; *Кузнецов А.А.* Революция спустя 100 лет // *Там же.* С. 262–277; *Филимонова М.А.* Два праздника времен Американской революции // *Диалог со временем.* 2019. Вып. 66. С. 54–67; и мн. др.

ных ритуалов) и артикуляция «смертной памяти» в годы Советской власти (в том числе в сравнении с дореволюционными и постсоветскими практиками); ритуалы памяти, наряду с «революционными празднествами», рассматриваются в таких работах как мощное средство формирования новой идентичности, создания — как бы парадоксально это ни звучало в данном контексте — «нового человека»⁶¹.

Стоит, однако, отметить, что функции коммеморации в поддержании связей и чувства единства внутри сообщества могут трактоваться значительно шире⁶², поскольку набор подобных практик в обществе и отдельных социальных группах включает не только «навязываемые» сверху, но и стихийно (или в результате общественных инициатив) возникшие «снизу». Подход к исторической памяти общества лишь как к пассивному объекту воздействия может породить опасную иллюзию всемогущества политических технологий. Поэтому в целом ряде работ последовательно проводится мысль, что одних лишь усилий власти по созданию нового «объединяющего нарратива» недостаточно, чтобы такой нарратив оказался действительно жизнеспособным; незапланированным результатом может стать, например, формирование «гибридной идентичности», эклектически сочетающей принципиально различные принципы самоидентификации⁶³.

⁶¹ *Мальшева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005; *Мальшева С.Ю.* Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917–1920-х годов // *Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 682–710; *Мальшева С.Ю.* Врезано в камень, врезано в память: (вос)производство советской идентичности в пространстве смерти // *Диалог со временем*. 2016. № 54. С. 181–206; *Еремеева С.А.* Память смертная. Что с ней случилось в (пост)советской России? // *Диалог со временем* 2016. № 54. С. 207–237; *Барышева Е.В.* Обратная сторона советского праздника 1920–1930-х гг.: 7 ноября глазами современников // *Диалог со временем*. 2017. Вып. 59. С. 81–99; *Пархоменко Т.А.* Мемориализация революции 1917 года в России и за рубежом // *Советская культура в краеведении, экскурсоведении, музееведении* / Ред.-сост.: А.В. Святославский, М.А. Полякова. М.: Древлехранилище, 2017. С. 36–61.

⁶² *Зерубавель Я.* Динамика памяти // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 71–90.

⁶³ *Мальшева С.Ю.* Врезано в камень, врезано в память... С. 196–202.

Констатация наличия в рамках одного и того же общества соперничающих «памятей» (локальных, региональных, коллективных, частных) закономерно порождает внимание исследователей к альтернативным и маргинальным версиям «общего прошлого», бытовавшим в культурной памяти различных социальных слоев на тех или иных исторических этапах. Так, недавно опубликованная работа А. Эткинды «Кривое горе: Память о непогребенных» посвящена тому, как в советской культуре формировался круг запретных тем и зон умолчания, и при этом вырабатывались стратегии неявного обхода запретов: память о массовых репрессиях, крайне слабо и невыразительно артикулированная в официальном «послесталинском» дискурсе, нашла себе исход в художественных произведениях, причем зачастую — в метафорической форме возвращения мертвых⁶⁴.

В центре работ, посвященных изучению социальной памяти, обычно находятся две группы взаимосвязанных проблем: во-первых, то, *что* помнят члены социума о своем прошлом (содержание памяти, образ «общего прошлого»), и во-вторых, то, *как* они помнят (формы сохранения и трансляции памяти, характерные для данного сообщества и общества в целом). Изучение того и другого в совокупности позволяет реконструировать неповторимый облик данной социокультурной общности.

Формы и содержание коллективной памяти российского / советского крестьянства, одной из самых значимых групп в социальной структуре, стали предметом анализа в работах И.Е. Козновой. С одной стороны, в них предпринят своего рода «вертикальный срез» состояния социальной памяти российского крестьянства XX столетия, прослеживается, как запечатлелись в этой памяти узловые события века: революция 1917 года, НЭП, коллективизация и «раскулачивание», Великая Отечественная война. С другой стороны, раскрывается, как со сменой поколений изменялись формы сохранения памяти и смысловые акценты в крестьянских рассказах о прошлом — а значит, как изменялся сам «вспоминающий» социум. Автор воссоздает логику мифологизации прошлого и формирования определенных культурных канонов воспоминания в сталинскую эпоху, обращается к анализу механизмов «вытеснения», «забыва-

⁶⁴ Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

ния» и замещения одних травмирующих воспоминаний другими. Опираясь на подходы крестьяноведения с характерным для него восприятием «крестьянского мира» как саморегулирующейся социокультурной системы, исследователь исходит из того, что вплоть до времен коллективизации крестьянская культура по своему существу была «помнящей культурой», а ведущей формой коллективной памяти был сам крестьянский образ жизни, воспроизводство важных для деревенской общности образцов поведения. Дискурсивные структуры крестьянской памяти строились вокруг оппозиций «раньше — теперь», «мы — они», где каждая из категорий несла этическую, эстетическую и даже онтологическую нагрузку. Эти категории выступают в исследованиях И.Е. Козновой как константы крестьянской памяти, противоположные тому видению «общего прошлого», которое транслировалось «сверху», через системы образования и пропаганды. Однако, как доказывает автор, вместе с изменениями сельского образа жизни (коллективизацией, раскулачиванием, «раскрестьяниванием») драматическим образом изменялись и структуры крестьянской памяти; память-традиция, основанная на «активном трудовом начале» и предполагающая постоянное возобновление культурных образцов, сменяется памятью-ностальгией, предполагающей осознание невозвратности прошлого⁶⁵.

В ряде работ предметом анализа стали формы сохранения коллективной памяти в русской эмиграции «первой волны»⁶⁶. Ис-

⁶⁵ Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 454.

⁶⁶ Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010; Ковалев М.В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/2. С. 119-138; Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Саратовский гос. техн. ун-т, 2012; Алеврас Н.Н. Революция в диалогах эмигрантов о прошлом и будущем России // Диалоги со временем: Память о прошлом... С. 711-733; Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. «Историческая правда» и «домыслы историка»: Ключевский и его школа в окуляре критики историков-эмигрантов 20-30-х гг. // Век памяти, память века... С. 111-125; Ковалевская Н.А. Культурно-просветительные мероприятия русской эмиграции в 20–30-е годы XX века // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 252-261; Макаренкова Е.М. Проблема самоидентификации русских эмигрантов во Франции (1930-е годы) // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 239-251.

следования В. Волошиной, М. Ковалева и др. показали, что эмигрантское сообщество во многом было объединено вокруг общих воспоминаний и общей утраты, а также вокруг задачи «сохранения национальной идентичности в условиях инонационального и инокультурного окружения». Осознание этой задачи и превращало эмигрантов «первой волны» в особое «воображаемое сообщество», в «Русское Зарубежье»⁶⁷. В поисках ответа на вопрос, как именно конституировалось это чувство общности, историки исследуют «места памяти» эмигрантского сообщества (исторические праздники, юбилеи и памятные даты); образы разных эпох и событий российской истории в восприятии эмигрантов; «фигуры умолчания» эмигрантской памяти (болезненные воспоминания о революции и гражданской войне); наконец, «конфликты памяти» — ситуации, когда одни и те же события или фигуры исторического прошлого в восприятии разных групп эмигрантов приобретали разное смысловое наполнение. При этом сюжеты, связанные с изучением коммемораций, рассмотрены в ряду других практик социальной адаптации к новой среде, а коммуникативные практики анализируются и как способ трансляции социально значимых воспоминаний, и как средство сохранения символической целостности сообщества; подчеркивается, что в случае утраты коммеморативных практик происходит разрыв связей между поколениями.

Анализируя содержание исторической памяти общества, исследователи, как правило, оперируют понятиями «образы прошлого» и «исторические мифы»⁶⁸. С одной стороны, мифологию рассматривают как одну из форм архаичного сознания, а с другой — под «историческими мифами» подразумевают мифы общества современного как символические образы прошлого того или иного сообщества, репрезентирующие его целостность и ценности, и речь идет не столько о социокультурной памяти традиционных обществ (в том числе, об этногенетических мифах в этноконфессиональных и протонациональных дискурсах⁶⁹), сколько о роли

⁶⁷ Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге... С. 240-241.

⁶⁸ Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 82-99; Шнирельман В.А. Социальная память и образы прошлого // Там же. С. 100-129.

⁶⁹ См., напр.: Ведюшкина И.В. Русский дискурс в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона // Диалог со временем. 2007. № 21. Ис-

«нарративов идентичности» в переломные эпохи общественных преобразований⁷⁰. Именно в таком контексте становится понятным созидательный пафос настойчиво реализуемого китайским руководством тезиса «Поставь древность на службу современности», в котором нашло свое выражение признание официальной версии прошлого как мощного фактора консолидации общества и формирования его национального сознания в условиях ускоренной модернизации⁷¹.

Вероятно, самой древней формой исторической памяти является память поколений, передаваемая и хранимая в виде устной истории сообщества — исторического предания, а также в родовых и династических генеалогиях⁷². Сохранение и передача информации о прошлом от поколения к поколению в неизменном

торические мифы и этнонациональная идентичность. С. 364-388; *Серегина А.Ю.* Мифы об обращении Англии в христианство и национальная / конфессиональная идентичность в XVI – начале XVII века // *Диалог со временем.* 2007. Вып. 21. С. 389-411; *Серегина А.Ю.* «Католическая энциклопедия» начала XVII в.: формирование исторической памяти английского католического сообщества // *Диалог со временем.* 2012. Вып. 40. С. 51-63.

⁷⁰ См., напр.: *Заиченко О.В.* “Германский миф”: немецкие интеллектуалы в поисках “общего прошлого” и национальной идентичности // *Диалог со временем.* 2016. Вып. 54. С. 305-335; *Ростиславлева Н.В.* Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Отто фон Бисмарка // Там же. С. 336-349; *Щелчков А.А.* Война за независимость в формировании боливийской идентичности // Там же. С. 350-379; *Чертина З.С.* Американская национальная идентичность и иммиграционные вызовы // Там же. С. 380-396; *Баранов Н.Н.* Братья Гримм в исторической памяти немцев // *Диалог со временем.* 2018. Вып. 62. С. 62-71; и др.

⁷¹ *Доронин Б.Г.* Национальная идентичность и китайская историографическая традиция // *Диалог со временем.* 2007. Вып. С. 119-148.

⁷² См., в частности: *Восточная Европа в древности и средневековье. XIII. Генеалогия как форма исторической памяти.* М.: ИВИ РАН, 2001; *Мельникова Е.А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения / Отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. М.: Восточная литература, 2003. С. 48-92; и др. См. также: *Краснова И.А.* Память рода в пространственном измерении: по семейным книгам флорентийских граждан // *Историческое прошлое и образы истории* / под ре. Л.Н. Черновой. Саратов: Изд. центр «Наука», 2013. С. 24-35.

виде обеспечивалась сакрализацией событий и, как следствие, превращением предания в миф, хотя грань между историческим преданием и мифом весьма условна. Представления о прошлом, и часто об очень далеком прошлом, выступают как важный фактор национальной идентичности, которая складывается в эпоху Модерна из этнокультурной и территориально-государственной составляющих. Впрочем, этногенетические мифы в форме историографических концепций происхождения народов от древних предков, характерных для историографии эпохи Ренессанса и раннего Модерна, эффективно «работают» и в обществах Позднего Модерна, и даже Постмодерна. Как правило, они не просто раскрывали историю происхождения народа и государства, но решали (и ныне помогают решать) совершенно определенные политические задачи. Так, на основе историографической концепции сарматизма сформировалась своеобразная шляхетская культура, система представлений, норм и ценностей, события эпохи сарматизма приобретали в период польских разделов значение национальных символов, а основы шляхетских ценностей были восприняты польским революционным и рабочим движением⁷³. В Новое и Новейшее время, наряду с научным историческим знанием, существует связанное с массовым сознанием отражение истории в виде образов прошлого, или исторических символов, которые, с одной стороны, несут в себе знания о событиях и героях прошлого, с другой — воплощают ценности и смыслы культуры настоящего. В этом плане особый интерес представляет эволюция образа героя или события во времени, то, как изменялась семантическая нагрузка образа в различных социально-политических и идеологических контекстах⁷⁴.

⁷³ См.: *Васильев А.Г.* Сарматизм: исторический миф и его роль в формировании польской национальной идентичности // *Диалог со временем.* 2007. Вып. 21. С. 184-215.

⁷⁴ Подробно об этом см.: *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. Сб. статей / Под общ. ред. Л.П. Репиной.* М.: «Аквилон», 2017. 400 с.; *Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века. Коллективная монография / Авторы: Е.М. Белецкая, А.Г. Васильев, Н.Н. Великая, В.В. Высокова, О.В. Заиченко, С.И. Маловичко, Л.П. Репина, И.Е. Рудковская, О.И. Тогоева, З.А. Чеканцева / Под общ. ред. Л.П. Репиной.* М.: «Аквилон», 2018. 512 с. См. также: *Галямичев А.Н.* Ян Гус в исторической памяти народов Европы // *Диалог со временем.* 2015. Вып. 53. С. 107-118; *Тогоева О.И.* Жанна д'Арк в исторической культуре

Важную задачу составляет и выяснение социокультурных механизмов мифологизации или демифологизации исторической личности («мифы о национальных героях») или ключевых событий национальной (национально-государственной) истории⁷⁵. В данном направлении разворачиваются исследования, в центре которых находятся противоречивые фигуры, чья историческая роль является предметом общественных дискуссий (например, Александр Невский, Иван Грозный, Петр Великий, И. Сталин и другие)⁷⁶. В диалектике динамически-коммуникативного подхода к коллективной памяти культ героя, понимаемый как система коммеморативных практик, формирующих и поддерживающих

Франции XIX века: рождение “народной героини” // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 20-40; *Ванина Е.Ю.* Махарана Пратап: средневековый герой в современных интерпретациях // Диалог со временем. 2016. Вып. 57. С. 41-55; *Таурова-Яковлева Т.Г.* Коливщина в исторической памяти // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 37-53; и мн. др.

⁷⁵ *Нуркова В.В.* Свершенное продолжается...; *Гришанин П.И.* Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167-172; *Мальшичева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции...; *Эрлих С.Е.* История мифа. («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алетейя, 2006; *Он же.* Метафора мятежа: декабристы в политической риторике...; *Он же.* Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.; М.: Нестор-История, 2016. 552 с.

⁷⁶ *Данилевский И.Н.* Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. С. 119-132; *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 239 с. *Леонтьева О.Б.* Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 844-884; *Святославский А.В.* К проблеме формирования образа И.В. Сталина в отечественной коллективной памяти с 1930-х гг. до современности // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. С. 95-118; *Линченко А.А., Иванов А.Г.* «Живите тыщу лет, товарищ Сталин...»: Трансформация мифологии образов И.В. Сталина в современной российской исторической памяти // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 116-135; *Филлюшкин А.И.* Места памяти или память места? Две битвы Александра Невского в исторической памяти // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 25-45; *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Князь Владимир Великий как национальный герой: создание образа // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 150-164; и мн. др.

национальную идентичность, демонстрирует «одновременно как активность современных социальных акторов, манипулирующих с образами прошлого, а также активность и резистентность к произвольным воздействиям самого прошлого, запечатленного в “образах-воспоминаниях” и “местах” памяти»⁷⁷. Как один из необходимых элементов национальной памяти, точнее — «национального воображения» описывается механизм пространственной фиксации коллективных воспоминаний, формирование «мемориальных ландшафтов», образа «родной земли»⁷⁸.

В связи с пространственной концептуализацией «мест памяти», имеющих как сугубо метафорическое, так и вполне материальное значение, возникает и проблема «территориализации памяти», а также формирования региональных идентичностей⁷⁹. В этом контексте оказываются востребованными исследования по истории так называемой провинциальной историографии, создававшей не только «локальную память о событиях», но и в целом — формирующей историческую память внутри конкретных провинциальных центров, как это было, например, показано А.А. Севастьяновой на обширном материале нарративов историков российской провинции второй половины XVIII века (изучено 92 исторических

⁷⁷ Васильев А.Г. Культ героя и национальная идентичность: изучение коллективной памяти в социологии культуры С. Чарновского // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 62. См. также: Цыганков А.С. Национальная идентичность и конструирование исторической памяти: от «единства» к «дисперсии» // Философия и культура. 2016. № 5. С. 699-706.

⁷⁸ Васильев А.Г. «Родная земля» в польской национальной памяти эпохи разделов: дискурсивное формирование образа страны в социально-гуманитарной мысли // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 64-78.

⁷⁹ Подробнее об этом см., напр.: Репина Л.П. От истории империи к истории Британских островов, или Как писать национальную историю в мультикультурном обществе // ЭНЖ «История». 2014. Вып. 10 (33). URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000848-1-1> (февр., 2019); Репина Л.П. Стратегии построения национального нарратива в имперском и пост-имперском пространстве: опыт Великобритании // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX вв.: коллективная монография / Авторы: А.И. Минаев, И.М. Эрлихсон, Л.П. Репина, С.В. Демидов, Ю.И. Лосев, И.К. Лапшина, О.В. Захарова. Рязань: Изд-во «Концепция», 2017. С. 149-158.

текста, выполненных более чем в 30-ти разных городах центральной России⁸⁰.

Наличие в общественном сознании противоположных образов прошлого и различных «исторических мифов», сложившихся вокруг одних и тех же событий и персонажей, может свидетельствовать о противоборстве нескольких моделей и сценариев коллективной идентичности. Например, в исследовании исторической памяти в российской культуре XIX – начала XX в., где рассматривается взаимодействие историографии и художественной культуры в создании и мифологизации образов прошлого, выделено несколько «проектов коллективной идентичности», соперничавших в общественном сознании России той эпохи. Важнейшие из них — династический, основанный на традиционной преданности правящему дому; национальный, предполагающий понимание истории как воплощения творческого духа нации; наконец, демократически-народнический проект, основанный на противопоставлении народной Правды «неправде» существующего социального строя. Каждый из этих проектов идентичности был связан с определенным типом исторического повествования, пантеоном исторических героев, мифов и символов, славных дат и «мест памяти». Были проанализированы ключевые сюжеты коллективной исторической памяти: отношение к правлениям Ивана Грозного и Петра I; к народным восстаниям и старообрядчеству; к восстанию декабристов и народничеству⁸¹.

⁸⁰ *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография. М., 1998; *Она же.* Формирование исторической памяти у провинциальных историков второй половины XVIII века // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты. Сб. статей III Международной научно-практической конференции, 18-19 апреля 2018 года. Рязань: Book Jet, 2018. С. 424-428. См. также: Шевцова О.Н. Местная история: образы и сюжеты в трудах историков первой половины XIX в. (В.Д. Сухоруков, П.А. Словцов) // Новое Прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 148-158. Об аналогичных по своему целеполаганию и содержанию явлениях в региональных исторических повествованиях Англии Раннего Нового, Нового и Новейшего времени см.: *Репина Л.П.* От «истории графств» к «новой региональной истории»: пути трансформации провинциальной историографии // Мир историка: историографический сборник. Вып. 12. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2018. С. 205-224.

⁸¹ *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: «Книга», 2011; *Леонтьева*

Например, стержневой темой работ С.Е. Эрлиха становится тема противоборства двух исторических мифов о событиях 14 декабря 1825 г.: «мифа власти» и «контр-мифа... оппозиции, борющейся за власть». С точки зрения исследователя, декабристский миф (представление о сознательном самопожертвовании представителей элиты во имя народного блага) является «основным мифом» российской интеллигенции, легитимирующим интеллигентский этос «служения народу». И напротив, девальвацию декабристского мифа в наши дни Эрлих трактует как симптом распада этической общности «послесоветской» интеллигенции, перехода ее от этоса жертвенного служения народу к «мирным ценностям» престижного потребления и перерождения в меркантильный «креативный класс»⁸².

Особенно ярко противоречивые и даже конфликтующие «образы прошлого», вне зависимости от «привязки» отображаемых в них событий к хронологической шкале, проявляются в периоды крупных и стремительных социальных сдвигов, радикальных реформ, войн, революций⁸³. Как показано И.В. Нарским на примере населения Урала в годы гражданской войны, усилия государства по насаждению новой коллективной памяти оказываются успешными именно в тех ситуациях, когда само общество дезориентировано и деморализовано, а прежние базовые представления о мире утрачивают убедительность. В такой ситуации «новая историческая мифология», предлагая систему ориентиров в настоящем, ро-

ва О.Б. Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи Великих Реформ: научное знание и художественный образ // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 19-34. См. также: Леонтьева О.Б. Как реформа стала Великой: отмена крепостного права как «место памяти» в исторической культуре императорской России // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 229-245.

⁸² Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.; М.: Нестор-История, 2016. 552 с. С.38-39, 41-50, 469-476; Эрлих С.Е. Антидекабристский спецназ Кремля: Наталья Нарочницкая, Владимир Мединский, Николай Стариков // Историческая экспертиза. 2015. № 1. С.108-138; Эрлих С.Е. История декабристского мифа в «Журнальном зале» // Историческая экспертиза. 2015. № 3. С.4-61.

⁸³ Малышева, Светлана. Миф о революции 1917 года: Первый советский государственный проект // *Ab Imperio*: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 1-2/2001. С. 285-302.

ждает надежду дожить до лучшего будущего. В результате семена новых мифов попадают на благоприятную почву, и «на обломках живой биографической памяти возводится помпезный монумент памяти культурной»⁸⁴. В некоторых случаях происходит трансформация, которой подвергается тот или иной фрагмент индивидуальных воспоминаний, чтобы занять свое место в повествовании об «общем прошлом»⁸⁵. В других случаях речь идет об утверждении того или иного типа коллективной идентичности, «чтобы от имени прошлого санкционировать определенные образцы поведения, установки, оценки в настоящем и, еще более широко, в будущем»⁸⁶. В числе таких стратегий рассматриваются «героизация» и «виктимизация» прошлого.

В качестве специфических «стратегий памяти» также выделяют ностальгию, включающую «избирательную амнезию в отношении прошлого»⁸⁷ и «нормализацию» как преодоление травматических воспоминаний о трагедиях и жертвах прошлого. Так, применительно к истории России стратегия «нормализации» состоит в том, что советская история рассматривается как вариант общего процесса модернизации или же как органическая часть российской национально-государственной истории⁸⁸. Наконец,

⁸⁴ Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенностях коллективного забывания на Урале в 1917-1922 гг. // Век памяти, память века... С. 394-412.

⁸⁵ Нагорная О.С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества // Век памяти, память века... С. 229, 238-239; Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя... С. 85-86.

⁸⁶ Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. 2008. № 4 (43). С. 6-21.

⁸⁷ Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. // Век памяти, память века... С. 347-357; Чикишева А.С. Ностальгический миф и формы его репрезентации в пространстве Рунета // Историческая память и диалог культур. 2013. С. 305-314. О «ностальгической памяти» см. также: Султанов К.К. Мемориальная парадигма и литература как вторая реальность // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 24-44.

⁸⁸ Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас. 2010. № 74. С. 6-16; Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011. С. 144-153, 165.

внимание исследователей привлекает стратегия «проработки» или «преодоления прошлого»⁸⁹, предполагающая широкое научное и общественное обсуждение трудных вопросов и табуированных тем, открытие архивов, проведение публичных дискуссий, а в конечном счете — «осмысление... проблемы коллективной вины, памяти и идентичности в обществе, прошедшем через массовый террор»⁹⁰. Параллельно с этим, в другой формулировке, обсуждаются политические практики так называемой «работы над памятью» в условиях межкультурных и межцивилизационных взаимодействий, кризиса или крушения устоявшихся представлений в современном мире, когда конструирование единого прошлого потребовало дистанцироваться от привычных национальных нарративов⁹¹.

Одной из важных проблем историографии памяти является вопрос о том, какую роль играет научное сообщество историков в формировании коллективных представлений о прошлом. Ведь речь, по существу, должна идти не только о том, что в результате фиксации и историзации памяти в письменном тексте она превра-

⁸⁹ *Борозняк А.И.* Искушение: Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. 285 с.; *Он же.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 352 с. См. также: Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее. Памяти профессора А.И. Борозняка. Материалы Международной научной конференции. 16-17 февраля 2017 г. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. 230 с. См. также: Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2002; «Работа над прошлым»: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сборник статей / под ред. О.С. Нагорной, И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской, М. Майера, А. Ватлина. Челябинск: Каменный пояс, 2014. 295 с.; *Кауганов Е.Л.* «Спор Гольдхагена» и его значение для немецкой «проработки прошлого // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 91-105; и др.

⁹⁰ *Эткинд А.* Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 40-54. — http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_3.html (февраль, 2019).

⁹¹ *Апрыщенко В.Ю.* Время европейское: пространственно-темпоральные границы современной Европы // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 355-373.

щается в потенциальный объект исторического исследования, но и о конструировании историком (в результате профессиональной «коррекции» памяти, или «демифологизации» исторической культуры⁹²) собственного нарратива (пусть и неизбежно, в той или иной степени «инфицированного» мифами. Во многих работах констатируется, что историкам на данный момент не удалось стать влиятельной экспертной группой, воздействующей на «политику памяти»⁹³; что активизация «исторической политики» привела не к возрастанию, а скорее к снижению статуса исторической науки в обществе⁹⁴. Распространение в публицистике и общественном сознании поверхностно-высокомерного отношения к «ремеслу историка» отмечалось еще в 1990-е и в начале 2000-х гг.⁹⁵. Эти явления закономерно актуализировали потребность исторического сообщества в рефлексии, самопознании: заметным явлением на рубеже XX–XXI веков стало появление целого комплекса мемуаров историков, принадлежащих к разным поколениям, а также реализация проектов по интервьюированию историков. Лейтмотивом через тексты воспоминаний и интервью проходят размышления об этосе исторического исследования и профессиональных взаимоотношений, тема сохранения (или, напротив, разрушения и деградации) профессиональной культуры в условиях изменяющихся «правил игры»⁹⁶.

⁹² А.А. Линченко обоснованно расширяет поле возможностей процесса «демифологизации» до всеобъемлющего пространства исторической культуры. См.: *Линченко А.А. Историческая наука как фактор демифологизации исторической культуры: философско-методологический аспект* // *Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе* / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. М.: Аквилон, 2017. С. 21-39.

⁹³ *Миллер А.И. Политика памяти в России: Роль экспертных сообществ* // *Символическая политика: Сб. науч. тр. / Ред. колл.: Малинова О.Ю. (глав. ред.) и др. Вып. 3: Политические функции мифов. М., 2015. С. 210-235.*

⁹⁴ Интервью Л.Р. Хут с П.Ю. Уваровым // Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: НЛЮ, 2015. С. 172-175.

⁹⁵ *Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк?* С.131-133.

⁹⁶ *Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М.: Прометей, 2010. С.469-644; Леонтьева О.Б. Мемуары историков на переломе эпох: личностная рефлексия, профессиональная идентичность* // *Известия Самарского научного центра РАН. Т. 18. № 6. 2016. С. 138-147.*

Все обозначенные выше проблемы на обширном конкретно-историческом материале и в компаративном плане составили предмет исследования в ряде проектов, которые были выполнены в рамках генеральной научной программы Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН и реализованы в изданиях серии «Образы истории» в течение последнего десятилетия.

Собранный в коллективном труде «История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени»⁹⁷ разнообразный исторический материал, охватывающий более двух тысячелетий, продемонстрировал самую тесную связь восприятия исторических событий с явлениями социальными: было показано, как с расширением культурных контактов и глубокими переменами в условиях жизни общества менялись приоритеты исторической памяти, интерпретации и оценки ключевых явлений и событий, пантеон героев и т.д., как действовали разные каналы трансляции социальной памяти о прошлом: устные воспоминания, легенды и предания, документы, монументальные памятники, празднества, сценические представления и т.п. Масштабный компаративный проект «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия — Восток — Запад» (включая пилотный проект «Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории»)⁹⁸ имел целью разработать ключевые аспекты поставленной проблемы на конкретном материале разных регионов Западной Европы, России и стран Востока, исследовать как наличествующие культурные универсалии (при всем плюрализме исторических культур и специфике траекторий их развития), так и цивилизационные особенности, а также их преломление на различных этапах развития. Для получения в конкретных исследованиях сопоставимых результатов был выделен ряд ключевых категорий и параметров, включая такие фундаментальные аспекты исторического сознания, как его укорененность в историческом опыте, нормативно-ценностный характер, признание — в разной степени и в разных терминах — различия между прошлым и настоящим и понимание истории как процесса — связи между событиями во времени. Был

⁹⁷ История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.

⁹⁸ Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010.

предпринят анализ комплексов исторических представлений и условий их формирования в изучаемых культурных ареалах на материалах античной, средневековой (в периоды раннего, классического и позднего Средневековья) и новоевропейской (в разных национальных и региональных вариантах), византийской и древнерусской (в разные периоды), китайской, индийской, арабской, персидской, монгольской письменных традиций.

Многочисленные работы последних десятилетий XX и начала XXI века, в том числе исследования российских историков, показали, как с расширением культурных контактов и глубокими переменами в условиях жизни человеческих сообществ менялись приоритеты исторической памяти, оценки ключевых явлений и событий, пантеон героев, номенклатура антигероев и т. д. Веками легенды о деяниях предков хранились и передавались устной традицией, и лишь спустя долгую череду поколений находили отражение в исторических сочинениях. Письменная фиксация не просто изменила механизм передачи информации, но дала возможность помнить более того, что позволяет память живущих, и существенно продлить память о событиях, обычаях и явлениях, имевших место в далеком прошлом. Конечно, помимо исторических сочинений продолжали действовать и другие каналы трансляции социальной памяти о прошлом: устные воспоминания, легенды и предания, различного рода записи и документы, монументальные памятники, празднества, сценические представления и т. п. В средневековых повествованиях о достославных деяниях эпических героев, князей, королей, епископов или святых, прошлое использовалось как способ решения текущих проблем — например, доказательства статуса или подтверждения притязаний, что не исключает внутренней убежденности авторов и компиляторов в правоте защищаемого ими дела. Такую роль играла, например, концепция «вечного Рима» как в языческих, так и в христианских сочинениях переходной эпохи от поздней Античности к Средневековью, обеспечивших преемственность универсалистской идеи, средневековые модификации которой нашли отражение в империи Карла Великого, Священной Римской империи германской нации, в теократических притязаниях папства, а также в концепциях «второго» и «третьего» Рима. Переход к Новому времени дал мощный толчок развитию исторического сознания и формированию новой исторической культуры.

Опираясь на опыт древней, средневековой и ренессансной историографии и — в то же время — решительно отталкиваясь от него, историки Раннего Нового времени создали предпосылки для «историографической революции» Века Просвещения. Последующее развитие историзма в русле «научной истории», опирающейся на критический анализ источников и методологическую триаду темпоральности, контекстуальности, процессуальности, было достаточно противоречивым. Молодая историческая наука XIX века, с одной стороны, декларировала принципы строгой научности, верность критическому методу и приверженность исторической истине, но с другой — фактически становилась важнейшим структурным компонентом национально-государственной идеологии: именно национальная идея более века определяла тематику академической историографии. Школьные курсы «истории Отечества», основанные на целенаправленном отборе событий и фактов, сформировали фундаментальную базу национальной мифологии эпохи Модерна и продолжают решать те же задачи, хотя и с меньшим успехом, в наш информационный век. Но хотя историк может выступать как агент коллективной памяти, целеполагание современного исследователя-профессионала и процедура историографической операции определяются дисциплинарными правилами и нормами науки⁹⁹.

Итоги третьего проекта, реализованного в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов», были представлены в коллективном труде «Кризисы переломных эпох в исторической памяти»¹⁰⁰. В книге рассмотрены проблемы фиксации, трансляции и трансформации в исторической памяти опыта переживания наро-

⁹⁹ Подробно о стандартах профессиональной историографии см.: *Тоштендаль, Рольф*. Профессионализм историка и историческое знание М.: Новый хронограф, 2014.

¹⁰⁰ Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. См. также: *Репина Л.П.* Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013 год. М.: Наука, 2014. С. 206–231; *Она же*. Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 8–16.

дами и отдельными группами крупных социальных сдвигов, конфликтов и катастроф, а также механизмы функционирования исторической памяти как средства ориентации в мире настоящего и как фактора социального проектирования. На основе синтеза прагматического и когнитивного подхода к изучению феномена памяти были проанализированы конвенциональные и конкурентные репрезентации опыта социальных катаклизмов в жизни обществ с разными культурными традициями. Концептуальная связка «память — идентичность — травма» является на сегодняшний день одним из наиболее востребованных инструментов социально-гуманитарного анализа, который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти о прошлом в его «минуты роковые». Именно в таком ракурсе рассматривается проблема соотношения истории и памяти, изучаются формы организации памяти, используется концепт травмы для анализа нарративов национальной историографии¹⁰¹. Процессы мемориализации событий, социальных и политических конфликтов показаны на историческом материале разных исторических периодов — от Античности до Современности. Авторы сосредоточили внимание на причинах закрепления, поддержания или изменения того или иного образа прошлого в общественном сознании, на том, как на исторических мифах и символах отражаются социальный и духовный контексты времени. Это направление исследований продолжается в рамках недавно созданной сетевой научной лаборатории «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры».

В чем же конкретно состоит отличие истории историков от других репрезентаций прошлого? Аргументы широко известны и неоднократно воспроизводятся. История как наука стремится к достоверности представления о прошлом. Если для истории как науки характерен подход, состоящий в том, что прошлое ценно само по себе, и ученому следует, насколько возможно, быть выше соображений политической целесообразности, то историческая память всякий раз создает образы, удовлетворяющие социокульту-

¹⁰¹ См.: Васильев А.Г. Мемориализация травмы в культурной памяти: «Падение Польши» в польской историографии XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 813–843.

турным запросам современности и новым социально-политическим потребностям.

Память о прошлом рассматривается как категория культуры с учетом принципа различия и многообразия культур, поскольку в разных культурах степень востребованности прошлого, как и характер его репрезентации, различается, и мемориальная функция реализуется в культурных практиках различного типа.

Память не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены данной группы ориентируются в своем окружении, она является также источником знания, дающим материал для сознательной рефлексии и интерпретации культурных представлений и ценностей. При отсутствии прямого контакта с прошлой реальностью, историки лишены возможности познать какой-то ситуативный опыт прошлого в отдельности, но его можно понять в более широком культурном контексте, включающем самые разные интерпретации исторического опыта, или версии исторической памяти, те *образы* событий, которые запечатлелись у участников и современников, транслировались непосредственным потомкам, реставрировались или реконструировались в последующих поколениях, подвергались «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики. И в этом случае речь идет о памяти, подлинность которой как бы «заверена», о памяти, «преобразованной в историю»¹⁰². Иными словами, историческая наука выступает как форма преобразования культурной памяти.

В общем, в начале нового века усилия российских историков, как и ученых других стран разных стран оказались сосредоточены на проблематике процессов конструирования, трансляции и постоянной ре-интерпретации исторической памяти, а также на общих проблемах изучения коллективной (социальной, культурной) памяти и теоретических аспектах устной истории, опирающейся на

¹⁰² В таком контексте историческая наука предстаёт как одна из специфических форм культурной памяти, или же — в более тонкой формулировке О.Г. Эксле — как «научно обоснованная культурная память современности». — *Эксле О.Г.* Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре // *Одиссей. Человек в истории*. 2003. М.: Наука, 2003. С. 393-416. Концепцию «памяти-истории» комментирует, в частности, и Франсуа Артог в своей статье «Время и история». См.: *Артог, Франсуа.* Время и история // *Анналы на рубеже веков: антология*. М., 2002. С. 157-159.

воспоминания о пережитом участниками и очевидцев минувших событий, на способах использования истории и соотношении истории и памяти.

Подводя итоги, нельзя не признать, что мемориальный поворот в российской историографии оказался достаточно плодотворным¹⁰³, а изучение исторической памяти интенсивно развивается сразу в нескольких направлениях, прежде всего в контексте критического анализа социальных практик, образов прошлого, формирования коллективных идентичностей, «политики памяти».

Вместе с тем, в отечественной историографии был переосмыслен сам предмет исследования. Ориентируясь на ту самую «историю истории», которая «осуществляет внутреннее превращение истории-памяти в историю-критику»¹⁰⁴, мы вступили в исследовательское поле *истории исторической культуры*¹⁰⁵; в центр внимания поставлены вопросы о динамике взаимоотношений, факторах формирования и путях взаимопроникновения обыденных представлений о прошлом и научного знания, т.е. о взаимодействии исторической памяти различных социальных групп, с одной стороны, и *исторической мысли и науки* той или иной эпохи — с другой, притом что ученое знание влияет на становление коллективных представлений о прошлом и, в свою очередь, испытывает воздействие массовых стереотипов. В то же время «картина про-

¹⁰³ См., в частности, обстоятельный тематический обзор: *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 106-126.

¹⁰⁴ *Нора П.* Между историей и памятью. Проблематика мест памяти // Франция — память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1999. С. 21-22. В то же время, как подчеркивает М.Ф. Румянцева, «в профессиональной работе историка наличествуют, как минимум, две составляющие: это конструирование исторических мифов и их деконструкция». — *Румянцева М.Ф.* «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. С. 111.

¹⁰⁵ *Репина Л.П.* Социальная память и историческая культура средневековой Европы // Диалог со временем. 2004. Вып. 12. С. 5-6; *Репина Л.П.* Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Круг», 2006. С. 5-18; *Репина Л.П.* Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 190-198.

шлого» (по аналогии с ментальной «картиной мира») как содержательная составляющая исторической культуры последнюю не исчерпывает. Отнюдь не меньшее значение имеет изучение всего многообразия ее форм и средств репрезентации, а также инфраструктуры — таких институтов памяти как система образования, средства информации, архивы, библиотеки, музеи и т.д. Историческая культура контекстуальна, она «принадлежит» актуальному настоящему, имеет политическую, когнитивную, эстетическую, этическую, эмоциональную составляющие (взаимодействующие, но несводимые друг к другу). Разработка этого трансдисциплинарного поля открывает перед российскими историками новые перспективы.

ГЛАВА 2

ЗАПАХИ В ИСТОРИИ И СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ

ВОЗМОЖНОСТИ И ТРУДНОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ОБОНЯНИЯ

Запах из перспективы культурной истории

Хотя обоняние имеет нейрофизиологическую природу, восприятие и толкование запахов является культурным феноменом. Запахи улавливаются специализированными органами чувств, распознаются и анализируются мозгом и поэтому традиционно представляют собой объект изучения для исследования нервной системы человека. Однако именно благодаря культурным установкам данного места и времени человек воспринимает или игнорирует донесшийся до него запах. Обоняние функционирует по определенной схеме, которую известная российская литературовед и исследователь телесности О.Б. Вайнштейн, вслед за знаменитым парфюмером Э. Рудницка, описывает следующим образом: «Эта схема предполагает несколько этапов: действие пахучего вещества — возбуждение обонятельных рецепторов — выработка “ольфакторного послания” — обонятельное впечатление. Из них для нас наиболее интересна стадия оформления “послания”, поскольку именно в этот момент активно подключается смысловое поле культуры: “возбуждение, чтобы вызвать общую реакцию, сначала переводится и кодируется”, а затем уже передается через нервные импульсы в головной мозг, где этот сигнал соотносится с другой информацией, то есть попадает в знаковое поле и дешифруется как приятный или неприятный, опасный или, быть может, расслабляющий; далее уже следует реакция на уровне поведения и социальных императивов. Таков самый условный алгоритм обонятельного впечатления: его траектория ведет от природы к культуре»¹.

¹ Вайнштейн О. Грамматика ароматов. Предисловие составителя //

Именно культура определяет, что благоухает, а что смердит, уместен или неприличен тот или иной запах. Дискурсы о запахах маркируют географические, этнические и социальные границы. Аромат и зловоние могут конструировать, рушить и реорганизовывать социальные иерархии. Запахи могут содействовать коммуникации или блокировать ее. Они могут использоваться как инструменты определения своего и чужого, родного и враждебного, привычного или опасного. Их можно мобилизовать для укрепления солидарности, изгнания чуждого и применения насилия.

В европейской культуре Нового времени обоняние было признано самым «некультурным» органом чувств. Оно было маргинализировано в пользу зрения и слуха, признанных главными инструментами рационального человеческого познания. В отличие от зрения и слуха, обладающих собственными высокоразвитыми знаковыми системами — языком и музыкой, обоняние считалось органом чувств, развитость которого характерна для животного. Среди европейцев острый нюх у человека стал восприниматься как признак преступника или умалишенного². Примечательно, что в ряде языков, в том числе и в русском, описание запахов не отличается богатой лексикой и вынуждено прибегать к заимствованиям из области описания визуальных и акустических феноменов. Говоря о запахах, мы часто пользуемся вводной фразой «это пахнет, как...», после чего подбираем подходящую метафору, наделяя запах зрительными или слуховыми свойствами («яркий аромат», «пронзительная вонь» и пр.) Характерно, что в разговорном русском языке глагол «обонять» зачастую уступает место глаголу «слышать» — мы «слышим» запахи. Все это — и ряд других причин, о которых речь пойдет ниже, объясняет, почему обоняние и запахи в течение долгого времени не становились объектами основательного исследования за дисциплинарными пределами медицины.

Лишь в XIX в. началось отделение обонятельной сферы от симптоматики состояния здоровья человека. Началось проециро-

Ароматы и запахи в культуре. Изд. 2-е, испр. Кн. 1 / Сост. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 10-11.

² О культурной блокаде изучения запахов см: *Stoddart, David Michael: The Scented Ape: The Biology and Culture of Human Odour* Cambridge: Cambridge University Press 1990; *Classen, Constance; Howes, David; Synnot, Antony: Aroma. The Cultural History of Smell.* L. – N.Y.: Routledge 1994; *Классен К., Хоувз Д., Синнот Э.* Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре... Т. 1. С. 43-51.

вание запахов на социальные феномены в качестве маркеров принадлежности человека к классу, этносу и полу³. Интенсивное включение запахов в политические и социальные дискурсы XIX в. и их переоткрытие социальными и гуманитарными науками в конце XX в. образуют важные вехи европейской ольфакторной истории (от латинского *olfactorius* - «обонятельный»).

Важность истории запаха следует из того факта, что обоняемая среда образует органичную составляющую повседневной жизни. Запахи документируют культуру застолья, быта, праздника. С ними связаны представления о гигиене, женственности и мужественности, культурности, принадлежности к «верху» или «низу» в социальной иерархии.

Многое свидетельствует о том, что интенсификация публичного обсуждения запахов может указывать на радикальный общественный разлом, который ставит под сомнение или рушит привычные нормы повседневной жизни и правила коммуникации. Запахи, как и прочие артефакты повседневности, в фазах мирного, стабильного развития общества представляются само собой разумеющимися и поэтому остаются за пределами ученого и прикладного медицинского дискурса, без публичного дикурсивного интереса и вербальной фиксации. Однако во времена острых потрясений и грандиозных перемен обсуждение запахов можно рассматривать как место конструирования социального и культурного нормирования, иерархизации, инклюзии и эксклюзии. Тем самым, недооцененная поныне историческим цехом история обоняния может помочь в изучении страхов и надежд, восприятия и поведения исторических акторов. Другими словами, ольфакторная история обладает пока еще недостаточно оцененными ресурсами для участия в выполнении амбициозных задач, поставленных поборниками культурной истории и, тем самым, стать полноценной и перспективной отраслью культурной истории.

Историография в течение десятилетий отстаивала статус серьезной науки. За это она дорого заплатила, в том числе утратой ощущения прикосновения к прошлому при чтении научных исто-

³ О важном повороте в инструментализации запахов для социального включения и исключения в XIX в. см.: Корбен А. Миазм и нарцисс (главы из книги) // Ароматы и запахи в культуре... Кн. 1. С. 326-439. Оригинальное издание: *Corbin, Alain. Le miasme et la jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, 18 – 19 siècles.* P.: Aubier Montaigne, 1982.

рических текстов. «Эффектами реальности» (Р. Барт) историки пожертвовали во имя описания «великих» событий, процессов и личностей с безопасной дистанции, без «принюхивания» (в прямом и переносном смысле) к эпохе и языком, в полной мере понятным лишь посвященным. При таком подходе было невозможно — и не нужно — выяснять, чем пахло прошлое. Возвращение запахов в историю может сыграть важную роль в рождении «эффектов реальности» в тексте (через текст) профессионального историка — в работе, важность которой историографы ощущают в последние годы с нарастающей остротой⁴.

Состояние исследования: достижения и дефициты

Начало систематическому историческому исследованию запахов положила новаторская работа А. Корбена⁵. Историк последовательно проанализировал социальные и культурные контексты и дискурсы, которые повлияли на представления о здоровье, чистоте, воспитанности и гигиене, преимущественно во Франции позднего Средневековья и Нового времени. Ученого особо интересовало, как сложились нормы и практики обращения с запахами в XVIII и XIX вв.

Позднее рождение культурной истории обоняния и пусть не общепризнанный, но заметный интерес к ней, начиная с 1980-х гг., были связаны с рядом процессов, протекавших как в самой исторической науке, так и за ее пределами. Дефицит интереса историков к запахам коренился в господствовавших с XIX в. представлениях об истории как «объективной» науке и в доминировании питавшихся этим (пред)убеждением подходах классической политической и социальной истории. В этом контексте история повсе-

⁴ О тенденции к антропологизации авторства в гуманитарных науках см., напр.: *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (21). С. 139-161; *Гумбрехт Х.У.* Должны ли гуманитарные науки быть научными? // Неприкосновенный запас. 2004. № 3 (35); *Он же.* Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006, № 81; *Ханаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М.: НЛЮ, 2005; *Нарский И.В.* Антропологизация авторства: приглашение к лирической историографии // Новое литературное обозрение. 2012. № 115 (3). С. 56-70.

⁵ См.: *Корбен А.* Миазм и нарцисс...

дневности и культуры, опыта и эмоций, изображений и других форм невербальной коммуникации оценивались как феномены, «субъективные» и маргинальные для хода Большой истории, и следовательно, не вызывали серьезного интереса в профессиональном историческом сообществе.

Такие настроения в историческом цехе соответствовали культурным конвенциям за границами историографии, о чем уже упоминалось выше. С эпохи Просвещения нюх интерпретировался как «звериное» свойство. Считалось, что органы обоняния человека по мере социального прогресса деградировали и потому неважны для развития общества. Нюх превратился чуть ли не в символ обскурантизма, дикости, невежества, девиации и недоразвитости⁶. Запах был почти полностью изгнан из культуры. Его изучение вне медицины могло показаться неуместным и неприличным чудачеством: «Академические теории запаха оказались такими же изгоями современной культуры, как и сам запах. Высокий статус зрения, культивируемый на Западе, обеспечивает абсолютно серьезное отношение к исследованиям, посвященным зрению и визуальной реальности, даже если исследования эти носят не бесспорный характер. Зато любая попытка анализа обоняния и запахов рискует быть уничтоженной общественным мнением как фривольная и неуместная»⁷.

В отличие от зрения и слуха, запах не был поддержан созданием специальной знаковой системы. Как метко выразился исследователь, культура создала изображения для «ненасытного глаза» и музыку для «ненасытного уха», но не «галереи запахов» или «ольфакторные концерты»⁸. Именно дефицит инструментов культурной фиксации «следов» такого неуловимого феномена как запах создает одну из главных источниковых проблем и питает пессимизм историков по поводу возможности его исследования.

⁶ См.: *Ланопт Д.* Non olet — не пахнет // Ароматы и запахи в культуре... Кн. 1. С. 563-577. Оригинальное издание: *Laporte, Dominic.* Histoire de la merde (Prologue). P.: Bourgois, 1978.

⁷ *Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э.* Значение и власть запаха... С. 51.

⁸ См.: *Захарьин Д.* Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Ароматы и запахи в культуре... Кн. 2. S. 280-308, цит. С. 282-283. Метафоры Д. Захарьина спровоцированы названием статьи Г. Маттенклотта «Ненасытный глаз». См.: *Mattenkloft Gert.* Das gefräßige Auge // In: *Die Wiederkehr des Körpers* / Hg. von Dietmar Kamper und Christoph Wulf. Frankfurt / M.: Edition Suhrkamp 1982. S. 224-241.

Заметный поворот историков к «субъективной действительности» восприятия и интерпретационных усилий со стороны исторических акторов совпал с крахом биполярного мира и растущим недоверием к ценностям Просвещения и прогресса в 1980–1990-е годы. «Ольфакторный поворот» в гуманитарных и социальных науках позволено интерпретировать как памфлет против идейного наследия эпохи Просвещения, а обоняние — как главный орган чувств и символ постмодерна. Ведь постмодерн, как запах, легко преодолевает и размывает границы, свидетельствуя о хрупкости, непостоянстве и иллюзорности сущего.

Не удивительно, что культурная история запаха раньше и прочнее, чем в других странах, обосновалась во Франции, где она могла опереться на ментальную историю. Французы доминируют сегодня в ольфакторной историографии и социологии⁹. В англо- и немецкоязычных пространствах исторические исследования запаха представляются менее дифференцированными. Чаще всего обонятельные сюжеты встречаются там в связи с изучением телесности, эмоций и памяти, а также в научно-популярных текстах¹⁰. Специ-

⁹ См.: *Ланорм Д.* Non olet — не пахнет... *Корбен А.* Миазм и нарцисс... *Вигарелло Ж.* Чистое и грязное: телесная гигиена со времен Средневековья (главы из книги) // *Ароматы и запахи в культуре...* Кн. 1. С. 525–562. Оригинальное издание: *Vigarello, George.* Le propre et le sale. L'hygiène du corps depuis le Moyen Age. P.: Editions du Seuil 1985; *Шааль Б., Руби К., Марлье Л., Суссиньян Р., Контар Ф., Трембле Р.Э.* Изменчивость и универсалии в воспринимаемом пространстве запахов. Межкультурные подходы к исследованию обонятельного гедонизма // *Ароматы и запахи в культуре...* Кн. 1. С. 89–121; *Ле Гереп А.* Три истории о носе и происхождении психоанализа // Там же. С. 192–209; *Он же.* Ароматы Версаля в XVII–XVIII веках: эпистемологический подход // Там же. С. 297–308; *Фабр-Васса К.* Духи для переписки // Там же. С. 493–508; и др.

¹⁰ См.: *Borg-Laufs, Michael; Duda, Lothar.* Zur sozialen Konstruktion von Geschmackswahrnehmung. Braunschweig: Vieweg Verlag, 1991; *Engen, Trygg.* Odor Sensation and memory. N. Y.: Praeger Verlag, 1991; *Hurton, Andrea.* Erotik des Parfüms: Geschichte und Praxis der schönen Düfte. Frankfurt / M.: Eichborn, 1991; *Ohloff, Günther.* Irdische Düfte — himmlische Lust: Eine Kulturgeschichte der Duftstoffe. Basel: Birkhäuser, 1992; *Classen, Constance.* World of Sense: Exploring Senses in History across Cultures. L.: Routledge, 1993; *Henglein, Martin.* Die heilende Kraft der Wohlgerüche und Essenzen: Die Geschichte, die Gerüche, die Anwendung. München: Orbis-Verlag, 1994; *Das Riechen: von Nasen, Düften und Gestank* / Hg. Von Uta Brandes. Göttingen: Steidl, 1995; *Jütte, Robert.* Geschichte der Sinne. Von der Antike bis zur Cyberspace. München: Beck, 2000.

альные исследования запахов с применением культурно-исторического инструментария встречаются нечасто¹¹.

Развитие история запахов в России задержалось. В СССР, где «марксистско-ленинский подход» в науке принудительно доминировал, хотя и применялся в исторических работах последних десятилетий советского режима все более формально и «косметически», история обоняния и запахов как тема серьезного исследования была немыслима. Сведение о якобы запланированном в 1970 г., к 100-летию юбилею В.И. Ленина, производстве духов «Запах Ильича» могло найти себе место только в формате рискованного политического анекдота.

Лишь после краха Советского Союза российская историческая наука познакомилась с теоретическими поворотами, которые международная историография открывала, осваивала и инструментализировала в 1970–1980-е гг. — «лингвистическим», «микроисторическим», «визуальным», «эмоциональным» и проч.

На внеучном уровне такой переориентации социальных и гуманитарных наук соответствовал растущий интерес российской читающей публики к повседневному и приватному, дискурсивному и микроисторическому. В 1990-е гг. российскими историками заново открыли «вернувшихся» из США М. Бахтина и опубликованного в СССР в начале 1970-х гг. М. Фуко¹², пользовавшихся в то время огромным успехом у американских коллег. В этом контексте следует рассматривать и возникший интерес в России к обонятельной сфере.

Импульс для этого поворота пришел из Франции. В 2000 г., спустя четыре года после состоявшегося в 1996 г. в Ницце 121-го Национального конгресса исторических и научных обществ и через год после публикации материалов секции «Запахи и ароматы» французских этнологов и антропологов, один из наиболее креативных на постсоветском медийном пространстве гуманитарных научных журналов «Новое литературное обозрение» («НЛО») посвятил более ста страниц рубрике «Социология чувств: запахи», в которой, помимо прочего, увидели свет и несколько переведенных на русский язык французских текстов¹³. В 2003 г. одноименное издатель-

¹¹ См.: Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э. Значение и власть запаха...

¹² См.: Ровный Б.И. Введение в культурную историю. Челябинск: Каменный пояс, 2005.

¹³ См.: Социология чувств: запахи // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 5-112.

ство, которому принадлежит и журнал, издал двухтомник статей «Ароматы и запахи в культуре». Заголовок напрямую парафразировал исходное французское название публикации 1999 г. В солидном издании объемом почти в 1300 страниц, повторно изданном в 2010 г., собрано более 60 текстов о запахах, принадлежащих перу социологов, филологов, этнологов, литераторов, философов, психоаналитиков, парфюмеров и историков¹⁴. В последующие годы журнал «Теория моды», также принадлежащий издательству «НЛО», вел рубрику, посвященную запахам в различных культурах¹⁵.

Из знакомства с составом статей двухтомного российского сборника со всей очевидностью следует, что к написанию ольфакторной истории России и СССР историки еще не приступили. Из двенадцати текстов второго тома, посвященных запахам в российской культуре, лишь один написан дипломированным историком¹⁶. Большинство российских авторов — социологи и географы, этнологи и литературоведы.

Сборник отражает состояние изучения запахов в российской истории и в историографии. Авторы большинства из упомянутых статей — филологи, которые на основе изучения русской литературы XVIII–XIX вв. пытаются анализировать роль запахов в дворянской культуре¹⁷. Скромнее представлены этнологические исследования сельской обонятельной культуры¹⁸.

Запахам в российской истории пока посвящена лишь одна книга профессионального историка, при этом речь в ней идет,

¹⁴ См.: Ароматы и запахи в культуре... Кн. 1, 2. 2010.

¹⁵ См.: Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2013. № 26, 28. — <http://www.nlobooks.ru/node/2964>; <http://www.nlobooks.ru/node/3683> (ноябрь, 2017).

¹⁶ См.: Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация...

¹⁷ См.: Строев А. Чем пахнет чужая земля // Ароматы и запахи в культуре... Кн. 2. С. 75-100; Богданов К. Тлетворный дух в русской литературе XIX века // Там же. С. 101-133; Дмитриева Е. Запахи в усадьбе // Там же. С. 134-166; Кирсанова Р. Аромат родного дома и запах счастья // Там же. С. 270-279.

¹⁸ См.: Кабакова Г. Запах смерти // Ароматы и запахи в культуре... Кн. 2. С. 40-49. Оригинальная публикация: Кабакова Г. Запах смерти // Славяноведение. 2000. № 6. С. 21-25; Она же. Запахи в русской традиционной культуре // Там же. С. 50-61. Оригинальная публикация: Кабакова Г. Запахи в русской традиционной культуре // Живая старина. 1998. № 2. С. 36-38.

правда, только о столице Российской империи, что не умаляет достоинств новаторской публикации¹⁹. Наиболее активна в последние годы занималась историей запахов поздней Российской империи и СССР сталинского периода занималась журналистка и искусствовед Екатерина Жирицкая²⁰. Ее публикации о запахах в СССР, в том числе несколько лет назад увидевшие свет фрагменты будущей, но, к сожалению, все еще не завершенной книги «Запах родины», содержат филологический и лингвистический разбор литературных текстов, важный для историка, но не заменяющий исторического анализа обонятельной культуры.

Чем пах СССР?

Итак, изучение советской культурной истории обоняния находится пока в начальной фазе. Между тем, исследование ольфакторной среды в СССР представляет особый интерес в силу специфики развития страны. Общество поздней Российской империи и Советского Союза в течение десятилетий было объято процессом перманентных структурных переломов, которые сопровождались радикальными переменами обонятельного ландшафта. Пять десятилетий между отменой крепостного права и началом Первой мировой войны продолжался интенсивный приток крестьян в стремительно растущие города, содействовавший формированию новых социальных групп городского населения, прежде всего рабочего класса и буржуазии. Возникновение новых городских пространств и групп населения вызвали в политических, научных и литературных кругах России дискуссии о «благоухающих» нуворишах и «зловонных» низших слоях²¹.

¹⁹ См.: *Лапин В.В.* Петербург. Запахи и звуки. СПб.: Европейский дом, 2009.

²⁰ См.: *Жирицкая Е.А.* Запах Родины // *Московские новости*. 1998. 12 окт.; *Она же*. Легкое дыхание: запах как культурная репрессия в Российском обществе 1917–1930-х годов // *Ароматы и запахи в культуре...* Кн. 2. С. 167–269; *Она же*. Запах Колымы // *Теория моды...* (см. сн. 15).

²¹ Подробнее см.: *Энгелстейн Л.* Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология* / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000 С. 217–268 (впервые опубликовано в 1986 г.); *Лапин В.В.* Запахи и звуки...

Эпоха «31-летней войны» 1914–1945 гг. (Э. Хобсбаум) в России и Советском Союзе была наполнена мировыми войнами и революциями, Гражданской войной и Большим террором, насильственной индустриализацией страны и разрушением деревни. Возникали новые элиты и новые низшие слои, выпавшие на социальную обочину и маргинализированные государством²². Старые ароматы привилегированных слоев исчезали или частично присваивались новыми властителями и элитами. Новое зловоние господствовало в рабочих бараках и коммунальных квартирах, в которых несколько семей вынуждено было ютиться под одной крышей²³.

После Великой Отечественной войны, в эпоху Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, советская обонятельная среда пережила лишь относительную стабилизацию. Разгерметизация «железного занавеса» и чрезвычайно высокий статус «западных» товаров на фоне перманентного дефицита потребления в СССР обеспечивали циркуляцию вожделенной парфюмерной продукции в семьях партийной и государственной номенклатуры, а также среди молодежи прозападной ориентации, например, «стиляг». Высокая горизонтальная социальная мобильность жителей национальных советских республик, прежде всего Закавказья и средней Азии, поддерживала латентный обыденный дискурс о дурно пахнущих

²² См., напр.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001 (оригинальное издание 1994 г.); *Она же.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001 (оригинальное издание 1999 г.); *Kuhr-Korolev, Corinna; Plaggenborg, Stefan; Wellmann, Monica* (Hg.): Sowjetjugend 1917–1914. Generation zwischen Revolution und Resignation. Essen: Klartext, 2001; *Naimark, Norman.* Stalin's Genocides. Princeton: Suhrkamp, 2010.

²³ О реорганизации общественных и частных пространств см., напр.: *Schlögel, Karl.* Kommunalka, Oder Kommunismus als Lebensform. Zu einer historischen Topographie der Sowjetunion // In: Historische Anthropologie 6 (1998) S. 329–346; *Герасимова Е.Ю.* Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ. Дисс. ... канд. социол. наук. СПб., 2000; *Бойм С.* Общие места. Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002; *Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. *Rüthers, Monika.* Moskau bauen von Lenin bis Chruschtschew. Öffentliche Räume zwischen Utopie, Terror und Alltag. Wien u.a.: Böhlau Verlag, 2007.

«чужаках»²⁴. Наконец, поздний СССР эпохи «перестройки» пережил настоящую ольфакторную революцию, когда не только «новые русские», но и широкие слои населения должны были познакомиться с «новыми», западными гигиеническим стандартом и парфюмерным ландшафтом и, по возможности, освоить их²⁵.

Ввиду лаконично очерченных обстоятельств не приходится удивляться, что советские запахи оставили множество текстуальных «следов». Формативные политические, хозяйственные, общественные и культурные перемены, которые в течение десятилетий влияли на страну и ее население, вызывали вновь и вновь разгоравшиеся дискурсы о реальных и метафорических запахах. Другими словами, состояние источников чрезвычайно благоприятно для основательного изучения истории запахов в СССР.

Исследование «советских» запахов могло бы помочь существенному продвижению в многолетней дискуссии, центральной для гуманитарных наук, в том числе историографии советского прошлого: что же было советского в советской культуре²⁶? Поскольку восприятие запахов тесно связано с представлениями о культурности и отсталости, анализ советской ольфакторной среды мог бы способствовать лучшему пониманию дидактических намерений и содержания советской культуры.

Дискурсы о запахах ставят вопросы о том, кто, когда, где и как должен или не должен пахнуть. Поэтому они приобретают

²⁴ О социальных конфликтах в советской повседневности между 1945 и 1985 гг. см., напр.: *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Булавин, 2006; *Она же.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950-е – 1960-е годы. СПб.: Дмитрий Булавин, 2015; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. М.: Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008; *Кулевиг Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху. М.: АИРО-XXI, 2009.

²⁵ Об «ольфакторной революции» в России 1980-х – 1990-х гг. см.: *Левинсон А.* Повсюду чем-то пахнет // *Ароматы и запахи в культуре...* Кн. 2. С. 5. 7-39, особенно С. 26-31.

²⁶ См.: Соцреалистический канон / Сост. Е. Добренко, Г. Гюнтер. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. В 2007–2015 гг. в Европейском университете Санкт-Петербурга прошло девять конференций по теме «Конструируя советское?». См.: http://www.sociologos.ru/novosti/Materialy_sbornikov_nauchnoj_konferencii_Konstruiruy_a_Sovetskoe_stali_dostupny (ноябрь, 2017).

особый вес в эпохи грандиозных социальных экспериментов, нацеленных на создание новых порядков и иерархий. Так было и в Советском Союзе, правители которого были одержимы идеей создания «нового человека». Представление о «правильной» мужественности и женственности неизбежно получало обонятельное измерение, поскольку «новый человек» должен был быть сознателен, физически и морально здоров и чист. Он должен был быть хорошо физически развит и правильно воспитан. Вопросы о формировании обонятельного стандарта «нового человека», о том, при каких условиях он открыто обсуждался, а при каких — лишь подразумевался, мало проработаны, но крайне любопытны, поскольку ответы на них имеют прямое отношение к одному из захватывающих сюжетов советской обонятельной истории — ольфакторной политике коммунистической партии и советского государства²⁷.

Горизонтальная мобильность и ее неизбежный спутник — постоянное нарушение обонятельных границ — образуют актуальный сюжет в исследовании пространственной истории империй, которая с недавних пор разрабатывается и в отношении России Нового времени²⁸. Инструментализация запахов для конструирования этнически и культурно «чужого» образует, за исключением исследования антисемитизма в СССР, недооцененную историками проблему советского многонационального общества²⁹.

Итак, можно представить себе следующий круг перспективных тем, в которых культурная история обоняния могла бы оказать существенную пользу в разработке проблематики, актуальной для современной международной историографии.

Во-первых, это может быть история запахов как важная часть истории повседневности. Под влиянием непрерывных — запланированных или, чаще, спонтанных — нововведений в области ги-

²⁷ О проекте «нового человека» в СССР см., напр.: *Günther, Hans*. Der sozialistische Übermensch. M. Gorkij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart, Weimar: Metzler, 1993; *Hellbeck, Jochen* (Hg.). Tagebuch aus Moskau 1931–1939. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1996.

²⁸ См. новаторскую книгу Б. Шенка: *Schenk, Frithjof B.* Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014.

²⁹ Об использовании запахов для идентификации чужого см., напр.: *Слезкин Ю.* Эра Меркурия: евреи в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

гиены, столовых и питейных привычек обонятельная среда Советского Союза изменялась как в микромасштабе жилого помещения, так и в макромасштабе так называемых «больших запахов» крупных промышленных центров.

Во-вторых, можно представить себе изучение запахов как важный инструмент пространственного или образного размежевания — политического, социального, этнического, культурного. Запахи в состоянии конструировать и структурировать пространства и иерархии, подавая сигнал о том, где заканчивается «свое» и начинается «чужое». Тем самым запахи могут воздействовать на восприятие и поведение исторических акторов, причем зачастую незаметно для них.

В-третьих, запахи поддаются интерпретации в качестве инструментов целенаправленного социального размежевания и применения насилия. Чрезвычайная ситуация повышенной опасности, вероятно, содействует обострению обоняния ее участников и жертв, поскольку обоняние, как доказано нейробиологами, связано с подсознанием. Не случайно мемуары выживших жертв террора полны воспоминаний о неприятных и невыносимых запахах. Насильственная утрата старой элитой права на привилегированные ароматы, приписывание врагам реального или вымышленного, физического или метафорического зловония, присвоение благородных запахов новой элитой — все это были тонкие механизмы репрессий, в течение десятилетий определявшие советские будни.

Визуализация позитивно или негативно коннотированных запахов может, в-четвертых, также стать востребованной темой исторического исследования. В связи с неразвитостью специальной обонятельной терминологии нетрудно предположить, что художник мог сознательно или неосознанно попытаться зафиксировать запахи не текстуально, а зрительно. Для этого можно было, например, попытаться противопоставить образ здорового (и поэтому хорошо пахнущего тела) героя болезненному (и потому смердящему) облику врага с одутловатым лицом, гнилыми зубами, нечистой кожей и в засаленной одежде. Как должен был пахнуть «новый человек» и вонять враг, можно было бы выяснить на основе политического плаката. На это указывают примеры удачной интерпретации образов врага с привлечением в качестве источника политического плаката, хотя их авторы-историки эксплицитно не ставили перед собой задачи ольфакторного истолкования предмета

своих исследований и, следовательно, не использовали потенциал обонятельного исследовательского арсенала сознательно, последовательно и в полной мере³⁰.

Наконец, в-пятых, обонятельная проблематика может быть привлечена для изучения мемориальной культуры. Как известно, нейрофизиологическая специфика восприятия запахов обеспечивает им привилегированную роль надежного средства возбуждения памяти. Эффективное использование запахов наблюдается, например, в воспоминаниях о советском детстве³¹.

Значение запахов в советской истории и богатство источниковой базы контрастируют, тем не менее, с научным освоением темы. Развитие культурной истории «советского» обоняния блокировано прежде всего относительной неразвитостью и маргинальным состоянием повседневной и культурной истории XX в. в современной российской историографии. Подъем культурно-исторических подходов в поздние 1980-е – ранние 2000-е гг. был связан с поиском альтернативы традиционной советской историографии событийно-политического и социально-экономического направлений. Однако в последние годы он сменился тиражированием патриотической литературы о «великих» событиях и исторических героях³². Конечно, «ольфакторный поворот» не в состоянии принципиально изменить вектор актуальных тенденций в российской историографии. Но если он привлечет внимание «подрастающей смены» историографического цеха к неиспользованному потенциалу культурной истории XX в., это уже будет значительным шагом вперед.

³⁰ См., напр.: *Волков Е.В.* «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челяб. дом печати, 2008; *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы. М.: Кучково поле, 2008.

³¹ См., напр.: *Макин А.* Французское завещание // *Иностр. лит.* 1996. № 12. С. 18-127; *Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники.* М.: Терра, 1997; *Чудаков А.П.* Ложится мгла на старые ступени. М.: Олма-Пресс, 2001; *Брускин Г.* Мысленно вами. М.: Новое литературное обозрение, 2003; *Молкина О.И.* Над нами Красный крест: Петербургская семья на фоне XX века. СПб.: Остров, 2007.

³² См.: *Ровный Б.И.* Введение в культурную историю. Челябинск: Каменный пояс, 2005.

Ниже я очерчу возможности ольфакторного прочтения революции 1917 г. и гражданской войны в одном из провинциальных регионов России, которым мне довелось специально заниматься много лет назад³³.

Революция, которая дурно пахла

«С наступлением революционного 1917 года и периодическим занятием города разными властями, эвакуации его с вывозом имущества, особенно лошадей, отчасти и бочек, прекращением дел частными ассенизаторами, постепенным приходом частного инвентаря в полную негодность, — дело ассенизации города совершенно разрушилось и с начала 1918 г. город совершенно не очищался. Вся ассенизационная деятельность сводится в настоящее время к тому, чтобы не дать нечистотам в обществен[ных] учреждениях перелиться через край выгребных ям и разлиться по городу, что удастся далеко не всегда, частные обыватели совершенно не очищаются. Жильцы муниципальных домов очищаются в виде исключения»³⁴.

Так отдел здравоохранения Уфимского губисполкома ретроспективно, в 1920 г., описывал состояние ассенизации в Уфе, старейшем губернском центре Южного Урала. Из этого описания видно, во-первых, что так называемая «разруха», как называли современники хозяйственную и бытовую деградацию революционной России, имела обонятельный компонент, бывший в нос участников и свидетелей революции, но почти не тематизируемый историками. Во-вторых, для современников была очевидна связь крушения городской санитарии с революцией, Гражданской войной, сопровождавшейся на Урале, в эпицентре боевых действий «красных» и «белых» вооруженных формирований, многократной сменой власти, а также с гонениями большевиков на частную собственность.

Ольфакторная история может претендовать на одну из полных правовых перспектив интерпретации повседневной истории рос-

³³ См.: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001; *Он же.* Канализация хаоса и хаос в канализации: санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917–1922 гг. / Человек и война (Война как явление культуры). М.: АИРО-XX, 2001. С. 238–265.

³⁴ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. Р-443. Оп. 1. Д. 300. Л. 6, 8.

сийской революции. Действительно, с 1917–1918 гг. городское хозяйство стало приходить в тревожащий местных жителей упадок. Перестали ремонтироваться дороги, чиститься улицы. Горожане летом задыхались от пыли и зловония, которое распространяли пребывавшие в состоянии вопиющей антисанитарии рынки, общественные уборные, дворы национализированных домов, покрытые гниющим мусором и навозом.

Устойчивое зловоние, от которого некуда было спрятаться, заставляло бить тревогу не только специализированные органы санитарии, здравоохранения и городского хозяйства, но и широкую и тогда еще не погибшую общественность. Антисанитария активно и открыто обсуждалась в прессе: «Наши улицы превращены в форменные помойные или выгребные ямы. Обыватели уфимских домов разучились, пожалуй, даже ходить так называемыми черными ходами. Выметенный ли сор, слитые ли помои, выеденную от яйца скорлупу и тому подобные лоскутки и объедки они смело и безнаказанно выносят в парадные двери и выливают в соседнюю с тротуаром канаву, рассчитывая на бесплатное санитарное действие дождевой воды. Даже еще проще бывает, сплошь да рядом все это просто летит из окна, попадая подчас прямо на головы проходящих.

В результате вышеизложенного уличные канавы до того изгажены и загружены без всякой периодической чистки, что мостики совершенно закупорились и бурлящей дождевой воде приходится размывать без того разбитые тротуары. Особенно это выявляется на улице Чернышевской. На этой улице вместо прежних водосточных канав и мостиков — следы свиного постоя. Ко всему этому необходимо еще прибавить целое кладбище собачьих, кошачьих да крысиных трупов — и вот вам полная картина санитарного состояния нашего города»³⁵.

Обонятельный «интерьер» Уфы, в которой правители в течение 1917–1919 гг. семь раз сменяли друг друга, не был исключением для уральского региона. Общественные заведения другого губернского центра Урала, Перми, в меньшей степени задетой боевыми действиями Гражданской войны, находились в не меньшем запустении. Это утверждение в полной мере относится даже к учреждениям здравоохранения, для которых поддержание образцовой гигиены является, казалось бы, обязательным условием

³⁵ Известия (Уфа).1920. 11 сент.

нормального функционирования. В Перми, например, особая рабочая губчека по борьбе за чистоту в октябре 1920 г. обследовала больницу, размещенную в бывшем доме Грибушина. Там на излечении находилось в момент проверки четыреста красноармейцев. Составленный акт содержит описание, протоколирующее омерзительную обонятельную атмосферу больницы: «Весь пол покрыт толстым слоем грязи, на месте оказался один лекпом 280 госпиталя, ни одного из санитаров не оказалось. Все продукты, выдаваемые больным красноармейцам, помещаются на грязном полу и на мокрых подоконниках, так как в комнате нет ни одного стола, ни одной скамейки. В передней прихожей стоит лужа мочи, а в углах масса каловых испражнений. Никаких предметов по уходу за больными не оказалось, вообще данное помещение совершенно не было приспособлено для помещения больных, даже нет простых нар, чтобы спасти больных от той липкой грязи, которой покрыт весь пол, кроме того, нет ни одной плевательницы, почему и пол покрыт гнойными плеватками, а местами — рвотными массами»³⁶.

От вездесущего зловония невозможно было укрыться и в приватном жилом пространстве, причем еще до начала Гражданской войны и в городах, которые она обошла стороной. Так, в мае 1918 г. в Вятке комиссия местного губздравотдела осматривала квартиру владельца частного часового магазина М. Кантера. Ею было обнаружено, что вследствие одинакового диаметра впускных и сточных канализационных труб, при образовании воздушных пробок вследствие прекратившихся регулярных ассенизационных чисток, сточные воды «отчасти переливаются через унитаз в квартиру Кантера и разливаются по полу, что такие случаи бывают часто, видно из состояния пола, который местами гниет и издает дурной запах»³⁷. Выгребные ямы были доверху заполнены экскрементной гущей, препятствовавшей спуску из унитазов в квартирах первого и второго этажей. Месяцем позже та же комиссия, проверяя муниципализированный дом, ранее принадлежавший предпринимателю М.Д. Зонову, констатировала: «Выгребная яма... содержит твердые каловые массы, причем уровень их приблизительно одинаков с уровнем пола подвала, что

³⁶ Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 280. Л. 95.

³⁷ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

затрудняет спуск через трубы kloзетных нечистот»³⁸. Асфальтовый пол подвала был покрыт липкой зловонной жидкостью.

Наряду с историей бытовой «разрухи», культурная история обоняния имеет самое прямое и лежащее на поверхности отношение к еще одной мало изученной историками теме эпидемических заболеваний в революционной России. О том, что эпидемическая проблематика является центральной для истории революции и Гражданской войны и именно так воспринималась современниками, свидетельствует статистика: за 1917–1922 гг., по приблизительным подсчетам, в России умерло от эпидемий около трех миллионов человек — столько же, сколько вследствие боевых действий Гражданской войны и в полтора раза больше, чем в Первой мировой войне³⁹. Разрушение и без того несовершенной системы водопровода и канализации, ухудшение бактериологических показателей воды, санитарная культура низших слоев населения, обреченных войной и революцией на хаотичную миграционную активность, резкое ухудшение материального положения населения, выразившееся, помимо прочего, в ухудшении стандарта питания и снижении количества потребляемых калорий, дефиците одежды, обуви, топлива, жилья и медикаментов — все это вызвало заболеваемость пандемического масштаба. Обонятельный компонент катастрофы в области здравоохранения также очевиден и нуждается во внимательном изучении историческим цехом.

Наконец, важным представляется также участие ольфакторного подхода в культурно-историческом осмыслении русской революции. Так, например, расцвет праздничной культуры в революционной России⁴⁰ явно имеет обонятельный фон: жизнь в холодных, зловонных, перенаселенных помещениях была менее привлекательной, чем принудительное участие в коллективных церемониях, которые позволяли отвлечься от горьких будней, дарили иллюзию порядка, поставляли спасительные интерпретационные ориентиры, делавшие жизнь осмысленной или хотя бы сносной. Буйство празд-

³⁸ Там же. Л. 9.

³⁹ Подробно см.: Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1: 1900–1939. М.: РОССПЭН, 2000. С. 74–133.

⁴⁰ Об обстоятельствах рождения советской праздничной культуры подробно см.: *Мальшева С.Ю.* Советская массовая культура в провинции: Пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005; *Рольф М.* Советские массовые праздники...

ников было обратной стороной разрушения приватного пространства, органичной составляющей которого были и обонятельные стандарты, подвергшиеся обрушению.

Последняя гипотеза обнаруживает еще одну грань истории революции, в объяснении которой обонятельная перспектива может оказаться необходимой. Имеется в виду коллективная память о революционных событиях. Открытое и массовое обсуждение темы зловония в начале 1920-х гг. начало покидать страницы газет, уступив место локализованному и закрытому профессиональному дискурсу медиков, гигиенистов, статистиков, работников коммунального хозяйства. В основе публичного умолчания лежало не исчезновение дурных запахов из советского быта, а их игнорирование. Как минимум две причины этой дискурсивной перемены лежат на поверхности.

Во-первых, тема революционного зловония не соответствовала формировавшимся советским героическим мифам. Связывать «высокий» образ революции с «низкими» запахами означало понизить, унизить, деконструировать героический миф и лишить его убедительности. Проблема развала санитарно-гигиенических и, соответственно, обонятельных норм в русской революции находилась в слишком опасной близости к вопросу о массовой ответственности «простых» российских граждан за гигиеническую, эпидемическую, демографическую и, в конечном счете, культурную катастрофу. Публичное обсуждение этой темы сделало бы всеобщим достоянием тот очевидный факт, что российские города были изгажены не царским или Временным правительством, не буржуазией и помещиками, не белыми офицерами и их европейскими союзниками-интервентами, не советскими и партийными ответственными работниками, а массой «нормальных» вчерашних подданных российской короны, которых революция освободила от повседневного контроля и ответственности за организацию повседневной жизни.

Во-вторых, вытеснение ольфакторной проблематики из ранне-советского общественного дискурса позволительно интерпретировать как результат изменения обонятельных норм советских горожан. По мере освоения городов вчерашними крестьянами, а привилегированных жилищ — социальными низами, вместе с гигиеническими стандартами резко понизились и обонятельные. То, что до революции и даже в 1917–1918 гг. еще казалось встревоженным коренным горожанам зловонием, довольно быстро стало новой

нормой и перестало замечаться. Беспрецедентное понижение жизненного стандарта в годы революции и гражданской войны настолько сузило и придавило «горизонт ожидания» (Р. Козеллек) советских людей, что минимальное улучшение положения или хотя бы забрезжившая надежда на лучшее рождали взрывы восторженной эйфории и воодушевленной поддержки новых правителей. Культурная память сыграла с обитателями революционной России злую шутку: жизнь в СССР 1920–1930-х гг. после «семилетней войны» 1914–1921 гг. сравнивалась не с дореволюционными стандартами, а с невыносимыми обстоятельствами выживания в революции и Гражданской войне. Вероятно, ольфакторная «подкладка» есть, таким образом, и у массового советского энтузиазма первых пятилеток.

Итак, культурная история обоняния сопряжена с очевидными трудностями. Прежде всего, это сложности источникового характера: «...Запах — исключительно трудноопределимый и сложный для определения феномен. <...> Запахи нельзя увековечить: не существует ни эффективного способа улавливания ароматов, ни метода их сохранения. В царстве обоняния нам приходится полагаться на описания и воспоминания»⁴¹. Неуловимость запаха, отсутствие разработанных культурных норм его вербальной фиксации означают, что историк обоняния имеет дело не с самим феноменом, а с его «следами». Правда, против этого аргумента, способного породить исследовательский пессимизм, можно законно возразить: а разве, исследуя исторические события, деяния великих деятелей, память, эмоции, опыт и прочие феномены прошедшей политической, хозяйственной, социальной и культурной жизни, историк имеет дело с объективной реальностью, а не с ее следами?⁴²

Возможны возражения и против истории запахов как феномена, исторически маргинального. Но, как читатель мог убедиться выше, эти возражения сами являются явлениями исторически обусловленными. Они коренятся в эпохе Просвещения и ее ценностях, которые сами, как показал исторический опыт XX столетия, не являются безупречными. Критикующим ольфакторный подход к истории

⁴¹ Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э. Значение и власть запаха... С. 47.

⁴² О работе историка в рамках «уликовой парадигмы» см.: Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: морфология и история / Сб. ст. М.: Новое издательство, 2004. С. 189–241.

можно порекомендовать исторически контекстуализировать природу своих (пред)убеждений и тем самым релятивировать их, признав правомерность альтернативных подходов к исторической науке.

Сомнение может вызвать попытка применения ольфакторного подхода к российской революции как к теме малоприличной и неуместной с точки зрения гордости за прошлое, «патриотического воспитания» и прочих концептов истории как «учительницы жизни». Помимо очевидной относительности самих этих концептов, можно без труда найти запаховые темы более позитивные — обонятельный мир детства, например, ольфакторная индустриальная экология или обонятельные образы Запада из перспективы советского туриста.

Наряду с очевидными сложностями применения ольфакторного подхода к историческому исследованию, явны и его достоинства. Он может усилить «эффект реальности» исторического нарратива, и тем самым обеспечить более эффективное ощущение сочувственной причастности к прошлому у читающего книгу или слушающего учебную лекцию. Ольфакторный подход может обогатить культурно-историческое исследование мира восприятия и поведения исторического актора различного ранга — от выдающегося деятеля до безмолвного «маленького» человека. Прибегая к инструментарию обонятельной истории, важно не упускать из вида ряд вопросов. А именно: как возникают контексты восприятия запахов, в том числе у самого исследователя? Как функционируют в обществе ольфакторные факторы? Какие механизмы превращают их в социальную и культурную силу, структурирующую и направляющую восприятие, истолкование и действия акторов (в том числе и авторов ученых трудов)? Эти вопросы позволяют обеспечить историку контроль за собственными исследовательскими процедурами и, тем самым, закладывают основание для успешного результата.

ГЛАВА 3

ЭМОЦИИ КАК ПРИЗМА ПОСТИЖЕНИЯ ИСТОРИИ

Эмоции, как известно, играют огромную роль в жизни людей. Они присутствуют в повседневной жизни индивидов, групп, учреждений, в семье, в политике, в искусстве, в спорте; занимают важное место в коммуникациях, в том числе публичных; участвуют в процессах информирования акторов; обозначают ориентации, свидетельствуют о тех или иных эмоциональных состояниях. Научные поиски последних десятилетий показывают, что именно история и такие родственные ей дисциплины как антропология и социология способны внести свою лепту в денатурализацию используемых исследовательских категорий и предложить более сложное и глубокое понимание «реальностей», связанных с эмоциями.

Современная история эмоций нередко представляется как один из запоздалых результатов программы, сформулированной ещё в первой половине прошлого века Й. Хейзингой, Л. Февром и Н. Элиасом¹. Историки изучали эмоции также в русле исторической психологии, истории ментальностей и репрезентаций, истории тела, истории *sensibilités*². Стремясь избежать психологического анахронизма, они исследовали способы проявления чувств, свойственные людям ушедших эпох, вписывая их в мир определенной культуры или цивилизации. При этом к эмоциям подходили как к психологическим составляющим устойчивой интегральной характеристики конкретного человека, социальной структуры или культурной модели. Иными словами, историки изучали эмоциональный мир человека, опираясь на знания об эмоциях, полу-

¹ См., напр.: Хмелевская Ю.Ю. «История эмоций» в современной историографической парадигме // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 452-461.

² *Historiographies. Concepts et débats* / Sous la direction de Delacroix C., Dosse F., Garcia P. et Offenstadt N. P.: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. T. 1–2.

ченных, прежде всего, психологами. Универсальный, атемпоральный характер эмоций редко подвергался сомнению. Тем не менее уже в русле исторической антропологии удалось показать историчность систем восприятия и оценок, открывая широкое исследовательское поле, позволяющее понять инаковость Другого³. Но даже в самых удачных и влиятельных попытках представить динамику мира чувств не учитывалась историчность как вербального, так и невербального воплощения эмоций. За последние два десятилетия в этой сфере произошли серьёзные изменения: эмоции больше не воспринимаются как нечто естественное и периферийное в человеческом опыте, в принципе недоступное для гуманитарных и социальных наук. Они стали специальным объектом научного анализа, достойного своей истории.

Исследовательское пространство истории эмоций стремительно расширяется. В нем есть место как для истории какой-либо конкретной эмоции (страх, гнев, удивление, отвращение, волнение, печаль и проч.), так и для «линейки» чувств (от любви до ненависти, например) в различных контекстах и хронотопах. Выходят монографии, сборники статей, специализированные выпуски журналов, словари и справочники. Предпринимаются также попытки обобщения полученных исследовательских результатов⁴. Обсуждается содержание и перспективы включения эмоциональных сил в историческое мышление⁵. Активно идет процесс институционализации новой истории эмоций. Инициатором в обновлении изучения эмоций выступили ученые США, но сегодня существуют многочисленные исследовательские группы и сетевые лаборатории не только в Америке, но и в Европе, Австралии, Азии. Вокруг этого обновлённого исторического «объекта» сформировалось междис-

³ См.: Corbin A. *Le temps, le désir et l'horreur. Essais sur le XIX siècle*. P.: Aubier, 1991; Corbin A. *Le village des cannibals*. P.: Aubier, 1990; Delumeau J. *La peur en Occident, XIVe – XVIIIe siècles: Une cité assiégée*. P.: Fayard, 1978; Delumeau J. *Le peche et la peur: La culpabilisation en Occident, XIIIe – XVIIIe siècles*. P.: Fayard: 1983.

⁴ Deluermoz Q., Fureix E., Mazurel H., Oualdi M. *Écrire l'histoire des émotions : de l'objet à la catégorie d'analyse* // *Revue d'histoire du XIXe siècle*, 47 | 2013, 155-189; mis en ligne le 31 décembre 2016, consulté le 24 août 2016. — <http://rh19.revues.org/4573> (ноябрь, 2017); DOI: 10.4000/rh19.4573.

⁵ Rüsen J. *Emotional Forces in Historical Thinking: Some Metahistorical Reflections and the Case of Mourning* // *Historein* 8 (2008).

циплинарное исследовательское поле, имеющее собственное эпистемологическое измерение.

Контуры этого эпистемологического измерения я и хотела бы наметить в этом тексте⁶. Сразу же отмечу два обстоятельства. Во-первых, история эмоций достаточно молода. Ей чуть более двадцати лет. В России она делает лишь первые шаги, но уровень опубликованных междисциплинарных исследований позволяет надеяться, что у новой истории эмоций в нашей стране есть будущее⁷. Во-вторых, исследовательское поле современной истории эмоций принципиально междисциплинарно. Оно формируется на стыке двух обширных междисциплинарных областей, становление которых началось еще на рубеже XIX и XX веков и достигло апогея в последней четверти прошлого века: исторической антропологии и когнитивной науки. Историки, изучающие эмоции, работают по-разному, но все они учитывают состояние и результаты исследований на этих площадках⁸.

О том, что такое историческая антропология, написано немало. Заинтересованные историки успешно работают в этом междисциплинарном пространстве. При этом дискуссии о содержании,

⁶Первый вариант статьи см.: *Чеканцева З.А.* История эмоций в XXI веке: Эпистемологическое измерение // История: научно-образовательный журнал, 2015. Т. 6. Выпуск 9 (42). — <http://history.jes.su/s207987840001246-9-1> (ноябрь, 2017); DOI: [10.18254/S0001246-9-1](https://doi.org/10.18254/S0001246-9-1).

⁷См., напр.: *Богданов К.А.* Советское шампанское: праздничная история // Антропологический форум № 16. С. 367-378; *Плампер Я.* Введение 1. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера и др. М.: НЛЮ, 2010. С. 11-36; *Савицкий Е.Е.* Удовольствие от прошлого и чувство свободы в историографии 1990-х гг. // Диалог со временем. 2005. № 15. С. 179-209; *Сериков А.Е.* Эмоции и свобода воли в контексте нейрофизиологии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 1 (11). С. 37-52. — <http://www.phil63.ru/emotsii-i-svoboda-voli-v-kontekste-neirofiziologii> (ноябрь, 2017).

⁸Б. Розенвейн убедительно показала, какое значение в ее опыте переосмысления истории эмоции сыграли связи с социальными науками и когнитивными дисциплинами. *Rosenwein B.H.* «Bon à penser»: les sciences sociales et moi // Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre | BUCEMA [En ligne]. Hors-série n° 5 | 2013, mis en ligne le 24 janvier 2013, consulté le 28 juin 2015. — <http://cem.revues.org/12544> (ноябрь, 2017); DOI: [10.4000/cem.12544](https://doi.org/10.4000/cem.12544).

возможностях и пределах антропологического подхода в социальных и гуманитарных науках продолжают⁹. Когнитивная наука явно моложе исторической антропологии, хотя процессы познания всегда интересовали философов и ученых. Тем не менее, содержание когнитивной науки в нашем историческом сообществе не очень хорошо прояснено. Правда, в историографических текстах появился термин *когнитивная история*, и даже конференцию в РГГУ провели на эту тему. Однако из опубликованных материалов этой конференции видно, что присутствующая в них синтагма «когнитивная история» никакого отношения к когнитивной науке не имеет. Это хорошо показано в докладе одного из участников конференции А.В. Лубского, который называется «История как строгая наука vs нарративная логика историописания». Такая дихотомия, характеризующая, по мнению адептов истории как строгой науки, «когнитивную ситуацию» в современном историописании, напомнила А.Д. Лубскому средневековые альтернативные леммы, которые назывались «рогами». Какую бы альтернативу вы не выбрали, обе они приводят к неприятным последствиям, и вы оказываетесь «на рогах». «Образно говоря, — пишет философ, — стоит историк на развилке дорог с указателем: налево — нарратология, направо — строгая наука. А внизу камень с надписью: налево пойдёшь — лишишься рассудка, направо пойдёшь — воображение потеряешь». И убедительно показывает, что эта оппозиция вовсе не нова. Она была присуща классической рациональности, а сегодня преодолевается в рамках конструктивного реализма, стремящегося к синтезу разных оппозиций¹⁰.

На мой взгляд, история эмоций последних десятилетий была бы невозможна без когнитивной науки. Поэтому для того, чтобы понять, как изучают эмоцию в современной исторической науке, необходимо понять, что такое когнитивная наука. Латинское слово *когнитивный* означает «относящийся к процессам познания». Когнитивная наука — это междисциплинарная область исследований,

⁹ Чеканцева З.А. Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005; Faire l'anthropologie historique du Moyen Age. Des représentations à l'anthropologie de l'image? // L'Atelier du Centre de recherches historiques. 2010. No. 6.

¹⁰ Лубский А.В. История как строгая наука vs нарративная логика историописания // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 53-61.

возникшая на стыке нескольких наук примерно полвека назад¹¹. Она изучает когнитивные процессы (восприятие, память, речь, письмо, понимание, рассуждение, мышление и проч.) на уровне индивидуальном и коллективном, а также в связи с информационным потоком. Сложность и многообразие этих процессов требует сотрудничества представителей разных дисциплин. Прежде всего, здесь переплетаются психология и лингвистика, а также антропология как наука о человеке и его культуре в широком антропологическом смысле. Поскольку место действия этих процессов — мозг и нервная система человека, то нейрофизиология — это ещё одна составная часть когнитивной науки.

Важную роль в оркестре когнитивных наук играет также философия, особенно философия сознания. Взаимоотношения эмоции, разума и тела издавна были предметом оживлённых философских споров. Например, выдающийся голландский рационалист Бенедикт Спиноза (1632–1677) говорил: «я взволнован, значит, я существую». Артур Шопенгауэр (1788–1860) связывал эмоциональную жизнь с памятью: «я взволнован, значит, я вспоминаю»; Уильям Джеймс (1842–1910) — с телом: «я дрожу, значит, я боюсь». Весомый вклад в понимание природы эмоций внесли философы прошлого века. В числе сохраняющих свое значение для историков эмоций философских работ следует назвать книгу Ж.-П. Сартра «Эскиз теории эмоций» (1939) и Р. Соломона «Страсти. Эмоции и смысл жизни» (1976). Таким образом, когнитивная наука — это такая область познания, где на стыке социальных, гуманитарных и естественных дисциплин работают люди, специализирующиеся как минимум в одной из базовых для этой области наук. При этом они заимствуют у соседей идеи и материал для своих, как правило, совершенно новых разработок.

Эмоции, являясь объектом философской рефлексии, начиная с античности, и одним из важнейших в психологии, вначале не привлекали внимания когнитивистов. Их роль в организации поведения, принятии решений, адаптации людей к окружающей среде была заново осмыслена в последние два десятилетия в результате совместных усилий нейронаук, психологии, лингвистики и антро-

¹¹ Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Логос. № 1. [97] 2014. С. 1-18. — http://www.logosjournal.ru/arch/73/97_1.pdf; Фаликман М.В. Когнитивная наука в XXI веке: организм, социум, культура // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 3. С. 31-37.

пологии. В контексте когнитивной науки сформировалось особое эмоциональное направление. Его появление нередко связывают с книгой нейрофизиолога Антонио Дамасио «Ошибка Декарта: эмоция, разум и человеческий мозг» (1994), которая стала бестселлером и была переведена на 23 языка. Согласно соматической гипотезе Дамасио (в основе которой многолетняя работа с пациентами, имевшими проблемы с головным мозгом), сознательному принятию решений должно способствовать определённое эмоциональное состояние тела: когда человек делает выбор, он бессознательно взвешивает варианты поведения на весах эмоций. Эти эмоции могут осознаваться (становиться чувствами) или оставаться неосознанными, но решения принимаются на основе эмоций. Иными словами, речь идёт о том, что эмоции нельзя противопоставлять разуму и телу. У Декарта разумные решения принимаются сознанием, независимо от состояния тела или даже вопреки ему. Поэтому Дамасио пишет об ошибке Декарта¹². Впрочем, что такое сознание, по мнению когнитивистов, до сих пор никто не знает. Это явление, так же как человеческий мозг, остаётся загадкой. Так, по мнению психолога, лауреата нобелевской премии Даниэля Канемана, за последние тридцать лет обосновано «удивительное ограничение нашего разума: чрезмерная уверенность в том, что мы якобы знаем, и явная неспособность признать полный объем нашего невежества и неопределённость окружающего мира. Мы склонны переоценивать свое понимание мира и недооценивать роль случая в событиях. Чрезмерная уверенность подпитывается иллюзорной достоверностью оглядки на прошлое»¹³.

Нейронаука быстро развивается, и Антонио Дамасио в одном из интервью по поводу своей новой книги «В поисках Спинозы: радость, печаль и чувствующий мозг»¹⁴ говорит о том, что «уже определены как участки мозга, так и пути, необходимые для того, чтобы испытывать эмоции... А осмысление разницы между эмоциями и чувствами устраняет барьер для исследования природы

¹² См. также: Сериков А.Е. Эмоции и свобода воли в контексте нейрофизиологии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Филология. Филология. 2012. № 1 (11). С. 37-52. — <http://www.phil63.ru/emotsii-i-svoboda-voli-v-kontekste-neirofizologii> (ноябрь, 2017).

¹³ Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014.

¹⁴ Damasio A.R. Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain. Harcourt, 2003.

аффекта, открывая дорогу для объяснения происхождения и содержания чувств»¹⁵. Тем не менее, нейрофизиологические подходы не позволяют пока объяснить содержательные аспекты нашего субъективного опыта, в особенности его темпоральные характеристики. «Туманности когнитивизма» сохраняются, оказывая влияние на исторические тексты, создаваемые в предметном поле истории эмоций.

Эпистемологические и методологические проблемы во многом определяют специфику исторического исследования эмоций. Главные из них группируются вокруг нескольких узловых отношений, характер которых историку предстоит прояснить в материале. Прежде всего, это далеко не прозрачные отношения между языком и эмоцией. При этом не только на уровне акторов, субъектов коммуникации, но и на уровне письменной репрезентации эмоции в тексте источника и историка. Далее, это связь между эмоцией и ее телесным проявлением¹⁶, а также непредсказуемая игра между эмоцией, представленной в тексте источника, и социокультурной кодировкой его контекстов. Эти отношения отсылают одновременно к лакунам или стойким предрассудкам в нашем познании и требуют разработки новых подходов при изучении человеческого опыта.

Среди базовых установок познания отмечу отсутствие определенности в понимании исторической реальности и ее связи с сознанием, а также телеологичность исторического мышления и сохраняющиеся в нем бинарные оппозиции. Важнейшим из эпистемологических препятствий для развития истории эмоций остается разделение природы и культуры, а также производные от него противопоставления: тела и духа, разума и души, чувственного и умопостигаемого. С трудом поддающиеся исследованию по следам эмоции приходится изучать в таких конфигурациях, которые позволяют учесть и показать в материале как можно более точно смешение этих явлений, увидеть и понять «немыслимое» в истории, выявить ее ловушки и тупики, предложить возможные выходы. Постмодернистская критика способствовала развенчанию продуктивности бинарного мышления, однако отношение к ней

¹⁵ Harcourt interview with Antonio Damasio. — http://www.harcourtbooks.com/authorinterviews/bookinterview_damasio.asp (ноябрь, 2017).

¹⁶ Значительный интерес представляют в связи с этим поиски обновленной семиотики. См.: *Греймас А.Ж., Фонтаний Ж.* Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

остаётся неоднозначным, и не только в России. В последние два десятилетия нейронауки проблематизировали дихотомию природа / культура. При этом важную роль сыграли также философы и антропологи, убедительно обосновав в материале её историчность и конвенциональность¹⁷. Однако для рецепции подобных новаций требуется время.

Эмоция в новом проблемном поле имеет мало общего с «эмоцией психологической», содержание которой, начиная с XIX века, сводилось к выражению страсти. Когнитивная историческая эмоция представляет собой конструкт, созданный ученым историком на основе документа и способов его обработки. Создавая такой конструкт, историк не претендует на реконструкцию «психологической реальности». Историки осознали, что попытка выявить и показать, что конкретный человек или коллектив в ту или иную эпоху чувствовали на самом деле, в конечном счете, позволяет обнаружить ощущения самого исследователя. «Историческая эмоция, в том виде как она сконструирована и передана в источниках, относится к дрожащей плоти, навсегда утраченной... Тем не менее, её динамическое напряжение присутствует в источниках, как таинственный трепет», — полагают французские исследователи эмоций¹⁸. Метафора «дрожащей плоти» предполагает не только оживление, репрезентацию исторического объекта, но другую манеру понимания аффективного явления. Речь идет о телесном событии, которое связано не только с некими врожденными свойствами, но включено в культурную среду, начиная с наименования конкретного эмоционального состояния (страх, радость, надежда, стыд) и его вписывания в физиологическую причинность (краснеть, дрожать, плакать, грустить) вплоть до описания этих состояний. Получается, что изучение эмоции предстает как один из способов соединения тела, жизненного мира и опыта¹⁹.

Как этот таинственный трепет можно уловить и передать в тексте историка? Какие необходимы понятия и процедуры для

¹⁷ См., напр.: *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

¹⁸ *Boquet D. et Nagy P.* Une histoire des émotions incarnées // *Médiévales*. Automne 2011. 61. P. 14. — <http://medievales.revues.org/6249> (ноябрь, 2017).

¹⁹ *Boquet D., Nagy P.* L'historien et les émotions en politique. Entre science et citoyenneté // *Politiques des émotions au Moyen Age*. Sous la direction de Damien Boauet et Piroška Nagy. Micrologus' Librery. 2010.

реализации такой задачи? Вопросы подобного рода возникают постоянно и активно обсуждаются. Но это не значит, что историки больше не обращаются к психологическим концепциям. Напротив, Барбара Розенвейн убедительно показала, что основные подходы в современной культурной истории эмоций соответствуют четырём ведущим психологическим теориям: «гидравлической» (в основе — биологический детерминизм), эволюционистской, конструктивистской и когнитивной²⁰. Но историк, работающий в предметном поле истории эмоций, рассматривает психологическую эмоцию, прежде всего, как эвристический инструмент, позволяющий выявить неадекватность старой призмы иррационального восприятия эмоций и обогатить свой вопросник в новой исследовательской перспективе. Психологическая эмоция в этом поле утратила статус научной категории, которую следует использовать при работе с источником. Всякий раз, обращаясь к привычному для нас психологическому маркеру, историк обязан выяснять его значение в конкретном историческом контексте, связав ее с тем, что человек делает, а не имеет.

Поскольку эмоции изучаются на пересечении самых разных направлений научной мысли, в новое исследовательское поле включены сложнейшие проблемы современного познания, такие как природа и культура, язык и опыт, индивид и коллектив. Например, известное напряжение между словом и его воздействием, между языком и аффективным опытом в истории осложняется тем, что историк через свидетельство получает доступ только к слову. Тактильное восприятие опыта остается не проясненным и невидимым. Да и лингвистические сведения во многом сотканы из умолчаний. Конечно, в контексте антропологического, перформативного и прагматического поворотов историки научились изучать практики (ритуалы, праздники, протест и проч.). Однако эмоциональная составляющая этих практик требует дополнительной рефлексии, новых аналитических категорий и подходов.

Не удивительно, что историкам, изучающим историю эмоций, пришлось во многом заново разрабатывать концептуальный аппа-

²⁰ *Rosenwein Barbara H., Debiès Marie-Hélène, Dejois Catalina. Histoire de l'émotion: méthodes et approches. In: Cahiers de civilisation médiévale. 49e année (n°193), Janvier-mars 2006. La médiévisique au XXe siècle. [Bilan et perspectives]. P. 33-48.*

рат. Они не только переосмыслили в междисциплинарном режиме концепт *эмоция*, наполнив ее когнитивным содержанием, но и разработали специальный исследовательский инструментарий, в который вошли такие новые понятия как *эмоциология* (Карол и Питер Стернс), *эмоциональное сообщество*, *эмоциональный тезаурус* (Барбара Розенвейн), *эмотив*, *эмоциональный режим*, *эмоциональная навигация*, *эмоциональное убежище*, *эмоциональный менеджмент*, (Уильям Редди), *эмоциональная практика* (Моник Шир), *эмоциональное событие*, *эмоциональная идентичность* и проч. Примечательно, что эти понятия — не просто составная часть теоретических размышлений. Их валидность убедительно обоснована в конкретно-исторических исследованиях по истории эмоциональных состояний в различных хронотопах. Что не мешает многим из них оставаться дискуссионными.

В известных и новых подходах к эмоциям немало противоречий, поскольку изучающие эмоции науки сохраняют дисциплинарную специфику и решают свои задачи, опираясь на разные методологические установки. Важное место в рефлексии историков в этой связи занимают историографические и эпистемологические проблемы междисциплинарных контактов при исследовании конкретных исторических сюжетов истории эмоций в разных временных и пространственных границах. С одной стороны, историков вдохновляет то, что учёт когнитивной составляющей эмоций помогает войти в новый режим историчности, позволяющий одновременно избавиться от мифа «естественной» иррациональности страсти и телеологии «процесса цивилизации». В то же время критики предостерегают об опасности увлечения когнитивной эмоцией, поскольку когнитивизм чреват отрицанием историчности. «Открываясь для современных наук об эмоциях, не позволяют ли историки тем самым войти волку в овчарню?», — задается вопросом один из них.

Осмысление этого парадокса заставляет историков задуматься об условиях диалога со знаменитыми науками о когнитивных эмоциях. В этом смысле очень продуктивна историография эмоций, свидетельствующая о том, что некоторые историки уже давно не рассматривают эмоции как явления иррациональные, психологические или морально нейтральные. В исторических исследованиях, созданных в русле антропологически ориентированной истории, накоплено немало проницательных наблюдений и выводов, кото-

рые в новом междисциплинарном поле истории эмоций могут быть востребованы и использованы. В частности, убедительно показано, что само восприятие эмоции как иррационального явления сформировалось и утвердилось в западной мысли сравнительно поздно, лишь в первой половине XIX века.

По-новому и в ряде случаев неожиданно воспринимается сегодня творчество классиков социальных наук. Приведу только один пример. Историки, особенно медиевисты, много критиковали знаменитую книгу Н. Элиаса о «процессе цивилизации», которая в свое время инициировала интерес к эмоциям в русле исторической антропологии. Однако, современные историографы, в том числе российские, вновь обращаются к творчеству этого ученого и показывают, что многие его идеи, высказанные и обоснованные в 1939 г., были плохо поняты в семидесятые годы прошлого века, когда переводы с немецкого языка открыли доступ к его идеям во Франции и англоязычном мире. Кроме того, социолог всю жизнь совершенствовал свои теоретические построения. Об этом свидетельствует, в частности, его текст-завещание 1990 г. под названием «*Le concept freudien de société et au-delà*», опубликованный совсем недавно²¹. Этот и другие тексты, содержащиеся в публикации, показывают, что главным проектом жизни немецкого ученого было согласование социологии, психологии и истории. Более того, критикуя Фрейда, Элиас понял, что следует перестать «говорить о природе и культуре, природе и обществе, как будто они существуют в разных мирах», поскольку природа и культура смешиваются в процессе биологического и социокультурного развития цивилизации. Чтобы это показать, полагал Элиас, историки в будущем должны научиться работать на границах биологии, исторической социологии и психологии. Французские комментаторы вновь изданных работ Элиаса отмечают, что, по сути, он пришел к мысли о необходимости пересмотреть классическую дихотомию природа / культура²².

Одним из активных сторонников усиления контактов историков с когнитивной наукой является профессор гарвардского университета Даниэль Смайл. Он известен как исследователь эмоций в

²¹ *Elias N. Au-delà de Freud. Sociologie, psychologie, psychanalyse*, Paris.: La Découverte (Textes à l'appui), 2010.

²² *Mazurel H. Au-delà de Freud // Sociologie [En ligne]. Comptes rendus*, 2012, mis en ligne le 27 février 2012. — <http://sociologie.revues.org/1107>; (ноябрь, 2017).

правовых отношениях эпохи Средневековья, а его книга «Глубокая история и мозг» (2008), активно обсуждаемая в Америке и Европе, представляется как «нейроистория»²³. Некоторые аналитики сравнивают ее с книгой Хайдена Уайта «Метаистория. Историческое воображение в XIX веке» и даже говорят, что, возможно, мы наблюдаем рождение «когнитивного поворота». Но вопрос о том, будет ли он столь же важным в историческом познании, как поворот лингвистический, остаётся открытым.

Две познавательные установки доминируют в стремительно обновляющейся истории эмоций: конструктивистская и эволюционистская. Впрочем, конкретные концептуализации историков отличаются большим разнообразием. Например, нейроисторики искусства Барбара Стаффорд и Дэвид Фридберг сделали эмоции, рассматриваемые в оптике мозг-тело, важнейшим предметом при изучении феноменов и объектов художественно-артистической жизни²⁴. Параллельно развивается «когнитивная поэтика», в которой все большее место занимает изучение речи. История эмоций активно проникает также в историю науки, переживающей в наши дни междисциплинарный поворот, в ходе которого все больше учитываются результаты когнитивных наук. Все эти подходы сосуществуют и взаимодействуют, конкретизируясь вокруг нескольких ключевых проблемных узлов: отношения эмоции и разума, эмоции и тела, эмоции и действия в социокультурных контекстах разных стран и периодов.

Проблематика этого поля неисчерпаема. Историки изучают способы и процессы кристаллизации эмоций на индивидуальном и коллективном уровне, исследуют конкретные проявления эмоциональных состояний в разных эмоциональных режимах и эмоциональных сообществах, выявляют их связи с процессами принятия решений и телесными коммуникациями. Эмоциональный жест — центральный элемент в связке тело-эмоция — открывает пространство для понимания аффекта в кодах и нормах определенной культуры. Анализ его представления в рассказе, так же как иссле-

²³ *Smail D.L.* Deep History and Brain. University of California Press. Berkeley. 208 p.

²⁴ *Freedberg D.* The Power of Images: Studies in the History and Theory of Response. Chicago USA: The University of Chicago Press, 1989; *Staf-ford B.* Echo Objects: The Cognitive Works of Images. Chicago USA: The University of Chicago Press, 2007.

дование различных репрезентаций аффективных состояний, проливает свет на процессы конструкции смысла описываемой эмоции. Эмоция может стать ключом к пониманию логики участников коммуникации, что открывает новые возможности для выявления различий в логиках текста и опыта, а значит, позволяет точнее и результативнее размышлять о культурных явлениях. Рассказ об эмоциональных событиях и их телесном проявлении помогает понять когнитивные акты, которые трансформируют как культурные основы, так и интерпретативные системы, определяющие их значения. В этой связи в проблемном поле истории эмоций большое место занимает изучение, осмысление и интерпретация дискурсов и практик исторического письма, а также интерпретация источников в русле когнитивной лингвистики.

Изучая эмоции в междисциплинарном режиме, историки ставят много новых вопросов, которые меняют устоявшиеся представления об исторических событиях, конкретных ситуациях и даже целых исторических периодах. Например, проблематизировано распространенное представление об абсолютном разрыве между Средними веками и Новым временем. В традиции, начатой ещё исследованиями Й. Хейзинги и Н. Элиаса, историки представляют Средние века как период неконтролируемого проявления эмоций, в то время как Новое время накладывает на человека цивилизующие узы самодисциплины и сдержанности. Однако в последнее десятилетие медиевисты разных стран убедительно показали, что в средневековом обществе существовали очень разные эмоциональные сообщества и эмоциональные режимы, а внимание к эмоциям и сложность их выражения были ничуть не меньше, чем в Новое время²⁵. Исследование мира чувств и эмоций в годы Французской революции конца XVIII в., воплощенное в анализе дискурсов и практик, изменило интерпретации конкретных событий и явлений, накопленные в разных историографических традициях. Таких, например, как варенский кризис или террор. Обновилось также понимание мотивации политиков, протестующих толп, идеологических группировок и проч.²⁶.

²⁵ См., напр.: *Rosenwein B. Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2006. 248 p.

²⁶ *Rosenfeld S. Thinking about Feeling, 1789–1799 // French Historical Studies*. Vol. 32. No. 4. 2009.

Мимолетность следов в этой области вынуждает историков использовать самые разные источники, как письменные, так и визуальные и вещественные: юридические архивы, свидетельствующие о нормах и запретах, дневники, записки путешественников, автобиографии, переписку, учебники, иконографию, художественную литературу, произведения искусства. Но в процессе их изучения возникает множество новых проблем. Например, при работе с текстами, существует проблема нарративных условностей конкретного времени, необходимость учёта находящихся в употреблении риторических приёмов и неизбежных умолчаний.

Ряд историков, изучающих эмоции в междисциплинарном ключе (Уильям Редди, Барбара Розенвейн), полагает, что изучение эмоций не следует рассматривать как новое направление, которое можно добавить к уже имеющимся. В истории эмоций имеет значение не только «предмет» и смена исследовательского интереса, но прежде всего поиск обновления перспектив и возможностей в изучении человеческого содержания исторических явлений и процессов при помощи познавательной модели. Это, скорее, способ по-другому изучать политическую, социальную, культурную, экономическую историю²⁷. Иными словами, речь идет о необходимости более обстоятельно на уровне подходов и методик включить в исследовательское пространство исторической науки эмоции, чувства, аффекты как интегральную часть человеческого существования. Сложная проблематика «предметного» поля истории эмоций, новизна эпистемологических подходов и методик анализа в условиях актуализации эмоционального начала в современной жизни, по мнению оптимистов, могут обновить как историческое познание, так и интерес к истории.

²⁷ *Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // History and Theory. 2010. Vol. 49. P. 237-265.*

ГЛАВА 4

О КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЯХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Во многих странах начало XXI века ознаменовалось всплеском публикаций об университетах и их прошлом. Безусловно, в XIX–XX веках Университет тоже находился в поле интересов историков. Однако тогда он был одним из многих объектов социальной, политической, интеллектуальной истории. Комплексно *alma mater* описывалась лишь во времена юбилейных торжеств корпоративными историками.

Ныне университетские исследования превращаются в автономное научное направление¹. Исследовательское обособление позволило добиться нового понимания Университета как совокупности проявлений академической жизни и деятельности, места производства и трансляции знания, специфических культурных практик, речевого поведения и политики памяти. Изменение ракурса видения повлекло за собой разработку сложносоставных теорий и применение интердисциплинарных методов, приспособленных для изучения высоко рефлексивных сообществ и гетерогенных объектов.

Университетские исследования институционализируются в исследовательские центры, международные комиссии, учебные дисциплины, специализированные периодические издания. Два параллельных процесса — дисциплинарная автономизация и наме-

* Исследование выполнено в рамках проекта «Российская империя в зеркале «новых» социогуманитарных дисциплин: роль медицинских, биологических и естественнонаучных подходов (XIX – начало XX века)» при поддержке РФФИ (Проект № 16–06–00467).

¹ См. об этом: *Pomante L. Between History and Historiography. Research on Contemporary Italian University*. Macerata, 2014. P. 97.

тившаяся кооперация университетских исследователей — привели к формированию критической среды, в которой ныне проходит апробация эпистемологических находок, сделанных в смежных науках, и где становится возможным обобщение отдельных исследовательских кейсов в теоретические предположения². В мировой академии появились представительный орган национальных университетских исследователей — Международная комиссия по истории университетов (International Commission for the History of the Universities, действует с 1952 года), национальные координационные центры (например, Межуниверситетский центр по истории итальянских университетов — Interuniversity Centre for the History of Italian Universities, действует с 1996 года), а также международные коллективы по реализации проектов создания «большой истории» всех университетов³, разработке просопографии европейских университетов (проекты, осуществляемые под руководством Эрика Амбургера и Виктора Каради), по сравнительному изучению национальных систем присуждения ученых степеней⁴, гендерных изменений и коммеморативной культуры⁵ в академических сообществах.

² О дисциплинарности в ее актуальных регистрах см.: *Abbott A. Chaos of Disciplines*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2001; *Науки о человеке: история дисциплин* / Под ред. А. Дмитриева, И. Савельевой. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2015.

³ *A History of the University in Europe*. Vol. 1. Universities in the Middle Ages / Ed. By H. de Ridder-Symoens. Cambridge et al., 1992; Vol. 2. Universities in Early Modern Europe (1500–1800). Cambridge, 1996; Vol. 3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945). Cambridge, 2004; *A History of the University in Europe*. Vol. 4. Universities since 1945 / Ed. by W. Rüegg. Camb., 2010.

⁴ Например: *Wollgast S. Zur Geschichte des Promotionswesens in Deutschland*. Bergisch-Gladbach, 2001; *Promotionen und Promotionswesen an deutschen Hochschulen der Frühmoderne* / Hg. R.A. Müller. Köln, 2001 (Abhandlungen zum Studenten- und Hochschulwesen. Bd. 10) *Examen, Titel, Promotionen: Akademisches und staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert* / R.C. Schwingers, M.-C. Schöpfer Pfaffen (Hg.). Basel: Schwabe, 2007.

⁵ *University Jubilees and University History Writing: a Challenging Relationship* / Ed. P. Dhondt. Leiden; Boston, 2015; *Морозов О.В.* Университетские юбилеи России и Германии начала XX века: дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2016.

Ныне университетские исследования оформлены не только в статьи и монографии, но и электронные ресурсы, а также учебные курсы. Примером тому — научно-исследовательский семинар «Введение в историю и практику университетской жизни» в Школе исторических наук НИУ ВШЭ (руководители Е.А. Вишленкова, П.Ю. Уваров, А.Н. Дмитриев) и учебные семинары в университетах Гента (Ghent) и Лювена (Luven) (руководители П. Донт и Н. Вансильгем — Pieter Dhondt and Nancy Vansielegheem).

В 1990–2000-е годы в разных странах появился целый ряд специализированных на университетском прошлом периодических изданий. Наиболее влиятельными из них являются англоязычный ежегодник «History of Universities» (Oxford, UK), немецкоязычный ежегодник «Jahrbuch für Universitätsgeschichte» (Berlin, Germany), итальяноязычный журнал «Annali di storia delle università italiane», билингвальные ежегодник «Rozprawy z dziejów oświaty» (Warsaw, Poland) и журнал «History of Education and Children's Literature» (Macerata, Italy). Редакция HECL ежегодно выпускает тематическую книжную серию и библиографические обзоры мировых публикаций по истории образования.

В России подобных изданий пока нет, но целый ряд академических журналов регулярно посвящает университетской тематике специальные выпуски или выделяет под нее отдельные рубрики⁶. В нескольких ведущих вузах действуют научные центры, специализирующиеся на изучении университетской культуры (например, Институт образования и Центр университетских исследований в НИУ «Высшая школа экономики», Семинар по истории высшей школы в Санкт-Петербургском университете, Центр изучения диссертационной культуры в Челябинском университете). Их коллективные проекты вывели университетскую тематику за пределы двух традиционных территорий ее локализации — истории образовательной политики правительства и истории государственных учебных институций. Исследования, проводимые на площадке специализированного журнала, в рамках долгосрочного исследовательского проекта или внутри научного центра, уходят от практики тематического пересказа законодательства и создания юби-

⁶ Примером тому служат журналы «Новое литературное обозрение», «Диалог со временем», «Логос», «Новое прошлое», «Вопросы образования».

лейного эпоса. Их участники стремятся обобщить наблюдения, сделанные на разнородных объектах академической жизни, поместить изучаемое явление в контекст тенденций мировой университетской культуры и социально-политической истории конкретной страны. В результате появились транснациональные истории академической мобильности, рекрутинга и инбридинга, истории академической повседневности, практик самоорганизации, коллективные биографии университетских архивов.

Впрочем, эти усилия отдельных исследовательских групп пока не изменили радикальным образом эпистемологической ситуации в российском исследовательском пространстве. Наряду с описанными выше тенденциями и устремлениями действуют и имеют легитимный статус прежние практики беллетризации отчетов и распорядительных документов. Исповедующие принципы, заветованные Леопольдом фон Ранке, «историки-эмпирики» декларируют сознательный отказ от «теоретизирования». Заявленный скепсис освобождает их от необходимости прилагать усилия к поиску более релевантных интерпретаций свидетельств источников.

Очевидно, что амбивалентность и незавершенность научных конвенций в российской среде допустимы, в том числе, благодаря тому, что публикации российских историков мало известны в международном академическом сообществе и, следовательно, не подвергаются экспертному оцениванию⁷. Соответственно, местные эпистемологии защищены стеной неведения и действуют как локальные нормы. И потому, невзирая на постколониальные и постпостколониальные дебаты и множественные теоретические повороты, наши коллеги продолжают исповедовать объективность архивных свидетельств, интерпретировать их в опоре на ключевые понятия, созданные для определенных целей, а заодно — раздражаются на непонятный («птичий») язык мировых исследований, на попытки коллег-иноверцев показать историческую семантику и обусловленность скреп университетской историографии⁸. Тем не

⁷ В первом фундаментальном издании по истории европейских университетов российский материал практически отсутствует. А в ежегодных списках библиографии по истории университетов есть почти все университетские страны, кроме России.

⁸ Дементьева В.В. Глубокомысленная бессмыслица: Статусные создатели и обескураженный читатель // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 149–159.

менее, мы считаем необходимым делать это хотя бы потому, чтобы избавить университетские исследования от догматизма и методологической инфантильности⁹.

«Университетская система»

Советские исследователи широко пользовались термином «университетская система» применительно к современному образованию, но не использовали его к дореволюционным университетам. Только в 1990-е годы он появился в исторических публикациях. Создававшие тогда историю Петербургского университета Ю.Д. Марголис и Г.А. Тишкин использовали понятие «система» в значении «сеть»¹⁰. В тех же случаях, когда они описывали российские университеты как явление или анализировали государственное управление ими, то предпочитали пользоваться термином «модель» («национальная модель университета», «модель управления народным образованием»)¹¹. Понятие «университетская система» в смысле рационального взаимодействия и единства частей российские историки стали применять на рубеже 1990–2000-х годов. И это был своего рода протест против негативной интерпретации имперского прошлого.

Редактор тогда единственного периодического издания, посвященного императорским университетам, В.И. Чесноков уверял коллег: «На современном уровне науки история университетов XIX века должна писаться как история формирования и развития отечественной университетской системы»¹². Также как и Ф.А. Петров¹³, он понимал семантику этого понятия как синоним пози-

⁹ Специально обсуждению методологии университетских исследований посвящены сборники статей: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М.: ИД ВШЭ, 2013; Биографии университетских архивов / Под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М.: ИД ВШЭ, 2017.

¹⁰ Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. «Единым вдохновением»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX века. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2000. С. 82.

¹¹ Там же. С. 105.

¹² Чесноков В.И. Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов // Российские университеты в XVIII–XX веках: Сб. науч. ст. Вып. 6. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. С. 145.

¹³ Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века: Формирование системы университетского образования. 2-я кн.:

тивной традиции: «совокупность долговременных устоев российской университетской жизни, ставших национальной традицией и национальным феноменом»¹⁴. Между тем современники этими терминами не оперировали или использовали их в ином значении.

Вся вторая половина царствования Александра I прошла под знаком недовольства столичных чиновников состоянием российских школ. Оно порождалось, в том числе, трудностями контроля над довольно большой административной самостоятельностью функционировавших в стране школ и разнообразием форм обучения в них. На бюрократическом языке николаевского царствования это разнообразие интерпретировалось как «хаос», оценивалось как результат плохого управления, интерпретировалось как отсутствие «системы».

С первых лет правления Николая I системность стала считаться важным позитивным свойством любого учреждения и государственного устройства в целом. Она ассоциировалась с благоустройством и эффективностью. Соответственно, рациональность обосновывалась в терминах политической науки того времени, а эффективность измерялась цифрами и представлялась таблицами.

В текстах С.С. Уварова понятие «система» используется в двух значениях. Применительно к наукам он мыслил его как синоним «теории» или «концепции», а в области политической жизни система означала логический «порядок вещей»¹⁵ и рациональный подход¹⁶. Для положительной системы, считал он, характерны це-

Становление системы университетского образования в России. Ч. 3. М., 1999; *Он же*. Российские университеты в первой половине XIX века: Формирование системы университетского образования. 3-я кн.: Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. М., 2000; *Он же*. Российские университеты в первой половине XIX века: Формирование системы университетского образования. 4-я кн.: Российские университеты и люди 1840-х годов: (Профессура и студенчество). М., 2001. Ч. 1: Профессура; *Он же*. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002.

¹⁴ *Чесноков В.И.* Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов // Российские университеты в XVIII–XX веках: Сб. науч. ст. Вып. 6. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. С. 145.

¹⁵ *Уваров С.С.* Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833–1843 // *Уваров С.С.* Избранные труды. М., 2009. С.348.

¹⁶ *Уваров С.С.* Исследование об Эливинских таинствах // *Уваров С.С.* Избранные труды. М., 2009. С. 151.

левые установки («система расширения, военная система, система протекционизма, система ослабления грозных держав»¹⁷), ясность, стройность, связь между элементами, соразмерность частей, легкость надзора и «твердые основания» (то есть идеология). В связи с этим дискуссии и разногласия представлялись опасностями, способными разрушить систему.

Бюрократическая рациональность стремилась к созданию такой системы, в которой бы работали четкие принципы сортировки. Администратор хотел максимум простоты и прозрачности. Они обеспечивались инструкциями, разъяснениями, справками, формирующими у подчиненных общее понимание целей и ценностей. Для него было важно задать стимулы и контрстимулы. Уваров говорил от лица ведомственного «мы», имея в виду всю иерархию и все процедуры согласования.

Почитание Уваровым системности, классификации, типологизации и унификации оказалось созвучно желанию вступившего на престол Николая I упорядочить государство и управление им. «Первая задача, по воле Вашего Величества ему предлежавшая, — вспоминал министр о своем вступлении в должность, — состояла в следующем: «Преобразовать и согласить между собой все дотоле учрежденные учебные заведения и привести их, так сказать, к одному началу, поставляя это начало в образовании учебной системы, которая с одной стороны, возрастала бы из самых оснований нашего быта, а с другой, шла бы рядом с современным неизбежным развитием наук и просвещения в Европе»¹⁸.

Итак, когда Уваров писал о «системе образования», то имел в виду управление. Хорошо управлять школой значило установить над ней постоянный и повсеместный (*системный*) государственный контроль. В этом отношении уваровская «система» была антиподом прусской политике невмешательства и поощрения в университетскую жизнь, которую исповедовали и русские реформаторы начала века. Но в их опыте школьного строительства Уварова не устраивали результаты. Он был согласен со А.С.

¹⁷ Уваров С.С. Размышление о том, что великая мощь, соединенная с великой умеренностью, может совершить для счастья человечества // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2009. С. 167.

¹⁸ Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833–1843 // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2009. С. 368.

Стурдзей в том, что благодаря «неправильной системе» в германских землях существуют не только славный Берлинский университет, но также школы и университеты, представляющие собой «объединения без смысла и цели, составляющие государство в государстве»¹⁹.

В преддверии своего назначения на пост министра, в конце 1832 или начале 1833 года Уваров представил Николаю I анализ действий своих предшественников. «Мы ищем в истории Министерства народного просвещения плана, — скорбел он, — единственного, твердого плана, соединяющего выгоды просвещения европейского с преимуществами народности, ищем его и — не находим... От призраков германской филантропии до туманов мистики»²⁰. До вступления на престол Николая I, как уверял министр, учебной системы (то есть продуманной школьной политики) в России не было. Подобно германским землям, в российских губерниях создавались и действовали учебные заведения, каждое из которых жило своей собственной жизнью и по своим правилам. Создать «русскую систему образования» для Уварова значило «ознакомиться в подробности с теми материалами, которые еще можно было употребить в дело, и с теми, которые надлежало устранить, как помеху бесполезную»²¹.

Последствия не согласованного, не системного управления виделись ему в множественности форм обучения, отсутствии унифицированных учебных программ, различающихся требованиях к знаниям выпускников, будущих обладателей аттестатов и классных чинов, конфликтности и заносчивости ученого сословия. Даже «университеты существуют, — уверял он в опоре на результаты ревизии Московского университета, — только по имени; Москов-

¹⁹ Стурдза А.С. Записка о нынешнем положении Германии. Сочинение г. С....., статского советника при его Величестве Императоре Всероссийском. Ноябрь 1818 // Россия – Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. 3[11] М.; Венеция, 1999. С. 152.

²⁰ Уваров С.С. Из записки «О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного» // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М: РОССПЭН, 2011. С. 125.

²¹ Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833–1843 // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2009. С. 349.

ский, некогда глава наших учебных заведений, недавно доходил до упадка. Санкт-Петербургский в настоящем виде едва ли не уступает хорошо устроенной гимназии. Харьковский и Казанский, не дозревши, дряхлеют»²².

Сначала его стремление к унификации школ не подразумевало игнорирования различий. Свою задачу на посту министра Уваров видел в том, чтобы выяснить суть локальных особенностей и научиться использовать их²³. Но со временем представление министра о правильно организованных школах изменилось. Сначала он добивался «соразмерности» элементов системы («совершенного разделения училищ») и равномерного покрытия школами всего государственного пространства. Типизация школ на «твердых идеологических основаниях» могла, как ожидалось, привести к ослаблению локальной корпоративной солидарности и формированию у учителей единого этоса государственного служения. А дальше министр стал упорядочивать школьную сеть посредством строительства иерархий (столичноцентричная и многоуровневая система).

По новому уставу 1835 года университеты были освобождены от училищных комитетов и сбора сведений о школах. Теперь этим занимались канцелярии попечителей, то есть министерские чиновники. Получив посредством новых форм делопроизводства цифровые и документальные доказательства эффективности подведомственных школ, Уваров представил в 1843 году отчетный доклад императору, в котором обосновал построение системы образования в империи. Это была первая телеология истории российского просвещения. Она убеждала читателей в том, что:

1) государство было единственным источником образовательных инициатив в России;

2) школа является, прежде всего, учреждением и как таковое ее развитие определяется хорошей организацией делопроизводства и цифровыми показателями (численностью учеников и учителей, количеством учебных заведений);

²² Уваров С.С. Из записки «О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного» // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М: РОССПЭН, 2011. С. 125.

²³ Там же. С. 126.

3) разнообразие форм и программ обучения, конфликтное обсуждение профессорами проблем и их участие в управлении школами — это показатель хаоса и кризиса.

В дальнейшем эти тезисы были положены в основу многих научных трактатов по истории образования в России. Например, в юбилейной «Истории Московского университета» (1855) С.П. Шевырев утверждал, что правительство всегда стремилось «к приведению всех учебных средств к государственному единству»²⁴, то есть к системе. В его версии концепт «система» получил даже более широкое, чем у Уварова, толкование — как унифицированное университетское пространство и характерная черта академической жизни России.

От министерского доклада все созданные тогда университетские истории отличались отсутствием цифровой аргументации и включением в литературный нарратив прошлого голосов участников событий и биографических справок. Но всё равно это были рассказы не о культурной специфике конкретных университетов, а о правительственной политике в отношении их. Юбилейные исследователи Московского и Харьковского университетов разделили протяженность прошлого на царствования, а их — на кураторства и попечительства. Таким образом, оказались синхронизированы просветительские действия политической власти и жизнь университетов.

«Старый» и «новый» университет

Отчет Уварова послужил образцом не только для университетских историков, но и для создателей почти всех ведомственных историй конца XIX – начала XX века. Тогда каждое министерство обзаводилось письменной версией славного прошлого, а государство — институциональной историей своего развития.

К тому времени уставшие от разнонаправленных реформ образования, испытывавшие на себе последствия радикализации и политизации всего академического уклада, современники с ностальгией вспоминали о стабильности первой половины века, о плотной опеке правительства Николая I над профессорами, учеными и университе-

²⁴ История императорского Московского Университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. М., 1855. С.37.

тами в целом. В этой связи устав 1835 года стал представляться олицетворением порядка и проявлением государственной заботы.

Это нашло отражение в опубликованных профессорских воспоминаниях и подготовленных к юбилеям биографических очерках ученых²⁵. Пришедшие в университеты после массовых увольнений своих учителей (1835–1837), профессора «уваровского набора» на склоне лет подтвердили тезис министра о «старых» и «новых» профессорах, о «старом» и «новом» университете в России²⁶. Их свидетельства убедили современников в том, что после возвращения из-за границы стипендиаты открыли новую эпоху в российской интеллектуальной истории.

Утверждая собственное профессиональное превосходство, университетские мемуаристы писали о «поколенческом разрыве». В отличие от предшественников, рассказывавших о корпоративных конфликтах, проблемах обучения и весьма критично оценивавших свой вклад в науку, уваровские профессора ценили себя высоко, противопоставляли свой уровень учителям и отсталым коллегам, демонстрировали элитную солидарность. Многие воспоминания объединяет мысль о том, что их поколение обеспечило расцвет русской науки и подъем русского образования. Подписчики толстых журналов конца столетия читали ярко и интересно написанные воспоминания и не ведали о пылящихся в архивах свидетельствах о стагнации университетов тех времен. Они верили старым профессорам. Также верят им и современные исследователи, приводя отдельные цитаты из мемуаров в доказательство эффективности уваровского управления наукой²⁷.

²⁵ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея, января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. М.: Университетская типография, 1855.

²⁶ *Костина Т.В.* Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегияльная» реформа С.С. Уварова // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Ред. Е.А. Вишленкова и И.М. Савельева. М.: ИД НИУ Высшая школа экономики, 2013. С. 212–238.

²⁷ Пример тому: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002. С. 16.

«Университетская традиция»

«Университетская традиция» — один из наиболее часто используемых и семантически размытых концептов университетского историописания. Довольно часто он представляется современным исследователям как непроблематичная, устойчивая во времени характеристика развития высшей школы, как прошлое, организованное для службы настоящему. В обыденной речи традиция предстает аллегорически — как вневременной свод неявных правил и заповедей, подтверждающийся теми или иными конкретными примерами и всем обретенным опытом.

Однако, после выхода коллективной монографии под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера²⁸, общим местом в социо-гуманитарных дисциплинах стала максима, согласно которой смысл любой традиции придают люди — мемуаристы и историки. Они организуют прошлое в сюжет и последовательность, а также наделяют значениями. Эти положения проблематизировали создание большого исторического нарратива для гетерогенных образований.

Осуществить деконструкцию понятия «университетская традиция» нас побуждают несколько обстоятельств: периодически обостряющиеся споры о правопреемственности современных российских университетов; противоречия в хронологии прошлого отдельных университетов и общей университетской истории России и прагматика (то есть использование) понятия «университетская традиция» в политике (в публичной истории, в политике образования, в конкурентной борьбе на рынке образовательных услуг).

Видимо, создание «университетской традиции» началось с попыток Министерства народного просвещения получить от профессоров вновь учрежденных университетов исторические записки. «Составлять» историю требовал устав 1804 года (§ 70). Текст о прошлом представлялся тогда разновидностью отчета о прежнем и нынешнем состоянии учреждения с указанием причин и источников его процветания. Занятые обилием дел по учебному округу и организации обучения профессора долгое время игнорировали требова-

²⁸ The Invention of Tradition / Eds. Eric Hobsbawm, Terence Ranger. Cambridge University Press, 2003; *Hobsbawm E.* Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914 // Representing the Nation: A Reader. Eds. David Boswell, Jessica Evans. L., N. Y.: Routledge, 2007. P. 82.

ние властей или присылали в Петербург разрозненные данные об учебных подразделениях, студентах и читаемых лекциях.

В связи с этим министерство в конце 1820-х годов решило собрать исторические сведения через вопросники, которые должен был обобщить специалист по статистике, академик П.И. Кёппен²⁹. Потерпев в этом неудачу, в 1830-е годы министерские чиновники изобрели новый способ сбора сведений — посредством текущего делопроизводства, сети регулярных университетских отчетов. Такая практика ведомственного самообследования привела к долгосрочным последствиям и по сей день определяет историографию российских университетов.

Спускаемые из Петербурга формуляры отчетных документов были созданы таким образом, что вписанные в них данные представляли университет государственным учреждением, а профессоров и студентов обезличенной массой «учащих» и «учащихся»³⁰. Свидетельства споров, конфликтов, сбоев в научной и учебной деятельности, голоса студентов устранились из мест памяти. Уже поэтому делопроизводственные документы, отложившиеся в ведомственных архивах, не являются беспристрастными свидетельствами и не фиксируют полноту университетской жизни. На их основе министерство прописывало традицию государственного просвещения российских подданных.

Коллективное творчество профессоров по изобретению «своей» традиции развернулось в российских университетах в начале 1850-х годов в связи с предстоящими 50-летними юбилеями. Оценивая современное состояние академической жизни как критическое, ученое сословие пыталось найти определение себя, своего социального назначения и корпоративного прошлого, и получить причитающиеся по такому поводу благодарения от властей. И если провинциальные университеты помнили себя так, как позволяло им помнить министерство³¹, то москвичи захотели выйти из ущем-

²⁹ Историческая записка о четырех отделениях Казанского университета за 1814–1827 годы. Казань, 1899.

³⁰ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетский архив и модернизация государственного управления в Российской империи 1820–1830-х годов // Новое прошлое. 2016, № 2. С. 86–106.

³¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 733. Оп. 50. Д. 663 «Дело об осмотре министром народного просвещения и другими учебных заведений Харьковского учебного округа. Исто-

ляющего академическое достоинство государственнического дискурса.

К столетнему юбилею в Москве планировалось составить своего рода сборник агиографических текстов о его служителях и соединить университетское торжество с празднованием 1000-летия «изобретения церковных славянских письмен, которое совершилось в 855 году»³². Таким образом, университетская история предстала бы завершением духовного просвещения Руси-России. И поскольку в такой связи профессора являлись прямыми продолжателями дела христианских просветителей, то юбилейные издания предлагалось обогатить «историей славяно-русских письмен» и «жизнеописанием св. первоучителей славянской грамоты Кирилла и Мефодия»³³. Тогда бы удалось удревнить университетскую традицию, сделать ее частью христианской традиции просвещения и духовного перерождения. Но министерство вовремя разоблачило московских профессоров и пресекло их амбиции.

Позднее профессора Казанского и Харьковского университетов в той или иной степени осуществили замысел московских коллег³⁴. В результате, в начале XX века нарративы университетского

рическая записка о Харьковском университете, 1851» Л. 2-13; *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904: В 4 т. Т. 1. Введение и часть первая. 1804–1814. Казань, 1902. С. XXV.

³² РГИА Ф. 733. Оп. 35. Д. 3. «Дела о праздновании столетнего юбилея университета. Рисунок медали в честь юбилея. 1850–1859». Л. 1. Концепцию университетской истории и собранные в ходе юбилейной подготовки данные исследователь опубликовал: *Рославский-Петровский А.П.* Об ученой деятельности императорского Харьковского университета в первое десятилетие его существования // Журнал Министерства народного просвещения. 1855, Ч. 87. № 7. Отд. 5. С. 1-36: отд. Изд. СПб., 1855; *Рославский-Петровский А.П.* Общая историко-статистическая записка об императорском Харьковском университете от основания онаго до начала 1859 года // *Фойгт К.К.* Историко-статистические записки об императорском Харьковском университете и его заведениях от основания университета до 1859 года. Харьков, 1859. С. 1-20.

³³ РГИА Ф. 733. Оп. 35. Д. 3. «Дела о праздновании столетнего юбилея университета. Рисунок медали в честь юбилея. 1850–1859». Л. 3, 4.

³⁴ *Багалец Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1: 1802–1815. Вып.1. Харьков, 1894. С. 5. Библиографические сведения о вышедшей тогда литературе можно найти в:

прошлого образовали два связанных, но все же разных дискурса: локальный и государственнический. Исследователи локальных университетов рассказывали о культурно-просветительской миссии местных профессоров и истории их взаимодействия с местной культурной средой. А исследователи правительственной политики подменяли рассказ о жизни университетов рассказом о действиях власти, направленных на ее улучшение. Гомогенизировать столетнее и даже столятидесятилетнее прошлое им позволили фонды министерского архива. Из хранящихся в нем проектов реформ и политических записок, направленных на распространение российского образования, исследователи создали линию научного прогресса и основанной на нем модернизации государства.

Профессор Петербургского университета, будущий академик М.И. Сухомлинов доказывал наличие такой линии посредством растущей статистики школ в империи: «учреждение университетов открыло путь для развития народной образованности и дало верный залог для ее безостановочного движения»³⁵. А также созданием цепочки биографических очерков сменяющих друг друга министров и попечителей: «деятельность Разумовского, как министра

История Харьковского университета: систематич. библиогр. указ. 1805–1917. Ч. 1. Вып. 1 / Сост. М.Г. Швалб, М.М. Красилов, С.Б. Глибицкая. 2-е изд. Харьков, 2004; Двадцатипятилетие императорского Новороссийского университета: Историческая записка эстра-ординарного профессора А.И. Маркевича и академические списки. Одесса, 1890; *Владимирский-Буданов М.Ф.* История Императорского Университета Св. Владимира / По поручению Совета Ун-та Св. Владимира. Т. 1. Университет Св. Владимира в царствование Императора Николая Павловича. Киев: Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1884; *Загоскин Н.П.* История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1–4. Казань, 1902–1906. Остальные 75 лет Загоскин обещал описать в следующих томах, которые предполагал подготовить к 1914 году — юбилею полного открытия Казанского университета. Но этого уже не произошло. См. подробнее: *Морозов О.В.* Vivat Academia — Pereat Diabolus: 150-летие Императорского Московского университета накануне Первой русской революции // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 107–120; *Он же.* Несостоявшийся праздник: 100-летний юбилей Императорского Казанского университета // Российская история. 2016. № 2. С. 192–203.

³⁵ *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Ч.128, №10. Отд.2. С.9.

народного просвещения, была как бы продолжением того, что начато его непосредственным предшественником Завадовским»³⁶.

После открытия в 1870-е годы государственных архивов для частных исследователей версия Сухомлинова была развита и обоснована в публикациях В.В. Григорьева, П.И. Ферлюдина («погром двадцатых годов»³⁷) и Е.М. Феоктистова³⁸. Ферлюдину удалось сделать то, о чем мечтали его предшественники в 1850-е годы. Он удревнил историю высшего образования до времен Древней Руси, а университетскую историю расчленил уставами на пять периодов: 1755–1804, 1804–1835, 1835–1863, 1863–1884, 1884–1893.

Еще больший вклад в разработку концепта «университетская традиция» внес петербургский историк, ученик авторитетного С.Ф. Платонова С.В. Рождественский³⁹. Сосредоточенность на архиве министерства, а также примененная к его содержанию методика анализа дали ему возможность создать из весьма разных университетов Российской империи единое образовательное пространство и типизированный «русский университет».

«Университетская автономия»

Еще в конце XIX века параллельно с ведомственными нарративами (региональными, университетскими или министерскими) стали появляться иные варианты университетской истории, иллюстрирующие эволюцию университетов через развитие студенче-

³⁶ Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Ч. 128. № 10. Отд. 2. С. 34.

³⁷ Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып.1: Академия Наук и университеты. Саратов: Типо-Литография П.С. Феокритова, 1893. С. 88.

³⁸ Феоктистов Е.М. Магницкий: материалы для истории просвещения в России. СПб., 1875.

³⁹ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Изд-во МНП, 1902; Рождественский С.В. Значение Комиссии об учреждении народных училищ в истории политики народного просвещения в XVII–XIX вв. // Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т. 1. О биографии историка см.: Груздева Е.Н. Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.

ского движения или созревание профессиональной, профессорской среды. Правительство играло в этих повествованиях роль не локомотива, а тормоза. Важный и актуальный еще до революционного взрыва 1905 года лозунг «университетская автономия» был спроецирован тогда на прошлое российской школы, в том числе на довольно отдаленные десятилетия⁴⁰.

Разрушительный удар по доминирующим в императорской России концепциям университетского прошлого нанесли идеологические кампании советской власти (внедрение нового устава 1921–1922 годов и фактическая ликвидация университетов в 1930–1932 годах). Их воздействие усилили идеологические кампании и репрессии 1930-х годов и особенно конца 1940-х годов. В результате, на месте императорского храма знания была построена советская «фабрика знаний» и «кузница кадров»⁴¹. На эту перемену работало и общее расширение сети и контингента университетов. Научные исследования в них были отделены от обучения и сосредоточены или в отраслевых институтах, или в учреждениях Академии наук.

Все это отразилось на создании рассказа об университетском прошлом. На самый сложный для российской науки (в том числе университетской) 1919 год, связанный с недоеданием и гибелью ученых, дефицитом ресурсов, гражданским кровопролитием — пришелся столетний юбилей Санкт-Петербургского университета. Подготовка к нему началась еще в годы Первой мировой войны. Усилиями С.В. Рождественского и при содействии местных органов Наркомпроса был издан обширный том материалов по ранней истории университета (один из десятка запланированных).

⁴⁰ *Соловьев И.М.* Русские университеты в их уставах и воспоминаниях. Вып. 1. Университеты до эпохи шестидесятых годов СПб.: Энергия, 1914 (профессор Соловьев был специалистом по педагогике и всеобщему обучению, сам труд был подготовлен в Учебном отделе Общества по распространению технических знаний); *Сватиков С.Г.* Русские университеты и их историческая библиография. М.: Тип. «Научное дело», 1915; *Сватиков С.Г.* Опальная профессура 80-х гг. // *Голос минувшего*. 1917. № 2.

⁴¹ *Александров Д.А.* Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // «За железным занавесом» Мифы и реалии советской науки / Ред. Э.И. Колчинский и М. Хайнеманн. СПб.: Наука, 2002. С. 152–165.

В критической рецензии на него историк революционного движения и один из лидеров «левой профессуры» М.К. Лемке заявил, что в случае реализации всего проекта «мы будем иметь удовольствие видеть исчезновение массы бумаги ради очень и очень небольшого числа специалистов по истории высшего образования в России, кому они действительно могут быть нужны»⁴². Рецензент был настроен весьма враждебно к старой профессуре и прежним университетским порядкам (особенно на историческом отделении, куда он не был в свое время допущен коллегами).

Но так размышлял не только он. После 1920 года были упразднены или реорганизованы в институты университеты на территории Украины. В газетах и журналах это решение представлялось как проявление борьбы с косностью⁴³. В новых политических условиях единственным способом легитимации для университетов стал показ революционного студенческого движения⁴⁴ и демократизма прогрессивной профессуры. Такая стратегия выживания легла в основу появившейся в 1930-м году истории Казанского университета (двухтомной публикации молодого историка М.К. Корбута, вскоре репрессированного⁴⁵).

⁴² Лемке М.К. Рец. на: Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819–1919: Материалы по истории Санкт-Петербургского университета / Собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев / Под ред. С.В. Рождественского. Пг., 1919. Т. 1. 1819–1835. // Печать и революция. 1921. Кн. 8-9. С. 62.

⁴³ М.А. От гимназии — к профшколе, от университета — к техникуму и институту // Путь просвещения. [Харьков]. 1924. № 10 (20). С. 59. См. также апелляцию к немецкому и американскому опыту для украинской реорганизации: Готалов-Готлиб А.Г. Кризис университета и вопрос о подготовке учительства // Путь просвещения. 1923 № 2. С. 37–61.

⁴⁴ См.: Орлов В. И. Студенческое движение в Московском университете в XIX ст. М., 1934 (именно материалами о нагайках, демонстрациях, тюрьмах и репрессиях буквально переполнены материалы о прошлом университета на страницах студенческой периодики 1920-х годов — при том, что о науке и о собственно обучении сказано крайне скудно).

⁴⁵ Корбут М. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1–2; Блюмштейн З.Н., Корбут М.К. Празднование 125-летнего юбилея Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина // Ученые записки Казанского университета. 1930. Кн. 5. 1930. С. 768–778. См. о нем: Литвин А.А., Маслова Е.С., Сальникова А.А. Жизнь и судьба «красного» профессора: Ми-

В эти годы понятие «университетская автономия» подверглось сильной деформации. Подчеркивание оппозиционности университета к царскому правительству и имперской власти, потребность в политической свободе для развития просвещения и науки (в духе милюковской традиции)⁴⁶ определяли подход к университетскому прошлому. Это проявилось в текстах представителей российской эмиграции, широко отметивших 175-летие, а потом и 200-летие МГУ в 1930 и 1955 годах⁴⁷.

Юбилей 1930 года в Советской России совпал с яростным наступлением функционеров различных ведомств и идеологического актива на университет как таковой. «Зеленый свет» им был дан в постановлении ЦИК и СНК СССР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» от 23 июля 1930 года. Университет виделся рудиментом феодальных времен и представлял на страницах печати и в руководящих документах в виде хаотического конгломерата факультетов и отделений. Он подлежал реорганизации с учетом курса на всемерную индустриализацию и выполнение актуальных хозяйственных задач. Для этого его предстояло разделить на специализированные, преимущественно технические и практически ориентированные институты.

После постановления ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 года волна реорганизаций пошла на спад, и уже к середине 1930-х годов университеты были признаны ведущими центрами фундаментальной подготовки специалистов. Юбилей Московского университета

хаил Ксаверьевич Корбут (1899–1937). Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2009.

⁴⁶ *Кизеветтер А.А.* Московский университет и его традиции // Исторические отклики. М., 1915; *Кизеветтер А.А.* Московский университет и его традиции (Роль Московского университета в культурной жизни России). Прага, 1927.

⁴⁷ Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Paris, 1930. Сборник был подготовлен парижским Обществом бывших воспитанников императорского Московского университета и Комитетом, организованным при Русском народном университете в Праге. См. также: Двухсотлетие Московского университета, 1755–1955: празднование в Америке. Нью-Йорк, 1956. Общий обзор: *Кононова М.М.* Традиции Московского университета: взгляд из русского зарубежья // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 161–165.

и восстановленных Харьковского и Киевского университетов были отмечены в 1935 году в центральной печати. Тогда подчеркивалась преемственность научной традиции с наследием XIX века⁴⁸.

Теперь острие классовой борьбы было направлено в иную сторону — не на разрушение прежних канонов, а на важность до-советского наследия, которое позволило реализоваться давним университетским идеалам. То есть во второй половине 1930-х годов проявилось намерение советских идеологов легитимировать за счет современных достижений и успехов университетское прошлое в целом. Накануне войны вышел юбилейный сдвоенный том «Ученых записок МГУ». В отличие от прежних юбилейных изданий, это был сборник очерков, где университетская жизнь разворачивалась на фоне политических и социальных «классовых боев».

Примечательно, что авторами очерков, особенно касающихся политически острых периодов университетского прошлого, были аспиранты, ассистенты, а то и бригада студентов (в которую входили, в частности, будущие известные историки Михаил Гефтер и Борис Тартаковский)⁴⁹. С середины 1930-х годов у нового жанра университетской историографии появилась еще одна особенность: на общем фоне весьма политизированного и обезличенного повествования стали выделяться биографии демократических профессоров — К.А. Тимирязева, Н.Я. Марра, И.П. Павлова. С тех пор они стали своего рода «иконами» и одновременно олицетворением «славного прошлого». Позднее к этому сонму университетских святых добавились М.В. Ломоносов, Т.Н. Грановский и уже после 1960-х годов В.И. Вернадский.

В конце 1940-х годов возвеличивание «людей русской науки» и неумеренное подчеркивание национального доминирования во всех областях знания, как ни парадоксально, содействовали реабилитации связи «советского» и «дореволюционного» (а не «императорского») университета. Сразу после окончания Великой Отечественной войны спрос на прошлое оказался неимоверно высоким в

⁴⁸ Фронт науки и техники. 1935. № 9. С. 27-69 — под общей рубрикой «Борьба за кадры» (материалы П. Валескална «Государственные университеты», Л. Ганжинцева «Московский университет и вехи его развития», статьи ректора М. Кушнарева и профессора Б. Якубского о Киевском университете и т.д.).

⁴⁹ Ученые записки МГУ. Юбилейная серия. Вып. I – II. История. М., 1940.

Ленинградском университете, во главе которого тогда стоял ректор А.А. Вознесенский. Именно там, в юбилейном издании «Ученых записок» появилась большая статья С.Н. Валка о развитии исторической науки⁵⁰. В Ленинграде вышел отдельный том о советской истории вуза⁵¹, начал работать первый в стране музей истории университета⁵². Однако новые идеологические кампании эту реставрационную деятельность заморозили.

Новая волна реабилитации прошлого и восстановления преемственности пришлось на середину 1950-х годов и проявилась в подготовке юбилея Московского университета. Тогда был издан весьма представительный двухтомный труд по истории первого вуза страны⁵³. Дореволюционное прошлое в нем перестало быть свидетельством чего-то архаично-буржуазного и обреченного на слом. Напротив, оно предстало залогом нового успешного *советского* развития, его необходимой предысторией. В конце 1950-х годов стали издаваться сборники с фрагментами воспоминаний об университетах (а не только о героической борьбе за завоевание «крепости буржуазной науки», как в 1920–1930-е годы⁵⁴). Особенно показательна эта сложная игра лояльностей — «советского» и «традиционного» — в случае университетов с большим прошлым в таких непростых ре-

⁵⁰ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1946 (см. републикацию: Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7-106).

⁵¹ Ленинградский университет за советские годы (1917–1947). Л., 1948.

⁵² См.: Тихонов И.Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2005.

⁵³ История Московского университета. Т. 1–2, М., 1955; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1 – 3. М., 1962–1963; см. сборник с характерным названием: Белявский М.Т., Сорокин В.В. Наш первый, наш Московский, наш Российский... М., 1970.

⁵⁴ Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. и авт. примеч. Р.А. Ковнатор / Под ред. П.А. Зайончковского, А.Н. Соколова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — Ср. материалы рубрики «Как все начиналось»: Красное студенчество. 1928-1929. № 3-4. С. 26-40 (мемуары А.П. Пинкевича, Д.Н. Боголепов и особенно О.Б. Лепешинской — с характерным заголовком «Во вражеском стане» — о начале работы в МГУ в гражданскую войну).

гионах как Западная Украина и Прибалтика. Для университетов Львова, Вильнюса и Тарту (как и университетов Чехословакии, Восточной Германии или Венгрии) это подразумевало обращение к архаическому или заведомо чужому наследию.

В годы оттепели и застоя появилось много работ по истории отдельных университетов (особенно, Петербургского / Ленинградского), сводные «юбилейные» труды по истории Киевского, Казанского, Тартуского, Томского, Ростовского и Пермского университетов⁵⁵. Но при этом, даже освобожденные от явных сталинских штампов истории, они еще долго не претендовали на автономный от политической истории нарратив университетского прошлого.

Нередко авторами университетских историй были бывшие ректоры. Например, С.Е. Белозеров в Ростове или создатели обобщающей сводной работы по университетскому образованию в СССР — бывший ректор МГУ физик А.С. Бутягин и его помощник филолог Ю.А. Салтанов⁵⁶. К тому времени такие нарративы перестали восприниматься советской властью как опасность репрезентации чужого прошлого. После десятилетий чисток и «коммунизации» преподавательского корпуса с университетов было снято подозрение в оппозиционности. Они, действительно, стали лояльными господствующей системе — в отличие, например, от собратьев в Восточной Европе, где этот процесс растянулся почти до начала 1970-х годов⁵⁷.

⁵⁵ Наиболее полный свод таких работ представлен в исторических разделах библиографических указателей: См.: [Милкова В.И.] Высшее образование в СССР и за рубежом. Библиографический указатель книг и журнальных статей (1959–1969). М., 1979; То же. (1969–1975). М., 1978; То же. (1976–1980). М., 1985; Университетское образование в СССР и за рубежом. Библиографический указатель русской, советской и иностранной литературы. Ч. 1–3, М., 1966–1981 (Ч. 1 [за 1950–1960], 1966; Ч. 2 [за 1961–1967], 1974; Ч. 3 [за 1973–1977] 1981; Университетское образование в СССР и за рубежом. Указатель литературы на русском языке (1978–1985). М., 1987 и др.

⁵⁶ Белозеров С.Е. Очерки истории Ростовского университета. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1959 (Белозеров был ректором университета в 1938–1954 годы); Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М., 1957.

⁵⁷ См.: Connelly John. Captive University: The Sovietization of East German, Czech, and Polish Higher Education, 1945–1956. Chapell Hill:

В атмосфере «оттепели» появились первые труды ныне признанных специалистов по университетской истории Российской империи Г.И. Щетиной, Р.Г. Эймонтовой и А.Е. Иванова⁵⁸. Показательно, что все они были сотрудники *академических* институций. Смелость их публикаций заключалась в реанимации идеала университетской автономии в духе С.Г. Сватикова или А.А. Кизеветтера. До них такие заявления расценивались в академической среде как политическая крамола.

Во всяком случае, к концу 1980-х годов, то есть еще в рамках советской идеологии, канон и возможный спектр легитимной и публично признанной университетской памяти был существенно расширен по сравнению с «нигилистическим» периодом 1930-х годов⁵⁹. А к моменту перестройки апелляция к дореволюционному прошлому была четко артикулирована. В прошлом виделся важный ресурс самолегитимации и аргумент для защиты от репрессивного вмешательства государства в университетскую жизнь. В связи с этим концепт «университетская автономия» стал ключевым в исследованиях позднесоветских историков.

А в новых рыночных условиях этот ресурс оказался заново освоен и «перепрограммирован» уже в интересах университетской административной элиты. Надо сказать, что в России не произошло тех радикальных изменений, которые пережили вузы Восточной Европы и особенно ГДР⁶⁰. Осознание того, что в новых поли-

University of North Carolina Press, 2000; Academia in Upheaval: Origins, Transfers, and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe / Michael David-Fox and György Péteri, ed. Westport, Conn.: Bergin & Garvey, 2000.

⁵⁸ Щетина Г.И. Послужные списки как исторический источник о составе профессоров в пореформенной России // История СССР. 1977. № 1. С. 84-96; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985; Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991; Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи: XVIII в. – 1917 г. М., 1994.

⁵⁹ См. общие соображения: Вишленкова Е., Мальшева С., Сальникова А. История университета как история памяти корпорации? // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 289-307; Вишленкова Е.А. Память об университетских конфликтах и конфликты университетских памятней // Cogito: Альманах истории идей. Вып. 3. Ростов-на-Дону. 2008. С. 114-129.

⁶⁰ См. материалы обзора: Агеенко Е.В. Реформы системы образования в новых землях ФРГ [Проблемы зарубежной высшей школы. Вып. 3].

тических условиях родословная может стать основанием для получения политических и финансовых льгот, побудило ректоров заказывать исторические исследования и использовать их для обоснования особых прав их заведений. Другое дело, что эти тексты способствовали и консолидации университетских сообществ.

Трудности языкового пуризма

Потребность в обосновании непрерывности, внимание к прошлому и традициям, сближающие позднейимперские и позднесоветские университетские юбилеи, претерпели в постперестроечные годы примечательную трансформацию⁶¹. Политическая актуальность и выгодность «длинной истории» способствовали тогда утаиванию разрывов в прошлом и игнорированию соответствующих тем.

В результате этого мы в России — свидетели повсеместно вспыхивающих дискуссий о правопреемственности современных университетов от их исторических предшественников (Харьковского университета от Харьковского коллегиума, Петербургского университета от академического университета 1725 года, Воронежского университета от эвакуированного Дерптского университета и т.д.) В основе этих споров лежит убеждение в универсальности понятия «университет» и априорное признание непрерывности его истории.

Между тем, в российской историографии наличествуют различающиеся версии прошлого российских университетов. Исследования по истории конкретных высших школ порождают у читателей представление о сосуществовании в России автохтонных учебных локусов с собственной логикой развития, переломами и основаниями для преемственности (например, история Воронежского университета делится на «довоенную» и «послевоенную»⁶²,

М.: НИИВО, 1994; Майер Х. Научный потенциал ГДР и формирование новой элиты // Социологический журнал. 1996. № 1 / 2. С. 41-55; Плюсин Ю.М. Российско-германская конференция «Реформирование науки и высшей школы в России и Восточной Германии: сопоставление» (обзор) // Научноеведение. 1999. № 3. С. 230-232.

⁶¹ См. работы: Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998; Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М., 2001.

⁶² Карпачев М.Д. Воронежский университет: Вехи истории, 1918–2003. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. С. 6-8.

Московского — на «допожарную» и «послепожарную»⁶³, Казанского — на «дореволюционную» и «советскую»⁶⁴).

Видимо, университетские архивы не позволяют историкам представить жизнь разных школ как параллельные прямые линии. В юбилейных версиях прошлого жизнь фрагментируется на несовпадающие по длительности и свойствам блоки, персонализированные именами «своих» администраторов (попечителей или ректоров), либо означенные политическими катаклизмами (ревизиями, студенческими беспорядками, войнами, региональными событиями). Сборка большого периода как целостности в университетских историях возможна лишь через использование вневременных категорий «традиция», «пространство», «культура».

А в публикациях, посвященных университетской политике правительства, пред взором читателя предстают единое пространство страны или региона (созданное стирающими локальные различия понятиями «идея», «система» или «модель») и общая университетская история, разделенная уставами и политическими событиями на этапы однонаправленного развития. Утверждение такой упорядоченности дается исследователям ценой умолчания свидетельств современников о разрывах (например, ревизии и обновлении Казанского университета 1819–1825 гг., кадровой реформе в Московском университете 1835–1837 гг., послереволюционной ликвидации университетской автономии, политических репрессиях 1930–1940-х гг.).

Тиражируемое в разных по жанру текстах утверждение заведомо гомогенной, равной себе во времени и пространстве университетской традиции, как нам представляется, искажает историческое сознание читателей: оно камуфлирует интересы создателей исторических нарративов, исключает возможность признания «множественности» университетского прошлого и делает Россию зоной «особого пути».

Казалось бы, доступ к архивам и практически отсутствие цензуры должны были в 1990–2000-е годы вызвать всплеск интереса к

⁶³ Кулакова И.П. Протоколы конференции Московского университета как вариант самоописания // Сословия русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

⁶⁴ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. История университета как история памяти корпорации? // *Ab Imperio*, 2004, № 3. С. 271–311.

политическим репрессиям в советских университетах 1930–1940-х годов. Но он мог акцентировать разрыв между дореволюционным и советским периодами университетской жизни, показать, насколько «выдрессированной» и этикетской стала «советская вузовская интеллигенция». А потому такой интерес не родился или не был поддержан.

Изредка попадающиеся на страницы историографических сочинений сюжеты о репрессиях и ограничениях «сверху» в привычном страдательном залоге лишь пресекают возможность социологически заостренной постановки вопроса о сцеплении власти знания и политической власти в советское время, о симбиозе академической и политических элит⁶⁵. Для сравнения напомним, что после 1968 года в Германии критическая дистанция по отношению к компромиссам с прошлым позволила переоценить немецкую университетскую традицию как культуры и «чистого знания», показать ее зависимость от политической стратегии и конъюнктуры того или иного периода. Эта болезненная и явно неприятная процедура нацелена на выстраивание иммунитета против повторения трагедий прошлого.

Весь арсенал новейшей критической интеллектуальной истории, истории повседневности, политической и социальной истории оказался разрушительным для направленных на самолегитимацию установок университетской администрации и обслуживающих их историков. Интерес новейшей историографии к подвижным иерархиям, неравенствам, генерационным или академическим конфликтам⁶⁶ никак не отвечает желанию получить простую историю и представлениям об общей лояльности.

Условия развития университетских исследований в современной России таковы, что административный заказ, групповые инте-

⁶⁵ Александров Д. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов / Пер. с нем. М., 2008. С. 617–632.

⁶⁶ См. материалы периодического издания: «Jahrbuch für Universitätsgeschichte». Особенно выделяются в этом смысле работы К. Шарля, В. Каради (на которых решающим образом повлиял П. Бурдьё), Р. фон Бруха (Rüdiger vom Bruch), М. Эша (Mitchell G. Ash) (усвоивших критические уроки Фрица Фишера, Джорджа Моссе и Фрица Рингера) и др. См.: Кристоф Шарль. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века / Пер. с фр. М.: Новое издательство, 2005 и др.

рессы и сознательное игнорирование мировых эпистемологических дебатов создают препятствия для разработки целого ряда тем. Практически нет работ, посвященных университетам периода революций и Гражданской войны⁶⁷. Нет исследований по проблемам финансирования императорских университетов. Очень редко появляются публикации о послевоенной вузовской интеллигенции. А если и появляются, то их авторы принадлежат к цеху социальных историков или историков науки⁶⁸. Мы очень мало знаем об истории создания и работе Высшей аттестационной комиссии в довоенные годы, которая порождает столько аллюзий с современностью⁶⁹. Почти не изучался Главный педагогический институт и академический университет в Санкт-Петербурге, история которых

⁶⁷ Из немногих исключений: *Литвин А.Л.* Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // *Власть и наука, ученые и власть. Материалы международного colloquiuma.* СПб., 2003. С. 124-132; заключительная глава о культурных преобразованиях в монографии: *Рышков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск: Сибпринт, 2008; дисс.: *Михеенков Е.Г.* Вузовская интеллигенция города Томска в годы революции и Гражданской войны, февраль 1917 – конец 1919 гг. (Томск: ТГУ, 2002); *Сизова А.Ю.* Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г. (М.: РГГУ, 2007) и некоторые др. В то время как на Украине, где этот период связывают с предисторией нынешней государственности, издана замечательно полная подборка документов о Киевском университете: *ALMA MATER. Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції. Матеріали, документи, спогади: У трьох книгах. Кн. 1–2.* / Авторы-упорядники: В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. Київ, 2000.

⁶⁸ См.: *Лейбович О.Л.* В городе М: Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х годах. М.: РОССПЭН, 2008. С. 178-214 (глава о судьбе историка Л.Е. Кертмана в послевоенной Перми); *Сизов С.Г.* Идеологические кампании 1947–1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири // *Вопросы истории.* 2004. № 7. С. 95-103; Дискуссии советских ученых середины XX века / Под ред. А.А. Касьяна. М.: Прогресс-Традиция, 2008 (на материалах г. Горький); *Берельковский И.В.* Власть и научно-педагогическая интеллигенция: идеологический диктат в СССР конца 1920-х – начала 1950-х гг. (2-е изд., доп.). М.; Н. Новгород, 2006.

⁶⁹ *Парсамов В.С.* ВАК и высшее образование: современные споры и их истоки // *Россия XXI.* 2015. № 1. С. 28-49.

способна пошатнуть приоритет Московского университета в деле становления российской академической традиции.

Сегодня проще, почетней и безопасней составлять юбилейные компиляции и сборные справочники о жизни сотрудников тех или иных институций со времен основания и до нынешнего руководителя⁷⁰, чем трогать те стороны университетского прошлого, которые не вписываются в беспроблемную картину поступательного развития «нашего славного заведения».

У университетской истории России нет удовлетворительной хронологии, нет истории переходов, поворотных точек и трансформаций, нет проблематизации связи политической и академической историй⁷¹. Для всего этого нужны коллективные проекты и комплексные историко-научные исследования, отказ от использования выхваченных из архивов и мемуаров свидетельств в качестве иллюстраций.

Одна из явных лакун новейшей историографии — отсутствие прочной связи между университетской историей и историей науки. Как именно перемены в штатах и количестве университетских ставок влияли на качество и уровень производимого научного продукта? Важно понять, что диссертация далеко не всегда понималась в университете как самостоятельное научное исследование, продвигающее вперед ту или иную отрасль знания⁷². По отдель-

⁷⁰ См. характерный пример: Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, 1934–2004: Очерк истории. СПб., 2004. В качестве образца «ведомственных изданий»: Очерки истории российского образования: В 3-х т.: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации / Под ред. В.М. Филиппова. М.: МГУП, 2002.

⁷¹ Свидетельство сдвигов самого недавнего времени — цикл работ по истории Петроградского университета 1910–1920-х годов, инициатором которого был Е.А. Ростовцев: *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: учение сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017; *Кривоноженко А.Ф.* Процесс советизации Петроградского университета в 1918–1922 гг. // Клио. 2013. № 10 (82). С. 104–108.

⁷² *Кричевский Г.Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–153; *Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* Об ученых степенях, и о том, как диссертация в России обрела практическую и научную значимость // Новое литературное обозрение. 2013, № 4. С. 84–107; *Ильина К.А., Галиуллина Р.Х.* Университет vs Министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цен-

ным дисциплинам мы располагаем достаточно интересными работами, но общей картины пока не складывается⁷³. Очевидна и акцентировка внимания к некоторым персонам или направлениям⁷⁴ (например, А. Лаппо-Данилевскому), при этом реконструкция общей картины остается приблизительной или даже не ставится в качестве исследовательской задачи. К анализу российского опыта взаимодействий университетов и Академии наук⁷⁵ еще не применялся аналитический инструментарий, разработанный П. Бурдые и Ф. Рингером⁷⁶. Использование достижений эпистемологии могло бы увеличить познавательный эффект и результативность компаративных исследований в области университетской истории и истории знания в целом.

Мы полагаем, что для создания условий диалога университетских корпораций и политических элит, для успешной реализации реформационных замыслов, а также для стимуляции отечественных исследований было бы полезно соединить усилия специалистов в области истории университетов, историков науки и социологии образования, чтобы достичь соглашений о концептах и понятиях, а также научных конвенций о легитимных способах ра-

зура диссертаций в середине XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 15-24; *Дмитриев А.* Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 108-133.

⁷³ *Корзухина А.М.* От просвещения к науке. Физика в Московском и С.-Петербургском университетах во второй половине XIX в. – начале XX в. Дубна: Феникс+, 2006; *Соловьев Ю.И.* История химии в России: Научные центры и основные направления исследований. М.: Наука, 1985; *Дмитриев И.С.* Скучная история (о избрании Д.И. Менделеева в Императорскую Академию наук в 1880 г.) // *Он же.* Человек эпохи перемен: Очерки о Д.И. Менделееве и его времени СПб.: Химиздат, 2004. С. 397-548.

⁷⁴ Из удачных работ последних лет отметим: *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Омск: ОмГУ, 2010.

⁷⁵ См.: *Басаргина Е.Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков (Очерки истории). М., 2008.

⁷⁶ См.: *Burke Peter.* A Social History of Knowledge. Volume 1: From Gutenberg to Diderot, Cambridge 2000; *Idem.* A Social History of Knowledge. Vol. 2: From the Encyclopédie to Wikipedia Cambridge 2012.

боты с источниками, релевантных интерпретациях⁷⁷. Это позволило бы выработать согласованные языки и параметры описания феномена «российский университет» в исторической ретроспективе и эффективнее диагностировать объект исследования, выявлять причины его современного состояния.

Однако мы догадываемся, что развитие университетских исследований в этом направлении должно порождать сопротивление. Ревизия теоретических оснований и аналитического инструментария, выявление дискурсивной природы исторических источников и созданных на их основе нарративов ведут к десакрализации университетской жизни, к утрате доверия читателей к эпическим сказаниям об Университете с большой буквы. Они демонстрируют рукотворный характер ключевых понятий и способствуют разоблачению латентных практик доминирования. Тем не менее, такое знание может радикальнее обновить университетскую жизнь, чем менеджерские перестановки и реструктурирование учреждений.

⁷⁷ О возникающих здесь ловушках и дилеммах, см., в частности: *Пастухов В.Б.* Концепция «идеального университета» как разновидность русской национальной утопии // *Общественные науки и современность.* 2007. № 1. С. 26-30.

ГЛАВА 5

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ О ПРАКТИКЕ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ*

В последние полвека в западных странах работа с общественностью, особенно выступления в медиа, становится заметной областью деятельности академических ученых. Публичная психология (особенно психоанализ), публичная криминология, публичная философия, публичная социология, публичная история заставляют по-новому ставить вопросы не только о границе между наукой и ее популярными версиями, но и о специализации и профессионализме ученого, по отношению к труду которого публичность выступает в качестве отклоняющейся модели. В каждой дисциплинарной области публичность проявляется по-своему, отличаясь часто даже целеполаганием. Так, например, публичная философия отвечает людям на ключевые мировоззренческие вопросы в свете современных философских доктрин, публичная социология объясняет природу социальных проблем и помогает людям в выработке конструктивных преобразовательных и приспособительных стратегий¹, а публичная история удовлетворяет интерес к прошлому на уровне современных научных знаний². Тем не менее, во всех дис-

* В сокращенном варианте текст Gatina Zarina, Saweliewa Irina. «Academic historians in Russian media: a selfie-session» опубликован в *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 2014. Vol. LI. P. 11-33. — Глава подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

¹ Подвойский Д.Г. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат // *Социологические исследования* 5 (2009). С. 19.

² Подробнее о границах между профессиональной и медийной презентацией научного знания см.: *Савельева И.М.* Таланты и посредники:

циплинах, выходящих в публичную сферу, идет разговор о новой отдельной профессии публичного ученого, отличной от деятельности публичного интеллектуала.

Публичная активность ученых направлена как на презентацию результатов исследований на неакадемических форумах, так и на обсуждение «жгучих проблем современности». В последние десятилетия работа в медиасреде «перестает восприниматься как маргинальная, отныне она призвана стать как бы частью обычных атрибутов карьеры нового мандарина»³. Как считают многие исследователи, рост публичности университетских людей свидетельствует об утрате ими монополии на производство знания, об «уравнивании» с публицистами, журналистами, представителями общественных групп, организаторами интерактивных форм познавательного отдыха и др.⁴. В то же время очевидно, что публичная деятельность в этой сфере не может существовать без академической науки, которая составляет ее базовые знания и первоначальный символический капитал. В том числе и профессиональная история является *conditio sine qua non* публичной истории.

Эта статья — часть большого проекта по изучению неакадемических форм исторического знания⁵. Исследуя проблему трансформации научного знания в публичное, мы определили, что такое публичная история, кого можно отнести к категории «публичный историк», когда эта профессиональная область оформилась и каковы причины ее появления, что происходит с историком на территории современных медиа⁶.

граница между академической и публичной наукой // *Общественные науки и современность* 1 (2015). С. 24-36.

³ *Пэнто Л.* Философская журналистика / *Sociologos*. 05.06.2009. С. 10.

⁴ *Assmann A.* Geschichte im Gedachtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung, München: Beck. 2007. S. 178.

⁵ *Savelieva I.* Public History' as a Vocation // Series: Humanities. — WP [BRP 34/Hum/2013](#) (ноябрь, 2017); National Research University Higher School of Economics; *Савельева И.М.* Публичная история: дисциплина или профессия? // В кн.: *Науки о человеке: история дисциплин* / Под общ. ред.: И.М. Савельева, А.Н. Дмитриев. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 421-451.

⁶ *Савельева И.М.* Таланты и посредники: граница между академической и публичной наукой // *Общественные науки и современность* 1 (2015).

В данной работе нас интересует сегмент публичной истории⁷, представленной учеными, основным местом работы которых остается университет (Академия), механизмы трансформации академического историка в ситуации трансмиссии знания непрофессиональной аудитории. Причем мы обращаем взгляд на сообщество российских публичных историков и на практические аспекты их работы в публичной среде. Таким образом, наша статья не столько о публичной истории, сколько о том, как понимают ее ведущие отечественные историки и как они ей занимаются.

На вопрос «Кто такие публичные историки?» обычно предлагается предельно общий ответ. Публичные историки пишут широко читаемые, обсуждаемые и влияющие на публику книги; выступают в СМИ, освещая проблемы, имеющие общественное звучание; профессионально работают в публичной сфере, активно взаимодействуя с общественностью, организованной в самые разные исторические объединения. Очевидно, что в таком ответе зафиксирована достаточно давняя функция гуманитария как транслятора профессионального знания общественности (образованным слоям, публике, широким массам, группам).

Скажем сразу, что феномен публичной истории, в отличие, например, от публичной социологии, изучен недостаточно. Историки, в отличие от социологов, рассуждают о своей работе с публикой редко и довольно поверхностно. Очевидно поэтому, немногочисленные исследования по публичной истории представляют собой в основном описания практик и казусов⁸. Открытым остается теоретический вопрос о профессиональном статусе публичной истории, предполагающем определенный уровень академической

⁷ Об органической публичной истории, предполагающей специализацию вне академии и работу в общественных организациях и группах, см.: *Савельева И.М.* Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история 3 (2014). С. 141-155.

⁸ *History Sells. Angewandte Geschichte als Wissenschaft und Markt.* Stuttgart, 2009, S. 3-4; *Packaging the Past? Public Histories.* Melbourne, 1991; *Samuel R.* Theatres of Memory. V. 1: Past and Present in Contemporary Culture. L., 1994; *Jordanova L.* History in Practice. L., 2006; *History Goes Pop.* Zur Repräsentation von Geschichte in populären Medien und Genres. Bielefeld, 2009; *Tomann J., Nießer J., Littke A., Ackermann J., Ackermann F.* Diskussion Angewandte Geschichte. Ein neuer Ansatz? — [http://docupedia.de/zg/Diskussion Angewandte Geschichte](http://docupedia.de/zg/Diskussion_Angewandte_Geschichte) (ноябрь, 2017).

подготовки, специальные программы, систему самооценки, наличие союзов, фиксированные этические нормы и общественное признание, систему лицензий, регулируемые схемы оплаты труда.

В России публичные профессии институционально находятся в плачевном состоянии: нет профессиональных сообществ, нет журналов, почти нет учебных программ, в то время как в Европе, США, Австралии публичная социология, публичное право, публичная история и многие другие выделились в отдельные профессии, а бакалаврских и магистерских программ только по одной публичной истории — сотни.

Мы предприняли данное исследование с целью понять, признают ли современные российские историки публичную активность выходящей за пределы академической деятельности, или считают ее неотъемлемой частью профессии. Очевидно, что презентация исторического знания в телепрограмме, газетной колонке или популярной книге не будет просто сокращенной или упрощенной версией академического труда. Это продукт, созданный с иными целями и другими средствами. Как преодолеваются ограничения академических дисциплинарных конвенций, как профессиональные знания и навыки совмещаются с формами общения с непосвященной аудиторией? Как преобразуется само это знание и опыт его производителя?

Ответы на перечисленные вопросы требуют разнотипных исследований. Они могут быть, например, текстологическими (сравнение разных регистров академической и публичной речи/письма одного и того же историка). Такой подход представляет собой отдельную и трудоемкую работу, и здесь мы можем лишь указать на него как на многообещающую исследовательскую перспективу. Сами мы не предполагаем заниматься текстологическим анализом, равно как в рамках этой работы нас не занимает тема контента (о чем говорят публичные историки). В данном случае мы решили обратиться к самим историкам, и материалом для нашего анализа послужили интервью. Мы спрашивали почему, зачем и как профессионалы говорят с непрофессиональной аудиторией. Однако, задавая вопросы, мы стремились получить знание и о статусе публичной истории в России. В процессе общения мы пытались выяснить, признается ли публичная история частью профессии или «работой по совместительству», хобби, «звездной болезнью» академического историка. Но более всего нас интересовала рефлексия

по поводу самой практики публичной истории: мысли историков о целях, формах репрезентации исторического материала, особенно-стях общения с видимой и невидимой публикой⁹.

Респонденты

Исходно материалом для изучения данной темы стали интервью, собранные студентами, работавшими в Центре университетских исследований ИГИТИ им. А.В. Полетаева, а также участниками научно-исследовательского семинара «Введение в историю и практику университетской жизни», проходившего под руководством Е.А. Вишленковой в период с 2012 по 2014 годы. Основная познавательная задача опроса заключалась, с одной стороны, в создании источников по истории постсоветских университетов, а с другой — в производстве и расшифровке образа университета, созданного университетскими людьми. Однако, среди прочих, в опросный лист, по инициативе И.М. Савельевой включали вопросы, позволяющие оценить представления современных российских историков о публичности в истории¹⁰.

Анализу на первом этапе подверглись 36 интервью с историками различных регионов России¹¹. Респондентов можно разделить на две группы: тех, кто участвует в публичных выступлениях и признает себя публичной фигурой, и тех, кто к публичной истории не причастен. Из рассказов последних мы либо узнаем о том, что они думают о публичности вообще (о ее месте и роли в профессиональной жизни российского историка, о причинах роста интереса к публичности и т.п.¹²), либо о том, в чем они видят функцию современного исторического знания, в том числе, транс-

⁹ Мы признательны декану факультета филологии НИУ ВШЭ Елене Наумовне Пенской за данное нам интервью (29 ноября 2013 г.), в котором она поставила вопросы разработки сценария публичного выступления, коммуникационных гипотез, трансформации академического языка. Мы не использовали здесь это интервью только потому, что ограничиваемся исторической профессией.

¹⁰ Более подробно о принципах организации и основных направлениях работы Центра университетских исследований можно узнать в статье: *Гатина З.С., Гребенкина Д.М.* Личные воспоминания о постсоветских университетах и архив профессорской идентичности // *Диалог со временем* 51 (2015). С. 261-286.

¹¹ Список респондентов см. в конце статьи.

¹² И.М. Савельева, Л.К. Масиель Санчес.

лируемого широкой аудиторией¹³. Ожидаемо наиболее нюансированными оказались рассказы тех из историков, кто признает себя публичными. В них собственный опыт рассказчика переплетается с общими рассуждениями о роли публичной истории. Эти признания позволили выяснить, какие сферы деятельности современные историки относят к публичному пространству (к примеру, ответ М.Ю. Гребенкина сводится к перечислению выполняемых им видов деятельности, которые он относит к публичным)¹⁴, об их отношении к популярной истории (от резко негативного до крайне доброжелательного) и лишь частично о том, что происходит с их языком, моделью поведения, ходом мыслей при публичных выступлениях¹⁵. Из некоторых ответов сложно заключить, участвовал ли информант в публичных выступлениях¹⁶, у части интервьюируемых опыт публичного выступления был разовым¹⁷. Анализ собранных текстов убедил нас в том, что ученые легко и по-разному отвечают на вопросы, почему они выступают перед публикой и стоит ли это делать, но уклоняются от ответа на вопрос о том, как трансформируется их мастерство, или высказываются довольно однообразно.

Мы полагаем, что такой результат не случаен. Во-первых, вопрос о публичности был одним из 13-ти, содержащихся в вопроснике (к тому же, с каждым годом вопросник расширялся, охватывая все новые и новые темы). Во-вторых, данный вопрос задавался, как правило, одним из последних, и информант к концу беседы мог устать и потому отвечал кратко. В-третьих, вопрос о публичной истории не был определяющим для исследовательского проекта. Эти обстоятельства побудили нас создать специальный вопросник, стимулирующий историков, выступающих перед широкой публикой, к разносторонней рефлексии о собственной деятельности.

В итоге нами была проведена серия интервью с историками факультета истории НИУ ВШЭ и историками нескольких региональных вузов¹⁸. Почти все историки НИУ ВШЭ относятся к числу

¹³ С.Б. Крих, С.В. Квашонкина, А.Н. Шапкина.

¹⁴ М.Ю. Гребенкин.

¹⁵ Е.А. Вишленкова, Е.Б. Смилянская, Т.Г. Архипова, И.Н. Данилевский, А.Ю. Виноградов, А.В. Корневский, А.Л. Камалов, И.П. Кулакова.

¹⁶ А.Н. Бикташева, А.Н. Блинова.

¹⁷ С.П. Бычков.

¹⁸ Интервью были взяты в течение 2014 года посредством устной беседы, скайп-звонков и переписки по электронной почте. Интервьюерами выступали И.М. Савельева и З.С. Гатина.

«отцов-основателей» факультета истории. Мы признаем, что обращение к ним аккумулировало мнения узкого круга известных историков известного вуза, востребованных ведущими популярными историческими программами. Стараясь выйти за пределы этого узкого круга специалистов, сконцентрированных в стенах одного известного вуза, мы расширили географию университетов и вышли на историков, работающих в университетах Самары, Казани, Санкт-Петербурга, Волгограда. При этом мы имели дело и с историками, работающими на профильных факультетах (исторических отделениях и институтах), и с учеными, преподающими историческую дисциплину на непрофильных факультетах. Кроме того, нам удалось пообщаться как с теми, кто участвует в медийной среде, так и опросить тех, кто ее формирует (например, И.Р. Тагирова).

В итоге мы проанализировали 44 интервью с российскими историками. Все они являются профессионалами, активно занимаются научной деятельностью и преподавательским ремеслом, многие из них имеют опыт выступлений в средствах массовой информации, на телевидении, радио, в интернет-ресурсах. Речь идет о людях, заслуживших репутацию признанных ученых, известных, как минимум, на региональном уровне. Таким образом, наша выборка на данном этапе не отражает представления о публичной истории широких кругов исторического сообщества и данный кейс ни в коей мере не претендует на анализ взглядов представителей исторического цеха в целом. Нам важна была саморефлексия наиболее активной части. Именно ответы на заданные нами вопросы показали, что, когда историки говорят о публичной деятельности, они подразумевают медийную сферу (причем преимущественно «старые СМИ»). Тем самым наше исследование невольно смещается к анализу истории, представленной в медиа, в репрезентации которой участвуют современные российские историки.

Вопросы

При обращении к текстам интервью необходимо учитывать особенности, связанные, прежде всего, с характерными признаками группы информантов. Методологическими ориентирами послужили советы одного из основателей устной истории, Лутца Нитхаммера, которыми он поделился с нами в одном из своих интервью¹⁹.

¹⁹ Интервью было взято руководителем студенческой лаборатории Центра университетских исследований З.С. Гатиной 18 октября 2013 года.

Нитхаммер рекомендовал учитывать высокий уровень рефлексивности университетских преподавателей. По его мнению, рабочий или крестьянин «обладают определенной наивностью в саморепрезентации, которая потом облегчает [исследователям] извлечение информации из рассказа, в отличие от той ситуации, когда сам человек прекрасно знает, как все это функционирует, и ведет себя в интервью хитрее, следит за тем, что он рассказывает»²⁰. Преподаватели по характеру профессии вынуждены постоянно прибегать к практикам саморепрезентирования. Они не только работают с текстами, но и сами их производят. Это позволяет им направлять беседу в нужное для них русло и контролировать свою речь в зависимости от ожиданий и представлений о цели интервью. Однако в нашем случае это обстоятельство должно было облегчить сбор материала: историки понимали цель беседы и давали внятные ответы.

Поэтому мы разработали вопросник, составленный из прямых, недвусмысленных и открытых вопросов, отвечающий пробному характеру нашего исследования. Он содержит следующие позиции:

- *Существует ли принципиальная разница между выступлениями перед академическим сообществом и неподготовленной публикой, и если да, то в чем?*
- *Существует ли разница между целями выступлений перед различными публиками?*
- *Меняется ли при выступлении язык, и, если да, то как?*
- *Меняется ли при выступлении система аргументации, и, если да, то как?*
- *Зависит ли модель поведения от жанра выступления (устное / письменное, монолог / диалог, закрытое / открытое и т.д.) или существует некая универсальная модель?*
- *Приходится ли разрабатывать сценарий перед каждым новым выступлением?*

Темы этих вопросов и структурируют наш дальнейший анализ.

Оно опубликовано на сайте этого Центра. — <http://igiti.hse.ru/unimemory/int-nithammer> (ноябрь, 2017).

²⁰ Текст интервью выложен на сайте Центра университетских исследований ИГИТИ НИУ ВШЭ. — <http://igiti.hse.ru/unimemory/int-nithammer> (ноябрь, 2017).

Публика

Философы много размышляли о феномене публики²¹; в то время как такие социологи, как Алан Вольф, Роберт Патнэм, Тедда Скокпол, Ричард Сеннет, считают, что публика (общественность) сегодня исчезает под разрушительным влиянием рынка, колонизации социума со стороны медиа и бюрократических уловок²². Однако нам кажется, что существование «публичной науки» и социокультурные стимулы ее возникновения свидетельствуют, возможно, об обратном. В определенном смысле, публика только сейчас и возникает, причем уже не как масса, к которой обращен авторитетный голос специалиста, а как партнер по коммуникации. Когда социолог и проponent публичной социологии Майкл Боровой дифференцирует различные виды социологии, включая туда и публичную социологию, он вводит два критерия: первый — это какие задачи решает та или иная социология, второй — к каким аудиториям она обращена. Действительно, и в случае публичной истории очень важно дифференцировать аудиторию, «публику», поскольку публичная история «может означать историю для публики, историю публики, историю, создаваемую самой публикой или при ее участии»²³. При этом, говоря о публичной истории, всегда приходится иметь в виду специфику аудитории, к которой обращается или с которой взаимодействует историк — общее понятие «публика» здесь не всегда инструментально.

Историки, с которыми нам удалось пообщаться, в целом не имеют четких представлений о непрофессиональной публике и ее сегментах. Более того, они не проводят жесткого водораздела между профессиональной и непрофессиональной аудиториями. «Пограничными» аудиториями при этом выступают, к примеру, первокурсники («неподготовленная публика», как называет их И.И. Курилла, или «промежуточное звено», согласно определению А.Б. Окуня), и даже участники международных конференций. И в первом, и во втором случаях историкам, по их словам, приходится «упрощать» язык и делать его более ясным. Образ «широкой пуб-

²¹ Об этом писали Роберт Парк, Уолтер Липпман, Джон Дьюи, Ханна Арендт, Юрген Хабермас, Майкл Уолцер.

²² *Burawoy M.* For Public Sociology. Presidential Address 2004 — *American Sociological Review* 70 (2005). P. 4-28.

²³ *Franco B.* Public History and Memory: A Museum Perspective — *The Public Historian* 2 / 19 (1997). P. 65.

лики», как правило, включает в себя минимум три группы. Информанты определяли их так: «увлеченные и адекватные», увлеченные до фанатизма, увлеченные и разбирающиеся²⁴. О стратегиях взаимодействия с каждой из этих групп и способах преодоления коммуникативного дискомфорта речь пойдет ниже.

Опрошенные нами историки, размышляя о публичной сфере как о «популяризаторстве, генерации смыслов в неакадемической среде»²⁵, признают существование различных способов презентации прошлого в публичном пространстве. Однако, говоря о собственном опыте общения с публикой, они редко упоминают о письменных текстах, хотя некоторые все же говорят о возможности выступать публично посредством письма²⁶. В понимании большинства респондентов публичность ограничивается исключительно устными выступлениями. Это проявляется, в частности, и в том, что в разговоре о науке предпочтение отдается письменному тексту, а выступление на публике ассоциируется с устным форматом. Возможно, такие представления связаны с различием информационных возможностей передачи знания, которыми обладают письменное и устное высказывание.

Кроме того, письменные и устные высказывания предполагают разный уровень ответственности перед читателем или слушателем. И в этом отношении мнения наших информантов разделились. Одни считают, что письменный текст, как заведомо имеющий большую по размерам аудиторию, должен быть более строгим, продуманным, и ошибки в нем недопустимы²⁷. С другой стороны, как признается, Б.Ф. Султанбеков, устные выступления, особенно в прямом эфире, в отличие от популярной статьи, в которой исправление ошибок возможно в процессе работы, требуют большей настороженности, потому что «каждое твое слово фиксируется и принимается слушателем»²⁸.

В условиях медиакommunikаций образ слушателей часто заслоняется образом ведущего (редактора или журналиста). По мнению А.Б. Давидсона, разговор с толковым ведущим равнозначен

²⁴ П.Ю. Уваров, Е.Б. Смилянская, М.А. Давыдов.

²⁵ И.В. Карацуба.

²⁶ А.М. Семенов, И.Р. Тагиров, Л.Н. Попкова, А.Б. Окунь, Б.Ф. Султанбеков, Е.А. Вишленкова, Т.Г. Архипова.

²⁷ А.Б. Окунь.

²⁸ Б.Ф. Султанбеков.

выступлению перед профессионалами. При этом он должен не только разбираться в заявленной теме, но и иметь хотя бы общие представления об исследовательских интересах выступающего, знать несколько работ своего собеседника. О.В. Будницкий отметил, что роль ведущего особенно значима в двух случаях: когда появляется необходимость оживить разговор или изменить его курс в определенном направлении. Во второй ситуации ведущий выступает, скорее, в роли раздражающего фактора. Таким образом, журналист — это, прежде всего, профессионал в сфере журналистики. Будет ли он помогать выступающему или, наоборот, мешать, зависит от его профессиональных компетенций как журналиста, от его темперамента и задач, которые он ставит. Возможна и обратная ситуация, когда историк из ведомого, приглашенного, принимающего вызов, отвечающего на вопросы, превращается в ведущего, организующего, формирующего ход встречи. И.Р. Тагиров, рассказывая об опыте ведения собственной передачи, говорит, что, играя разные роли, ему всегда важно добиться раскрепощения и доверия собеседников.

Последнее, что нужно отметить, говоря об образе публики: выступления историков в команде (ток-шоу, дискуссии) меняют формат выступления. Здесь уже речь идет о некоей интерактивной форме беседы, или диалоге.

Цели и мотивы

Если говорить о разнице в целях академических и публичных выступлений, то большинством опрошенных высказывания в среде профессионалов воспринимаются как часть научной работы. В этом случае на суд узкой профессиональной группе представляются результаты исследования. При этом историки рассчитывают «получить злые вопросы, критику и замечания»²⁹, которые откроют перед ними дальнейшие перспективы изучения.

Общение с публикой признается не менее полезным, поскольку, с одной стороны, оберегает от опасности замкнуться в узком профессиональном кругу (метафору «закрыться в башне из слоновой кости» использовали три респондента: Е.А. Вишленкова, О.С. Воскобойников, А.В. Марей), а с другой — позволяет определить, насколько высказанные идеи понятны и непротиворечивы: «Я исхожу из того, что «искусство должно быть понятно народу».

²⁹ М.А. Давыдов.

Научное понимание истории должно быть каким-то образом доступно непрофессионалам»³⁰. В основе многих публичных выступлений лежит «элементарное просветительство»³¹, которое выражается в желании «поднять интерес к теме, объяснить, подвигнуть к дальнейшему чтению, расставить пунктиры, объяснить какие-то спорные моменты»³². Историк не просто просвещает, он помогает слушателю ориентироваться в социальном и политическом пространстве, защищая от опасности «манипулировать собой»³³.

Весьма интересными нам показались мнения тех из историков, которые видят свою задачу не только в просвещении, но и в некоем моральном императиве: «оказать влияние на сознание слушающих, «прояснить смысл тех вопросов, которые задаются обществом»³⁴, «создать своеобразный иммунитет против антиисторических или фальсификационных тенденций»³⁵, заполнить «белые дыры» и «черные пятна» истории, которые все растут и растут, приводя к потере основных общественных ориентиров»³⁶. Причисляя себя к «борцам идеологического фронта», а историю называя «полем битвы», А.Б. Окунь старается противопоставить непрофессионалам «аргументацию, объективный научный подход, факты, апелляцию к рациональному, к сознанию и способности критического исторического мышления»³⁷. Осознание особой роли, присущей историкам, заставляет Л.Н. Попкову закрывать глаза на чудовищные порой интерпретации ее текстов или публикации в сомнительных изданиях под сомнительными заголовками: «Меня это совсем не возмущает, если это полезно. Если они растут, ради Бога... Меня это совсем не возмущает. Чем больше будет опубликовано, известно, тем лучше. В этом я вижу миссию»³⁸.

Нужно отметить, что историки, размышляя о целях выступлений перед разными аудиториями, выделяют общие моменты, такие как желание заинтересовать публику, «вытащить кролика из цилиндра»

³⁰ О.В. Будницкий.

³¹ М.А. Давыдов.

³² Л.Г. Новикова.

³³ М. Могильнер, И.Н. Данилевский.

³⁴ А.Б. Семенов.

³⁵ Б.Ф. Султанбеков.

³⁶ М.Ю. Гребенкин.

³⁷ А.Б. Окунь.

³⁸ Л.Н. Попкова.

дра»³⁹. Интересно, что для большинства из них выступление перед коллегами как бы встраивается в череду других выступлений, которые уже были и еще предстоят. Напротив, выход на публику (если только речь не идет о цикле передач) — это однократное действие, требующее одномоментной концентрации внимания и консолидации сил исследователя. В этом отношении выступить перед коллегами даже проще: «Если все свои, то можно особо не тратиться на поиски ходов и просто что-то сказать», — говорит П.Ю. Уваров⁴⁰.

Как мы уже отмечали, среди опрошенных есть историки, не заинтересованные в выступлениях на широкую публику. Условно мы поделили их на две группы: тех, кто выступать не может, и тех, кто не любит. Если единственным препятствием к публичной деятельности, по мнению некоторых респондентов, является нехватка времени⁴¹, то причин негативно относиться к ней гораздо больше. Основная — заключается в отрицательном опыте и последующем за ним постепенном разочаровании: «Я не публичный историк, и это не случайность, а это осознанный уход»⁴². Разочарование, как правило, приходит вследствие неудачных полемик с малограмотными, но очень яркими и убедительными оппонентами, выдающими себя за профессиональных историков, боязни быть не услышанным, не понятым, когда выступление может оказаться «даже более чем бесполезным, то ли смешным, то ли постыдным»⁴³. Кроме этого, часть историков при публичных выступлениях ощущает внутренний дискомфорт и опустошение: «Я понял, что, конечно, это не мое». Работа с широкой публикой не только не увлекает их, но и отпугивает своей энергозатратностью: «Много времени уходит на то, чтобы доехать туда, участвовать в программе... Я поняла, что это очень тяжело, и я отказываюсь от интервью, не хожу на телевидение»⁴⁴. Интересно, что ощущение безысходности особенно свойственно провинциальным ученым: «У нас нет той сферы, которая могла бы быть достойной таких выступлений — особенно в провинции. Она пародийна даже в столице»⁴⁵.

³⁹ П.Ю. Уваров.

⁴⁰ П.Ю. Уваров.

⁴¹ Т.Г. Архипова, А.Н. Шапкина.

⁴² С.В. Квашонкина.

⁴³ С.Б. Крих.

⁴⁴ Е.Б. Смилянская.

⁴⁵ С.Б. Крих.

Лексика

Как отражается смена ролей в языке, системе аргументации, выборе сюжета, когда с кафедры ученый перемещается на публичную площадку?

Отвечая на эти вопросы, наши респонденты разделились на две группы. Одни утверждают, что, независимо от жанра выступления, язык их не меняется: «Я не люблю чрезмерно усложнять научные тексты. Стараюсь писать так, чтобы моя мысль была понятна без сложных конструкций, — признается А.Б. Давидсон. — Перед широкой аудиторией я стараюсь придерживаться той же линии»⁴⁶. Академический язык представителей этой группы, так же, как и публичный, прозрачен, литературен и не загроможден современным междисциплинарным аппаратом.

Вторая группа — это те респонденты, язык которых меняется в зависимости от характера аудитории. Они выделяют два принципа, которые обязательны в выступлении перед профессионалами и не применимы — перед широкой публикой. Это осторожное обращение со специфическими научными терминами и историографическими концептами и источниками: «Перед профессионалами ты больше ссылаешься на историографию, перед непрофессионалами ты можешь не ссылаться, они все равно не поймут, не поймут твоего пафоса», — считает П.Ю. Уваров⁴⁷. Существует презумпция, что не историки не обладают информационным полем, на которое можно опираться в общении с профессионалами, поэтому к кругозору широкой публики требования занижены: «Они не обязаны знать терминологию, не обязаны знать какие-то детали и подробности объекта, который ты изучаешь, соответственно, они не могут воспринимать научный доклад в чистом виде»⁴⁸.

Эти два момента четко проговариваются каждым из опрошенных этой группы, они практически возведены в правила. Еще одна проблема, которая беспокоит значительную часть респондентов — это соблюдение баланса между языком научным и популярным и стремление не свести популярный язык к «примитивному», «обыденному», «житейскому», «бытовому», «пересказу каких-то баек», чрезмерному использованию «примеров из жизни», «житей-

⁴⁶ М.А. Давыдов.

⁴⁷ П.Ю. Уваров.

⁴⁸ А.Б. Окунь.

ских образцов», «народной лексики»⁴⁹. Важно, чтобы язык из ясного не перешел в вулгарный и чтобы сохранялось равновесие между понятностью и научностью языка. В остальном язык выступления зависит от индивидуальных предпочтений выступающего. «В зависимости от аудитории и целей своего выступления я адаптирую свой профессиональный язык — иногда даю пояснения терминам, иногда привожу синонимический ряд какого-то понятия, иногда упрощаю интерпретацию», — признается Е.А. Вишленкова⁵⁰. Процедура такого прояснения основана на академической традиции исторической семантики и академическом правиле заключения семантических договоренностей с читателем. Говоря о ясности, логике, прозрачности языка, все историки, в принципе, сходятся на том, что широкая аудитория требует языка скорее разговорного, нежели профессионального.

Однако историки испытывают заметные затруднения, признавая, что упрощение языка может расцениваться аудиторией как проявление неуважения по отношению к ней. Здесь мы сталкиваемся с тем, о чем предупреждал Л. Нитхаммер: этот моральный принцип заведомо определяет характер общения историка с публикой и затрудняет анализ того, что происходит с языком на самом деле и в чем действительно заключается процедура поиска адекватного языка.

Система аргументации

Большинство респондентов признали, что изменения в системе аргументации происходят, но как их зафиксировать? В случае выступления перед профессионалами речь говорящего обычно подчинена жесткой схеме, выстроенной в рамках профессионального дискурса, в то время как при публичном выступлении эта схема может быть более размытой, подчиненной «законам развлекательности». В академической среде историк многое редуцирует, подразумевая, что это известно, вне этой среды приходится начинать *ab ovo*.

Часть опрошенных убеждена в том, что профессионалов интересует ход мыслей, пути, по которым исследователь приходит к тем или иным промежуточным результатам, а публику — готовые суждения, не требующие подробного рассказа⁵¹. Но другие придержива-

⁴⁹ Л.Н. Попкова, Б.Ф. Султанбеков, А.Б. Окунь.

⁵⁰ Е.А. Вишленкова.

⁵¹ М.А. Бойцов.

ваются прямо противоположного мнения. К примеру, Е.Б. Смилянская считает, что готовыми выводами внимание аудитории не удержать, публику привлекает, «когда показываешь механику выработки исторического вывода (от чего вы идете, как находите факты, чем подтверждаете)». А.Б. Окунь, американист, в этом смысле полностью разделяет точку зрения Е.Б. Смилянской: «Самое главное — даже не самому сделать какой-то итоговый вывод, а подвести публику к нему. Тогда это будет их мысль, то знание, которое они приобрели»⁵². Возможно, это относится к очень небольшому количеству историков, методы работы которых (скажем, полевые), действительно, вызывают интерес и вопросы. Кроме того, признается, что общие рассуждения не способны удержать внимание аудитории: «Мне всегда казалось, что лучше построить выступление на фактах, которые сами приводят слушателей к рассуждениям и выводам»⁵³. Историки сходятся в одном: выступления на публику — это «хорошо подготовленный и продуманный экспромт»⁵⁴.

Большая часть опрошенных отмечает, что в публичных выступлениях особенно важно — заинтересовать публику. Достичь этого можно посредством использования шуток, исторических анекдотов, ярких примеров, интересных исторических фактов, «подкреплением вербальной аргументации — визуальной, документами»⁵⁵. Желательно, чтобы рассказ перешел в диалог или другую интерактивную форму: «Выступление должно быть выстроено так, чтобы в нем присутствовали элементы сомнения, элементы вопроса, то есть должна быть внутренняя динамика»⁵⁶. Для И.Н. Данилевского выступление перед любой аудиторией превращается в детектив, в котором присутствуют игровые элементы. Ему важно задать публике такие вопросы, на которые он сам еще не знает ответа. Это вызывает интерес не только у слушателей, но и у него самого, что подпитывает публику еще больше.

Однако стремление развлечь публику и удержать ее интерес не должно сместить акцент от содержания лекции к ее форме, важно говорить о «тех новациях в исторической науке, которые появились в последние годы (новые подходы, источники, литера-

⁵² А.Б. Окунь.

⁵³ А.Б. Давидсон

⁵⁴ О.В. Будницкий.

⁵⁵ Е.А. Вишленкова.

⁵⁶ А.Б. Давидсон.

тура) и фиксировать внимание на прояснении важнейших понятий: «патриотизм», «демократия», «либерализм», «консерватизм», «интеллигенция», «идеология», «национальная идея» и т.п.»⁵⁷.

Большинство историков убеждено в том, что только уровень и глубина профессионализма оправдывает присутствие ученого в публичном пространстве: «У нас чаще сейчас встречаются историки другого сорта, компетентность которых более чем сомнительна, но они берутся судить обо всём»⁵⁸. Публичные выступления — самый простой путь дать обществу «узнать, за что оно платит науке», поэтому важно придерживаться единой линии, говорить только о том, в чем хорошо разбираешься, не противоречить самому себе: «Цель меняться не может, то есть нельзя одной аудитории доказывать, что Бородинская битва была победой, а другой — поражением»⁵⁹.

Конечно же, у каждого историка есть свои приемы и подходы в общении с широкой публикой. Так, А.Б. Каменский убежден, что поддержать интерес публики возможно только, когда рассказ строится на персоналиях: «История — это наука про людей, а людям всегда интересно о других людях и совсем не интересно о «процессах», — считает он»⁶⁰. Для Б.Ф. Султанбекова важно сэкономить время и оградить себя от возникающих у непрофессионалов вопросов о смысле истории как науки. В самом начале выступления он предвосхищает этот вопрос: «Мы говорим о будущем. Один мудрый человек сказал, что нельзя из сегодня перейти в завтра, забывая о вчера. Вот об этом «вчера» мы и будем с вами говорить, мы его должны знать»⁶¹. Но есть и методики, которые доступны исключительно профессионалам, такие как, например, объяснение прошлого через реалии современного или доведение до абсурда. При этом говорящий должен свободно ориентироваться в теме, быть твердым в суждениях — это проявление высшего мастерства.

Как писал К. А. Левинсон, «когда историк выступает перед коллегами, ему важно сказать им, знающим многое, нечто новое, добавленное лично им к общему фонду знания историков. А когда он выступает перед «общественностью», он должен рассказать людям многое такое из этого фонда, что для историков тривиаль-

⁵⁷ Л.М. Лященко.

⁵⁸ А.В. Кореневский.

⁵⁹ И.Л. Тихонов.

⁶⁰ А.Б. Каменский.

⁶¹ Б.Ф. Султанбеков.

но, но чего простые люди не знают, т.е. его задача тут — не обогащать фонд знания историков, а представлять его публике.

И еще: разговор о методе исследования, о степени изученности проблемы, концептуальные споры, вообще вся эпистемология — это для выступления перед профессионалами, а для непрофессионалов — прежде всего результаты, рассказ о том, «как это было на самом деле», именно в форме повествования о событиях и личностях, причем простым и общепонятным языком, с минимумом терминов (и каждый термин пояснять!), с минимумом ссылок, которые [в этом случае] лишь придают словам выступающего больший вес, а не служат «подключению» аудитории к его рабочему процессу⁶².

Моделирование поведения

Все информанты, за исключением одного (И.Р. Тагиров), вне зависимости от педагогического стажа и опыта, признаются, что готовятся к каждому выступлению, как публичному, так и академическому.

Каждый сказал, что идет с планом (прописанным в голове или на бумаге): «Чтобы выступление было хорошее, нужно, чтобы была четкая логика, проработанный план для любой аудитории», — утверждает Л.Г. Новикова⁶³. Когда И.Н. Данилевский берется за сложные темы, он проясняет их сначала для себя, а потом уже представляет публике, как профессиональной, так и неподготовленной⁶⁴. Кроме того, общим для историков является стремление учитывать «предполагаемые фоновые знания слушателей» (Е.А. Вишленкова)⁶⁵ и использовать их при последующем введении в тему посредством отсылки на знакомые для аудитории вещи и практики. Причем это не зависит от того, выступает историк перед реальной публикой или виртуальной. Выступающий оценивает не только возможную ситуацию и интересы публики, но и соотносит все это с собственными ожиданиями и желаниями. И в зависимости от этого продумывает тему, сценарий рассказа, и даже свой имидж (Е.А. Вишленкова)⁶⁶.

⁶² Из письма К.А. Левинсона И.М. Савельевой от 16 марта 2013 г. Архив автора.

⁶³ Л.Г. Новикова.

⁶⁴ И.Н. Данилевский.

⁶⁵ Е.А. Вишленкова.

⁶⁶ Е.А. Вишленкова.

Из сорока четырех опрошенных только двое (А.Б. Давидсон и И.Р. Тагиров) говорили о единой универсальной модели выступления. Это историки с долгим профессиональным стажем, представители старшего поколения. Модель поведения у них основывается на хорошем настроении, приветливости, улыбке и чувстве юмора: «Ты не имеешь права быть в плохом настроении, быть сумрачным, ты должен быть в добром настроении», — утверждает А.Б. Давидсон. И.Р. Тагиров придерживается нескольких принципов во всех выступлениях, предполагающих доступность и простоту в изложении, идет ли речь о выступлении на телевидении, в Государственном совете Республики Татарстан или на Международном конгрессе татар. Остальные говорили, что не придерживаются единой модели поведения и либо остаются сами собой при любых обстоятельствах, либо «подстраиваются» в зависимости от условий. Оставаться самим собой помогает высокий уровень профессионализма и владение темой: «Совершенно незнакомая аудитория — я не вижу в этом большой проблемы, потому что я не буду выступать по теме, в которой я не ориентируюсь как профессионал»⁶⁷.

Моделирование поведения в зависимости от формата публичного выступления во многом зависит от индивидуальных особенностей выступающего. М.А. Бойцов отметил, что в случае диалога (с партнером или ведущим) его поведение будет зависеть от собеседника и собственных представлений о собравшейся публике, которое может соответствовать реалиям, а может — и нет. П.Ю. Уваров, относящий к публичным выступления и перед академиками, и перед школьниками, и перед аспирантами, признается, что испытывает дискомфорт, когда остается один на один с камерой: «Мне нужно, чтобы я видел собеседника или собеседников. Даже если их много, ты всегда выбираешь одного или нескольких и смотришь, как они реагируют»⁶⁸. Трудность при общении с «обезличенной камерой» отметила и Е.А. Вишленкова: «Для говорения мне нужны глаза слушателей. Мне нужен отклик, реакция. Пусть мимическая. В этом смысле я человек диалогичный»⁶⁹. Для А.Б. Давидсона важно в самом начале выступления дать импульс, задать темп. В роли такой отправной точки выступают вопросы,

⁶⁷ М.А. Давыдов.

⁶⁸ П.Ю. Уваров.

⁶⁹ Е.А. Вишленкова.

которые он всегда задает аудитории: «Чего вы ждете от сегодняшнего собрания? Что бы вам было интересно? Какие у вас есть вопросы?». Именно с их помощью публика из молчаливых слушателей превращается в соучастников общего дела. Выступление в прямом эфире как гарант сохранности первоначального смысла выступления — является основным условием Л.Н. Попковой при взаимодействии с телевидением.

Многое зависит от тематики выступления. Есть такие темы, которые общеизвестны, или связаны с непосредственными интересами человека, как, например, гендерные исследования. В таком случае у выступающего есть возможность рассказать о неожиданных фактах, хорошо ложащихся на знания, которые у публики уже есть. И это предоставляет больше возможностей сделать выступление более интересным и актуальным в научном плане. В то же время именно по таким темам в головах слушателей уже заложены стереотипы. Это обстоятельство вынуждает историков, занимающихся популярными сюжетами, не расслабляться, находиться в постоянном напряжении и быть готовыми всегда дать отпор: «Надо уметь реагировать быстро на самые нелепые вопросы, причем сохранять выдержку, не раздражаться, не обвинять. Нужно стремиться сохранять спокойствие, выдерживать свою линию, аргументированно, но при этом не пасовать»⁷⁰. Есть, напротив, очень специфические темы, по которым у аудитории практически нет базовых знаний. Рассказывая об Африке, А.Б. Давидсон вынужден поведать только основное, не углубляясь в подробности. Тогда приходится рассчитывать отведенное время, экономить его и, соответственно, совсем по-иному выстраивать свое выступление.

Наиболее рискованной формой высказывания, по признанию наших респондентов, являются телевизионные выступления не в прямом эфире: «Телевидение имеет, как Мидас, некую обратную власть: не в золото, а все наоборот превращать, к чему оно прикасается»⁷¹. Никто не знает, чего ожидать в итоге, какая часть из сказанного окажется в эфире, в каком контексте и как это будет проинтерпретировано.

Кроме подобных записей, трудность вызывает общение с публикой, культурный опыт которой совсем не известен. Е.А.

⁷⁰ Л.Н. Попкова.

⁷¹ А.Ю. Виноградов.

Вишленкова рассказывала, что однажды ей пришлось выступать перед британскими инженерами. Иногда случается так, что предварительно сконструированный лектором образ слушателей входит в конфликт с действительностью, вследствие переоценки уровня осведомленности собравшихся, испуга или, наоборот, чрезмерного расслабления. Не всегда удается с легкостью выйти из сложившейся некомфортной ситуации. Если одни перенастраиваются, другие приходят к выводу, что лучше «перестрадать, перетерпеть, найти форму существования, стараться завершить с чувством облегчения или отчаяния, что все пошло так плохо и криво, скорее, забыть эту неудачу и в следующий раз постараться сделать по-другому», — считает М.А. Бойцов⁷².

* * *

Анализ собранных интервью демонстрирует точечный, индивидуальный характер саморефлексии очень небольшой, но хорошо известной группы современных российских историков.

Мы задавали вопросы, которые позволили бы диагностировать существование публичной истории как профессии. Ответы показали, что в России профессионализация публичной истории находится в зачаточном виде, о чем свидетельствует тот факт, что в представлениях самих историков отсутствуют основные параметры профессии. При этом выявить механизмы профессионализации публичной истории в современной России оказалось достаточно сложно. Для российского историка «[публичная история] — это все-таки не профессия, а один из видов профессиональной деятельности»⁷³. О значимости таких факторов, как специальная подготовка, установление монополии на статус, экспертиза и наложение санкций, никто из опрошенных историков даже не задумывался и, соответственно, не выделял их в своих рассказах о публичности.

Наши материалы позволяют утверждать, что на данном этапе сложно провести разграничения между принципами «любительства» и «профессионализации» в сфере публичной истории в России. Это проявляется, в частности, в том, что для большинства опрошенных не существует принципиального различия между выступлением перед академическим сообществом и неподготовленной

⁷² М.А. Бойцов.

⁷³ А.Б. Каменский.

публикой, а понятия «публичный историк» и «академический историк» слабо дифференцируются.

Такая ситуация поддерживается и системой обучения на исторических факультетах российских университетов. В Америке, Англии, Германии, Австралии довольно активно развивается обучение публичной истории на уровне магистратур, где готовят историков для того, чтобы они могли работать с публикой⁷⁴. В России общению с неподготовленной публикой не учат вовсе, в то время как выступлению перед профессионалами обучают с первого курса (выступление среди специалистов признается частью научной работы, апробацией ее результатов). Навыки общения с широкой аудиторией у наших историков нарабатываются опытом, а также подражанием кумирам, выступающим на телевидении, радио или в интернет-пространстве.

Российские историки свою задачу видят преимущественно в просвещении, ознакомлении широкой публики с достижениями современной науки и участии в дискуссиях по вопросам, имеющим важное общественное значение. В связи с таким пониманием задач заслуживает внимания вопрос о целеполагании работы с публикой. Например, для публичных социологов изначально очень важно было информировать публику и вдохновлять ее на определенный тип действия. Историки чаще используют глагол «просвещать», а логика просвещения изначально ставит актора в другое положение: в позицию власти, в позицию номинации. Возможно, это свидетельствует просто о неосвоенности новой риторики, то есть на самом деле историки *информируют*, но называют это *просвещением* (см. комментарий А.Б. Давидсона о стремлении превратить аудиторию «из молчаливых слушателей в соучастников общего дела» на стр. 16). Однако во многих случаях очевидна неготовность говорить с позиции партнера (сохранение идеи о доминирующей позиции интеллектуала по отношению к публике).

Очень многое в рефлексии наших историков можно объяснить контекстом университетской жизни в России. Так, никто не говорил о том, что современные стратегии инвестиций в академическую карьеру связаны, прежде всего, с новой ситуацией в уни-

⁷⁴ Сейчас в США существует значительное число магистерских программ по публичной истории, сопоставимое с количеством программ по Cultural studies.

верситете, ориентированном на рекламу и найм ученых с репутацией медийных звезд. А любой западный профессор сказал бы именно об этом: медиа востребует символический капитал университета, а тот, в свою очередь, — медийный капитал своих профессоров. Надо заметить, что у нас более, чем в сообществах с устойчивыми профессиональными конвенциями (как в науке, так и в медиасреде), затруднена конвертация в негативный символический (академический) капитал.

Российским историкам наиболее важными моментами в дискурсе о публичной науке представляются приверженность этическим нормам и общественным ожиданиям, некоторые конвенции, связанные с использованием языка (осторожное обращение со специфическими научными терминами и историографическими концептами) и системой аргументации (яркость, иллюстративность, предметность) при общении с широкой аудиторией.

Мы спрашивали о профессии и практиках публичной истории, и оказалось, что представления о публичной истории сводятся преимущественно к выступлениям академического историка в медиа, причем в основном — в старых медиа. Практически все рассказывали о себе в медийной среде. В ответах мы почти не обнаружили понимания публичной истории как профессии, предполагающей немедийные формы работы с публикой на общественных площадках. В то же время, если обратить внимание на проблему соотношения профессиональной самореализации и медиа (хотя специально такой вопрос не задавался), то в интервью создается, в общем, достаточно бесконфликтный образ. Хотя отчасти тема сложностей затрагивается, в целом кажется, что историки, говоря о своей работе в медиа, допускают, что их профессиональная самореализация и их медиа-активность, построенная на основе профессиональной состоятельности, могут гармонично сосуществовать. Опыт зарубежных коллег, напротив, свидетельствует о четко осознаваемом конфликте, равно как и об осмысленных стратегиях использования медиа для профессионального продвижения⁷⁵. Наверно, стоит заострить внимание на этой проблеме

⁷⁵ *Bourdieu Pierre*. Sur la télévision, suivi de *L'Emprise du journalisme*, Liber, 1996. Бурдьё Пьер. О телевидении и журналистике. М., 2002. *Moran J*. Cultural studies and academic stardom // *International Journal of Cultural Studies* 1 [April] (1998). *Shumway D*. The Star System in Literary Studies // *PMLA: Publica-*

и в следующие интервью включить вопрос о конфликтах с медиасредой.

Только небольшая группа историков затрагивает проблему профессионализации публичной истории в России, когда рассматривают ее в качестве одного из видов профессии (Т.П. Гусарова), говорят об оплате (А.Б. Каменский), называют ее тяжелым трудом (И.П. Кулакова), разграничивают публичную историю как сферу деятельности и как учебную дисциплину (А.В. Свешников). Зато многие говорят о публичных выступлениях как о миссии, а некоторые — и как о празднике: «публичные выступления — в какую бы форму они не облекались — это всегда праздник для меня. И мне всегда хочется, чтобы это был праздник и для моих слушателей»⁷⁶. Публичность для многих наших респондентов — это возможность самореализации в какой-то иной сфере, которую они почти не связывают со своей академической карьерой.

Список информантов⁷⁷

1. Архипова Татьяна Григорьевна — декан факультета документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Интервью состоялось 28 ноября 2012 г.
2. Бережнова Марина Леонидовна — доцент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета. Интервью состоялось 23 марта 2013 г.
3. Бикташева Алсу Назимовна — профессор кафедры социальной истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее НИУ ВШЭ) (Москва). Интервью состоялось 6 ноября 2012 г.
4. Блинова Анна Николаевна — доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии исторического факультета Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Интервью состоялось 29 марта 2013 г.
5. Бойцов Михаил Анатольевич — профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 12 мая 2014 г.
6. Будницкий Олег Витальевич — профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 11 марта 2014 г.

tions of the Modern Language Association of America 112 / 1 [January] (1997).
Пэнто Л. Философская журналистика / Sociologos. 05.06. 2009.

⁷⁶ Гребенкин М. Ю.

⁷⁷ Сведения из интервью цитируются с согласия респондентов.

7. Бычков Сергей Павлович — доцент кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Интервью состоялось 4 сентября 2013 г.
8. Варьяш Ирина Игоревна — доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Интервью состоялось 27 июня 2013 г.
9. Васильев Алексей Григорьевич — доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания историко-филологического факультета Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета. Интервью состоялось 5 июля 2013 г.
10. Виноградов Андрей Юрьевич — доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 февраля 2012 г.
11. Вишленкова Елена Анатольевна — профессор кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Письмо с ответами на вопросник было составлено 20 марта 2014 г.
12. Воскобойников Олег Сергеевич — профессор кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 февраля 2012 г.
13. Гребенкин Михаил Юрьевич — выпускник исторического факультета Казанского государственного университета, старший преподаватель кафедры криминологии Казанского юридического института МВД России. Интервью состоялось 7 марта 2013 г.
14. Гусарова Татьяна Павловна — доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Интервью состоялось 7 сентября 2013 г.
15. Давидсон Аполлон Борисович — профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 4 марта 2014 г.
16. Давыдов Михаил Абрамович — профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 14 марта 2014 г.
17. Данилевский Игорь Николаевич — заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в январе 2014 г.
18. Иванов Анатолий Евгеньевич — профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН. Интервью состоялось 27 марта 2013 г.
19. Камалов Айрат Ленарович — выпускник исторического факультета Казанского государственного университета, преподаватель Казанского юридического института МВД России. Интервью состоялось 14 января 2013 г.

20. Каменский Александр Борисович — декан факультета истории НИУ ВШЭ, Москва. Е-mail переписка состоялась 9 января 2014 г.
21. Карацуба Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, в 1994–2011 годы работала на факультете иностранных языков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова доцентом кафедры региональных исследований. В настоящее время преподает в Свято-Филаретовском православно-христианском институте. Интервью состоялось 16 ноября 2012 года.
22. Квашонкина Светлана Васильевна — выпускник исторического факультета кандидат исторических наук, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, декан факультета довузовской подготовки НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2013 г.
23. Кореневский Андрей Витальевич — доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений исторического факультета Южного Федерального университета. Интервью состоялось 18 мая 2013 г.
24. Крих Сергей Борисович — доцент исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Интервью состоялось 28 ноября 2012 г.
25. Кулакова Ирина Павловна — доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Интервью состоялось 8 ноября 2013 г.
26. Курилла Иван Иванович — заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения Института истории факультета международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета. Письмо с ответами на вопросник было составлено 4 мая 2014 г.
27. Лященко Леонид Михайлович — профессор кафедры истории России исторического факультета Московского педагогического государственного университета. Интервью состоялось 10 октября 2013 г.
28. Марей Александр Владимирович — доцент кафедры практической философии факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 3 июня 2014 г.
29. Масиель Санчес Лев Карлосович — доцент факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 29 ноября 2013 г.
30. Могильнер Марина Борисовна — кандидат исторических наук, до 2005 года занимала должность доцента кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования исторического факультета Казанского государственного университета, редактор журнала «Ab Imperio». Интервью состоялось 30 октября 2012 г.
31. Новикова Людмила Геннадьевна — доцент кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 14 марта 2014 г.

32. Окунь Александр Борисович — доцент кафедры зарубежной истории исторического факультета Самарского государственного университета. Интервью состоялось 12 июня 2014 г.
33. Попкова Людмила Николаевна — доцент кафедры зарубежной истории исторического факультета Самарского государственного университета. Интервью состоялось 10 июня 2014 г.
34. Румянцева Марина Федоровна — доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 мая 2012 г.
35. Савельева Ирина Максимовна — профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва), директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева. Интервью состоялось в 2011 г.
36. Свешников Антон Вадимович — доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Интервью состоялось 29 февраля 2013 г.
37. Семенов Александр Михайлович — декан факультета истории НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). Интервью состоялось 13 мая 2014 г.
38. Смилянская Елена Борисовна — профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 5 марта 2014 г.
39. Султанбеков Булат Файзрахманович — доктор исторических наук, в 1991–1993 годы занимал должность заведующего кафедрой Татарского института повышения квалификации работников образования. Интервью состоялось 26 июня 2014 г.
40. Тагиров Индус Ризакович — заведующий кафедрой отечественной истории Института истории Казанского (Приволжского) Федерального университета. Интервью состоялось 27 июня 2014 года.
41. Тихонов Игорь Львович — доцент кафедры археологии факультета истории Санкт-Петербургского государственного университета. Интервью состоялось 14 мая 2014 года.
42. Уваров Павел Юрьевич — заведующий кафедрой социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 14 марта 2014 г.
43. Шапкина Алла Николаевна — выпускница исторического факультета Московского педагогического государственного университета, кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли. Интервью состоялось в октябре 2014 г.
44. Шукуров Рустам Мухаммадович — доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Интервью состоялось 22 ноября 2012 г.

ОБ АВТОРАХ

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, ординарный профессор Школы истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; evishlenkova@mail.ru

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук; vorobushek1@yandex.ru

Гатина Зарина Салидаровна, аспирантка Школы истории, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; rzhaya8989@mail.ru

Дмитриев Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поляева; dualis@mail.ru

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук; igorionov@gmail.com

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева; oleontieva@yandex.ru

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета (Челябинск); inarsky@mail.ru

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук; lorinarepina@yandex.ru

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева, ординарный профессор Школы истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; isavelieva@yandex.ru

Хут Людмила Рашидовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп; ludmila1302@mail.ru

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук; achekantzev@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

История на пороге третьего тысячелетия: между эпистемологией и социальным заказом (З.А. Чеканцева).....	3
---	---

Часть I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ДИСКУССИИ

ГЛАВА 1

«Может ли история обойтись без теории?»: вечные вопросы и поиски новаций в историографии (Л.П.Репина).....	32
--	----

ГЛАВА 2

Историческая теория среднего уровня: познавательный идеал и современные образы макроистории (И.Н. Ионов).....	87
---	----

Часть II

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

ГЛАВА 1

История в цифровую эпоху: российские историки в условиях дигитализации исторического знания (Л.Р. Хут).....	127
---	-----

ГЛАВА 2

Исследовательская культура российских историков в диссертациях по отечественной истории (О.Б. Леонтьева).....	159
---	-----

ГЛАВА 3

Эпистемологические основания и стандарты научности в российских диссертационных исследованиях 1995–2015 гг. (О.В. Воробьева).....	206
---	-----

Часть III
В ПОИСКАХ НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ

ГЛАВА 1	
«Мемориальный поворот» и «история памяти» в России (О.Б. Леонтьева, Л.П. Ретина).....	274
ГЛАВА 2	
Запахи в истории и советское прошлое: возможности и трудности культурной истории обоняния (И.В. Нарский).....	318
ГЛАВА 3	
Эмоции как призма постижения истории (З.А. Чеканцева).....	339
ГЛАВА 4	
О ключевых понятиях российских университетских исследований (Е.А. Вишленкова, А.Н. Дмитриев).....	353
ГЛАВА 5	
Российские историки о практике публичной истории (З.С. Гатина, И.М. Савельева).....	383
ОБ АВТОРАХ.....	410
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	412
CONTENTS.....	414

CONTENTS

INSTEAD OF PREFACE

History on the threshold of the third millennium: Between epistemology and social order (<i>Z.A. Chekantseva</i>).....	3
--	---

Part I

THEORETICAL SEARCHES AND DISCUSSIONS

CHAPTER 1

“Can history do without theory?” Eternal questions and search for innovations in historiography (<i>L.P. Repina</i>).....	32
---	----

CHAPTER 2

Intermediate level historical theory: Cognitive ideal and modern images of the microhistory (<i>I.N. Ionov</i>).....	87
--	----

Part II

RUSSIAN HISTORIANS' RESEARCH CULTURE IN THE DIGITAL AGE

CHAPTER 1

History in the digital age: Russian historians in the conditions of digitalization of historical knowledge (<i>L.R. Hoot</i>).....	127
--	-----

CHAPTER 2

Research culture of Russian historians in theses on national history (<i>O.B. Leontyeva</i>).....	159
---	-----

CHAPTER 3

Epistemological foundations and standards of science in Russian dissertation research 1995–2015 (<i>O.V. Vorobyova</i>).....	206
--	-----

Part III
SEARCHING FOR NEW PERSPECTIVES

CHAPTER 1	
“Memorial turn” and “history of memory” in Russia (<i>O.B. Leontyeva, L.P. Repina</i>).....	274
CHAPTER 2	
Smells in history and the Soviet past: Opportunities and difficulties of the cultural history of smell (<i>I.V. Narsky</i>).....	318
CHAPTER 3	
Emotions as a prism of comprehension of history (<i>Z.A. Chekantseva</i>).....	339
CHAPTER 4	
On the key concepts of Russian university studies (<i>E.A. Vishlenkova, A.N. Dmitriev</i>).....	353
CHAPTER 5	
Russian historians on the practice of public history (<i>Z.S. Gatina, I.M. Savelyeva</i>).....	383
CONTRIBUTORS.....	410
CONTENTS.....	414

ИСТОРИКИ В ПОИСКАХ НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

*Под общей редакцией
Зинаиды Алексеевны Чеканцевой*

*Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории РАН*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано к печати 14.05.2019
Формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл. печ. л. 30. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
Электронная почта: aquilopress@gmail.com

Отпечатано в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978–5–906578–47–1

9 785906 578471